Н. Б. БАХИЛИНА

ИСТОРИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н. Б. БАХИЛИНА

ИСТОРИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1975

В работе рассматривается лексика цветообозначений в древнерусском литературном языке соотносительно с некоторыми фактами других славянских языков и в сопоставлении с современным русским литературным языком и данными русских народных говоров.

Ответственный редактор

член-корреспондент АН СССР
Ф. П. ФИЛИН

Б $\frac{70102\text{-}210}{042\ (02)\text{-}75}$ БЗ-83-23-74

ВВЕДЕНИЕ

Слова, называющие цвет, до сравнительно недавнего времени не привлекали особого внимания русских лингвистов. В последние два десятилетия к лексике цветообозначений проявляется явный интерес как в зарубежной, так и в советской лингвистике. Вероятно, этот интерес является отражением общего оживления стилистических исследований, а также связан с тем, что лексика цветообозначений стала предметом внимания многих общих лингвистических работ, рассматривающих проблемы семасиологии, в частности проблемы лексических систем, семантических полей и т. п.

В 50—60-е годы в разных странах появляется ряд лингвистических работ, посвященных исследованию лексики цветообозначений в разных аспектах, на материале разных языков, в том числе и славянских. Среди них нельзя не указать на работу Г. Герне, представляющую попытку изучения славянских цветообозначений в плане историко-этимологическом, с большим, весьма полезным справочным материалом по славянским языкам [1]. Нужно отметить также ряд работ с исследованием семантического поля цветообозначений, в которых в сопоставительном плане приводится и материал русского языка (например, работы В. А. Московича, Н. Ф. Пелевиной, В. А. Юрика). На наш взгляд, однако, более плодотворны исследования с сопоставлением материала родственных языков, например работа П. Хилла [2].

В 50—60-е и начале 70-х гг. публикуется также ряд разного рода статей, бóльшая часть которых представляет этюды или заметки об использовании цветообо-

---

[1] G. Herne. Die Slawischen Farbenbenennungen. Uppsala, 1954.

[2] P. M. Hill. Die Farbwörter der russischen und bulgarischen Sriftsprache der Gegenwart. Amsterdam, 1972.

значений у отдельных писателей (например, желтый у Куприна, красный у Горького, определения у Бунина, пейзаж у Паустовского и др.). Интересные по материалу, они являются необходимым этапом в изучении истории русской литературной цветописи. К сожалению, многие исследования такого рода весьма уязвимы для критики: без наличия достаточной перспективы или фона они производят впечатление очень субъективных. И в такого рода работах кажутся более убедительными исследования, построенные на сопоставлении материала, хотя бы двух авторов, например, работа И. С. Куликовой [3].

Менее выражен интерес к истории цветообозначений; кроме истории некоторых слов [4], замечаний о словах, называющих цвет, в работах с анализом языка отдельных памятников [5] до недавнего времени в нашей литературе не было работ, посвященных исследованию этой лексико-семантической группы. Кандидатские диссертации Л. М. Грановской и М. А. Суровцевой по истории цветообозначений, защищенные в 60-х годах, не восполняют полностью этого пробела. Обе работы охватывают материал в значительной степени ограниченный, а именно, у Л. М. Грановской — в основном XVII—XX вв. с преимущественным вниманием к лексике специальной, у М. А. Суровцевой — XI—XV вв., с преимущественным вниманием к историческому развитию слов, одним из значений которых является цвет [6].

Предлагаемая работа представляет попытку рассмотреть историю цветовых обозначений в русском языке

---

[3] И. С. Куликова. Семантико-стилистическая характеристика атрибутивных именных сочетаний. (На материале световых и цветовых прилагательных в произведениях К. Г. Паустовского и М. М. Пришвина). Автореф. канд. дис. Л., 1966.

[4] Например, Е. М. Иссерлин. История слова красный. «Русский язык в школе», 1951, № 3; М. А. Малютина. К истории слова белый в древнерусском языке (на материале летописей XI—XIII вв). Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та, т. 47, вып. 1, 1962; М. А. Суровцева. К истории слова синий в русском языке. Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та, т. 71, 1964.

[5] Например: B. O. Unbegaun. Les anciens Russes vus par eux-mêmes. Annali dell'Institute Universitario. Orientale, Sezione slava, VI. Napoli, 1963.

[6] Л. М. Грановская. Прилагательные, обозначающие цвет, в русском языке XVII—XX вв. Автореф. канд. дис. М., 1964; М. А. Суровцева. К истории цветовых значений в древнерусском языке XI—XVI вв. Автореф. канд. дис. М., 1967.

на протяжении очень большого исторического периода от эпохи первых памятников до конца XVII века, а для некоторых групп цветообозначений, где исторические изменения не завершились к XVIII в., до современности. Материал для этой книги начал собираться задолго до того, как изучение цветообозначений стало своеобразной «модой». Ряд опубликованных статей и особенно диссертации по истории цветообозначений помогли автору уточнить объект исследования, определить хронологические рамки работы, ограничить материал. В качестве вступления к работе мы позволим себе сделать некоторые предварительные замечания.

1. Предметом исследования является группа слов, называющих цвет. Разумеется, в основном это прилагательные-цветообозначения. Вместе с тем, учитывая особенности древнерусской литературы, где прилагательные-цветообозначения употребляются ограниченно, где атрибутивность вообще редка [7], мы сочли бы досадным упущением не учитывать материала слов, относящихся к другим грамматическим категориям. Поэтому в иллюстрациях используются примеры с глаголами, причастиями, существительными, содержащими цветовой признак. В работе рассматривается история глагола *рдеть*, одного из редких слов, сохранивших значение красного цвета, интересного своей историей, соотношением в слове значений света и цвета.

2. Лексико-семантическая группа цветообозначений в памятниках раннего периода (XI—XII вв.) представлена сравнительно небольшим количеством цветообозначений со специфическими особенностями их употребления, обусловленными литературными канонами этого времени. Древнерусская литература последующих за этим столетий в значительной степени сохраняет традиции, установившиеся в древности, хотя количество цветообозначений увеличивается (главным образом, в памятниках деловых). Несколько иное отношение к цвету, к цвето-

---

[7] Историки литературы отмечают эту особенность древнерусских памятников, в частности летописи: «Глагольность» летописного рассказа находит свое выражение в том, что наиболее подробно и дифференцированно описываются действия, реже качества их, еще реже предметы и, наконец, совсем редко — качества этих предметов. Атрибутивность в летописи чрезвычайно редка». (Истоки русской беллетристики. Л., 1970, стр. 52).

обозначениям мы находим только в поздний древнерусский период, в XVII веке. Это и обусловило построение первой части работы, которая состоит из двух очерков, характеризующих наиболее значительные периоды в истории цветообозначений: Цветообозначения в памятниках XI—XII вв. и Цветообозначения в памятниках XVII в. Промежуточный период XI—XIV, XI—XV вв. дается сжато, в виде таблиц и перечней, с комментариями к ним.

3. Можно думать, что в древнерусском языке раннего периода было достаточно много цветообозначений, которые требовались и использовались в деловых целях, употреблялись в речи. Мы можем предполагать, что в это время существовали цветообозначения для названия мастей животных: *бурый*, *вороной*, *гнедой* и другие, которых нет в древнейших памятниках и которые появляются в памятниках несколько позднее. Можно доказать, что в языке были цветообозначения, которые в памятниках не встречаются. Восстановление первоначального состояния лексико-семантической группы цветообозначений для древнейшего периода, вероятно, возможно; в наши задачи такое исследование не входит. Исключение из этого правила сделано для слова *рудой*: наличие его в языке, значение его как цветообозначения восстанавливается косвенными данными.

4. Историческое исследование лексики цветообозначений показывает, что судьбы разных слов, составляющих группу цветообозначений, очень различны. Одни из них пережили большие изменения, другие почти не изменились. Одни развивают синонимические ряды, вступают друг с другом в те или иные отношения, объединяются в какие-то группы, другие держатся особняком, остаются как бы изолированными. В известном смысле можно утверждать, что каждое слово имеет свою историю, живет своей жизнью. Рассматривая историю формирования лексико-семантической группы цветообозначений, было бы чрезвычайно трудно проследить историю отдельных слов-цветообозначений. Поэтому нам казалось целесообразным разделить работу на две части и во второй дать историю тех цветообозначений, которые пережили наиболее значительные изменения.

Когда мы говорим о словах, переживших наиболее значительные изменения, мы имеем в виду изменения в семантике цветообозначений. Мы не считаем возможным

рассматривать вторичные значения, развивающиеся у многих слов-цветообозначений. Например, история слова *белый* (а также *черный*, *желтый*, *зеленый*) рассматривается очень бегло, только в ряду других, в составе групп цветообозначений, поскольку его «история» как цветообозначения по существу закончилась ко времени начала нашей письменности. Вторичные значения слова *белый* — 'прозрачный', 'чистый', 'чистовый', спец. 'не тяглый' и другие не являются предметом нашего исследования, это значения слова *белый*, а не цветообозначения *белый*.

5. Во многих лингвистических исследованиях группа цветообозначений является излюбленным, может быть даже тривиальным примером наличия системных отношений в лексике разных языков. Возможно, что для отдельного языка в определенное время, в строго синхронном плане, можно выделить группы цветообозначений с наличием системных отношений внутри них, с наличием системы как по иерархическому ряду, так и по связи компонентов и взаимозависимости составляющих группу цветообозначений, хотя нам кажется более справедливым мнение ученых, которые считают некоторую системность лексики цветообозначений отражением системы понятий, выражающих цветовые представления. Во всяком случае для исторического изучения цветообозначений поиски систем вряд ли плодотворны. Группа слов, называющих цвет, является, на наш взгляд, типичной лексико-семантической группой, с отношениями компонентов, типичными для такого рода групп, а именно: «Лексико-семантические группы слов представляют собою собственно языковые единицы, продукт исторического развития того или иного языка. Слова, выражая свои собственные значения, в рамках одной лексико-семантической группы в то же время оказываются связанными между собою отношениями, не безразличными для их собственных значений. Это отношения синонимии, антонимии, всякого рода уточнения, дифференциации и обобщения близких или сопредельных значений и т. д.» [8]

Внутри лексико-семантической группы цветообозначений для определенного времени можно отметить нали-

---

[8] Ф. П. Филин. О лексико-семантических группах слов. «Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов». София, 1957.

чие некоторых групп, связанных более тесными взаимоотношениями связи и взаимозависимости. Во второй части работы мы рассматриваем историю таких групп цветообозначений. Расположение цветообозначений внутри по этимологическому принципу не имеет в виду этимологических разысканий, а удобно и вносит известный порядок в изложение.

6. В намеченных группах история отдельных цветообозначений рассматривается в трех основных аспектах: происхождение, значение, употребление. Нам кажется, что наиболее важным (и наиболее трудным) является определение значения слова — цветообозначения, именно этому и уделяется в работе наибольшее внимание. Так, например, специально рассматривается история слова *красный* с его первоначальным значением 'красивый', возможными переходными значениями слова, уточняющими оттенки другого цвета, к значению цветообозначения. Мы пытаемся косвенным путем установить значение слова *рудой*, уточнить значение прилагательных *смаглый*, *смяглый* путем исследования лингвистических и экстралингвистических данных установить значение слова *червленый* и т. п.

7. В истории слов, называющих цвет, трудно наметить какие-то общие пути развития. Однако, несомненно, некоторая общая тенденция, некоторый лингвистический стимул в истории цветообозначений есть; таким стимулом является создание, выявление обобщенных или абстрактных цветообозначений (сознавая, что термин не очень удачен, мы используем его в работе за неимением лучшего, тем более, что в литературе он находит применение). Речь идет о том, что в определенные исторические периоды среди множества цветообозначений в языке выделяются слова, которые обладают способностью выражать самым обобщенным образом данную цветовую субстанцию, самое важное, самое основное представление о цвете, поэтому они могут назвать любой оттенок данного цвета. Эти слова мы называем абстрактными цветообозначениями. Кроме способности наиболее обобщенно называть цвет, они отличаются определенными качествами, которые обеспечивают эти возможности. Эти слова не связаны с производящей основой (не вызывают никаких ассоциаций), имеют неограниченную сочетаемость, стилистически нейтральны. Такого рода абстрактными цветообозначениями

являются уже для раннего периода цветообозначения *белый*, *черный*, *желтый*, *зеленый*. Поскольку они как цветообозначения уже сложились, мы историю их не рассматриваем. История других цветообозначений — это в значительной степени история выработки абстрактных цветообозначений. Поэтому, например, наибольшее внимание уделено группе красного цвета, где большие изменения объясняются, главным образом, тем, что абстрактное цветообозначение для названия красного цвета появляется поздно.

8. Мы лишь частично, для позднего времени (и для некоторых слов) касаемся вопросов литературной цветописи, особенностей употребления цветообозначений в художественной литературе. Изучать историю слов-цветообозначений как средство художественной изобразительности не входило в наши задачи. Между тем, в ряде случаев необходимо отметить и индивидуальное употребление слова и особое его значение в некоторых ситуациях. Мы отмечаем такого рода употребления в главах, где описывается история отдельных групп цветообозначений, а для многих цветообозначений подобный материал остается за пределами нашей работы. Так, например, здесь уже указывалось, что в работе нет глав по истории названий основных цветов: белый, черный, желтый, зеленый, потому что мы уже в древнейших наших памятниках находим для них сложившиеся цветообозначения, по существу, как цветообозначения они для нас не имеют истории. Конечно, в функции определения эти слова имеют свою историю. Например, *белый*. В древнейших русских памятниках оно является абстрактным цветообозначением, т. е. обладает способностью называть самые разные оттенки цвета (или, вернее, самые разные слабые оттенки хроматических цветов, близких к белому). Вместе с тем слово очень рано теряет свою выразительность как цветообозначение и требует уточнения. В поисках цветового образа писатели ищут способа наиболее выразительно назвать чистый, яркий, без примеси белый цвет. Уже с древности чрезвычайно часты сравнения именно для белого: белый как снег, как волна, как руно, как молоко, как сыр и т. п. Позднее круг сравнений расширяется, их необыкновенно много, вместе с прежними употребляются — белый как мрамор, как пена, как бумага, как полотно, как вата, как гипс, как чеснок и

многие другие. Наряду с этим способом уточнить цвет, появляются сложные прилагательные, подчеркивающие белизну и содержащие сравнение со снегом: *снегобелый*, *снегоподобный*, *белоснежный*, *снежный*, *снеговой*. Подобного рода примеры можно было бы привести и для многих других цветообозначений. Нам кажется, что история литературной цветописи должна быть предметом особого исследования.

9. Работа выполнена на материале следующих источников. Обследованы общеизвестные оригинальные и переводные памятники XI—XII вв. (летописи, некоторые жития, паломники, хроники и др.), группа памятников разного рода XVII века (памятники Смутного времени, повести XVII в., сатирическая литература, путешествия). Материал этих памятников приведен полностью. Использован материал огромных по объему, уникальных словарных картотек Института русского языка АН СССР: картотеки словаря XI—XIV в. (СДР), картотеки словаря XI—XVII в., (ДРС), картотеки словаря русского языка XVIII в., картотеки словаря русских народных говоров (СНРГ), большой словарной картотеки современного русского языка. Материалы, выбранные из картотеки СДР, и, по XVII в., из картотеки ДРС приведены в таблицах. (Примеры в работе даны в упрощенной орфографии, сокращения соответствуют принятым в картотеках.) Только знакомство с материалом этих картотек, возможность прочитать, просмотреть тысячи карточек дало тот фон, ту перспективу, без которой невозможно понять всю историю цветообозначений в русском языке. Для суждения об использовании цветообозначений в современном русском языке проводились специальные выборки из произведений писателей, которые широко или своеобразно пользуются цветописью (например, И. Бунин, А. Толстой, С. Городецкий, Г. Николаева, И. Соколов-Микитов, Г. Паустовский, В. Липатов, Г. Горышин, Н. Почивалин, В. Солоухин и другие). Для самых последних лет использован материал литературно-художественных журналов.

Часть первая

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

Глава 1

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ПАМЯТНИКАХ XI—XIV вв.

Памятники XI—XII вв.

Памятники XI—XII вв. не дают большого материала для истории цветообозначений, что и следовало ожидать, имея ввиду специфику древнерусской литературы, где цветопись в большом количестве вряд ли возможна и вряд ли уместна. Наши суждения об употреблении цветообозначений в это время в известной степени односторонни, так как мы располагаем лишь литературными памятниками с их жанровой спецификой и жанровой ограниченностью. Наше представление о цветовом видении, о «чувстве цвета» у восточных славян не может быть полным, так как до нас не дошли речевые контексты, где возможно предполагать употребление цветообозначений. Памятники XI—XII вв. очень небогаты цветописью. Цветообозначения, как правило, встречаются редко, набор их ограничен, это в общем основные цвета: белый, черный, красный, реже—синий, желтый, зеленый. В большинстве оригинальных памятников употребляются только названия белого, черного, красного цвета. Вряд ли стоит это объяснять равнодушием русских к цвету, особенностью их зрения в древности, вернее полагать, что причина заключается в специфике жанров и своеобразии поэтики древнерусской литературы [1].

---

[1] См. об этом в книгах: И. П. Еремин. Литература древней Руси. М.—Л., 1966. И. П. Еремин. Лекции по древней рус-

Эпоха Киевской Руси известна как эпоха расцвета государственности восточных славян, а также эпоха расцвета литературы и искусства. Однако литературные жанры, достигшие особого развития, — летописание, агиография, поучительное и торжественное красноречие — не допускали повседневной лексики. В своеобразной поэтике древнерусской литературы цветопись не заняла большого места. В русской литературе древнейшего периода мало цветообозначений, потому что в ней нет или, вернее, мало произведений, где были бы уместны по литературным канонам того времени описания внешности, пейзажа, подробное описание одежды, предметов быта и т. д., т. е. всего того, где возможно употребление цветообозначений. Так, мы почти не находим цветообозначений в летописях. Не только в погодных записях с чрезвычайно лаконичным перечнем событий, но и в более пространных летописных рассказах о ратных походах, междоусобных войнах и других важных исторических событиях детали излишни [2]. Любопытно, например, сообщение людей, посланных Владимиром для испытания разных вер. Послы рассказывают, как поразила их греческая церковь. Однако никаких конкретных описаний ни внешнего вида христианских святынь, ни обряда богослужения нет. Здесь лишь поток эмоций. Мы не узнаем ничего из рассказа послов о поразившем их христианском храме, кроме того, что они так и не знают, на земле они были или на небе [3].

Что касается внешности исторических лиц, о которых говорится в летописи, то индивидуализированного портрета в наших ранних летописях нет. В обобщенном абстрагированном образе с характеристикой высоких нрав-

---

ской литературе. Л., 1968. Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М., 1970. Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967 и др.

[2] См., например, в характеристике стиля монументального историзма XI—XIII вв. у Д. С. Лихачева: «Летописец не заносит в свои записи событий частного характера, не интересуется жизнью людей, низко стоящих на лестнице феодальных отношений. Летописец пишет только о лицах официальных, распоряжающихся судьбой людей, при этом частная жизнь этих официальных людей летописца не интересует». (Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М., 1970, стр. 25).

[3] См. Повесть временных лет (Лавр. лет., л. 37—37 об.).

ственных качеств[4] внешность либо отсутствует вовсе, либо описывается общими словами, чаще всего летописец ограничивается общим указанием на красоту «красенъ лицемъ». (983): Бѣ жа Варягъ то пришелъ изъ Грекъ. [и] держаше вѣру хесяньску. и бѣ у него снъ красенъ лицемъ и дшею. на сего паде жребии по зависти дьяволи (Лавр. лет. л. 26 об.). (1066): Бѣ же Ростиславъ мужь добль ратенъ. взрастомь же лѣпъ и красенъ лицемь. и млствъ убогымъ (Лавр. лет., л. 56). О некоторых подробностях, о деталях внешности мы узнаем из мимолетных пометок или, может быть, оговорок. И цветообозначения употребляются не для индивидуализации героя, они здесь скорее обмолвки: (1036): Бѣ же Мьстиславъ. дебелъ тѣломь. черменъ лицем. великыма очима. храборъ на рати, млствъ. любяше дружину по велику. имѣнья не щадяше ни питья. ни ѣденья браняше (Лавр. лет., л. 51). (1089): В се же лѣто сщена быс‹ть› црќы стаг Михаила [Переяславьская] Ефрѣмом митрополитомь тоя цркы юже бѣ создалъ велику сущю. бѣ бо преже в Переяславли митрополья. и пристрои ю великою пристроею. Украсивъ ю всякою красотою. црквныими ссуды. се бо Ефрѣмъ бѣ скопець высокъ тѣломъ. бѣ бо тогда многа зданья въздвиже (Лавр. лет., л. 69 об. — 70). Цветообозначения употребляются в летописи либо в рассказах о чудесных небесных явлениях[5], либо в тех редких

---

[4] Например (1086): Такъ бяше блжныи сь князь [Ярополкъ] тихъ кротъкъ. смѣренъ и братолюбивъ. десятину дая стѣи Бци от всего своего имѣнья (Лавр. лет., л. 69 об.). (1089): В се же лѣт преставися Иоанъ митрополитъ. быс‹ть› же Иоан мужь хытръ книгамъ. И ученью. млствъ убогымъ и вдовицямъ.. молчаливъ, рѣчистъ же книгами стыми. утѣшая печалныя. и сякого не быс‹ть› преж в Руси. ни по немь не будеть сякъ (Лавр. лет., л. 69 об.).

[5] Например (1186): Бы знаменье въ слнци. и морочно быс‹ть› велми. яко и звѣзды видѣти члвкмъ въ очью яко зелено бяше. и въ слнци учинися яко мсць. из рогъ его яко угль жаровъ исхожаше (Лавр. лет. л. 134). (1203): [Т]ое же зимы знаменья быс‹ть› многи на нбси единож от них скажем: быс‹ть› во едину нощь въ ·е· час нощи потече нбо все и быс‹ть› черно. по земли же и по хоромом снѣгъ мнѣти ж всѣм члкмъ зряче. аки кровь прольяна на снегу (Лавр. лет., л. 238 об.).

случаях, когда сюда непреднамеренно попадают сцены из повседневной жизни [6], т. е. это не правило, а исключение.

Понятно, что еще менее уместны цветообозначения в памятниках религиозно-учительных. Обычно авторы подробно описывают моральные качества своих героев: святых, мучеников и пр. Цветообозначения проскальзывают здесь совсем редко. Не изобилуют цветообозначениями и древние паломники — Хождение игумена Даниила и Паломник Антония. Любопытно, что при самом детальном описании местности, храмов, они очень редко называют цвет. Так, например, Даниил описывает виденные им святыни самым добросовестным образом: размер, форма, красота, богатство, что угодно, но не цвет: О церкви Въскресения Господня. И есть же церковь та Въскресение Господне сяка образомъ: кругло създана, столповъ же имать 12 облыхъ, а 6 зданныхъ; и помощена есть досками муроморяными красно велми, двери же имать шестеры, а на полатахъ столповъ 16, а надъ полатми подъ верхомъ исписани суть святии пророци вси мусиею, яко живи стоять, а над олтаремъ написанъ Христосъ мусиею (Х. Дан. иг., 20). [О столпѣ Давидовѣ]. Дивенъ вельми столпъ той, краснымъ камениемъ сдѣланъ, высокъ же вельми, на 4 углы, весь есть черствъ, днеродны(й) камень уродися посредѣ его, и воды многы въ немъ (Х. Дан. иг., 33).

Иногда даже создается впечатление, что цветообозначений намеренно избегают. Очень интересно употребление сравнительных оборотов в тех случаях, где возможно было ожидать цветообозначения: [Свет от Гроба Господня]. Свѣтъ же святый нѣсть яко огнь земный, но инако, свѣтится изрядно пламень той его яко киноварь (Х. Дан. иг., 144). Сравним то же в летописи: (1102): В то же лѣт<о> быс<ть> знаменье на нбси мсца генваря въ ·кд·днь по .г. дни. Акы пожарная заря от въстока. и уга. и запада. и сѣвера. и быс<ть> тако свѣтъ всю нощь. акы от луны полны свѣтящься (Лавр. лет., л. 93). (1065): В си же времена быс<ть> знаменье на западѣ звѣзда превелика лучѣ имущи акы кровавы. въсходящи с вечера по заходѣ солнечнѣмь(Лавр. лет., л. 55 об.). Все это отнюдь не

[6] См. Лавр. лет., л. 60 об., 65 об.

свидетельствует о неумении древних писателей пользоваться цветописью, в случае надобности тот же летописец дает картину, полную красок. (1161): [В то же веремя быс<ть> знамение в лунѣ] и потом быс<ть> [луна] яко двѣ лици имущи, одино зелено, а другое желто, и посредѣ ея яко два ратьная сѣкущеся мечема, и одиному ею яко кровь идяше изъ главы, а другому бѣло акы млеко течаше (Ипат. лет., л. 184 об.). Следовательно, можно предполагать, что цветопись просто не входит в число художественных средств, которые используются в древнерусской литературе.

Литературоведы отмечают отказ от цветописи как отличительное свойство древнерусской литературы. Проблема колористики в древней литературе славян рассматривается в статье А. М. Панченко. Автор статьи замечает, что древнерусский писатель не употребляет цветопись не потому, что не умеет назвать цвета: «Древнерусский художник слова, как правило, — ибо нет правил без исключений, — не нуждался в цвете, средневековая эстетика «не хотела» цвета, и цвет оставался вне художественной прозы» [7]. Не исключено предположение, что отсутствие цветообозначений объясняется в какой-то мере и индивидуальными особенностями авторов, произведения которых дошли до нас (хотя, разумеется, эти индивидуальные особенности проявятся особенно разительно только в литературе нового времени). Так, может быть, не только этикетом, а также индивидуальными особенностями объясняется отсутствие цветописи в торжественном красноречии, например, у Кирилла Туровского.

Вероятно, вполне закономерно было бы рассматривать историю цветообозначений на материале памятников оригинальных. Однако нам кажется полезнее учитывать также материал памятников переводных. Значительную роль памятников переводных в истории литературы, а также в истории литературного языка отмечают не только историки литературы, но и лингвисты [8]. В памят-

[7] А. М. Панченко. О цвете в древней литературе восточных и южных славян. — ТОДРЛ, 1968, т. XXIII, стр. 9.

[8] «Стилистика древнерусского литературного языка в значительной степени развивалась на основе переводов художественно-повествовательных, афористически-дидактических, исторических, естественно-научных и других произведений, в первую очередь византийской литературы, как «Александрия», «Девгениево деяние»,

никах переводных этого времени [9] цветообозначений несколько больше. Речь идет о памятниках бóльших по объему и с более светским содержанием, чем оригинальные. Здесь тоже кроме особенностей жанра, вероятно, возможны особенности индивидуальные. Так, например, понятно, что Хроника Иоанна Малалы отличается более светским содержанием, чем Хроника Георгия Амартола, и, соответственно, в первой больше цветообозначений. Очень бедная цветопись в «Истории иудейской войны», возможно, объясняется индивидуальными особенностями писателя. Впрочем, не исключена и возможность обработки перевода в соответствии с задачами древнерусской литературы. Поскольку нравственная направленность, поучительность ценится, видимо, выше художественных достоинств, то лишнее с этой точки зрения может выбрасываться. Очень интересный материал в этом плане дает Повесть об Акире Премудром. Сопоставляя приведенные в издании А. Д. Григорьева версии, мы видим, что славянская версия (русская рецензия) вообще отличается лаконичностью. Охотно приводя всю нравоучительную часть, редактор (или переводчик) сокращает или вовсе выбрасывает подробности художественного характера. Исходя из общих тенденций, сокращают или выбрасывают подробности, касающиеся внешности, деталей туалета и пр. Таким образом, в славянской версии выбрасываются как раз те куски текста, где в прочих версиях (сирийской, арабской и армянской) мы находим цветообозначения. Например, с и р и й с к а я: Тогда царь приказал своим вельможам: на завтра оденьтесь в красное платье. А р а б с к а я: А фараон приказал своим вельможам: завтра оденьтесь все в красный пурпур и приходите ко мне. А р м я н с к а я: Царь дал повеление своему войску, чтобы они оделись в красные плащи. С л а в я н с к а я — пропуск. С и р и й с к а я: И царь при-

---

повести о Варламе и Иосафе, об Акире Премудром, Хроника Георгия Синкелла, «Христианская топография» Козмы Индикоплова, «Физиолог» второй редакции, «Пчела», «История иудейской войны» Иосифа Флавия и др.» (В. В. В и н о г р а д о в. Основные проблемы изучения, образования и развития древнерусского литературного языка. Доклад на IV Международном съезде славистов. М., 1958, стр. 18).

[9] Т. е. переведенных в XI—XII вв., может быть, начале XIII в., известных в Киевской Руси. Часть из них дошла в поздних, иногда очень поздних списках.

казал своим вельможам: на завтра оденьтесь в платье белого полотна. Арабская: А своим вельможам он дал приказание: Завтра оденьтесь все в белые полотняные платья. Славянская — пропуск. Сирийская: И царь снова приказал своим вельможам: На завтра оденьтесь в белое, а царь надел малиновое. Арабская: Завтра оденьтесь в черные платья из шелку. Фараон надел голубое платье. Славянская — пропуск и др.

В ряду других примеров мы находим только один, где упоминается цвет одежды в соответствии с другими версиями. Славянская: А самъ сѣде на прстлѣ своемь златом, одѣявся въ свиту черлену. Сирийская: А сам царь надел белое и сел на свой престол. Армянская —А сам надел красное [10].

Для исследования лексико-семантической группы цветообозначений в древнерусских памятниках используется материал оригинальных и переводных памятников, а также материалы словарных картотек и словарей. В качестве образцов древнерусской литературы обследованы общеизвестные памятники. Из их числа оригинальные: Повесть временных лет (по Лаврентьевскому списку), Жития Бориса и Глеба, Житие Феодосия Печерского, проповеди Кирилла Туровского, Хождения игумена Даниила и Антония архиепископа новгородского, Слово о полку Игореве; как образец делового письма—Русская правда. Переводные: Хроника Георгия Амартола, Хроника Иоанна Малалы, История иудейской войны Иосифа Флавия, Александрия, Повесть об Акире Премудром, Девгениево деяние. Ввиду небольшого количества примеров нам кажется целесообразным материал этих памятников привести почти целиком.

Оригинальные памятники

Повесть временных лет (по Лаврентьевскому списку) [11] (859): Имаху по бѣлѣй вѣверицѣ от дыма (л. 7). (883): Имаши на них дань. по чернѣ кунѣ (л. 8 об.). (1071): Он же рече то каци суть бзи ваши кде живуть [он же рече]

---

[10] А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. Исследования и тексты. М., 1913, стр. 176—178.

[11] Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, т. 1, изд. 2. Л., 1926.

в безднахъ суть же образом черни крилаты хвосты имуще (л. 60 об.). (1074): И рече посмихаяся Исакию. оно ти сѣдить вранъ черныи. иди ими и.он же поклонивъся ему до землѣ. шедъ я ворона и принесе ему (л. 65 об.—66). (1036): Бѣ же Мьстиславъ. дебелъ тѣломь черменъ лицем. великыма очима (л. 51). (980): Су[гу]ба одѣнья с[т]ворить. мужеви своему очерьвлена и багряна. собѣ одѣнья (л. 26). (912): [Цр҃ь же Леонъ] пристави к ним мужи свои показати им цр҃квную красоту.. и стр҃сти Гн҃я. и венець и гвоздие и хламиду багряную [по вар.] и мощи ст҃ых (л. 18 об.). [Поучение Владимира Мономаха]: Аще будут грѣси ваши. яко оброщени. яко снѣгъ обѣлю я (л. 79).

Житие Феодосия Печерского [12]: Единой бо нощи поющю ми въ кели обычныя псалъмы и се пьсъ чьрнъ ста предъ мною якоже имь мнѣ нельзѣ ни поклонитися (ЖФП XII в. 44а).

Путешествие игумена Даниила [13]: Друзии же горы суть подъ тѣми горами, бѣлы суть вельми, и ти суть близъ Иердана (56). Есть бо около горы тоя уродилося камение, яко помостъ по земли, равно дъсками помощено бѣлаго моромора (87). Помощенъ же есть городъ той дсками мороморяными бѣлаго мрамора (94). На той горѣ Ливанѣ ражается ливанъ темианъ бѣлый (121). Въ той же печерѣ есть на лѣвой руцѣ влѣзучи гробъ святаго Иосифа. . исходить же отъ гроба того от стѣны яко миро вода святая бѣла, и взимають на исцѣление недужнымъ (131). Исподи же подъ церковию тою есть печерка мала, изъ тоя же печеры исходить вода добра зѣло, видомъ бѣла яко млеко (151). Ту ся ражаеть темианъ гоньфитъ черный, и тако ся ражаетъ: исходить изъ древа яко мѣзга (10). [Море же Содомское мертво есть]. Исходитъ бо изъ дна моря того смола черная, и плаваеть смола та по верху воды тоя (70).

Паломник Антония [14]: И тогда святая Богородица плакала. . и шли слезы ея на доску ту, и суть бѣлы видѣниемъ, аки капля вощаныя (24—25). Написанъ на

---

[12] Сборник XII в. Московского Успенского Собора, вып. 1. М., 1899.

[13] Путешествие игумена Даниила по святой земле, в нач. XII в. Изд. Археогр., ком. СПб., 1864.

[14] Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония арх. Новгородского в 1200 г. Правосл. Палест. сб., т. XVII, вып. 3. СПб., 1899.

стенѣ святыи Иоанъ, и выросло у него из чела трояндофиловъ цвѣтъ въ сыропустную недѣлю, аки сыръ бѣло (34). Во святѣи же Софѣи у олтаря на правой странѣ ту есть мороморъ багрянъ (15).

Кирилл Туровский[15]: Днесь весна красуеться оживляющи земное естьство. . и земля сѣмена питающи зеленую траву ражаеть (Слово по пасцѣ). Стихарь убо отъ багра по образу смоковныхъ листъ имь же съшивъ прекры собе Адамъ (О черн. чине). Облекоша и въ ризу червлену (О черн. чине). Постригоста главѣ и черны от сукна створиста си ризы (О черн. чине). Смагла, рече, есмь, но добра, смагла убо первыхъ ради съгрѣшении. . добра же быхъ скораго ради покааниа (Посл. Вас.).

Слово о полку Игореве[16]: бѣлымъ гоголемъ (40—41), бѣла хорюговь (11), чръна земля (17), чръныя тучя (12), чръныи воронъ (11), чръною паполомою (23), чрьлен стягъ (11), чрьлена чолка (11), чръленыя щиты (10), чрълеными щиты (10, 13), багряная стлъпа (25), на синѣмъ море (19), синему морю (25), къ синему морю (24), на синѣ морѣ (38), синего Дону (6), синѣ мьглѣ (35), синее вино (23), синии млънии (12), зелену древу (42), зелѣну траву (42), зелену паполому (16), сѣрымъ влъкомъ (3, 11), акы сѣрыи влъци (8), босым влъкомъ (41), босуви врани (23); шизымъ орломъ (3).

Русская правда: Кровавъ мужь либо синь (л. 617 об.).

Памятники переводные

Хроника Георгия Амартола[17]: вюсъ же имя бѣлыи образъ (л. 28в), земля бѣла и пѣсочна (Криница), въ бѣлахъ ризахъ (л. 28 г.), едино же око его бѣло и другое черно (л. 30 а), сѣдиною бѣлою (л. 49 б), от бѣлыхъ камении (л. 92 а), цркы видима, яко снѣгъ на горѣ высоцѣ лежащь видѣти бяше, зане бѣлыми мраморы уставлена и на холмѣ съставлена (л. 125 в), камение создания его бѣлы

---

15 И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. Труды ОДРЛ, т. XI, XII, XIII, XV. М., 1955—1958, Творения Кирилла епископа Туровского российского витии XII в. Пам. рос. словесности XII в., изд. К. Калайдовичем. М., 1821.

16 «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

17 В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг., 1920.

(л. 125 а), чрево ж бѣло (л. 300 а); чрънь камень (л. 300 а), черныхъ конь (л. 180 г), о багрянѣмь столпѣ (Криница), камение обрѣтаху чьрвлено яко кровь (Криница), черьвленое же противу огню (л. 28 б), тако бо и скиния свѣдѣтельствьная вънутрьуду покровъ имяше от истъканыхъ испещрена и различныхъ червлении устроена ово же бяше прапрудно, другое чермьно ли въ чермьно мочено (л. 28 б—28 в), чермьныи же ли червию очервленъ къ огню, прапрудное же являеть море, тъ бо питуеть къхлу от неяже таковое червление бываеть (л. 28 в); [части ипподрома в честь четырех стихий: земли, воздуха, огня и воды]: нарече овому зелено, оному же бѣло, овому же червлено, оному же сине (л. 24 б), [волъ] волною редрою (л. 41 в), конѣ и бѣлыя и рыжиѣ пожираше, овыя слнцю а другыя огню и вѣтромъ (л. 231 б).

Хроника Иоанна Малалы[18]: бѣл [о внешности — V, 10; V, 12; XIII, 8; XV, 10 и др.], бѣлорукъ (V, 12, XV, 10), бѣлу утрь (V, 9), в бѣлах ризах (XVI, 15), бѣлымъ камениемъ (IX, 16), окрилъ бѣлъ (XVII, 18); стихарь бѣлъ (XVII, 18), власы чръны (IX, 17), чръновласъ (V, 10), чрънама зеницама (V, 11; V, 12); от конхилы есть багоръ на рунѣ (II, 36), дивися црь видѣнию дивну шара багряного (II, 36), окровница умысливше собѣ багряныи и чръвленыи червяше былиемъ носити (II, 37), хламиды багряны (II, 37), а огню чръвену чясть, яко чръмну сущю (VII, 21), нашьвы чръвлены (II, 37), румянъ, румяна (V, 8; V, 10, V, 11 и др.), румяныма устнама (V, 13), румяныма ланитома (V, 12); русъ, руса (V, 10; V, 12); Хрунисъ же низка, чиста, русовласа (V, 8), облечеся в ризу синю, и играа нань облечеся в зелену (VII, 20); облечеся въ зелену котыгу и играа нань облечеся в Посидонь образъ, в синь еже есть вода (VII, 20), морю синю чясть (VII, 21), синии шаръ (VII, 21); Антинорь. . бѣлорукъ, малыма очима и зекръ (V, 12). Приямосъ . .румянъ и зекръ (V, 12); Поподоклия . . румяна велеока назельне вѣкома (V, 8), земли зелную чясть якоже ес<ть> трава (VII, 21), зеленую чясть (VII, 21); Елень . . русовласа на желть (V, 1); смаглъ (V, 10; V, 11), Ектор смяглъ, высокъ (V, 12). Текомиса . . смагла, доброока (V, 9).

[18] В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, кн. 1—18.

История иудейской войны И. Флавия [19]: [Камни] из единаго мрамора бѣли учинени (л. 658 об). Создавъ грады въ аравитских горах и причинивъ бѣлым камением (л. 541). Покры белым мрамором (л. 541), обнови бѣлым мрамором (л. 541), помости мрамором белым (л. 541 об.). Камень бѣлъ бо бѣ (л. 663). Столпы мраморены бѣлы (л. 727). Ризы же в них бѣлы безпрестани (л. 569 об.) Давше ему сѣкиру. . и белую одѣжю (л. 570 об.). И пакы съвлачавшеся бѣлых риз (л. 570). Мужь нѣкыи. . родом сирианинъ. . чернъ образомъ и сух тѣлом (л. 682). Асфалти толстии, велиции, акы волове черни (л. 644 об.).

Александрия [20]: Нектонавъ. . . въземъ скыпетръ евеловъ, и ризу бѣлу, и вниде въ ложницю (10), въ ризахъ бѣлыхъ (41), вода свѣтла и бѣла, яко млеко (84), кумиръ сдѣланъ чернымъ камениемъ (35). Бяше же в рѣцѣ камение чръно (77). Ефиопи и Индии чрьни сут(ь) (108). Съвлекъ с него багряную его ризу (46), в камени багранѣ (92), хламиду багряну (95), одежею черъвленою (92), чръмный же, или чръвию очръвленъ (41), ово же бяше прапрудно, другое же чръмно (41), очима . . грозоокъ десное убо долу зряше, шюее же зекро (16), класие . . зрѣло и зелено (277).

Повесть об Акире Премудром [21]: 2 мыши одѣна бѣла а друга чернаа, то днь и нощь (199), в свиту черлену (177).

Девгениево деяние [22]: конь бѣлъ яко голубь (137), на своемъ бѣломъ конѣ (165), [ризы] черны (137), брови . . черны (136) шатеръ черленъ а по подолу зеленъ (150), шатеръ . . червленъ (146), [лицо] румяно яко червецъ (136), лице же его яко снѣгъ, а румяно яко маковъ цвѣтъ (158), шатер синь (150), паволокою зеленою (142), поволокъ зеленых (144).

Из числа обследованных памятников выделяются по употреблению цветообозначений Слово о полку Игореве и Хроника Иоанна Малалы. И в том и в другом цветообозна-

---

[19] Н. А. Мещерский. История иудейской войны И. Флавия. М.—Л., 1958.

[20] В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893.

[21] А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты. Изд. ОИДР. М., 1913.

[22] М. Сперанский. Девгениево деяние. Пг., 1922.

чений сравнительно с прочими больше по количеству и больше набор цветообозначений. Думается, что причины этого ясны: «Слово» выделяется как произведение особого жанра, единственное в своем роде, а Хроника Иоанна Малалы отличается более светским содержанием по сравнению с другими переводными произведениями этого времени [23]. Хроника Иоанна Малалы особенно интересна для нас тем, что это единственное произведение в древнерусской литературе, где дается целая серия портретов мужских и женских (героев Эллады и Спарты). Портреты эти представляют индивидуализированные характеристики внешности паспортного характера. Можно по-разному оценивать художественные достоинства этих портретов [24], однако для нас они представляют несомненную ценность как наиболее ранний опыт индивидуализированного портрета. Этот материал особенно интересен, если учесть мнение о том, что Хроника Иоанна Малалы подверглась большой обработке на славянской почве [25].

Дело в том, что эти паспортные портреты Хроники Иоанна Малалы очень напоминают такие же портреты-

---

[23] «Русские списки Малалы немногочисленны, но из этого еще не следует вывод о малой популярности произведения; оно могло не сохраниться в составе монастырских библиотек, как слишком «светское» по содержанию, о других же книгохранилищах феодальной Руси мы почти ничего не знаем. Ни одна из дошедших до нас рукописей не представляет перевода хроники, как самостоятельного произведения, — все они являются хронографическими компиляциями, куда Малала вкраплен как одна из составных частей». («История русской литературы», т. I. М.—Л., 1941, стр. 120).

[24] Очень строг к художественной стороне Хроники Иоанна Малалы акад. А. С. Орлов: «Сделана она без достаточного художественного такта, и, пожалуй, без особой вообще литературности. . . Троянские деяния рассказаны Малалой схематично и грубо. Вместо того, чтобы описывать в пластических образах красоту Елены, из-за которой шел десятилетний бой народов, Малала просто перечисляет ряд ее физических признаков, показанных с примитивностью дикаря» (А. С. Орлов. Древняя русская литература. М.—Л., 1945, стр. 35).

[25] «Наблюдения над славянским переводом, даже в русской его передаче, показывают, что отношение переводчика к оригиналу было вполне определенным: не гонясь за буквальностью передачи и, по-видимому, хорошо владея греческим языком, он близко следовал смысловому содержанию хроники, облекая это содержание в формулировки, присущие своей родной речи. Такой свободный перевод греческого памятника коренным образом отличает, как мы увидим, хронику Малалы от славянских текстов Георгия Амартола» («История русской литературы», т. I, стр. 120).

характеристики Новгородских кабальных книг, т. е. либо это манера характерно русская, восточнославянская, либо вообще общая для всех славян. Приводим несколько образцов: Иполитъ же тѣломъ бѣаше срѣднии, силенъ, смяглъ, кратовласъ, въщелъ, кратошии, плосколикъ, кормистъ, зубы великы имыи, устнатъ, рѣдобрадъ (IV, 14). Елень бо тѣломъ предобра и възрастомъ, добрососа, чиста акы снѣгъ, млада плотию, доброма бровма, доброноса, добралика, русовласа, нажелть, великома очима (V, 1). Нестеръ великъ тѣломъ и очима и носомъ, и зеркъ, длъголикъ, густою володию, густобрадъ, надрумянъ, русъ (V, 10). Касандра низка, круговатым лицемъ, мужескымъ творомъ, доброноса, и доброока, чрънама зѣницама, русою владью, кудрява (V, 12). Парисъ еже ес<ть> Александръ, добръ възрастомъ, силенъ, и чстъ, доброносъ, доброокъ, чрънома зѣницама, кудрявъ, чрновласятъ (V, 12).

Таким образом, в обследованных памятниках XI—XII вв., оригинальных и переводных, мы находим менее двух десятков цветообозначений. Различаются основные цвета: белый, черный, красный, синий, желтый, зеленый, некоторые оттенки синего (зекрый) и желтого (плавый), а также некоторые смешанные (сизый, серый, рыжий). Оттенки цветов, смешанные цвета, как правило, представлены единичными примерами. Наиболее употребительными цветообозначениями в памятниках этого времени являются *белый* и *черный*, а также цветообозначения, называющие различные оттенки красного цвета (*червленый*, *чермный*, *багряный* и др.). В дальнейшем изложении при рассмотрении отдельных цветообозначений и групп цветообозначений (по установленной нами условной группировке основных цветов) мы не ограничиваемся материалом памятников, рассмотренных наиболее подробно. По мере надобности приводятся материалы картотек СДР и ДРС, а также материалы Словаря Срезневского.

Группа белого цвета

Группа белого цвета представлена в памятниках XI—XII вв. двумя цветообозначениями: *бѣлый* и *броный*. Прилагательное *бѣлый* — одно из самых употребительных в древних памятниках. При самом минимальном на-

личии цветообозначений мы находим его, за редким исключением, в каждом памятнике. Будучи широко употребительным, слово имеет неограниченную сочетаемость и используется в прямом своем значении, определяя цвет окружающих предметов: растений, животных, цвет тканей, одежды; во внешности людей — цвет кожи, волос и т. д., например: ливанъ темианъ бѣлый (Х. Дан. иг.), птица харадръ . . вся бѣла есть (Физ.), стльская одежя отъ бѣлыя вълны (У Ст. XII/XIII) и др.

Об употребительности слова с древнейших времен свидетельствует и наличие производных существительных и глаголов. И если отвлеченные существительные *бѣлость*, *бѣлота* являются принадлежностью памятников переводных, книжных, то глаголы *бѣлѣть*, *бѣлѣться* находим и в памятниках оригинальных, в летописи даже в таком очень бытовом сочетании, как *известью бѣлити* (правда, речь идет о церкви). Примеры: О тѣлесехъ же тварь рекъше бѣлота чрьнота русость (Изб. Св. 1073 г., 232). Аште ли чрьвлени и мужи кръви и съврьшени, то понѣвъ влъньную бѣлость достигнѣте (Гр. Наз. XI в., 18 — Срезн. I, 380). Члколюбьць есть бъ и спсению нашему хощеть аще будуть рече грѣси ваши яко брощь то яко снѣгъ убѣлю я и прѣставлю вы на ины пакы обычая (Златостр., 101). Си суть грядущии от скърби великыя испрали ризы своя и убѣлишася въ кръви агньчи (Апокал., 38/38[2]). [Тела Бориса и Глеба] И бѣста акы снѣгъ бѣлѣющася лице же ею свѣтяся акы англома (Чт БГ к. XI сп. XIV, 34 а—б). (1194): Налѣзе мастеры от клевреть стое Бци и своихъ. иных олову льяти. иных крыти. иных извистью бѣлити (Лавр. лет., л. 139 об.).

Значение слова как цветообозначения совпадает с современным, об этом свидетельствуют сравнения: *белый как снег*, *как молоко*, *как волна* (т. е. овечья шерсть) и др.: И быша ризы его бльщащася бѣлы зѣло яко снѣгъ (Ев. Воскр., 211 б). И одѣние его бѣло яко снѣгъ (Остр. ев., 203 а). Рѣку же обходящу всю ту землю и бяше вода свѣтла и бѣла яко млеко (Александрия, 84). Глава же его [Христа] и власи бѣли яко руна и очи ему акы пламень огнѣнъ (Апокал., 11[2]). Бысть же Девгениевъ конь бѣлъ яко голубь (Девг. д., 137). Очень интересны сравнения в памятниках оригинальных: И тогда святая Богородица плакала . . и шли слезы ея на доску ту и суть бѣлы

видѣниемъ аки капля вощаныя (X. Ант. Новг., 24—25). Написанъ на стенѣ святыи Иоанъ, и выросло у него из чела трояндофиловъ цвѣтъ въ сыропустную недѣлю, аки сыръ бѣло (X. Ант. Новг., 74).

Впрочем, следует полагать, что уже в ранних наших памятниках *бѣлый* выступает как абстрактное цветообозначение, называя различные оттенки этого цвета не только *белый как снег*, но и белый с какими-то оттенками, т. е. светлый, светлее обычного, например, в тех случаях, когда говорится о цвете лица, глаз, волос: Антинор тонокъ, высокъ, крѣпокъ, бѣлорукъ (Хрон. И. Малалы V, 12). Едино же око его бѣло и другое черно (Хрон. Г. Амарт., л. 30 а). Что касается самого бога, то белизну его одежд, белизну сияния (пламени), исходящего от него, древний автор затрудняется обрисовать: Видѣхъ престолъ страшенъ и взятъ на воздусѣ висяща, не держимъ никимже, пламы же исхожаше из него, но не якоже огнемъ но бѣлии снѣга великомъ (Ж. Андр. Юрод., л. 50 г). Вероятно, в ряде примеров, особенно по отношению к божеству и его окружению *бѣлый* значит 'сияющий белизной', 'блестящий': И быша ризы его бльщащася бѣлы зѣло яко снѣгъ, ацѣхъ же не можеть бѣлильникъ на земли тако обѣлити (Ев. Воскр., 248). Поэтому даже сравнение со снегом оказывается недостаточным и появляется *белый как свет*: И ризы его бышя бѣлы яко свѣтъ (Остр. ев., л. 284 в—г)[26]. И видѣхъ и се: крестъ великъ красенъ и страшенъ взоромъ, якоже дуга бѣаше, и четыре запоны около его противны суща облаку свѣтлу, да двѣ бѣ черьмнѣ, якоже видѣние молниино блискающися, а друзии бѣли якоже снѣгъ; около же его стояху пѣвци краснѣ велици, бѣли суще яко свѣтъ огнены заря (Ж. Андр. Юрод., л. 50 а). Возможно, что в некоторых примерах *бѣлый* значит (как позже) 'прозрачный': И сътвори имена Ромъ симъ нарочитымъ съставомъ, земли зелную чясть. якоже ес‹ть› трава, а морю синю чясть да яко ж есть вода, а огню чръвену чясть, яко чръмну сущю, а въздуху бѣлую чясть, яко бѣлу сущю (Хрон. И. Малалы VII, 21). Не очень ясно сравнение *слезы как капли вощаные* в Паломнике Антония. Либо это значит 'прозрачны, как капающие капли воска', либо имеется в виду

---

[26] Впрочем возможно, что это просто буквальный перевод с греческого: τα δε ἱματια ἀυτε̃ ἐγένετο λευκὰ ὡς τὸ φω̃ς.

реликвия — доска с застывшими на ней как восковые (т. е. белые?) капли слезами: И тогда святая Богородица плакала, осязавши тѣло Сына своего и Бога, и шли слезы Ея на доску ту, и суть бѣлы видѣниемъ, аки капля вощаныя, и та доска лежитъ во Понтократарѣ монастырѣ (Х. Ант. Новг., 24—25).

Говоря о широкой употребительности прилагательного *бѣлый* в древних памятниках, нельзя не отметить, что она в значительной степени обусловлена использованием этого слова в древней христианской символике, где белый цвет — символ причастности к ангельскому чину, лику блаженных, святых и пр. Недаром наиболее частым сочетанием в памятниках религиозно-учительных, религиозно-ритуальных является *белые ризы*. Иногда в качестве атрибута святости является не белая одежда, а что-то другое, белого же цвета, так, например, обычно на белом коне является св. Георгий: И се внезапу вълѣхаша трие мужи на дворъ ея в бѣлахъ ризахъ она же изникши изъ дверей видѣ я (Чт БГ к. XI сп. XIV, 49 а). По многа же лѣта о семь млтвою ся молящю одиною быхъ яко въ въстрѫзѣ и видѣхъ мужа бѣлозрачьна имъша мя за десную руку иже ведъ мя въ мѣсто свѣтьло и прѣславьно я казаше ми црквныя учителя (Пат. Син., л. 91—91 об.). И приде къ мънѣ нощью мужь въ сънѣ ми старъ въ бѣлахъ ризахъ и рече чьто тако въпиеши и зовеши Николу з(н)аеши ли и. и рѣхъ ему не знаю нъ слышю велика помощьника суща и избавителя (Чуд Н XII, л. 73 б). [Ангел господень явился Марии Магдалине]. Бѣ же зракъ его яко мълнии и одѣние его бѣло яко снѣгъ и от страха же его потрясошася стрѣгущеи и быша яко мьртви (КЕ XII, л. 221 б — 222 а). Онъ же рече ни братие приеха мужь унъ на бѣлѣ кони и рече ми что тако въпиеши къ мънѣ обрѣли суть уже срацинина и днсь излѣзете отсуду и тъче мя въ ногу больную рекыи ицѣляеть тя Гъ Ис Хсъ и рабъ его Георги. (Чуд Н XII, л. 74б).

В приведенных примерах слово *бѣлый* используется весьма своеобразно. В данном случае прилагательное *бѣлый* не столько определение и не столько цветообозначение, сколько сигнал появления на сцене лица, причастного ангельскому чину, лику блаженных, святых и т. д. Это, с одной стороны, конечно, цветообозначение, однако значение цвета у него как бы вспомогательное, второсте-

пенное, цвет является лишь средством выразить главное — причастность к святости. Если сравнить выражение *приде мужь в бѣлыхъ ризахъ* и *пришел старик в белой одежде* (белом платье, белом костюме), то придется признать, что они неравноценны по содержанию (не только по стилю), потому что в первом сообщается, что пришел некто, относящийся к лику святых, а во втором, что пришел человек в одежде белого цвета. Трудно определить роль прилагательного в вышеприведенных примерах. Следует ли считать, что слово имеет как цветообозначение неполную семантическую нагрузку или, напротив, слово перегружено информацией, т. к. оно не только цветообозначение, но еще и символ святости? Так или иначе, мы видим здесь особое его использование, типичное для определенных жанров ранних древнерусских памятников.

Другое прилагательное, которое следует отнести к этой группе, — *броный*. В древних памятниках находим единичные примеры, слово используется только как название масти. Корень *bron- общеславянский; следует полагать, что слово было известно и в восточнославянских языках, следы его сохранились в русских народных говорах. Срезневский определяет слово *броный* как 'бело-серый', 'скворечий', 'буланый' [27]. В наших материалах всего один пример из Жития Андрея Юродивого. Срезневский приводит, кроме того, пример из Книги прор. Захарии, который, видимо, нужно считать церковнославянским. Что касается Жития Андрея Юродивого, то, может быть, в нем мы имеем дело со словом восточнославянским, т. к. «Житие» это было очень популярно на Руси, отрывки из него находят в других памятниках. Существует мнение, что и перевод его был сделан на Руси [28].

---

[27] Броный-бронии — о конѣ, λευκός, albus, бѣлый ψαρός sturni in morem varius бѣло-сѣрый, скворечий, сѣрый, буланый? — Кони рыжи и пѣзи игрѣни и брони (λευκοί). Зах. I, 8. . Бронь конь наречется (λευκός). Жит. Анд. Юрод. XLIV. 167. Др. чеш. brony противопоставляется вороному (Срезн. I, 180).

[28] «Житие Андрея Юродивого сохранилось в большом количестве славяно-русских списков. Это объясняется и его занимательностью и тем, что Андрей «скиф» или «словенин» или даже «русин» как называют его отдельные списки Жития. . О том, что перевод был сделан на Руси, можно заключить по языку и по наличию от-

В заключение хотелось бы отметить, что, вероятно, очень рано для названий белого, сияющего белизной стали использоваться прилагательные относительные, образованные от *снег* — *снежаный*, *снежный*. Срезневский приводит одно из них — *снѣжаный* — из Пандектов Антиоха, памятника, хорошо известного на Руси[29]: Снѣжаный — снѣжный, бѣлый как снѣгъ: — подобьнь бо есть постьникъ фуникову цвѣту, глемуму алафиу, яко вьнѣуду убо есть дряхлоблѣштьн, утрьюдѣ же снѣжань и многоплодьн (Панд. Ант. XI в., л. 20. — Срезн. III, 455). В наших материалах очень интересные, хотя и несколько сомнительные, примеры из Жития Андрея Юродивого: Преставшу же вѣтру тому, паки слышахъ отъ запада другый нѣкакъ духъ гласомъ великомъ, сласть творящь ми, егоже дыхание якоже дымъ, бѣло якоже снѣжно видѣние бѣаше (Ж. Андр. Юрод., л. 49 б.). Се рекъ, въстахъ и видѣхъ себе якоже бес плоти суще, не бо мнѣхъ яко во плоти есмь, и порты бѣаше у мене молниами истъканы, на друзии странѣ снѣженъ з драгымъ камениемь. . а на ногу моею бѣаху сапозѣ позлащенѣ и свѣтящеся, препоясань же бѣхъ и поясомъ драгымъ царьскимъ почервленъ сущь (л. 48 в). Чюдо же боле всего в садѣ томъ птици бо бѣаху на нихъ мнози, вробие и щюри и славие, нынѣ неименитии, красны златыми крилы и снѣжны крилы пестры, сѣдяще каждо на своемъ листѣ (л. 48 г).

Группа черного цвета

Группа черного цвета представлена в памятниках XI—XII вв. по существу одним словом — *черный*[30]. Прилагательное *черный* очень употребительно, имеет неограни-

---

рывков из Жития в древнейших списках Пролога» («История русской литературы», т. I, стр. 96).

[29] См. в Истории русской литературы о Пандектах Антиоха: «На славянский язык эти Пандекты были переведены уже в древнейшую пору славянской письменности, вероятно, еще в X в. в Болгарии. В XI в. они были уже хорошо известны в Киевской Руси; древнейший список славянского перевода Пандектов XI в. несомненно русского происхождения» («История русской литературы», т. I, стр. 193).

[30] Нужно думать, что в русском языке уже в древнейшую пору существовало слово *вороной*, хотя бы для названия масти лошадей (см. Срезневский), однако, в наших материалах примеров ранее конца XIV в. нет.

ченную сочетаемость, используется в значении, совпадающем с современным, и называет цвет окружающих предметов, окраску животных, цвет волос, цвет тканей, одежды и прочее. Например: по чернѣ кунѣ, вранъ черный (Пов. врем. лет), чрьный воронъ (Сл. о п. Иг.), пьсъ чьрнъ (Ж. Феодос. Печ.), черныхъ конь (Хрон. Г. Амарт.), власы чрьны (Хрон. И. Малалы), брови же черны (Девг. д.), в черни мятли (Ипат. лет. под 1152 г.), чрьною паполомою (Сл. о п. Иг.), чрьна земля (Сл. о п. Иг.) и др. Следует полагать, что уже в древних наших памятниках прилагательное *черный* в ряде контекстов может использоваться как определение, называя не собственно черный цвет (напр., цвет сажи), а цвет темный, темнее, интенсивнее обычно свойственного данному предмету, например, *черные глаза*, *черные тучи* и пр.: Мирионисъ низокъ, плечистъ, чстъ, добробрадъ, велеокъ, чрьнами зеницами, кудрявъ (Хрон. И. Малалы V, 11). Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, чрьныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ них трепещуть синии млънии (Сл. о п. Иг., 12).

Прилагательное *черный* в древних памятниках используется, как и *белый* в христианской символике, где *черный* значит, в противоположность *белому*, 'принадлежащий темным силам', 'причастный к сонмищу бесов' [31]. В Повести временных лет кудесник говорит о своих богах, т. е. о бесах, что они черны и крылаты (1071): Он же рече то каци суть бзи ваши где живуть [онъ же рече] в бездняхъ. суть же образом черни. крилаты хвосты имуще. всходять же и подъ нбомь слушающе ваших Бовъ. ваши бо англи на нбси суть (Лавр. лет., л. 60 об.).

Поскольку фантазия древнего писателя не отрывалась окончательно от окружающего мира, то в некоторых памятниках этих представителей темных сил по аналогии

---

[31] Ср. также использование *белый — черный* в противопоставлениях добро и зло, греховность и невинность, радость и горе и т. д.: А дондеже украшаеться и унощьскы ходить, дотолѣ поруганъ еси. . иже бо такая творять аще и до ста лѣтъ живи будуть, то передъ мною яко унощи мняться сѣдины бо чстими не того ради оже бѣлъ образъ лучи чернаго, но зане знамения суть доброму житью (Пч. к. XIV, л. 137 об.). Аще будут грѣси ваши яко черни яко снѣгъ убѣлю (ГБ XIV, л. 24 б). Зане, господине, кому Боголюбиво, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло озеро, а мнѣ чернѣи смолы; кому Лаче озеро, а мнѣ на нем сѣдя плачь горкии (Сл. Дан. Зат., 8).

темного цвета кожи называют именем темнокожих народов Αἰθίοψ. Так, в Житии Андрея Юродивого они называются то демонами, то черными, то эфиопами: Да бѣше на единой странѣ множество ефиопъ много, а на друзей странѣ множество в бѣлахъ ризахъ и инѣхъ святыхъ мужь (Ж. Андр. Юрод., л. 41 а). Далее говорится о противоборстве Андрея с одним из черных, очень большим и сильным, «бѣаше бо тысящникъ несытаго легиона сотонина»: Пришедъ же ефиопъ дыша и грозяся восхитити Андрѣа и нача имъ вертѣти на многы часы. И начаша ефиопи плескати а белоризци побледѣша мняху бо яко ударить имъ черный о землю (л. 41 г). Сочетание *ризы черные*, однако, не используется в таком противопоставлении [32]. Черные ризы значит 'монашеская одежда' Вьсе имѣние свое раздаяста нищиимъ и въ чрьны ризы одѣстася (Пат. Син., л. 20). И облѣкошася въ черны ризы и идоша страньствоватъ Ха ради (Чуд. Н XII, л. 74 в). (6712). И вси хотяху [поставить царем] Радиноса; онъ же не хотяше царьства, нъ кръяшеся отъ нихъ, измѣнивъся въ чьрны ризы (Новг. I лет., 182).

В древних памятниках мы находим и производные от прилагательного *черный* — глаголы *почернѣть* (*учерниться*) [33]: [Се же пречюдьно бысть и дивно . .како. .тѣло стго.. не врежено пребысть.. ни бѣаше почьрнѣло] яко же обычаи имуть телеса мьртвыхъ нъ свѣтьло и красьно и цѣло и блгу воню имущу (Ск БГ XII, л. 16в). По лѣтѣ же единомь пакы видѣвъши его пекуща проскуры и учьрнивъшася от ожьжения пещьнаго съжали си зѣло пакы начатъ оттолѣ бранити ему (ЖФП XII, 29г).
Оттудѣ убо шедше по пустыни, приидохомъ на море, ктому не видяще ничтоже ни птица, ни звѣри, но токмо

[32] Может быть, в некоторых случаях это противопоставление также используется. Вот не очень достоверные примеры из Жития Андрея Юродивого: Идущема же има, рече праведникъ къ Епифанию: се проклятый дѣмонъ, егда хощеть да сътворить себе агаряньскимъ образомъ одѣнъ в черну ризу, усрящеть възлюбленнаго моего чада, грозяся на него (л. 53 а). Исповѣда же ему Епифанъ, како ся ему утъкнулъ на пути сатана, образъ имѣя стара мужа на волуи торгу срачинина купца, имѣя одежу черну, имѣя очи диковы (л. 53 г).

[33] А также отвлеченные существительные в книжных церковнославянских памятниках, например, *чернота*: Качьство есть въсущьная сила. . О тѣлесехъ же тварь рекъше бѣлота, чрьнота, русость (Изб. Св. 1073 г., 232).

нбо и земля слнца же уже не видѣхомъ, но въздухъ почерненъ до досятого дне. пришедше же невкое мѣсто помория и шатры наша и плъкы наша поставиша (Александрия, 78).

Возможно, что для обозначения темного, черного цвета кожи в древних памятниках употреблялось прилагательное *мур(ый)* [34], хотя в наших материалах есть только пример (не очень ясный) из Жития Нифонта (по сп. XIII в.): Творить Бъ члвкы ово муры, ово чьрны, другыя блѣды, другыя бѣлы (Ж. Ниф., 1219, 75). В указанных выше противопоставлениях ангельского чина демонскому, дьявольскому используется и название *мур* (не очень ясно, существительное или прилагательное): И яко же вънидохъ въ съборище. начяховѣ другъ съ другъмь побѣдити ся. и абие пришьдъ добрыи дарователь и помогъ дасть ми вѣньць ликъ же муръ тѣхъ въскликнувъше невидими бышя. другая же часть иже бѣша въ бѣлахъ ризахъ. хвалы въздаяху къ повелѣвъшюму и давъшуму мнѣ добрую побѣду (Пат. Син., л. 43).

Группа красного цвета

Одной из отличительных особенностей лексико-семантической группы цветообозначений в русском языке является наличие в ней в любой исторический период наибольшего количества названий для красного цвета и его оттенков. В то время как другие основные цвета в древнейшее время представлены одним, двумя цветообозначениями, для названия красного цвета и его оттенков, цветов, смешанных с красным, в основе которых лежит красный цвет, существует ряд цветообозначений. Основными в этом ряду следует считать прилагательные *червленый*, *чермный*, *багряный*. Значение их как цветообозначений и разницу между ними установить довольно трудно, вероятно, нужно полагать, что они называют различные оттенки красного цвета, во всяком случае, ни одно из них не является абстрактным цветообозначением, равным по значению позднейшему *красный*.

---

[34] Существительное *муръ*, *муринъ* известно и значит 'ефиоп, негр', прилагательное *мурьский* — 'ефиопский'. Однако *мурином* называют также беса или начальника над бесами (см. Срезневский).

Наиболее употребительными, менее всего ограниченными в сочетаниях с разными существительными, менее ограниченными характером памятника являются для этого времени цветообозначения с общеславянским корнем * červ- (* čerm-) [35], представленные в виде прилагательных *червленый*, *чермный*. Прилагательное *чермный* не ограничено в употреблении в разного рода памятниках, однако, употребляется преимущественно для обозначения природной красной окраски: черменъ лицем (Пов. врем. лет), вѣтръ черменъ (Ж. Андр. Юрод.), члци черъмни (Александрия), се змии чьрмьнъ (Апокал.). Прилагательное *червленый* называет цвет предметов, преимущественно окрашенных человеком, и сохраняет еще, видимо, в своем значении связь с процессом окрашивания, впрочем, уже в древних памятниках оно имеет неограниченную сочетаемость: в ризу червлену (Кир. Тур. О черн. чин.), въ чьрвленахъ . . ризахъ (КЕ XII), чрълеными щиты (Сл. о п. Иг.), шатер черлен (Девг. д), в свиту черлену (Пов. об Акире), голубь . .нозѣ его червленѣ (Ж. Андр. Юрод.), на звѣри червленѣ (Сл. Ипол. об антихр.) и др. В древних памятниках известны производные от прилагательных с корнем * červ-, * čerm-: существительные *червень (червлень)*, *червленица*, *чермень*; глаголы *червити (очервити)*, *чермьнеться*.

Цветообозначения с корнем *bagъr- представлены в древних памятниках прилагательными *багръ* и *багрянъ*. Первое мало употребительно, в наших материалах единичные примеры [36]. Прилагательное *багряный*, напротив,

---

[35] Из них вариант *червенъ* употребляется в памятниках книжных (его, видимо, нужно считать вариантом церковнославянским), встречается в памятниках, переведенных с болгарского: В дузѣ свойства суть чрьвеное и сине и зелено (Изб. Св. 1073 г.), чрьвен испуштаеть. . сокъ (там же), анфраксъ зѣло чрьвенъ (там же), сапози. . черъвени (Хрон. И. Малалы), огню чръвену чясть (там же). В названиях топонимических употребляется в памятниках оригинальных: название города *Червен* (Пов. врем. лет), города *Червеньские* (Пов. врем. лет) и другие примеры в Лаврентьевской и Ипатьевской летописи).

[36] Существительные *багръ*, *багоръ* 'багряница', 'порфира' употребляется значительно шире. В некоторых случаях сомнительно, что̀ в тексте называет слово *багръ* — цвет ткани, краску или самое ткань; напр., в Житии Андрея Юродивого почти рядом два примера, в первом как будто ткань, одежда, а во втором цвет: Да иже мя вожаше одѣни багромъ мимоидый лобзай крестъ (Ж. Андр. Юрод., л. 50а). Минухом же и мимо тѣхъ, и се паки другая

довольно употребительно, имеет неограниченную сочетаемость: хламиду багряную (Пов. врем. лет), очерьвлена и багряна собѣ одѣнья (там же), столпъ каменъ весь багрянъ (Хрон. Г. Амарт.), шара багряного (Хрон. И. Малалы), голубь перси багряне (Ж. Андр. Юрод.), оба багряна стлъпа погасоста (Сл. о п. Иг.). Если говорить о древних памятниках, в них, как будто, по употреблению цветообозначения *багряный* и *червленый* не различаются, может быть, потому что мы имеем дело с памятниками, в основном книжными. Впоследствии слово *багряный*, сохраняясь в языке, остается в пределах употребления книжного, но в ранних памятниках у него, кажется, такого специфически книжного характера отметить нельзя. Из производных с корнем *bagъr- очень употребительно в древних памятниках существительное *багряница*.

Для названия царской, торжественной одежды, кроме слов с корнем *bagъr-, используются также существительные *прапрудъ (прапруда)*, *порфира*. Относительное прилагательное *прапрудный* употребляется и как название красного цвета (Хроника Георгия Амартола, Александрия), возможно, что и прилагательное *порфирянъ* обозначает красный цвет [37].

Слова с общеиндоевропейским корнем *rudh- в русском языке даже в древности не используются для названия собственно красного цвета. Можно предполагать, что прилагательное *рудъ (рудóй, рýдый)* существовало издавна в языке со значением красного, красноватого цвета, однако в памятниках древнерусских оно не встречается. С корнем *rudh- в древнерусских памятниках существуют слова, называющие оттенки красного цвета для обозначения цвета лица — прилагательное *румяный*, глагол *рдеть*, означающий 'краснеть', 'покрываться румянцем', а также цветообозначения, называющие цвета смешанные с красным, в основе которых лежит красный цвет: *редрый*,

---

запона делана висомъ багромъ (Ж. Андр. Юрод., л. 50в). См. то же в Хронике Иоанна Малалы в рассказе об открытии пурпура: Разумѣв же Ираклъ не сушу се крови но багоръ чюдна дѣла, дивися и разумѣ яко от конхилы есть багоръ на рунѣ (VII, 36).

[37] В наших материалах пример один из Хроники Иоанна Малалы: Повелѣ [царь] очръвивше козичину исткати ему ризу црьску и тои начя пръвее носити пръфиряну ризу и вси чюжахуся ризѣ црьстѣи (VII, 36).

рыжий: лице румяно (Девг. д.), румяныма устнама (Хрон. И. Малалы), лицемъ румянъ (Ж. Андр. Юрод.), волною редрою (Хрон. Г. Амарт.), пазнон редръ (Изб. Свят. 1073), рыжиѣ кони (Хрон. Г. Амарт.), конь рыжь (Апокал. XII—XIII вв.).

Возможно, что к этой же группе следует отнести и прилагательное *оброщеный* (ср. также *брощь*, *брощение*), которое также называет красный цвет или какие-то оттенки красного цвета. Срезневский определяет его как 'багряный' и соотносит с глаголом *обрѣдѣтися* (II, 548). Употребляется только в сопоставлении: аще будут грѣси ваши яко оброщени яко снѣгъ обѣлю я (Пов. врем. лет)[38].

В древнерусских памятниках раннего периода названия красного цвета наиболее часто используются для обозначения цвета одежды. Это одежда лиц, принадлежащих царскому (княжескому) роду, а также праздничная, торжественная одежда высоких государственных лиц[39]: т. е. и здесь красный цвет не просто цвет одежды, а признак принадлежности к высшему общественному состоянию. В насмешку (как царя галилейского) перед казнью в багряницу облекают Иисуса Христа: И в ризу багъряну облѣкоша и (Остр. ев., 183а). Персидский царь Дарий грозит Александру через своих послов: съвлекъ с него багряную его ризу. . послю и въ Македонию въ отчьство его (Александрия, 46). В Слове о полку Игореве образно говорится о гибели двух князей: Оба багряная стлъпа погасоста (25).

Красный цвет используется в ряду символических противопоставлений в Хронике Георгия Амартола, здесь *червленый* (*чермный*) — символ огня: Ихже архиерѣи таино

---

[38] В наших материалах пример из Поучения Владимира Мономаха — это не его собственная речь, а цитата. Ср. использование в этом противопоставлении прилагательного *чермный*: Но мы покаряем ся исаии глщю измыите ся и чсти будете. аще будут грѣси ваши яко черни яко снѣгъ убѣлю. аще ли чермьни яко волну обѣлю (ГБ XIV, л. 24б).

[39] Возможно, что не только одежда, а вообще предметы, принадлежащие царю, т. е. вообще все роскошное, драгоценное: И постави шатры своя далече от реки а цревъ шатеръ велми великъ бысть червленъ (Девг. д., 14б). Вда ему Кандакии [Александру] дары црьскыя, вѣнець адамантинъ многоцѣненъ, и броня, и хламиду багряну съ златомъ (Александрия, 95). [Александр в царстве Кандаума] смотря же полатъ, блещащеся златыми покровы и камеными стѣнами и одежею черъвленою устроени и красами различными (Александрия, 92).

приточно облачашеся и въ стая входя, тѣми от всего мира вседержителя ба умаляше, ибо вюсъ противу земли акинфъ же противу аера, прапруда же противу водѣ, черьвленое же противу огню. и бяху инако видима, ина же разумѣваема (Хрон. Г. Амарт., л. 28б). Тако бо и скиния свѣдѣтельствьная вънутрьуду покровъ имяше от истъканыхъ испещрена и различныхъ червлении устроена. ово же бяше прапрудно, другое чермьно ли въ чермьно мочено, аикинфъ свои желчение, вюсъ же имя бѣлыи образъ, яже быс⟨ть⟩ от·д—хъ стухии, имуть, притча. ибо акинфъ к аерови приложенъ чермьный же ли червию очервленъ къ огню, прапрудное же являеть море, тъ бо питуеть къхлу, от нея же таковое червление бываеть, вюсъ же къ земли от нея бо прозябаеть (л. 28в).

Группа синего цвета

Эта группа представлена в памятниках XI—XII вв. в общем одним цветообозначением *синий*. Прилагательное *синий* в древних памятниках имеет сложную систему значений, которая, видимо, обусловлена его историей; однако основное его значение совпадает с современным. Оно употребляется в этом своем прямом значении, как и в современном русском языке, для названия цвета водных источников (моря, рек), в описании некоторых природных явлений, для характеристики человеческой внешности и прочее: кровавъ мужь или синь (Русск. правда), на синемъ море, синего Дону, синии молнии (Сл. о. п. Иг.), в дузѣ свойство суть чрьвеное и сине и зелено (Изб. Св. 1073 г.), морю синю чясть, да яко же есть вода (Хрон. И. Малалы) и нарече [части ипподрома] овому же червлено, оному же сине (Хрон. Г. Амарт.).

Можно думать, что в этот древнейший период прилагательное *синий* еще не выкристаллизовалось окончательно как цветообозначение, называющее один из основных цветов спектра. В нем еще сохранились какие-то черты более древнего состояния, когда оно было либо более многозначно, либо, напротив, называло просто темный цвет. Так, в памятниках XI—XII вв. мы находим примеры, где *синий* значит 'темный' и даже 'черный' [40],

---

[40] См. также и существительное *синець*, т. е. дьявол, по темному облику, а также в названиях темнокожих народов, *синець* на месте

например, синя яко сажа (Ж. Андр. Юрод.). Не вполне ясно выражение *сини очи* по отношению к пьяницам, которое переходит из одного памятника в другой. Может быть, в данном случае *синий* не является цветообозначением. Есть также несколько примеров в памятниках XI—XII вв., где значение *синий* неясно, вполне вероятно предполагать здесь переносные значения. Например: Чръпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено (Сл. о п. Иг., 23). Александръ . . прельсти я обѣщаниемъ многымъ, глаголя, яко не подобаеть имъ на Ирода уповати, стара суща и безъстудна, и синѣюща власы своими, да ся являеть младъ всегда (Флавий. Полон. Иерусал. I, 80).

Прилагательное *голубой* как цветообозначение, называющее оттенок синего цвета, появляется в наших памятниках, видимо, поздно. В памятниках деловых XIII—XIV вв. есть примеры употребления прилагательного *голубой* как названия масти, можно предполагать, что оно было в языке и в XI—XII вв., но ввиду отсутствия деловых памятников до нас не дошло. В Ипатьевской летописи под 1187 г. находим прилагательное *голубой* в составе топонима, значение его неясно (1187): И повѣдаша вѣжи и стада Половѣцкая у Голубого лѣса (Ипат. лет., л. 227 об.).

Возможно, что к группе синего цвета следует отнести и прилагательное *зекр(ый) (изекрый)*, которое употребляется в некоторых переводных памятниках древнейшей поры; в более позднее время не встречается. Используется для названия цвета глаз и цвета камня. Как цветообозначение прилагательное *зекрый* очень неопределенно. Этим словом переводится греч. γλαυκός довольно многозначное: 'светло-синий', 'голубой', 'светло-серый', 'сизый', 'зеленоватый', а также 'светлый', 'сверкающий', 'блистающий'. Поэтому трудно сказать, какой цвет в данном случае называет прилагательное *зекрый*. Его этимология, кажется, не очень ясна. Если считать верным, что слово восходит к *зреть*, то вполне вероятно, что оно и значит 'светлый', 'яркий', т. е. и по отношению к глазам не значит 'голубого цвета', а просто 'светлоглазый'. По отношению

греч. Αἰθίοψ. Сну егда вода [воспять] потечеть или птица опятъ полетит или синечь или срачининъ обѣлѣеть. . тогда безумныи уму научится (Пов. об Акире, 79). Послании же от насъ слы несуть к тебѣ злато рубежь великыхъ ·р҃, синець отрокъ ·ф҃·, двцъ ·с҃·, вѣнець измарагдинъ въ тысящу литръ злата (Александрия, 89).

к камню это тоже может быть не цвет, а блеск. Поскольку слово в поздних памятниках не употребляется, помещаем все примеры здесь: Образъ убо имяше члческыи, гриву же лвову, очима же грозоокъ, десное убо долу зряще шюее же зекро (Александрия, 15—16). Прьвыинадесят вирилионъ, и зѣкръ убо есть обрѣтаетьжеся и тъ въ той же горѣ (Александрия, 154)[41]. Антинорь тонокъ, высокъ, крѣпокъ, бѣлорукъ, малыма очима и зѣкръ, луконосъ, тонкымъ лицемъ (Хрон. И. Малалы V, 12). И црствова снъ его Антиохъ зекрыи прирокомъ Нераксъ лѣта два (Там же, V, 12). Бѣ же отроковица чиста, плъна, круговатымъ лицемъ, и зѣкра, и възрасла (Там же, V, 7). Одусиосъ простывласы, чястыпросѣдъ, добробрад, и зеркъ, длъгоносъ (Там же, V, 10). Диомида . . плъна, круговатымъ лицемъ, и зекра (Там же, V, 8). Нестеръ великъ тѣломъ и очима и носомъ и зеркъ длъголикъ (Там же, V, 10). Неоптолемосъ чистъ, доброносенъ, чръменъ, кудрявъ, зекръ, велеокъ (Там же, V, 11).

К этой же группе следует отнести цветообозначение, называющее цвет, смешанный с синим, в основе которого лежит синий — *сизый*. В наших материалах всего один пример из Слова о полку Игореве: *шизымъ орломъ*, сочетание, как и другие, отразившее народное употребление. Прилагательное *сизый* в обозначении цвета оперения птиц, видимо, очень употребительно, см. в фольклоре постоянный эпитет *сизый орел*, *сизый голубочек* и пр.

Группа желтого цвета

Группа представлена в памятниках XI—XII вв. прилагательным *желтый*. В рассмотренных памятниках прилагательное *желтый* мало употребительно, в наших материалах, а также по материалам словарных картотек для древнейшего периода находим всего несколько примеров. Слово используется преимущественно для названия цвета волос[42]: Елень бо тѣломъ предобра и възрастомъ,

---

[41] См. то же в Палее: ·аі· камык нарицаемыи варилионъ образъ же его зѣкръ ·е· бываеть же при брьзѣхъ горы нарицаемыя фаура (Пал. 1406, л. 139в—г).

[42] В Ипатьевской летописи под 1161 г. прилагательное используется для описания одного из небесных знамений (1161): В то же веремя быс˂ть˃ знамение в лунѣ. . потом быс˂ть˃ [луна] яко двѣ

добрососа. . добралика, русовласа, нажелть, великома очима (Хрон. И. Малалы V, 1). Бѣаху же власи главы его [ангела] желтѣ, якоже злато, и главотяжи на ней имѣя чермьны (Ж. Андр. Юрод., л. 55а). Бѣаше же лицемъ румянъ а тѣломъ бѣлъ и красенъ, желты власы (там же, л. 55 г.). К этой же группе следует отнести и прилагательное *плавый*, *половый*, если считать, что в Остромировом евангелии это слово (плавъ) употреблено в качестве цветообозначения [43]: Възведѣте очи ваши и видите нивы яко плавы суть к жатвѣ уже и жъняи мъзду прииметь и събираеть плод (Остр. ев., 32а).

Прилагательные с корнем *polv- в соответствующей огласовке известны в славянских языках. Значение их очень неопределенно — то желтоватый, то синеватый. В русских памятниках несколько более позднего времени известно слово *половый*, как название масти. В наших материалах один пример: От василя къ ростиху продаите половъи конь (Гр Б № 160, XI—нач. XII в.).

Группа зеленого цвета

Представлена в памятниках XI—XII вв. одним прилагательным *зеленый*. Оно имеет неограниченную сочетаемость, но не очень употребительно, примеров мало. Значение его совпадает с современным: зеленую траву (Кир. Тур.), зелѣну траву (Сл. о п. Иг.), чръвеное и сине и зелено (Изб. Св. 1073 г.), цвѣтъмь утворенъ багъръмь и чьрвленъмь и бѣлъмь и зеленъмь (Златоструи XII в.), зелен нареченъ лица его ради блѣда (Хрон. Г. Амарт.).

Группа серого цвета

Прилагательное *сѣрый* употребляется в наших памятниках редко, у нас есть несколько примеров из Слова о полку Игореве в типичном для народной речи словосочетании

лици имущи одино зелено а другое желто, и и посредѣ ея яко два ратьная сѣкушеся мечема (Ипат. лет., л. 184 об.).

[43] См. например, у Ягича: Бѣлъ в знач. λευκός, для ἵππος заменено срѣнъ, в русских текстах в форме серенъ, а в южнослав. и здесь бѣлъ. Встречаются также бронъ и сивъ. Для λευκός обычно бѣлъ, но примечательно, что там, где речь идет о ниве, переводчик очень тонко употребил плавъ, т. к. чувствовал, что бѣлъ здесь не подходит (V. J a g i č. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, Weidmann, 1913).

серый волк (сѣрымъ влъкомъ по земли, акы сѣрый влъци, Гзакъ бѣжить сѣрымъ влъкомъ). В обозначении цвета шерсти для одежды монахов или самой одежды употребляется в Студийском уставе XII в.: Никто же убо от мнихъ въ льняну или въ каку любо да облѣчеться одежю не тъчию еже от руна и то же чьрно или то само чьрмьно или сѣро нарицаемое да будеть же имъ вьсяко одѣние худо и чисто и никако же свѣтьло (У Ст XII—XIII, л. 223). Очень интересно прилагательное *бусый*, которое употребляется в Слове о полку Игореве два раза: *босый* [или *бусый*] *волк* и *бусови врани*. Прилагательное *бусый* известно в русских народных говорах и до сего времени.

Группа коричневого цвета

Представлена в памятниках XI—XII вв. прилагательным *смаглый*. Слово используется для названия цвета лица, кожи. В рассмотренных нами памятниках употребляется у Кирилла Туровского и в Хронике Иоанна Малалы. Вряд ли следует его считать церковнославянским: слово *смага* и его производные известно в русских народных говорах. Следует полагать, что уже с древности в восточнославянских языках употребляется слово *бур(ый)*, но в наших материалах его нет[44], в деловых памятниках известно с конца XIV в.

Рассмотрение группы цветообозначений в памятниках XI—XII вв. позволяет сделать следующие выводы:

1. Особенностью памятников этого времени является отсутствие текстов, где могли бы быть цветообозначения. Мы располагаем по существу лишь памятниками древнерусской литературы, жанры которой не допускают повседневности, в поэтике ее цветопись не используется. Речевые контексты, в которых можно допустить употребление цветообозначений, до нас не дошли.

2. Набор цветообозначений невелик, что также в известной степени объясняется спецификой наших источников: еще мало деловых памятников, в которых так важны

---

[44] Слово употребляется в Молении Даниила Заточника: Или ми речеши: женися у богата тьстя чти великиа ради; ту пии и яжь. Ту лѣпше ми волъ буръвести в дом свои, нѣже зла жена поняти; волъ бо ни молвить, ни зла мыслить (Сл. Дан. Зат., 27/28).

детали (цвет тканей, одежды, масть скота и пр.), в монументальных жанрах, канонической, религиозно-учительной литературе цветообозначения часто используются как вспомогательное средство в древней символике. Поэтому, например, наиболее употребительны прилагательные *белый*, *черный*, а также некоторые названия красного цвета.

3. Разные группы цветообозначений представлены количественно различно: так, группа белого, черного, желтого и зеленого цвета представлена единичными цветообозначениями, в то время как группа синего и особенно красного представлена рядом цветообозначений. Думается, что кроме различных внеязыковых причин, это объясняется и особенностью самих цветообозначений. В группе цветообозначений, называющих красный цвет, ни одно из прилагательных не является абстрактным цветообозначением, выражающим собственно красный цвет как один из основных цветов спектра. Возможно, что в какой-то степени это относится и к синему цвету.

4. В памятниках XI—XII вв. нет цветообозначений, которые, очевидно, были в это время в речи, например, названия мастей; можно предполагать, что уже в это время использовались как цветообозначения прилагательные *вороной*, *бурый*, *голубой*. Можно думать, что в языке было цветообозначение *руд*(*ой*) для названия красного или красноватого цвета, т. к. в составе сложного прилагательного *рудо-желтый* оно появляется в памятниках с XV в.

5. Несмотря на небольшое количество цветообозначений, анализ древнего материала позволяет сделать вывод о том, что в это древнее время восточные славяне могли очень тонко различать цветовые нюансы, об этом свидетельствует наличие слов, обозначающих смешанные цвета, выражающих сложные цветовые варианты, например, *сизый*, *бусый* (Сл. о п. Иг.), *смаглый* (Кир. Тур.), *плавый* (Остр. ев.).

Памятники XI—XIV вв.

Лексико-семантическая группа цветообозначений, зафиксированная в исследованных нами памятниках XI—XII вв., в последующее время, в памятниках письменности

XIII—XIV, и даже XV веков, сохраняется в основном неизменной как по составу компонентов (то же количество цветообозначений с той же сферой употребления каждого из них), так и по соотношению в группах или микросистемах цветообозначений. По существу, мы вправе ограничиться анализом двух синхронных «срезов»: XI—XII века — эпоха Киевской Руси, расцвета письменности, культуры, государственности восточных славян как какой-то исходный момент, и XVII век—эпоха образования русского национального государства, эпоха больших перемен в политической, экономической, культурной жизни России, а для интересующей нас лексической группы — переломный момент в отношении к употреблению в литературе цветообозначений, к цветописи.

Заведомо можно было бы утверждать, что памятники промежуточного периода, в частности, — эпохи феодальной раздробленности, монгольского нашествия не дадут чего-то нового для истории исследуемой группы лексики. Однако, чтобы не вызывать недоумений или сомнений в правильности наших предположений, мы приводим сведения о периоде XI—XIV, XI—XV веков не в виде очерка, а более кратко — в виде таблиц с комментариями, где рассматривается материал словарных картотек и словарей.

В табл. 1 (стр. 45—48) приводится весь материал по цветообозначениям, извлеченный из картотеки Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. Эта картотека, известная в литературе под названием «Картотека СДР», очень велика по объему (свыше 2 млн. карточек). Здесь полностью расписаны сохранившиеся в списках XI—XIV вв. важнейшие оригинальные древнерусские памятники (летописи, памятники гражданского и церковного права, жития и сказания русских святых, проповеди, поучения, разного рода грамоты), а также переводные памятники, перевод которых носит восточно-славянский характер.

Материал картотеки СДР особенно ценен тем, что известный круг памятников расписан полностью, и мы можем иметь совершенно определенные сведения об употреблении в этих памятниках интересующей нас лексики.

Приводим для сопоставления перечни цветообозначений: зафиксированные в памятниках XI—XII вв.

(см. очерк), в памятниках XI—XIV вв. (по материалам картотеки СДР).

XI—XII вв.	XI—XIV вв.	XI—XII вв.	XI—XIV вв.
багр	—	—	попельный
багряный	багряный	прапрудный	прапрудный
белый	белый	редрый	редрый
блед	—	румяный	румяный
броный	—	русый	русый
—	бурый	рыжий	рыжий
бусый	—	—	саврасый
—	гнедой	серый	серый
голубой	голубой	сивый	сивый
желтый	желтый	сизый	—
зекрый	зекрый	синий	синий
зеленый	зеленый	смяглый	смяглый
—	карий	червленый	червленый
оброщеный	оброщеный	чермный	чермный
плавый	—	черный	черный

Сопоставление этих перечней показывает, что памятники XI—XIV вв. не дают значительного увеличения материала. Количество цветообозначений и перечень их, по существу, совпадают, а различие понятно, оно объясняется разным составом памятников. Так, в картотеке СДР находим название мастей — *бурый*, *карий*, *саврасый* (которых нет в памятниках XI—XII вв.), все они из Духовной грамоты Патрикея (1392—1427). Напротив, в картотеке СДР нет цветообозначений *бусый*, *сизый*, потому что там в качестве источника не берется Слово о полку Игореве; нет слова *плавый*, потому что в качестве источника не берется Остромирово евангелие.

Обращает на себя внимание и тот факт, что перечень памятников, в которых есть цветообозначения, невелик сравнительно с общим количеством памятников, являющихся источниками словаря XI—XIV вв.[45], их немногим более 30. Поправки относительно этого числа возможны для слов *белый*, *черный*, *червленый*, *чермный* (все те же белый, черный, красный), по которым примеров довольно много, а в таблицах материал не приведен полностью.

Явно выделяются памятники с относительно большим количеством цветообозначений, например, Ипатьевская летопись, Палея 1406 г., Грамота Патрикея (1392—

---

[45] Подробные сведения об источниках словаря см. в пробном выпуске «Словаря древнерусского языка XI—XIV вв.». М., 1966.

1427 г.), в других, в общем, цветообозначения единичны. Следует полагать, что большее количество цветообозначений в некоторых памятниках обусловлено не тем, что они отражают значительные изменения в лексико-семантической группе цветообозначений, а особенностью этих именно памятников, их происхождением (Палея), жанром (Грамота Патрикея), некоторым стилистическим своеобразием (Ипатьевская летопись) и т. п.

Несколько большее количество цветообозначений находим в «Материалах для древнерусского словаря» И. И. Срезневского, здесь около 50—60 слов (см. табл. 1 и перечень по Словарю Срезневского).

Более пространный перечень цветообозначений, фиксируемый Словарем Срезневского, обусловлен несколько иными хронологическими рамками и другим характером памятников, представленных в нем. Известно, что основной состав выборок Словаря Срезневского сделан из памятников XI—XIV веков, но есть выписки из памятников XV, XVI и даже XVII вв., здесь фигурируют памятники, дошедшие в поздних списках, а также переводные памятники религиозно-ритуального характера, которые не привлекались в качестве источников в древнерусском словаре XI—XIV вв.

Перечень цветообозначений из Словаря Срезневского[46]

Алый	— яркий, светло-красный.
Багръ	— багряный, червленый.
Багряный	— червленый.
Бѣлый	— albus.
Блѣдый	— бледный, желтоватый.
Болкатъ	— черный?
Броный	— о коне,— белый, бело-серый, скворечий, серый, буланый?
Бурый	— [без определения]. — Ср. гр. πυῤῥός, лат. burrus — рыжий.
Вишневый	— прил. от сл. вишня.
Вороный	— черный.
Гнѣдый	— гнедой.
Голубой	— [без определения].
Грѣнии	— белый (о масти коня).
Дикый	— [без определения].
Дымьчатый	— [без определения].
Ериньный	— [без определения].
Желтый	— flavus.

[46] И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка, т. I—III. СПб., 1893—1903.

Зекрыи, зѣкрый, изѣкрый — синеглазый, голубоглазый, голубоватый, голубой, бирюзовый.
Зеленый — зеленый.
Карый — карий.
Кирпичный — похожий на кирпич.
Кровавый — окровавленный, багровый, красный.
Курый — каурый, карий.
Лазоревый — голубой, синий.
Мурамьно-зеленый — [без определения].
Назельньный — зеленоватый.
Оброщеный — багряный.
Пелесый — темный, бурый.
Плавый — желтоватый, зрелый.
Половый — беловатый, изжелта-белый.
Померклый — темный, черный.
Попельный — пепельный, пепельного цвета, серый.
Прапрудьный — сделанный из багряницы, багряный.
Пропелесый — серый, сероватый.
Редрый — бурый, рыжий, красноватый.
Рудо-желтый — красновато-желтый.
Румяный — румяный, алый, красный (о цвете лица).
Русый — желтоватый.
Рыжий — красновато-бурый.
Саврасый — светло-гнедой с желтизной (конская масть).
Сереный — белый (о конской масти).
Сѣрый — название цвета среднего между черным и белым.
Сивый — темно-серый с сединою (о конской масти).
Сизовый — [без определения].
Синии — темно-голубой, синий.
Смаглый — смуглый, темный.
Смурый — темно-серый.
Смяглый — смуглый.
Смядый — черный, смуглый
Снѣжаный — снежный, белый как снег.
Соловый — светло-рыжей масти с хвостом и гривой белыми (о лошадях).
Срѣный — белый, бело-серый (о конской масти).
Тагаший, тагашевый, тугашевый—синий.
Ценинный — прил. от сл. ценина (полива, мурава), окрашенный в цвет ценины.
Чалый — серо-бурый (о конской масти).
Червеный — красный.
Червленый — красный, червленый.
Червчатый — красный.
Черленый — красный.
Чермный — красный, багряный.
Черный — черный, черного цвета.
Чубарый — пестрый, рябой.

Таблица 1

Цветообозначения в памятниках XI—XIV вв.

По материалам картотеки СДР

Цветообозначения	Памятники	Сочетаемость
Багряный	Ипатьевская летопись, Рязанская кормчая, Златая цепь, Палея 1406 г. и др.	Чашю. . мрамора багряна (ЛИ, л. 282). Ефиопьскые образи черни въ багряни прѣложивъ (КР 1284, л. 363). Почто багрянъ е фелонь (ЗЦ к XIV, л. 34 об.). Камыкъ. . багрянъ (Пал 1406, л. 138б). Иному цвѣту бѣлость. . други же багрянъ и желътъ (Пал 1406, л. 6—7).
Бѣлый	Чтение о Борисе и Глебе, Кирилл Туровский, Торжественник, Ефремовская кормчая, Рязанская кормчая, Златая цепь, Житие Варлаама и Иоасафа, Палея 1406 г., Ипатьевская летопись. Надпись 1336 г. и др.	В бѣлахъ ризахъ (ЧтБГ, к. XI сп. XIV, л. 49а; К Тур XII сп. XIV, 13; Чуд Н XII, л. 69б, КЕ XII, л. 222б и др.). Власы. . творяще бѣлы, черны или черьмны (КР 1284, л. 162). А другая [жена] . . бѣло лице имуще (ЗЦ, к. XIV, л. 57 об.). Две мыши бѣлу. . другую же черну (ЖВИ XIV—XV, л. 53г). [Мозг] образъ имуще акы бѣло и пелѣсо (Пал 1406, л. 46б). Бѣлымъ каменьем (ЛИ, л. 284 об.) Белая мышъ (Надп 1336) и др.
Брунатный	Продажная грамота Хоньки	Дорогимъ сукномъ брунатънымъ (Гр 1378)
Бурый	Духовная грамота Патрикея	Да двѣ коро(в) черная да бурая. Да волъ бурой (Гр 1392—1427).
Гнѣдой	Ипатьевская летопись, Духовная грамота Патрикея	Конь его застрѣленъ быс‹ть› гнѣдый (ЛИ, л. 261 об.) Кобы(л) гнѣда (Гр 1392—1427)
Голубой	Ипатьевская летопись, Берестяная грамота, Духовная грамота Патрикея	У Голубого леса (ЛИ, л. 227 об). Къне мъи голубыи (Гр Б № 142 XIII в.). Кобылка голуба (Гр 1392—1427).

Таблица 1 (*продолжение*)

Цветообозначения	Памятники	Сочетаемость
Желтый	Ипатьевская летопись, Духовная грамота Ивана Калиты, Сборник Хлудовский, Пролог 1383 г., Грамота берестяная, Палея 1406 г.	[Луна] яко двѣ лици имущи одино зелено а другое желто (ЛИ л., 184 об.). Волосы имѣя желты (ЛИ, л. 304). Кожухъ желтая обирь (Гр ок. 1339). Кручины же три въ члвцѣ желта, зелена, черна (Сб Хл XIV, л. 117). Брадою желтъ (Пр 1383, л. 48а). Шолку. . жолтого (Гр Б № 288 XIV в.). От рая рыжь вѣтръ яко и желтъ. (Сб Паис XIV—XV, л. 157 об.— 158). Иному же цвѣту бѣлость. . други же багрянъ и желтъ (Пал 1406, л. 6—7).
Зѣкрый	Палея 1406 г.	Камы(к). . варилионъ образъ же его зѣкръ (Пал 1406, л. 139в.)
Зеленый	Лаврентьевская летопись, Ипатьевская летопись, Хроника Георгия Амартола, Кирилл Туровский, Грамота берестяная, Григорий Богослов, Сборник Хлудовский, Паисиевский сборник, Палея 1406 г. и др.	Столпове. черлени. зелени, синии оба полы слнца (ЛЛ, л. 157). Въ очью яко зелено бяше (ЛЛ, л. 134). [Луна] яко двѣ лици имущи одино зелено а другое желто (ЛИ, л. 184 об.). Сапози зеленого хъза (ЛИ, л. 273). Каменьем бѣлым и зеленымъ (ЛИ, л. 281 об). Зеленую траву (К Тур XII сп. XIV, 21). [Шолку] зеленого (Гр Б № 288, XIV). На зеленѣ травѣ (ГБ XIV, л. 81г). Кручины же три въ члвцѣ желта, зелена черна (Сб Хл XIV, л. 117). Западныи вѣтръ зеленъ тварью (Сб Паис XIV—XV, л. 157 об. — 158). Триличьна. . . дуга ово убо черьлено ово(ж) бѣло ово же зелено (Пал 1406, л. 56в). и др.
Измуръ	Пролог 1383 г.	Пришь(д) к нему некто. . образомь измуръ. (Пр 1383, л. 3об.).
Кар(ий)	Духовная грамота Патрикея	Кобы(л) карую (Гр 1392—1427)
Оброщен(ый)	Лаврентьевская летопись	Грѣси. . оброщени (ЛЛ, Пов. врем. лет, Поуч. Вл. Мономаха).
Пелесый	Палея 1406	[Мозг] образъ имуще акы бѣло и пелѣсо (Пал 1406, л. 46 об.).
Попел(ь)ный	Пчела	Якоже попелный дымъ пущаемъ (Пч к. XIV, л. 80).
Прапрудный	Хроника Георгия Амартола	Ово же бяше прапрудно, другое чермьно (ГА XIII—XIV, л. 28в). От волъны добропрапрудныя. (Там же л. 261б). Прапруднымь ободомь (Там же л. 214а).

Рдѣться	Юрьевский пролог, Пчела	Лице ея нача рдѣтися (ПрЮр XIV, л. 253а). Кииждо стыдиться и ръдиться. (Пч к. XIV, л. 119 об.).
Редрый	Хроника Георгия Амартола, Григорий Богослов, Духовная грамота Патрикея	Волною редрою (ГА л. 41в) Редра телица (ГБ XIV, л. 14г—15а). Вол редръ (Гр 1392—1427)
Румяный	Златая цепь	Румяно лице (ЗЦ, л. 57 об.). Румяная же [жена] имущи брови высоцѣ. (Там же, л. 58а).
Русый	Рязанская кормчая, Кормчая Варсонофиевская, Палея 1406 г.	Власы. . черьмны или русы (КР 1284, л. 162 а—б); КВ к. XIV, 125 г) Члвѣци. . ово русъ, ово бѣлъ (Пал 1406, л. 17 г.) Камы(к) нарицаемый онухиону русъ е<сть> (Пал 1406, л. 139 г.).
Рыжий	Хроника Георгия Амартола, Паисиевский сборник	Конѣ и белыя и рыжиѣ (ГА, л. 231б) От рая рыжь вѣтръ яко и желтъ (СбПаис XIV—XV, л. 157 об.—158)
Саврасый	Духовная грамота Патрикея	Кобы(л) савра(с). (Гр. 1392—1427)
Сѣрый	Устав студийский	Въ. . одежю не точию еже от руна и то же чьрно или то само чьрмьно или сѣро наричяемое (УСт XII—XIII л. 223).
Сивый	Ипатьевская летопись, Духовная Климента	Конь свои борзыи сивый (ЛИ, л. 250—250 об.) Даю сивый же(. . .)бець (Гр до 1270)
Синии	Лаврентьевская летопись, Сборник (Торжественник), Рязанская кормчая, Хроника Георгия Амартола, Юрьевский пролог, Пролог мартовской половины	Столпове черлени. зелени синии оба полы слнца (ЛЛ, л. 157). Кому сини очи не пребывающимъ ли въ винѣ (СбТр XII—XIII, л. 148) Кому сини очи (КР 1284, л. 52—53) Кому сини очи (Пр Юр XIV, л. 53в) Два синя изувѣра (Там же, л. 212а) Сини яко сажа (Там же, л., 53б) И се обла(к) синь покры (Пр XIV—XV, л. 39 об.) и др.
Смаглый, (смяглый)	Юрьевский пролог, Пролог 1383 г., Сборник Чудова монастыря, Златая цепь	Въ смяглыя ризы и плаченыя (Пр ЮР XIV, л. 155б) Смаглъ лицемъ (Пр 1383, л. 97 г—98а). Высока тѣломъ. смяглъ блескъ имущи круговатымъ лицемь (Сб Чуд XIV, л. 134а). Очи смяглѣ (ЗЦ, к. XIV, л. 57 б—57 в).

Таблица 1 (*окончание*)

Цветообозначения	Памятники	Сочетаемость
Червленый, (черленый)	**Лаврентьевская летопись, Духовная Ивана Калиты, Новгородская кормчая, Рязанская кормчая, Житие Варлаама и Иоасафа, Сборник Паисиевский, Палея 1406 г. и др.**	**Въ одежа(х) червлены(х) (ЛИ, л. 169) Столпове черлени (ЛИ, л. 157). Кожух черный (Гр ок 1339) Въ ризу червлену (КН 1280, л. 610а) Черьвлеными и брачинными нитми (КР 1284, л. 271 а—б) Червлена . . риза (ГБ XIV, л. 13 г) Хламида черьвленая (ЗЦ, к. XIV, л. 31б) Кони . . с червлеными покровы (ЖВИ XIV—XV, л. 108в) Друзии [вѣ҃роваху] в червленыи лу(к) и в чеснокъ (Там же, л. 102а) Земля в҃ лицѣ имущи червьлена и бѣла. (Сб Паис XIV—XV, л. 157 об.—158) Трличьна бо есть дуга ово убо черьлено ово(ж) бѣло (Пал 1406, л. 56в) И навяза вьрвь червлену на выложеную руку дѣтищю. (Там же, л. 109 г.) и др.**
Чермный	**Рязанская кормчая, Мерило праведное, Григорий Богослов, Палея 1406 г. и др.**	**[Растяще власы главы своея] . . или шаряще и творяще бѣлы, черны или черьмны (КР 1284, л. 162 а, б.; МПр XIV) Почто ти чермьны ризы и одѣнье твое яко от топтанья тѣску. (ГБ XIV, л. 74а)} Яко чл҃вѣци в звѣзды ражаются да того ра(д) бываеть ово русъ, ово бѣлъ ин же черменъ (Пал 1406, л. 17 г.) и др.**
Черный	**Лаврентьевская летопись, Ипатьевская летопись, Лобковский пролог, Рязанская кормчая, Пролог 1383 г., Юрьевский пролог, Сборник Хлудовский, Сборник Чудова монастыря, Мерило Праведное, Пчела, Поучения Феодора Студита, Григорий Богослов, Кормчая Варсонофиевская, Духовная грамота Патрикея, Палея 1406 г. и др.**	**Дань по чернѣ кун(ѣ) (ЛЛ, л. 8 об.). И бысть образъ ея [луны] яко скудно черно (ЛИ, л. 184 об.). Пьеши ли черное молоко наше питье кобылии кумузъ (ЛИ, л. 271). Серсть ни черна есть ни отнудь бѣла (КР, 1284, л. 212 г.). Показа ему черна пса въ врате(х) лежаща (Пр 1383, л. 97в—97 г). В черны ризы (Пр Юр XIV, л. 60 об.) Чернъ тѣломъ от сл҃нчнаго горѣнья (Сб Чуд XIV, л. 60а). Волоси главы вашея вси изъчтени суть бѣла и черна (М Пр XIV, л. 67). Да волъ бурои да другой черной (Гр 1392—1427). Аще ли луча своя пригибая къ себѣ явить сл҃нце или почернѣвши облаки обдержимъ егда начнеть всходити тоже черно бу(д)ть и мутно (Пал 1406, л. 17 б—в) и др.**

Глава 2

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ПАМЯТНИКАХ XVII В.

Огромная литература XVII в., века сложного, богатого событиями, переломного во многих отношениях, дает большой и сложный материал для истории русской лексики. XVII век для истории цветообозначений представляется очень важным и интересным. В XVII в. завершаются многие процессы в группах цветообозначений, например, процесс выработки абстрактных цветообозначений для основных цветов, перегруппировка и формирование современных соотношений в группах цветообозначений (например, в группе красного цвета), появление большого количества названий для смешанных цветов и в их числе очень активные цветообозначения (например, *коричный*, *коричневый*). Для истории цветообозначений в равной степени интересен как материал памятников деловых, так и памятников собственно литературных. Памятники деловые дают материал необыкновенно ценный из-за своей массовости (большое количество примеров из разного рода памятников, написанных в разных местах Московского государства). Вместе с тем нельзя не отметить и ограниченность этого материала, так как он касается в общем сферы более или менее специальной, это главным образом различного рода описи имущества, товаров, одежды, где можно найти названия цвета (масти) животных, цвета тканей, цвета драгоценных камней. Цветообозначения в деловых памятниках находим чаще всего в составе перечней, так что мы получаем сведения о наличии слова — цветообозначения, представление о большой номенклатуре цветообозначений, но эти контексты не позволяют установить значение слова-цветообозначения.

Литературные памятники XVII в. также чрезвычайно интересны для истории цветообозначений, хотя в большинстве памятников цветообозначений немного, цветописи (как сознательного стилистического приема) строго говоря еще нет или почти нет. Литературные памятники XVII в. в отношении использования цветообозначений в значительной степени сохраняют традиции древнерусской литературы старшего периода. Несмотря на новые явления в литературе второй половины века, ее демократические тенденции, ее внимание к человеку, быту, деталям,

цветообозначения по-прежнему используются редко, они скорее присущи отдельным произведениям, скорее характеризуют индивидуальный стиль автора, чем литературу вообще.

Вряд ли можно в объеме представляемой работы претендовать на сколько-нибудь исчерпывающее описание памятников XVII в. Вопрос об истории цветообозначений и истории цветописи в XVII в. мог бы быть предметом специального исследования. Мы можем говорить лишь о некоторых образцах, некоторых примерах и в качестве образцов берем некоторые деловые памятники и общеизвестные памятники литературы XVII в. (оригинальные и переводные), в их числе: памятники Смутного времени (Иное сказание, Сказание Авраамия Палицына, Повесть Хворостинина, Повесть о князе Скопине-Шуйском, Повесть Катырева-Ростовского); повести первой половины XVII в. (об Улиянии Осорьиной, О Марфе и Марии, об Азовском осадном сидении), путешествия первой половины XVII в. (Хождения Котова и Гагары); повести второй половины XVII в. (Повесть о Горе Злочастии, о Тверском Отроче монастыре, о Сухане, о Савве Грудцыне, Карпе Сутулове, Фроле Скобееве), сатирические повести; Житие протопопа Аввакума и некоторые другие его произведения; Житие патриарха Никона; путешествия на запад конца XVII в. (Путешествие стольника П. А. Толстого); некоторые переводы и русские обработки западных и восточных повестей (Повесть о Бове, о Петре Златых Ключей, об Аполлоне Тирском, о Василии Златовласом, Сказание об Уруслане). В качестве образцов делового письма — Новгородские кабальные книги конца XVI—начала XVII в. и Описи Московского Успенского собора от начала XVII в. по 1701 год включительно (три описи).

Какая-то классификация памятников XVII века в смысле использования цветообозначений очень затруднительна. Например, очень условно в отношении использования цветообозначений можно наметить три рода или три вида (или три группы) памятников (хотя для всех этих «групп» потребуются оговорки):

1. Памятники литературные, которые в использовании цветообозначений в общем сохраняют традиции, установившиеся в памятниках раннего древнерусского периода. В этих памятниках цветообозначения либо не ис-

пользуются совсем, либо используются мало, набор их ограничен. Сюда относятся как памятники начала века, например, некоторые повести Смутного времени, так и повести второй половины XVII в., например, сатирическая литература, Повесть о Тверском Отроче монастыре, Повести о Карле Сутулове, Фроле Скобееве и др.

2. Памятники литературные с фольклорными мотивами, где набор цветообозначений невелик и они не выходят за пределы традиционного фольклорного употребления (например, Повесть о Горе Злочастии, Повесть об Азовском осадном сидении, Повесть о Сухане).

3. Памятники литературные, в которых появляется более свободное использование цветообозначений. В памятниках этого рода отражается в какой-то степени разговорный язык разных слоев русского общества XVII в. В них мы найдем большее или меньшее количество цветообозначений, которые употребляются не для создания художественного образа (не как цветопись), а для описания реальных качеств окружающих предметов, например, в литературных памятниках типа путешествий. К этой последней группе можно условно отнести и материал деловых памятников.

Кроме того, в XVII в. появляются выдающиеся и очень своеобразные писатели, например, протопоп Аввакум, Симеон Полоцкий, стиль которых требует специального исследования, как литературоведческого, так и лингвистического [47].

Называя условно три группы памятников, мы назвали первыми памятники, сохраняющие традиции древнерусской литературы старшего периода. Прежде чем начать обзор памятников этого рода следует отметить конкретные качества, которые при этом имеются в виду. В литературных памятниках этого рода цветообозначения или не используются совсем [48], или используются мало, в не-

---

[47] Такого рода исследования существуют. См., например: В. В. Виноградов. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума. Сб. «Русская речь». Под ред. Л. В. Щербы, I. Пг., 1923, И. П. Еремин. Поэтический стиль Симеона Полоцкого. — В кн.: И. П. Еремин. Литература древней Руси. М.—Л., 1966.

[48] Так, например, совсем не используются цветообозначения в памятниках первой половины XVII в. (Повесть о начале Москвы, Новая повесть, Повесть Хворостинина, по существу почти не использует цветообозначений большое по объему Сказание Авраамия

которых случаях цветообозначений, кажется, намеренно избегают, в других цветообозначения — как бы обмолвки. Здесь нет красочного пейзажа, портрета, охотнее употребляются описательные обороты, обороты со сравнениями, чем цветообозначения. В этого рода памятниках мы находим небольшой набор цветообозначений, чаще всего это основные цвета (а из них чаще белый, черный, красный), для названия красного цвета применяются цветообозначения, присущие книжному языку, например *багряный*, *червленый* (*красный* не употребляется).

Писатели XVII в., описывая пейзаж, мрачные картины природы, предвещающие бедствия, многочисленные битвы, предпочитают пока обходиться без цветообозначений, чаще при этом употребляются слова, обозначающие свет, блеск, противопоставляется тьма свету: И быша яко громи не въ небесныхъ, но въ земныхъ тучахъ пищалной стукъ, и огонь яко молния свиркаетъ во тмѣ темной, и свищутъ по аеру пульки и исъ тмочисленныхъ луковъ стрѣлы, падаютъ человѣцы, яко снопы по забраломъ (Ин. сказ., л. 273 об.). И егда начашя изъ града выходити за три часа до свѣта, и абие наидошя облацы темныя, и омрачися небо нелѣпо, и бысть тма, яко ни человѣка видѣти (Сказ. Авр. Пал., л. 89). И яко теменъ облакъ возвлекся отъ несвѣтимыя тмы, нечаянно, внезапу токмо, и наиде на ны, его же страха слухомъ Борисъ, прегордый предъ малемъ и царствуяй нами, ужаснувся того стремления, съ высоты престола царствия низвержеся (Врем. И. Тим., л. 156 об.). Поидоша противу Ростриги, и сошедшимся има въ мѣстѣ, глаголемомъ Чемлигѣ, и ту составиша брань жесточайшую; блистаютъ сабелныя лучи, аки солнце, падаютъ трупия мертвыхъ сѣмо и овамо, и тако бысть брань велия (Пов. Кат.-Ростовского, л. 7). И тако брань плитъ жестокая; отъ стрѣляния же пищалнаго смутися воздухъ и отемнѣ облакъ, и не видяше другъ друга. (Пов. Кат.-Ростовского, л. 18 об.).

Отмечая высокие литературные достоинства писателей XVII в., историки литературы в числе их упоминают автора «Книги сея» как мастера пейзажа, однако цветопись и здесь не используется, пейзаж этот совсем без красок

Палицына, совсем нет цветообозначений в Повести о Тверском Отроче монастыре, в повестях второй половины века о Карпе Сутулове, Фроле Скобееве, в сатирических повестях о Ерше Ершовиче, Шемякином суде и др.

(или почти без красок), например картина весны, возрождения природы дается по существу без цвета (очень похоже на Кирилла Туровского): Растаявшу снѣгу и тихо вѣющу вѣтру, и во пространные потокы источници протекаютъ, тогда ратай раломъ погружаетъ и сладкую бразду прочертаетъ и плододателя Бога на помощь призываетъ; растутъ желды, и зеленѣютца поля, и новымъ листвиемъ облачаютца древеса (Пов. Кат.-Ростовского, л. 14 об.).

Как и литература старшего периода, повести XVII в. крайне редко описывают внешность человека. В повестях как начала, так и конца века очень часто лишь общими словами указывается на положительные качества — юность, красоту, благородную или величественную внешность: И по времени нѣкоемъ повелѣ ему король литовский представити себѣ; и зря его [Григория Отрепьева] юнна и велерѣчива, мнѣвъ тои его быти прямаго царевича и обѣщася ему помогати (Ин. сказ., л. 268 об.). Многихъ человѣкъ въ неволю къ себѣ введше служити . . наипаче же избранныхъ меченосцовъ и крѣпкихъ во оружии и свѣтлы тѣлесы и красны образомъ и возрастомъ излишьствующихъ (Сказ. Авр. Пал., л. 17 об.—18). Отъ синклитска роду избравъ дщерь, душевными добродѣтелми тѣлеснаго благородия преболшу же, яко ряснами нѣкако украшену всю, Анастасию, Росийска жребия мирови царицу, съ нею си царствомъ вѣнчанъ бывъ и сопрестолну си во царствии утверди (Врем. И. Тим., л. 27—27 об.). Или некий же злый и силный безбожник, якоже он, не по своему достоянию и данию ему от сотворителя всех, хощет пояти за ся невесту красну и благородну, богату же и славну и всячески изрядну . . тогда и невесту за ся и со всем ея богатеством получит (Новая пов., 13). Были на сем месте по Москве реке села красныя, хорошия, болярина Кучка Стефана Ивановича. И были у Кучки два сына красны зело; не бысть таких красных юношей во всей Российской земли (Пов. о начале града Москвы, 74).

Кстати, как и в древних памятниках, часто прекрасная внешность характеризуется не цветообозначениями, а светообозначениями. Любопытно, что в памятниках XVII в. словами, обозначающими блеск, сияние, описывают не только лиц, причастных к святости, но и обычных людей. Сравним в Сказании Авраамия Палыцына рассказы о различных явлениях святых мужей, в Повести о Савве

Грудцыне — о явлении некоей жены, с рассказами о внешности Ксении, невесты княжеского отрока, а потом вели кой княгини [49]: Во время же стихѣръ пѣниа архимаритъ Иасафъ въ велицеи печали сѣтуя и сведенъ бысть въ забытие мало, и се видитъ великого архистратига Михаила; лице же его, яко свѣтъ сиаше и въ руку своего имѣяше скипетръ (Сказ. Авр. Пал., л. 86 об.—87). Предъ полчкомъ же тѣмъ Троицкимъ, глаголютъ, видѣшя зъ города многие люди воина вооружена, лице же его яко солнце, конь же подъ нимъ, яко молниа блистаася (Сказ. Авр. Пал., л. 93 об.). Видѣшя бо около града по поясу ходящихъ дву старцовъ, брады сѣды, свѣтозарны образомъ, яко быти имъ по образу и по подобию великимъ чюдотворцомъ Сергию и Никону (Сказ. Авр. Пал., л. 82 об.). Он же паки начат омывати лице свое слезами, глаголя: «Видех, рече, ко одру моему пришедшу жену светолепну зело и неизреченною светлостию сияющу, носящу ризу багряну; с нею же и два мужа некая, сединами украшены (Сав. Грудцын, 100). И вси зряще красоту ея вельми чудишася, яко «нигде же видехом очима нашима или слышахом слухом нашим таковую жену благообразну и светящюся, аки солнце во многих звездах, яко же сию великую княгиню, сияющю во многих женах сего града паче луны и звезд многих» (Пов. об Отроче монастыре, 122). Великий же князь узре ту девицу зело прекрасну и аки бы лучам от лица ея сияющим; и рече великий князь отроку своему Григорию: «Изыди ты отсюда и изыщи ты себе иную невесту . .» (Пов. об Отроче монастыре, 120).

В памятниках этого рода, как правило, общими словами описывается и одежда действующих лиц. Чаще всего просто дается указание на дорогую, драгоценную одежду [50]:

---

[49] Сравним подобное же употребление в произведениях переводных или в обработках заимствованных сюжетов, например, в Повести о Бове: И узрила [королевна Дружневна] из своих хором Бову на конюшне велми лепообразно, и от Бавины красоты во всю конюшню осветило (Пов. о Бове, 521). И Бова услышал те речи и вышел на крыльцо и умылся белаго зелья и вшел в полату. И осветил всю полату Бова своею красотою (Пов. о Бове, 540).

[50] См. то же в обработках заимствованных сюжетов: И узрила из задних хором своих прекрасная королевна Милитриса и оболакаа на себя трагоценнуя платья, и пошла в королевские полаты и почела говорить (Пов. о Бове, 517). И прекрасная королевна Дружневна надела на себя драгоценное платье и пошла в королевские палаты ко отцу своему и, пришед, почела говорить (Пов. о Бове, 521).

Воевода же, князь Григорей, яко родителя своего почиташе и во единой храминѣ почиваше съ нимъ; и ризами свѣтлыми одѣянъ бысть, и не бѣ слышати о немъ слова лукава (Сказ. Авр. Пал., л. 122). Не вѣдь же, каковыя радь радости, не токмо иже по повелѣнию его [Григория Отрепьева] весь синклитъ, но и простыи сущии вси, яко женихи и отъ конца до конца улицъ въ златѣ и въ сребрѣ и въ багрѣхъ странскихъ ходяще, веселяхуся (Сказ. Авр. Пал., л. 340—340 об.). Се видиши чада чужая, отъ багръ украшены заморскихъ, такоже и жены, златомъ и сребромъ и жемчюгомъ шумяща, — и таковаго ради прельщения и къ женамъ и ко дщеремъ таковыхъ мздоприносцовъ вводятъ и здравствовати къ нимъ съ питиемъ повелѣваютъ (Сказ. Авр. Пал., л. 364).

Иногда кажется, что автор намеренно избегает цветообозначений, предпочитая описать одежду, указывая, например, на ее происхождение: Сего убо митрополита Филарета изторгше силою, яко отъ пазуху матерню, отъ церкви Божия, и ведуще путемъ нага и боса, токмо во единой свитѣ, и ругающеся, облкоша въ ризы язычески и покрыша главу Татарскою шапкою и нозѣ обувше въ несвойствены сопоги (Сказ. Авр. Пал., л. 358).

Очень характерно, в стиле древних памятников, при общем отсутствии цветообозначений употребление их внезапно, как нарушение общего стиля повествования, как обмолвки.

Например, в Ином сказании рассказывается о чудесном сохранении мощей царевича Дмитрия и вдруг — деталь, которая не имеет отношения к существу дела, но несомненно произвела впечатление на свидетеля виденного или рассказчика, — а волосы-то у царевича были рыжие: И мощи благовернаго царевича князя Дмитрия Ивановича всеа России цѣлы и ничим не рушимы, а въ иныхъ мѣстѣхъ часть земли отдана, а на лицы плоть и на главѣ власы цѣлы чермны, а на костяхъ плоть цѣла (Ин. сказ., л. 333). Подобным же образом упоминается о цвете благовонного «мира», которое оказалось на месте погребения Улиянии Осорьиной. Как-то нарушая общий стиль повествования, сюда врывается сравнение цвета его с квасом свекольным: Жены же, бывшыя на погребении открыша гроб и видеша полн мира благовонна . . Мы же слышав, удивихомся, и открывше гроб, видехом так, яко же и жены реша от ужасти, начерпахом мал

сосудец мира того и отвезохом во град Муром в соборную церковь. И бе видети в день миро, аки квас свекольный, в нощи же сгустевашеся, аки масло багряновидно (Пов. Ульян. Осор., 46—47).

Кстати заметим, что в произведениях этого рода, как и в памятниках ранней поры, видимо, предпочтительно дать описание цвета предмета, сравнить предмет с чем-нибудь, чем употребить цветообозначение: И тако вскорѣ отъ лютаго напоения скончася [Борис Годунов] горкою и нужною смертию, яко и образу его измѣнитися отъ изломания, и всѣму тѣлу во уголь почернѣвшу и виду его: но и сказати не возможно, каковъ бысть отъ лютости зелейной (Ин. сказ., л. 283—283 об.). Бога же свидѣтеля представляя тому, яко видѣшя два старца сѣдинами украшена, яко снѣгомъ, и кличюще съ града ко всѣмъ видящимъ сиа вопиа же гласомъ великимъ (Сказ. Авр. Пал., л. 136—136 об.). И имѣя тотъ король сына именемъ Василия, еже есть сынъ его Василий зѣло добродѣ(те)ленъ и прекрасенъ зѣло, а власы у него аки злато сияютъ и таковыя ради красоты его прозва отецъ его Златовласомъ понеже у него власы аки злато сияютъ (Пов. Вас. Злат., 1). Пел бы дондеже есть, да нечево стало есть. В церкви что макови цвети, а дома нечево и въздети (Стих о жизни патр. певчих).

В произведениях этого рода довольно употребительны уместные в общем риторическом возвышенном стиле сложные слова, которые по существу не являются цветообозначениями, но содержат указание на цвет, сравнение с цветом какого-то предмета, например *снѣговидный*, *пепеловидный*, *багряновидный*: Иже въ предпомянутаго града нѣдрѣ иже святонастолнаго ко отцемъ началника великаго и ту сущимъ пастыря общаго его же въ соименныхъ бѣ снѣговиденъ верхъ, въ сточныхъ же тѣхъ онамо первствуя онъ въ четырехъ единъ, его же здѣ къ намъ слово бысть (Врем. И. Тим., л. 277). Одежда же его бяше от кожъ овчихъ и ряса его отъ власъ агньчихъ пепеловиднаго сукна ношаше, мантия же всегда чернаго сукна манатейнаго (Жит. патр. Никона, 88). К симъ же сандалейца со обувными платы, багряновиденъ тѣхъ зракъ бѣ (Врем. И. Тим., л. 92).

Отмечая особенности памятников первого рода и говоря о соблюдении ряда традиций старшего периода, следует сделать ряд весьма существенных оговорок, имея

в виду особенности стиля отдельных произведений этого рода, авторское, индивидуальное в употреблении цветообозначений. И здесь нельзя не заметить, что именно в этом роде памятников при общей их книжности, наличии риторики, при общем высоком стиле они совсем разные по цветообозначениям. Именно в этом роде памятников, где, в общем, по традиции цветописью не пользуются, мы находим примеры нового отношения к цветообозначениям.

Начать хотя бы с факта, который обычно отмечают историки литературы, с того, что уже в памятниках Смутного времени появляются попытки дать индивидуализированный портрет, имеется ввиду Повесть Книги сея (или Повесть Катырева—Ростовского). Вероятно, во многом следуя переводам, автор Повести дает в конце своей книги ряд портретов исторических лиц, своих современников (не только описание внешности, но и характеристику внутренних качеств, последним уделяется бóльшее внимание). Портреты эти очень различны по стилю. В общем наиболее детально дается внешность детей Годунова, Федора и Ксении, она описывается в стиле высоком, с набором известных положительных качеств, характеризующих красоту, внешне цветущий вид (стандарт в общем известен: дородный, белый, румяный): Царевичь Федоръ, сынъ царя, Бориса отроча зѣло чюдно, благолѣпиемъ цвѣтуще, яко цвѣтъ дивный на селѣ, отъ Бога преукрашенъ, яко кринъ въ поли цвѣтущи; очи имѣя великы черны, лице же ему бѣло, млечною бѣлостию блистаяся, возрастомъ срѣду имѣя, тѣломъ изообиленъ (Пов. Кат.—Ростовского, л. 29). Царевна же Ксѣния, дщерь царя Бориса, дѣвица сущи, отроковица чюднаго домышления, зѣлною красотою лѣпа, бѣла велми, ягодами румяна, червлена губами, очи имѣя черны великы, свѣтлостию блистаяся . . бровми союзна, тѣломъ изообилна, млечною бѣлостию облиянна; возрастомъ ни высока ни ниска; власы имѣя черны, велики, аки трубы, по плещамъ лежаху (л. 29—29 об.).

Совсем в другом роде описывается внешность других исторических лиц, например портрет Ивана Грозного [51];

---

[51] Таким же образом описаны и некоторые другие исторические лица, например, Шуйский, Григорий Отрепьев, здесь еще меньше деталей, не указывается ни цвет волос, ни цвет глаз: Царь Василий

он очень похож на те паспортные характеристики, которых так много в деловых памятниках: Царь Иванъ образомъ нелѣпымъ, очи имѣя сѣры, носъ протягновенъ и покляпъ; возрастомъ великъ бяше, сухо тѣло имѣя, плещи имѣя высоки, груди широкы, мышцы толсты (л. 28 об.).

Обращая внимание на первые опыты индивидуализированного портрета, не хотелось бы переоценивать эти образцы в отношении их художественного достоинства вообще и тем более в отношении цветописи. Как видим, автор не щедр на цветообозначения (их немного, цвет опять белый, черный, красный), пожалуй, индивидуальным (в употреблении цветообозначений) будут лишь «серые очи» князя Ивана. Для истории цветообозначений нам кажутся более характерными, в смысле появления примет нового, другие памятники, например, Временник Ивана Тимофеева, Повесть о князе Скопине-Шуйском.

Временник Ивана Тимофеева отличается прежде всего тем, что сравнительно с другими произведениями этого рода здесь употребляется большее количество цветообозначений. Называются цвета белый, черный, красный, зеленый, в группе белого — *снѣговидный*, в группе красного — ряд цветообозначений с разными корнями: *румянство*, *рдѣтися* от *рдѣния*, *очервививъ*, *багряницы*, *багряновиденъ*; здесь же близкое к цветообозначению (если не цветообозначение) *блѣдый*: [О принесении мощей св. царевича Дмитрия]. И се не мало на убийцу во указание: не въ погребалныхъ убо, яко же по закону, въ бѣлыхъ ризахъ нынѣ страдалецъ въ рацѣ зримъ, но во иже прилучшихся на немъ во святострадании, еговою обагренѣхъ тогда кровию, во ихъ же и въ земли доволна лѣта сотворь (Врем. И. Тим., л. 91—91 об.). Не зжали бо си, ни помысли, радъ получения славолюбия, соутробныя ему сестры, всеа же Росия госпожи, сицевою како зѣлною скорбию ту оскорбити, еже по таковѣ мужи не прилучшеюся смертию разлучити и зрѣти ю ему присно отъ толикия славы въ черная оболчену, ея же ради нѣкогда сочетания за еже ко царю онъ си всю честь получи (л. 115). [Притча 2] И потомъ зрится ими же вдовство того супруж-

---

возрастомъ малъ, образомъ же нелѣпымъ, очи подслѣпы имѣя (л. 29 об.). Ростригa возрастомъ малъ, груди имѣя широкы, мышцы толсты; лице же имѣя не царсково достояния, препростое обличие имѣя, и все тѣло его велми помраченно (л. 29 об.).

ныя безглавное, плачевное же и беспомощное, и облечение въ ризы черныя ей же, презрѣние о всемъ мужедружнее, безгосподство рабское, истощение сокровищъ (л. 296—296 об.). [Царь Феодор Иванович] мнихолюбецъ и нищелюбецъ, многоподатливъ зѣло, и воздержникъ въ подвизѣ явленъ отъ извну кипящихъ въ немъ люблениемъ дѣлъ иночества, свыше же багряницы светлостию прикровенъ, его же дому изволению жития супружество не возбрани, ниже самого царствия высота (л. 281 об. — 282). Рать же всю, окрестъ внѣ стоиму округъ же его, украшаху цвѣтущия злакоснѣ крины, зеленѣюще и цвѣтущеся различнѣ (л. 106 об.).

Однако главное даже не в количестве цветообозначений. Если говорить очень общо, то Временник Ивана Тимофеева отличается тем, что в пределах книжного высокого стиля автор использует цветообозначения более охотно и более свободно, чем принято в памятниках этого рода. Именно здесь дается очень подробное описание одежды царевича Дмитрия с указанием на цвет отдельных предметов: Число же въ рацѣ ризъ его сицѣ бѣ: едина, иже по первѣй на срачицу въ животѣ его обычай полагатися, опоясуема; таже двѣ единого существа, бѣловиднаго ткания, иже къ тѣлеси приближни суть, срачица и гащи, иже долнѣйшая объемля части тѣла до плесну; по сихъ препоясания; елика къ симъ же сандалейца со обувными платы, багряновиденъ тѣхъ зракъ бѣ (л. 92). Интересно употребление цветообозначений в противопоставлении *румянства* и *блѣдости*: Но богатыхъ благоденства румянство и обнищавшихъ злоденства дряхлость и плоти отъ сухости блѣдость обоихъ лицъ зрящихся очеса разсудятъ и непритворная ризъ худость, неже смущаемая словеса, иже о сихъ, колеблютъ слухи слышащихъ (л. 222). Употребляется очень старое книжное словосочетание *рдѣтися от рдѣния*, но как уместно и по-новому выглядит оно в описании багровых от натуги лиц людей («нелепо кричащих»), зовущих Бориса на царство: Среднимъ же и до мала всѣмъ нелѣпо съ воплемъ многимъ кричати не въ чинъ. яко до иже разсѣдатися отъ вопля того утроба ихъ, и лица рдѣтися ото рдѣнья, и ушеса своя отъ шума того слышащихъ затыкати — такова человѣкомъ угодия лесть бяше въ нихъ (л. 97 об. — 98). Обратим внимание, как нагнетается цветовой эффект с помощью сложных слов и упомянутого тут же «льноткания», чтобы изобразить бело-

снежные шатры в лагере Бориса: Имъ же тогда и путишественый свой прехитрый бѣлосущаго лняноткания снѣговиденъ градъ, долготою и широтою много обоямо простертъ того имъ во удивление показа, его же составное умудрение видѣниемъ подобоградно все, многи врата и башты по стѣнахъ имѣя (л. 106).

Особенно хочется отметить, что при всей риторичности, витиеватости, нарочитой трудности языка автор создает при помощи цветообозначений, описательно, с использованием производных цветовые образы. Мы видим опричников, подобных ночи, одетых в черное, на черных конях, поля битв, обагренные кровью сражающихся, реки, сгустившиеся и ставшие красными от потоков крови: Яко волки ото овецъ ненавидѣныхъ имъ, отдѣли любезныя ему, знамения же на усвоеныя воины тмообразны наложи: вся отъ главы и до ногъ въ черное одѣяние облекъ, сообразны же одеждамъ ихъ и коня имъ своя имѣти повелѣ; по всему воя своя вся яко бѣсоподобны слуги сотвори. Идѣже они на казнь осужены посылаеми суть, — яко нощь темна видѣниемъ зряхуся (л. 16 об.—17). Не бѣ мѣста, идѣже правовѣрныхъ кровми горы и холми не полияшася, и удолия и дебри вся наполнишася, и водамъ естество, ими очервивъ згустися, и звѣря селныя и парящая плотми вѣрныхъ удовлишася, и множество имъ преизбысть (л. 174).

Написанная совсем в другом стиле очень эмоциональная и лирическая повесть о Скопине-Шуйском тоже в своем роде замечательна в употреблении цветообозначений, в интересе к цвету. Мы находим здесь сравнение, отражающее, видимо, народное употребление: *черный, что смола или деготь*. [Один из горожан рассказывает, что ему было некое видение до смерти Скопина]: И позрѣхъ на царские полаты. И се видитъ ми ся, яко единъ столпъ розвалися и потече изъ нево вода, но велми черна, что смола, или декоть. Таже полстолпа отломився паде (Пов. о Скоп.-Шуйском, л. 904). Очень нестандартно употребляется прилагательное *белый* в новом еще для него сочетании *белокаменный* (гробницу бѣлокаменну, вариант: бѣлу каменну): И то, како княгина Елена и княгина Александра горько плачюще и кричаще и вопиюще и бьющеся о гробницу белу каменну князя Михаила и жалостно во слезахъ причитая (л. 903). Любопытно использовано прилагательное *ржавистый*, которое воз-

можно определяет цвет реки [52]: И посла князь Михайло воевод своихъ. . на Волгу на перевозъ къ Николы чудотворцу въ слободу на рѣчку Жабну подъ Литовскихъ людей, чтобы за тое рѣчку не перепустити ихъ: рѣчка бысть топка зѣло и ржависта (л. 895). Здесь нет еще большого количества цветообозначений, но есть интерес к цвету, внимание к цвету. Кстати, цветовой эффект в повести также создается старыми средствами, совсем без цветообозначений. Так описывается Скопин-Шуйский: уже смертельно заболевший (отравленный), он возвращается с пира: глаза блестят, лицо «страшно кровью знаменуется» (мы бы сказали побагровело), и волосы на голове колеблются: И какъ въсходитъ въ свои хоромы княженецкие, и усмотрила его мати и возрила ему во ясные очи; и очи у него ярко возмутилися, а лице у него страшно кровию знаменуется, а власы у него на главѣ, стоя, колеблются (л. 897—897 об.).

Если даже не делать по поводу вышеприведенных примеров широковещательных выводов о переломном моменте в истории русской цветописи, то несомненно можно сделать вывод о том, что в литературе XVII в. у отдельных ее представителей появляется интерес к цвету, стремление с помощью пока еще минимума цветообозначений, пока еще старыми средствами создать цветовой образ.

К первому роду памятников следует отнести также некоторые переводные повести XVII в. (например, Повесть о Петре Златых Ключей, Повесть об Аполлоне Тирском, Повесть о Василии Златовласом), которые также не изобилуют цветообозначениями. Видимо, главную ценность для читателя представлял занимательный сюжет, множество приключений, ему импонировала смелость, бесстрашие, а также ум, смекалка и хитрость героев, поэтому внешность их, одежда либо не описываются совсем, либо характеризуются общими словами. В повестях говорится о дорогих нарядах, дорогих перстнях, о прекрасном убранстве жилища и т. д. Любопытно, что черному (траурному) платью противопоставляется королевское платье (без деталей), черному траурному обитию на стенах — цветное и т. д. Вот некоторые примеры: И как пришло время к столу, и князь Петр, нарядяся

[52] См. Даль: Ржавистый, немного ржавый, также похожий на ржавчину.

в драгое платье, шел на двор кралевской до столовой полаты (Пов. Петр. Злат. Кл., л. 284 об.). И в то время кралевна вон вышла от них в свою светлицу, и, сняв с себя черное платье, надела на себя драгое королевское платие и всяким украшением украсилася так, что сподивление (Пов. Петр. Злат. Кл., л. 341). [Отец и мать Петра] Они же с великою честию отпустили ее и кручинное платье с себя сняли и обитие стенное черное в дому своем указали снять, и всякими драгими и цветным обитием украсили дом свой (Пов. Петр. Злат. Кл., л. 340—340 об.). Внешность прекрасных героев и героинь также характеризуется весьма общими словами: Тех рыцерских людей краль любит, а все для того, что есть у него дщерь, именем Магилена, вельми прекрасна и на свете ея нет краше (Пов. Петр. Злат. Кл., л. 278 об.). Егда же изъ храма в златоблещащемся одѣянии цесаревна иде къ тому же приразися лучь солнца ко красотѣ лица ея, и такова благолична показася и недоумително бысть, кому уподобити (Пов. Ап. Тир., 8).

В довольно большой по объему Повести о Петре Златых Ключей употребляется несколько раз слово *белый* (белое лицо, белое тело, белая срачица), несколько раз слово *черный* (черное платье, черные утвари, обитие стенное черное), один раз *румяный* (уста румяны) и несколько раз *червчатый* (узелок червчатый), т. е. снова три цвета белый, черный, красный. В Повести о Василии Златовласом много говорится о доме, который построил королевич Василий, цветообозначение употребляется один раз, да и то можно сомневаться, не о качестве ли идет речь: А въ ней [в спальне] устроилъ и кровать себѣ изъ стеколъ же зеркальныхъ лучше кровати кралевския и покры мостъ въ спалнѣ сукном краснымъ кармазиннымъ, и украси такъ домъ свой многимъ красованиемъ, что всему королевству въ подивление (Пов. Вас. Злат., 10).

Правда, и здесь следует сделать оговорку, в одной из переводных повестей находим интересное использование цветообозначения в создании прецедента для приключения (Повесть о Петре Златых ключей). Петр тайком увозит королевну Магилену из родного дома. В пути, несмотря на многочисленные заверения, Петр, соблазненный красотой королевны, «помыслил недоброе». Воспользовавшись сном королевны, он расстегнул ее платье и увидел на груди узелок тафтяной червчатый. Далее

рассказывается целая история, в которой цвет узелка сыграл не последнюю роль. Дело в том, что червчатый узелок увидел ворон, и подумав, что это мясо, унес его: И в то ж время сидел на древе вран, и увидел тот узолок червчетой, с теми перстнями, и, прилетев, ухватил, и взлетев с ним на древо, и надеялся вран, что мясо было (Пов. Петр. Злат. Кл., л. 311). Петр гонится за вороном, надеясь выручить узелок с «драгими перстнями», но его уносит в море, потом он попадает в плен и т. д.

Разумеется, материал переводных повестей менее интересен и менее ценен для нашей работы, так как, предполагая соответствующую обработку, мы не всегда можем отделить материал оригинала от материала, полученного в результате обработки. Это особенно касается повестей, представляющих обработки заимствованных сюжетов. Например бросается в глаза неожиданно большое количество цветообозначений в Повести об Уруслане, здесь и названия масти у коней (*конь вороной*, *бурый*, *сивый*, *жеребец карий*) и цвет сбруи или украшений на ней (*кутаз зелен*, *кутаз червчат*, *алые тебенки*). Эта особенность повести, вероятно, является особенностью оригинала и сохранилась здесь [53]. И напротив, очень популярная на Руси Повесть о Бове подверглась очень большому влиянию русского народного творчества. Здесь мы находим только названия белого и черного цвета в типичных фольклорных сочетаниях — *белые руки* (*белые руки* и *сахарные уста*), *белые шатры*; типичные для фольклора понятия: *белый* значит красивый, *черный* — некрасивый (баба дурна и черна, ты лекарь черн и дурен, что уголь) и т. д., так что по существу такого рода повесть могла бы быть отнесена ко второму типу памятников.

Ко второму роду памятников (из условно названных трех) относятся памятники с фольклорными мотивами и наличием цветообозначений, свойственных фольклору. В качестве образцов можно привести Повесть о Горе Злочастии, Повесть о Сухане, может быть, и Повесть об Азовском осадном сидении. Число цветообозначений в этих памятниках невелико, но здесь другие цветообо-

---

[53] См.: «Востоком отзывается: постоянное определение масти коней; сложное прозвище Залазорева конюха; погрузка драгоценностей на вьюки. .» «История русской литературы», т. II. М.—Л., 1948, стр. 114.

значения и другие словосочетания по сравнению с памятниками первого рода. В памятниках второго рода употребляются все цветообозначения, называющие основные цвета: *белы ноги*, *лицо белое*, *тело белое*, *вороны черные*, *золото красное*, *море синее*, *желтый песочек* (*желты пески*), *дубрава зеленая*. Кстати заметим, что наименее употребительны цветообозначения для названия красного цвета, а прилагательное *красный* употребляется здесь в старом значении, например, *жены красные* (Горе Зл.). Кроме основных цветов употребляются цветообозначения для названия смешанных цветов (*сизый*, *серый*, *бурый*): *сизым голубем*, *орлы сизые*, *лисицы бурые*, *серым волком*, *серым ястребом*, *серо горе гориинское*: [После того как молодца пьяного ограбили] И вставал молодец на белы ноги, учал молодец наряжатися: обувал он лапотки, надевал он гунку кабацкую, покрывал он свое тело белое, умывал он лице свое белое (Горе Зл. 107). И как выезжает [Сухан] из дубровы зеленые А не белое каменье на горах белеются, Белеются доспехи их во всех полках (Пов. о Сух.). Пошел, поскочил доброй молодец по круту, по красну по бережку, по желтому песочику идет весел, некручиноват (Горе Зл. 113). И приезжает Сухан ко быстру Непру Слаутичю А уж Непр-река смешалась с желты пески. (Пов. о Сух.). [Говорит Горе молодцу] «Хотя кинся во птицы воздушныя Хотя в синее море ты пойдешь рыбою, а я с тобой пойду под руку под правую» (Горе Зл. 114). И поехал Сухан ко дуброве зеленой И наехал сыр-зелен падубок, Да вырвал ево и с кореньем (Пов. о Сух.). Полетел молодец ясным соколом, — а Горе за ним белым кречатом; молодец полетел сизым голубем, — а Горе за ним серым ястребом; молодец пошел в поле серым волком, а — Горе за ним з борзыми выжлецы (Горе Зл. 114). Давно у нас в полях наших летаючи, а вас ожидаючи, хлекчут орлы сизые и грают вороны черные подле Дону, у нас всегда брешут лисицы бурые, а все они ожидаючи вашево трупу бусурманского (Аз. пов., 61).

Как видно из примеров, здесь цветообозначения употребляются в привычных для фольклора и давно известных в народном языке сочетаниях. Появление их в литературе XVII в. следует скорее оценивать как факт историко-литературный, чем лингвистический (все цветообозначения зафиксированы в разного рода памятниках в тех

или других сочетаниях и в более раннее время). Здесь хотелось бы обратить внимание только на особенное употребление прилагательного *серый*. В повести о Горе Злочастии оно является определением самого Горя: Говорит серо Горе горинское: «Как бы мне молотцу появитися?» Ино зло́ то Горе излукавилось, во сне молотцу привиделось (Горе Зл. 110). Кажется, как будто речь идет не о внешнем виде Горя, внешний вид его в повести описан: «И в тот час у быстри реки скоча Горе из-за камени: босо-наго, нет на Горе ни ниточки еще лычком Горе подпоясано». Можно думать, что прилагательное *серый* характеризует его непривлекательность или невыразительность (если босо-наго, то, как у бедного и голодного человека, лицо не румяное, а бледное, серое). Или прилагательное используется уже с элементом эмоциональной оценки в значении, которое становится употребительным в современном русском языке: 'мрачный', 'хмурый', 'тоскливый' [54]. То есть слово употребляется в переносном значении и не является цветообозначением.

В XVII в. появляются памятники (памятники третьего рода), для которых характерно свободное отношение к цветообозначениям, т. е. их употребляют часто и охотно для обозначения цвета реальных предметов окружающего мира. В качестве образцов такого рода памятников можно привести, например, путешествия середины и конца века: Хождение на Восток Ф. Котова (1627 г.), Житие и хождение Василия Гагары (1634 г.) и Путевые дневники П. А. Толстого (1697—1698 гг.).

Эти памятники интересны тем, что с ними в литературу входит большое количество разных цветообозначений и среди них такие, которые бытовали, видимо, в речи в XVII в., а потом были или совсем утрачены (например, *глинастый*), либо сохранились в сфере специальной, например, *кирпичный*, *брусничный* и пр. Так, интересно и знаменательно для литературы XVII в. Хождение Котова. Котов, видимо, человек любознательный, с острым гла-

---

[54] См. например, в современной литературе: Не ты ли губы серые ласкать — лобзать могла, Шептала горемычному: любимый, не тоскуй? (Городецкий. Лестница). Таких примеров в современной литературе довольно много, например: День был нежно-серый, серый, как тоска (Блок. День был нежно-серый). Все было серо и мрачно — и небо, и залив, и город, и лица жителей, прятавшихся по домам (Паустовский. Черное море).

зом, все, что он видит, он описывает подробно, касается ли это общего впечатления от города, который бросается в глаза большим количеством каменных зданий, внешности местных жителей, разных диковинных зверей и т. п. Например, описывая внешность персов и соседних народов, он указывает на цвет кожи — бледный или черноватый, сравнивает одни народы с другими в отношении оттенков кожи, замечает раскрашивание лица и тела во время религиозных праздников или согласно какому-то ритуалу: А что аврамляне были у шаха на встрѣчи. и тѣ аврамляне образомъ смирены. бороды у всѣхъ велики, а волосомъ черны (л. 61 б). А платье все мултанѣи носятъ миткали бѣлые, и челмы на головахъ бѣлые же, а родомъ недородны и лицѣмъ блѣды и сухи и черноваты (л. 63 а). А отъ бясира ходятъ в турскую землю в царь градъ. а тѣ арапы нечерны: черны арапы подъ индѣею! (л. 68 а). А у иныхъ мултанѣевъ со лбу переносье у носа мажутъ желтою краскою. и тѣхъ мултанѣевъ хто умретъ, и того вывозят за городъ (л. 62—63). А четвертои у нихъ праздникъ баирамъ ошуръ. . а сами ходятъ наги и босы толко в однѣхъ штанахъ а вымазаны всѣ черною нефтью и черны что арапы толко однѣ зубы знать (л. 56 а).

Он отмечает особенную одежду разных народов, ее покрой, головные уборы, некоторые детали туалета (поясы, кушаки. . шалы), называя при этом довольно точные оттенки цвета: желтый, кирпичный, вишневый: А платье на себѣ носятъ широко а цвѣтомъ кирпишнево на всѣхъ а дѣлано изъ верблюжья волоса. . а на женахъ платье желто дѣлано ис тое же верблюжьи шерсти (л. 61—62). А жиды платье носятъ вишнево на всѣхъ мужики и жонки (л. 63 а). А на головахъ у иныхъ челмы, а у иныхъ шапки что клобуки! А у жонокъ на головахъ желтые болшие платы (л. 63 б). А платье персы и кизылбаши носятъ кафтаны озямные кинъдячные и дорогилные и кумачныя и кутняные. а поясы кругъ себя носятъ великие кушаки а поверхъ кушаковъ шалы вишневы (л. 60 б).

Интересуясь местными обычаями (и многое не одобряя), он тем не менее подробно и красочно описывает эти обычаи: И в тотъ праздникъ розговѣютца станутъ в день ясти и пити. . и на майдане пляшутъ и в ладони плещутъ и всякие тамаши дѣлаютъ и яйца красные продаютъ (л. 49 а—49 б). А муллы и кешиши стоятъ и поютъ а свѣчи у нихъ въ рукахъ горятъ восковые велики въ аршинъ

и болши. . и всякими красками крашены красною и зеленою и синею и желтою (л. 43 б.—44 а). И тое ночь всю не спятъ играютъ и в трубы трубятъ. . а свечера во всѣхъ рядѣхъ лавки украсятъ. выбѣлятъ и выкрасятъ красками всякими цвѣты украсятъ (л. 46—47).

Котов обращает внимание на все новое, незнакомое, что бросается в глаза, рассказывает о диковинном звере бабре и о рыбе, которая похожа на русскую семгу: А что въ Казбинѣ звѣрь бабръ величествомъ болши лва. а шерстью глиннастъ: а шерсть ниска. а по немъ полосы черны поперегъ (л. 64 а). А товаровъ всякихъ много, и овощовъ и рыбу привозятъ отъ моря изъ Гиляни и отъ Коры рѣки с устья чтобы руская семга красная и укусомъ такова же (л. 22 а).

Как деловой человек, он замечает местные промыслы с соответствующими деталями — в одном месте добывают соль красную, а в другом белую, чистую: На другой сторонѣ на крымской соль стоитъ метана велики(е) бугры а вожена с озеръ. .а соль гребутъ в кобыльи озере та соль красна (л. 9 б). Да на мачеговскомъ та соль бѣла и добра и на иныхъ озерахъ гребутъ (л. 9 б).

Хождение Котова интересно для нас главным образом не большим количеством цветообозначений, а тем, что он указывает на оттенки цвета, на тонкости в цвете, тем, что он вводит в литературный оборот цветообозначения, которые до сих пор не использовались в литературе, например, *глинастый*, *кирпичный*. Вряд ли можно считать употребление такого рода цветообозначений профессиональным у Котова, очень уж детально и с интересом он описывает все, что видит. Скорее можно думать, что это человек незаурядный, живой и внимательный ко всему окружающему. Если это так, то тем более интересно употребление редких для этого времени цветообозначений как свидетельство наличия и употребления их в речи.

Другое путешествие первой половины XVII в., Хождение Василия Гагары, более выдержано в стиле древних паломников, здесь подробно описываются святые места и легенды, связанные с ними. Он употребляет меньше цветообозначений. Однако хотелось бы отметить интересный пример. В первой редакции, отличающейся большой непосредственностью, В. Гагара описывает небесный огонь, который зажигается над гробом Господним. Гагара отмечает необычный цвет этого огня, отличный от зем-

ного, и называет цвет его *глинастым*: Потомъ же надъ Господнимъ гробомъ лампада прежде затеплися отъ огня небеснаго. . а тотъ небесный огнь глинность [вар. глинастъ, глиннастъ] не какъ земный огнь (X. Вас. Гаг., 36). Можно думать, что встречающееся в двух этих памятниках прилагательное *глинастый*, т. е. цветом похожий на глину (что это, еще одно название для красновато-желтого цвета?) было когда-то употребительно в речи, а потом по каким-то причинам утрачено. Чрезвычайно любопытно, что это, может быть народное слово, не сохранилось при литературной обработке Хождения (вторая редакция) и заменено на *багровидный*: И якоже Божиимъ повелѣниемъ загоритца огнь небесный въ лампаде, кое виситъ въ маковице въ часовне надъ гробомъ Господнимъ. .иноческий чин и всѣ провославные христия, всякъ кождо своя свеща зажигаютъ отъ огня небеснаго огнь же небесный багровиденъ, а не какъ протчей огнь естественъ отъ земнаго огня (X. Вас. Гаг., 74).

Третий памятник из этого рода, на который нам хотелось бы обратить внимание, это Путешествие П. А. Толстого в Италию, конец XVII в. Будучи уже немолодым человеком, П. А. Толстой откликнулся на призыв царя Петра и отправился в Италию изучать морское дело. Задание свое он успешно выполнил, а во время пребывания в Италии много ездил и осматривал все, что положено осматривать иностранцам. Может быть, не столько любознательный, сколько добросовестный, Толстой описывает и города с их строением, и величину зданий, и качество строений, украшений, убранства, местные учреждения, дворцы местных властителей, некоторые обычаи и увеселения. Самого его главным образом интересуют вопросы религии, поэтому он наиболее детально и с интересом описывает все, что с этим связано.

Довольно часто Толстой ограничивается очень общими указаниями на стоимость, красоту или богатство сооружения, помещения или украшения: Въ Вѣнѣ на площади между рядовъ сдѣланъ великий и зѣло высокий столпъ из алебастра и гипса преудивительною Итальянскою работою, которой работы мало гдѣ на свѣтѣ обрѣтается; на строение того столпа издержано казны цесарской многое число: 1100 золотыхъ червонныхъ (Дн. П. Толстого, Русск. арх. I, 326). Та остария въ Медиоланѣ для приѣзду форестировъ т. е. иноземцевъ лучшая; въ той

остарии отвели мнѣ палату, которая обита вся атласомъ цвѣтнымъ изряднымъ и убрана уборами дивными, въ которой было двѣ кровати изрядные с постелями и одѣялами атласными. Также столы хорошие и кресла и стулы бархатом обитые предивные (I, 523). Въ той церкви на лѣвой сторонѣ дѣлаютъ въ придѣлѣ алтарь весь изъ предивныхъ разныхъ мраморовъ такою преудивительною работою, что которой преславной работы подробну описать невозможно (II, 240).

Его не очень интересует внешность итальянцев и других народов, заметки такого рода у него редки: Народъ Мидиоланский смуглой природы мущины и женщины; рѣдко гдѣ увидится бѣлой природы человѣкъ (II, 532). Одежда описывается детально скорее в том случае, когда это интересно для Толстого, изучающего религиозные обычаи и учреждения, в других случаях она описывается общими словами, например «гишпанской моды», «французской моды»: Тѣ законники одежду носятъ бѣлую, бородъ не брѣютъ и не стригутъ, только усовъ мало подстригаютъ; суть крѣпкаго жития (I, 198). [Вицереева жена] уборъ на ней Гишпанской моды, подобенъ Французскому, грудь имѣетъ голую, а на головѣ никакого покровения нѣтъ и волосы убраны подобно Московским дѣвицамъ (II, 28).

Толстой употребляет довольно много цветообозначений, например, для названия красного цвета в тканях: *червчатый*, *красный*, *вишневый*, *малиновый*, *алый*. Можно думать, что в ряде случаев отмечаются не тонкие оттенки цветов, а скорее цветообозначения употребляются в привычных словосочетаниях, например *багряный* только в сочетании *багряная риза*, *багряная одежда*: А написанъ тотъ Спасителевъ образъ въ терновомъ вѣнцѣ и въ багряной одеждѣ (II, 130).

Толстой употребляет как старое цветообозначение *червчатый*, так и более новое *красный*, возможно, здесь также речь идет не только об оттенках цвета, но и о качестве: червчатая — это дорогая ткань. Не совсем понятно сочетание «червчатая, черная жъ» в примере, приведенном ниже; если не понимать в данном случае, что *червчатый* указывает на дорогую одежду, то следует думать, что здесь какая-то ошибка: Въ той же палатѣ встрѣтилъ меня нунциушъ самъ, имѣлъ на себѣ одежду черную, какъ есть обычай духовнымъ Римскимъ носить,

сверхъ одежды на шеѣ великая чепь золотая и на ней крестъ алмазной; на верху одежда бархатная червчатая, черная жъ, и говорилъ со мною чрезъ переводчика итальянскимъ языкомъ (I, 192).

В дневниках Толстого находим и очень интересные примеры употребления цветообозначений, когда детально описывается что-нибудь интересное автору, будь то святыня или какая-то диковина или почему-то показавшаяся замечательной рыба: На той св. иконѣ у образа Пресвятой Богородицы лѣвое око и щека лѣвая и носъ весь черны, какъ бы чернилами замазаны; однакожъ скрозь ту черность мало мало что является знакъ образа (I, 182). Те рыбы тунды великостью съ малаго осетра, только тоньше осетра, голова подобна семгѣ, а сама рыба та ипостась имѣетъ особую. Тѣло той рыбы сѣрое, красно, подобно говяжью мясу; а когда ту рыбу сварятъ или испекутъ, тогда бываетъ бѣло. Той рыбы тѣло и слоевато и зѣло укусно (IV, 143).

В ряде случаев здесь при помощи сравнений сложных слов, словообразовательных вариантов цветообозначений называются сложные оттенки цвета: Въ той же палатѣ видѣлъ кожу человѣческую выделанную, которая снята съ одного турчанина. Та кожа толста, толше оленьи, подобна толщиною толстому сафьяну, а цвѣтомъ была какъ бумага, и лоскъ съ одной стороны, какъ на бумагѣ (II, 249). И видится въ той печурѣ отъ земли верхъ на четверть аршина власно какъ дымъ стоитъ тонкий и синеватъ подобенъ избяному чаду (II, 30). Та земля въ водѣ такова крѣпка бываетъ какъ желѣзо или какъ твердый камень, а видомъ та земля изжелта-сѣровата (II, 32). [Рука Иоанна Крестителя] Та его святая рука имѣетъ на себѣ кожу и плоть и жилы и ногти все нетлѣнно и нимало не изсохло, подобно какъ живого человѣка, и не темна, только мало посмугла (II, 130).

Наконец, для истории цветообозначений большой материал дают деловые памятники. Материал деловых памятников очень хорошо представлен в картотеке ДРС, и о нем можно судить по таблицам, составленным на основании материалов картотеки. Поэтому здесь в качестве образцов мы приводим материал двух памятников, из которых один, Новгородские кабальные книги, содержит огромное количество паспортных портретов-характеристик новгородцев, другой — Описи Успенского собора — ин-

тересен перечнем цветообозначений, а более всего тем, что измекения, которые происходят в течение века в группах цветообозначений, отразились в этих перечнях.

Новгородские кабальные книги очень часто используются в соответствующих разделах второй части, поэтому здесь будет приведено немного примеров. В этих книгах перечисляются приметы заимщиков и в их числе цвет волос, цвет глаз, часто цвет лица. Большинство новгородцев имели серые глаза и русые волосы, поэтому самым частым сочетанием в описании внешности будут *волосом рус*, *очи серы*. Также довольно обычным является сочетание *волосом черн*, *очи черны*, *волосом рус*, *очи черны*, *волосом черн*, *очи серы*. Для цвета волос, кроме того, используют цветообозначения *белый*, *чермный* и, наконец, довольно большое количество сложных, когда необходимо уточнить цвет, например *темнорус*, *светлорус*, *краснорус*, *спрокрасен*, *прочермень* и т. д.

Для названия цвета глаз (кроме наиболее часто встречающегося серого) употребляются цветообозначения *черный* (*очи черные*), *карий*, *белый*, *русый*, *соловый*, а также сложные прилагательные, называющие различные оттенки цвета, из них наиболее часто *красно-серый*. Можно думать, что прилагательное *красный* здесь не цветообозначение, а уточняет оттенок цвета, может быть, более светлый или более яркий [55].

Для названия цвета лица употребляются прилагательные *белый*, *смуглый*, редко *черный*, в ряде случаев указывается на румянец. Не совсем ясно, что значит *лицом чермен*, значит ли это румяный (старое значение слова), или речь идет о цвете лица не чистом, не белом, может быть, покрытом веснушками (сравни: лицом пестр). Вот некоторые примеры: А ростомъ человѣкъ невеликъ, молодъ, волосомъ русъ, очи серы (Новг. каб. кн. I, 4). А ростомъ Горяшка невеликъ, волосомъ русъ, очи черны (там же, 5). А ростомъ середняя, лѣтъ въ полтретьятцать волосомъ черна, очи черны (там же, 44). А рожеемъ Данило въ лице круголъ, бѣлъ и волосомъ бѣлъ, плешатъ, ростомъ невеликъ, лѣтъ въ сорокъ, дочь его в лицо бела и волосомъ бела, очи серы, горбата четырнатцати лѣтъ (там же, 251). А ростомъ человѣкъ серед-

---

[55] См. об этом в разделе История названий красного цвета, слово *красный*.

ней молодъ, лѣтъ въ дватцать, волосомъ черменъ, очи серы, на лице пестрины (там же, 141). А про жену Ларионко сказалъ: лѣтъ въ дватцать, ростомъ середняя, очи бѣлы (Новг. каб. кн. II, 15). А Матфейко лѣтъ въ полтретьятцать волосомъ темнорусъ, ростомъ середней, очи кари (Новг. каб. кн. II, 34). Беляевская жена ростом немала, волосом темноруса, очи красны, лет в тритцать (Новг. каб. кн. I, 131). Жона его Василиса ростом середняя, рожеем бела, волосом красноруса, глаза красносеры лет в двацать (Там же, 255). А про жону Мартемьянко сказалъ, лѣтъ въ дватцать, ростомъ середняя, лицомъ бѣла, очи сѣры (Новг. каб. кн. II, 53) (РИБ XV, 53). Матвейко. . волосомъ чорнъ, очи чорны, лицомъ смуглъ (Новг. каб. кн. II, 35). И Еустратко лѣтъ в восмнатцать, волосомъ чорнъ, очи чорны, лицомъ смуглъ. А про жону Еустратко сказалъ: лѣтъ въ дватцать, ростомъ невелика, лицомъ чорна (Новг. каб. кн. II, 39). Ростом середняя, волосом руса, очи изкрасна серы, лицом черемна (Новг. каб. кн. I, 73). Се язъ Никита Федоровъ сынъ. . взрастомъ середней человѣкъ, волосомъ русъ, боротка маленка руса, а очима русъ (там же, 196). Сынъ еи лицомъ бѣлъ, волосомъ русъ, возрастомъ высокъ, очи русы, а дочь еи Анна волосомъ руса очи белы (Там же, 371). А тот Осипко лет в сорок, ростом середней, волосом белорус, очи соловы (Там же, 194). Степан Офонасьевъ сынъ, волосомъ русъ, лѣцомъ кориповатъ, очима чернъ, спрокрасенъ, а тѣлом русъ (Там же, 379). Носомъ покляпъ, волосомъ русъ, очи белы съ серью штинатцати лѣтъ (Там же, 130). Волосомъ бела изчеремна (Там же, 29). Солостьян Онтонов сын, ростом середней, волосом рус сучерменъ очи просирь, плоск в лицо (Там же, 123).

Описи Московского Успенского собора представляют перечень различных вещей, имеющихся в храме; здесь описываются образы, сосуды с украшениями и множество различных предметов, составляющих одежду священников. Все они подробно описываются — материя, цвет, украшения; вот некоторые образцы: Покровъ Петра жъ чюдотворца шитъ золотомъ да серебромъ пряденымъ по лазоревой камкѣ подложенъ тафтою сахарной цвѣтъ (Оп. Моск. Усп. собора, I, 345). Да четвертые ризы камчишко гвоздично плачены, оплечье у нихъ бархатишко золотное по вишневой землѣ (Оп. Моск. Усп. собора, 352). Стихарь протодьяконской же посной дороги красно-

вишневы оплечье у него бархатъ золотной по червчатой землѣ (Оп. Моск. Усп. собора, 356). Ризы камчатые осиновые, оплечье шито золотомъ и серебромъ и по черному бархату, крестъ и звѣзда бархатъ золотной червчатой, подолник камчатой жаркой, подложены крашениною кирпичною, подпушены тафтою зеленою (Оп. Моск. Усп. собора, 3, 769). Ризы золотные отласные по червчатой землѣ. . подольникъ шитъ серебромъ по лазоревой камкѣ; подложены камкою двоеличною, подпушка камчатная красная (Оп. Моск. Усп. собора 3, 774).

В издании Русской исторической библиотеки опубликованы три описи Успенского собора разного времени.

Первая — начала XVII в. — дает при описании цвета тканей перечень из 15 цветообозначений, вторая — опись 1627 г. — пополняется новыми десятью, третья — опись начала XVIII в. (1701 г.) — употребляет еще девять новых по сравнению с первыми двумя. Приводим для сопоставления перечни цветообозначений по трем описям (см. стр. 74).

Описи дают чрезвычайно интересный материал, например для истории названий красного цвета. Так, в первой из них очень употребительно прилагательное *червчатый*, есть несколько случаев употребления *червленый*, совсем не употребляется *красный* (один пример в составе сложного *красно-вишневый*). Во второй — несколько примеров *красно-вишневый* (слово *красный* употребляется для названия камня аспида), *красный* не употребляется и старое *червленый* не употребляется. В третьей — употребляется прилагательное *красный*, и это самое употребительное из названий красного цвета, *червчатый* пока еще употребляется, но реже. Возможно, что они называют разные оттенки цвета, т. к. употребляются в одном контексте. Описи дают материал и для истории других цветообозначений. Например, обращает внимание почти полное отсутствие названий для оттенков синего цвета (нет прилагательного *синий*, редкое *голубой*), единственное цветообозначение из группы синего, которое употребляется здесь часто, *лазоревый*.

В дальнейшем изложении, рассматривая материал памятников XVII в. по группам цветообозначений, мы будем пользоваться кроме указанных выше памятников также материалами картотеки ДРС.

Опись начала века	Опись 1627 г.	Опись 1701 г.
алый	алый	алый
белый	белый	белый
вишневый	вишневый	вишневый
гвоздичный	гвоздичный	гвоздичный
голубой	голубой	—
дымчатый	дымчатый	дымчатый
желтый	желтый	желтый
зеленый	зеленый	зеленый
красно-вишневый	красно-вишневый	—
лазоревый	лазоревый	лазоревый
сахарный цвет	сахарный цвет	—
таусинный	таусинный	таусинный
червленый	червленый	—
червчатый	червчатый	червчатый
черный	черный	черный
	багровый	—
	брусничный	брусничный
	кирпичный	кирпичный
	лимонный	
	осиновый	осиновый
	рудо-желтый	рудожелтый
	темно-синий	—
	темно-зеленый	—
	темно-лимонный	—
	ценинный	—
		васильковый
		жаркой
		дикой цвет
		крапивный
		красный
		коричный
		соломенный
		светло-зеленый
		светло-осиновый

Группа белого цвета

Группа белого представлена в памятниках XVII в. по существу одним цветообозначением *белый*. Слово, как и прежде, очень употребительно, оно широко используется в памятниках как литературных, так и деловых для названия цвета одежды, тканей, цвета камней, цвета шерсти, оперенья животных и птиц, предметов быта и т. п. Например: Жеребе(ц) шерстью бѣлъ тре(х) лѣ(т)

(Якутск. а. к. 7 № 20, сст. 1). Собрашася необленно вкупѣ силнословесныя рачители его вся. . . въ бѣлоодежнѣ оболчении (Врем. И. Тим., л. 96 об.). А везенъ самозванец въ кафтанишкѣ въ черномъ въ сермяжномъ, да въ чюлкахъ бѣлыхъ, да въ бахилкахъ въ салдацкихъ (АИ IV, 529). Естли началникъ караванной похочетъ, плавучи, позвать къ себѣ всѣхъ капитановъ для какова дѣла, тогда бѣлое знамя вмѣсто обыклого да поставитъ (Петр. I, 65). Въ Рѣшитѣ птица строфокамилъ, высотою человѣку въ груди, . . отъ головы до зоба пухъ отъ бѣла на желто, а перья нѣтъ (Арс. Сух. Проскинитарий 34). Пашковъ же, возведъ очи свои на меня, — слово в слово что медведь морьской бѣлой, жива бы меня проглотилъ, да Господь не выдастъ! (Ав. Ж., 38).

Как всякое абстрактное цветообозначение, прилагательное *белый* обладает способностью обозначать очень разные оттенки цвета, т. е. в данном случае называть очень различные, совсем светлые оттенки разных цветов, настолько слабые, что они приближаются к белому. В памятниках древнерусских позднего периода прилагательное *белый* как цветообозначение широко используется не только со значением 'белый как снег', но и 'светлый, светлее других в этом роде'. В памятниках XVII в. оно употребляется в описаниях внешности человека не только для названия очень светлой кожи (белая противопоставляется смуглой), но и очень светлых оттенков волос, а также очень светлых (светло-серых, светло-голубых) глаз: Да со своим сыном с Панкратом, волосом бил, очи серы (Новг. каб. кн. I, 28—29). Лецом бела, волосом руса, очи белы (Новг. каб. кн. I, 10). А по осмотру Федка ростомъ середней, лицемъ круглоликъ, бѣлъ, глаза кари, носъ прямъ, скоросоватъ, широкъ, волосомъ русъ, бородка рѣжетца (АЮБ II, 36). «. . Скажи жо отцу своему. Мы не бѣси водили тебя; смотри: у насъ папарты; бѣси-де не имѣютъ тово. И я-де, батюшко, смотрила, — бѣло у ушей тѣхъ ихъ» (Ав. Ж., 78).

Употребительность прилагательного *белый*, кроме того, в известной степени объясняется и его эстетической функцией. В древнерусский стандарт человеческой красоты непременно входило составной частью *белое лицо*, *белые руки*, *белое тело*. Вспомним неоднократные манипуляции Бовы и Дружневны с черным и белым зельем (т. е. снадобьем, которое может очернить или обелить лицо): то он

умывается черным и становится безобразным, так, что его не узнают близкие, то умывается белым и красота его освещает все вокруг: И Бова умылся чернаго зелья и назвался лекарям. . Прекрасная королевна Милитриса почела говорить: «О злодей лекарь! Бова королевичь был велми лепообразен, от Бовиной красоты всю полату осветила, а ты лекарь, черн и дурен, что уголь». И Бова вышел на крыльцо и умылся белаго зелья и пришол в полату и осветил всю полату Бовиною красотою (Пов. о Бове, 541).

В произведениях, отражающих народную речь, в произведениях с фольклорными мотивами, в русских былинах, народных сказках эти сочетания чрезвычайно употребительны. В памятниках XVII в. мы находим подобные примеры: Вставал молодец на бѣлы ноги, учал молодецъ наряжатися . . . надѣвал он гунку кабацкую покрывал он свое тѣло бѣлое умывал он лицо свое бѣлое (Горе Зл., 7). И Бо́ва с Полканом помирился. Полкан Бову прижал за белые руки и целовал во уста и называл его болшим братом (Пов. о Бове, 535). И как кралевна уснула, положа главу свою на колени князю Петру, и князь Петр смотрил на красоту ее и вельми утешился глядя на кралевну. И тако ему вельми было любо, видя лице бело и прекрасно, уста румянны, и вельми стал утешаться той неизреченной красоте (Пов. Петр. Злат. Кл., л. 310—310 об.).

В памятниках XVII в. (по нашим материалам) не употребляются прилагательные, образованные от основы *снег-*, *снеж-*, здесь нет и древнего *снежаный* и нового *белоснежный*, хотя сравнение *белый*, *как снег*, имеется ввиду; во Временнике Ивана Тимофеева встречаем сложное прилагательное *снѣговидный* (снѣговиденъ градъ, снѣговиденъ верхъ).

К группе белого цвета следует отнести прилагательное *сахарный*, которое употребляется в деловых памятниках (только в сочетании *сахарный цвет*, только для цвета тканей). Нужно полагать, что прилагательное *сахарный* называет оттенок белого цвета с легкой голубизной (не белоснежный и не желтоватый), как почти вышедший сейчас из употребления так называемый колотый сахар. Подтверждением того, что *сахарный* именно оттенок белого цвета, является, например, следующий текст: Мухояръ бѣлой, сахарной цвѣтъ (Савваитов. Ист.

опис. одежды и вооруж. I, 107). Примеры: Знамя тафтяное розныхъ цвѣтовъ тафты рудожелтая и зеленая и сахарный цвѣтъ (АМГ III, 360). Ферези камка двоелична, шолкъ рудожелтъ да сахарной цвѣтъ (Выходы цар., 372). Кафтан камчатои цвѣтъ сахарнои пять кафтанов камчатых розных цвѣтов (А. Верхот. съезж. избы, карт. № 37, 1693).

Может быть к группе белого следует отнести и прилагательное *серебряный*, если это цветообозначение. Серебряным называют скорее не серый цвет, цвет серебра, а белый или почти белый, с блеском. Прилагательное *серебряный* как бы уточняет оттенок белого цвета: Кафтанъ, байберекъ бѣлъ, цвѣтъ серебряной, на трухменчатыхъ мерлушкахъ (Д. Шакловит. IV, 58). Более или менее несомненными можно считать только примеры со словом цвет, их мало: Камки адамашки серебреной цвѣтъ (Кн. прих.—расх. Каз. пр., 28). 2 портища сукна по 4 аршина одно цвѣтъ серебрянъ, другое гунгулиненъ, обоимъ цѣна аршинъ по 25 алтынъ: серебряной цвѣтъ взялъ Федоръ Леонтевъ а гунглинной взялъ князь Ондрей Горчаковъ (Оп. им. Тат., 4).

Группа черного цвета

Группа черного цвета представлена двумя цветообозначениями: широко употребительным прилагательным *черный* и прилагательным *вороной*, имеющим ограниченную сочетаемость.

Прилагательное *черный* широко используется в разного рода памятниках для названия одежды, тканей, цвета шерсти животных, зверей, в описаниях человеческой внешности (волосы черные, глаза черные), предметов быта, ремесла и прочее: А Михалко Молчановъ обличьемъ: смуголъ, волосомъ чорнъ, носъ покляпъ (СГГД II, 324, 1606). Ризы зуфные, оплечье бархатъ чернъ (Гр. Дв. I, 608, 1627). А везенъ въ кафтанишкѣ въ черномъ въ сермяжномъ, да в чюлкахъ бѣлыхъ (АИ IV, 529). Василия великаго архиепископа Кесарии каппадокийския, черн во образѣ горбоносъ, брови окружены, браду же имѣя долгу и редку (Подлинник ик., 64). Курочка у насъ черненька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу (Ав. Ж., 32). Ясакъ имать при служилыхъ людѣхъ . .

бобры и кошлоки черные и чернокарие, и карие, и рыжие, и лисицы черные, и чернобурые, и бурые, и черночеревые, и сиводущаты, и красные и рыси и выдры и песцы черные и голубые (ДАИ VII, 139). А се хлебня темна и сажа добре черна и всех морает, а света не имеет (Стих. о жизни патр. певчих).

Хотелось бы обратить внимание на сочетание *черное платье*, очень употребительное в разного рода памятниках XVII в. Оно может обозначать цвет, но часто имеется в виду более не цвет (черный), а его назначение, траурное или монашеское. А тотъ розстрига [Григорий Отрепьев] сложивъ черное платье, сшолъ к Сендомирскому, называючис‹ь› цр҃вчемъ (СГГД II, 163, 1604). Григорей рострига посылаетъ къ нему думнова своево дьяка . . и говорилъ ему дьякъ: присла де къ тебѣ государь природный царевичь, скинь ты, государь Феодоръ Никитичь, черное платье, — то де наложилъ на тебя измѣнникъ нашъ Борисъ Годуновъ, — и приими . . святую богряницу свою (Суб. Мат. IV, 261). Выдать кухмистеру Яну Фелтену на черное платье для печали нынѣшней, противъ того же, почему дано Монсу и прочимъ, 25 ефимковъ (Петр. II, 50).

Кроме того, вероятно, в ряде случаев имеется ввиду не цвет, а качество: черное платье — плохое, бедное, в данном случае черное противопоставляется цветному: У игуменских сторожей, кромѣ черныхъ сермяжекъ, цвѣтнаго платья не бывало (Суб. Мат. III, 57). Вспомним также, как герои некоторых переводных повестей обменивают свое нарядное платье на черное. Например, королевна Магилена обменивается платьем со старицей, платье старицы, черное платье, называется и худым рубищем: Потом под вечер узрила единую старицу, шла по той дороге старица. И кралевна сошла с древа и пришед к ней, рекла ей: «О милая моя старица, учини для меня милость свою, дай мне свое черное платье, худые рубища за мое дорогое платье». [Черница ответила ей]: Прошу тя, ходи ты в драгой своей одежди, а я в том своем рубищи, какую мне бог дал». Кралевна стала молить ее. . И старица . . сняла с нее драгое платье кралевское, а ей дала свои рубища (Пов. Петр. Злат. Кл., л. 319—319 об.).

Как и цветообозначение *белый*, прилагательное *черный* может иметь значение не ‘черный как сажа, как уголь’,

но ʻтемный, темнее других в этом родеʼ [56], например о цвете лица у человека: Носятъ миткали бѣлые, и челмы на головахъ бѣлые же а родомъ недородны. и лицѣмъ блѣды и сухи и черноваты (Х. Котова, 114). [О смертельно больном патриархе]: Во вторникъ ѣздилъ отпѣвать Ивана Григорьева сына Плещеева жену, а отпѣвалъ де на злую силу, весь де чернъ въ лице (Пис. к Никону, 159).

Любопытны сравнительные обороты, где указывается на разную степень черноты, а также словообразовательные варианты прилагательного *черный* и производных, используемые для указания на слабые оттенки цвета: Застахомъ на брѣгу нагаго и зѣло чернаго Мурина (Х. Рад., 87). А возрастомъ человѣкъ средний [богдыхан] и шадровитъ лицомъ гораздо и черневатъ, усы малые черные, 23 лѣтъ ему (Спафарий, Китай, 295). Такожде и гагата камени много, цвѣтомъ причернь, тотъ камень в водѣ горитъ, а масломъ всякимъ гасится (Козм., 237). А привозятъ соболи въ Китаи изъ Дауръ и изъ заморскихъ ихъ сторонъ самые добрые; а бѣлку привозятъ: передъ сибирскою черна (Вед. о Кит. зем., 28).

Другое цветообозначение этой группы *вороной* употребляется для обозначения конской масти: Мерин воронъ (Там. кн. Тихв. м. № 3, л. 68 об., 1626). Возниковъ . . вороныхъ (Гебд., 49). Другъ мой, Иларионъ, архиепискупъ Рязанской! Видишь ли, какъ Мелхиседекъ жилъ? На вороныхъ и въ каретахъ не тѣшился ѣздя (Ав. Кн. Бес., 303). Возможно, что прилагательное *вороной* могло употребляться и шире, во всяком случае есть пример, когда словом *вороной* называют цвет травы: Трава бронецъ, ростетъ кустиками что гороховина, цвѣтъ на ней воронъ и красенъ (Леч. III, 4).

Есть трава Ахтамосъ, ростомъ въ стрѣлу темна — ворона и цвѣтъ на ней съ вѣнцами. И та трава вельми добра от щемоты (Леч. III, 3. нач. XVIII в.). Есть трава на земли, именемъ ахтамонъ, ростетъ при темнѣ ворона, листочки маленьки, высотою въ стрѣлу цвѣтикъ кушинцами (Сл. и д. II, 75).

---

[56] См. в Словаре АР: *Черный*. 2. Придается к означению качества вещей, кои хотя бы не совсем черный цвет имеют, однако в сравнении однородных с ними ближе к оному походят.

Группа красного цвета

Группа красного цвета, представленная рядом цветообозначений, находится в XVII в. в состоянии перестройки. Еще употребляются цветообозначения с корнем *červ-. Не часто, но в памятниках разного рода употребляется *червленый*; часто, преимущественно в памятниках деловых, — *червчатый*; прилагательное *чермный* употребляется только для обозначения цвета волос, чаще в памятниках деловых. Вместе с тем в XVII в. широко используется новое цветообозначение *красный*, часто в одном памятнике, в одном близком контексте встречаются цветообозначения *красный* и *червчатый*. Можно думать, что они обозначают в этом случае разные оттенки цвета. Однако можно предполагать, что в ряде случаев это слова-синонимы и, безразлично к оттенкам, указывают на цвет, который мы сейчас называем красным. Памятники показывают, что к концу века прилагательное *красный* завоевывает все новые позиции и становится главным, основным в группе красного, становится абстрактным цветообозначением для этого цвета. (История цветообозначений группы красного цвета с корнем *červ-, слово *красный* подробно рассматривается во второй части работы, поэтому примеры здесь не приводятся.)

В памятниках этого времени по-прежнему широко известны цветообозначения с корнем *ƀagъr- : *багряный*, *багровый*. Они несколько изменяют сферу употребления, и здесь, кажется, намечаются соотношения, свойственные новому времени. Прилагательное *багряный* употребляется в памятниках деловых, как будто в довольно разнообразных сочетаниях, в памятниках литературных оно используется ограниченно как слово книжное. Напротив, прилагательное *багровый* начинает расширять сферу употребления и используется не только в деловых памятниках, не только для цвета тканей, но и для названия цвета кожи, тела, пострадавшего от удара, т. е. происходит смешение, приближающее употребление этих цветообозначений к современному.

Довольно употребительно цветообозначение *алый*, слово, заимствованное из тюркских языков и быстро вошедшее в русский язык. В XVII в. используется преимущественно в деловых документах для названия цвета тканей, а также цвета драгоценных камней.

В памятниках XVII века, главным образом деловых, находим также большое количество цветообозначений, которые называют различные оттенки красного цвета или цветов смешанных, в основе которых находится красный. Это по происхождению относительные прилагательные, называющие цвет растений, плодов, продуктов питания, металлов, например, *вишневый*, *малиновый*, *маковый*, *гуляфный*, *мясной*, *медный*, *кровавый* и др.

Группа синего цвета

Группа синего цвета представлена в памятниках XVII века прилагательными *синий*, *голубой*, *лазоревый* (история этих цветообозначений подробно описана во второй части работы). В деловых памятниках XVII в. для названия оттенков синего цвета употребляются прилагательные *васильковый* и (единично) заимствованное *блакитный*. Оба прилагательных используются только для названия цвета тканей.

К этой же группе следует отнести и цветообозначение, называющее цвет, в основе которого, видимо, лежит *синий*, прилагательное *сизый* (*сизовый*). Слово *сизый*, интересное как цветообозначение, в древности — с ограниченной сочетаемостью, со временем расширяет сферу употребления. Как и некоторые другие цветообозначения, называющие смешанные цвета, широко используется в современной литературной цветописи. В XVII веке используется для названия цвета тканей, а также для цвета оперенья у птиц в памятниках с фольклорными мотивами в привычных с древности сочетаниях, например *орлы сизые*, *сизым голубем*.

Группа желтого цвета

Группа желтого цвета представлена по существу одним словом с неограниченной сочетаемостью, являющимся абстрактным цветообозначением желтого цвета, — прилагательным *желтый*. Оно употребляется для названия цвета одежды, тканей, цвета драгоценных камней, цвета растений, а также в описаниях человеческой внешности: А на женахъ [у аврамлянъ в Персии] платье желто дѣлано ис тое же верблюжьи шерсти (Х. Котова, 114). Стрелецъ Карпунка Куприяновъ отдал кафтан суконнои черчатои

поношен да сапоги сафъянные желтые (А. Кир. Б. м. №197, 1665). Недалече отъ Гданска видѣли двѣ дивные птицы, которыхъ напередъ сего здѣсь не видали, желтоносыя да бѣлыя хвосты и ноги (Куранты, 38, 1655). Едилъ де онъ въ Сибирь рудъ искать, и обыскалъ каменье, въ горахъ хрустали бѣлые, фатисы вишневые, и юги зеленые и тунпасы желтые (ДАИ У, 62). Собака будет есть траву желтые цветы (Кн. охот. рег. 1912). Того жъ дни свѣшного ряду торговому человѣку Сенкѣ Трофимову, за шесть фунтовъ смолы жолтой восмъ алтынъ дано (Мат. медиц., 252).

Возможно, что слово еще используется в описаниях человеческой внешности для названия цвета волос, в наших материалах единственный пример из иконописного подлинника: Образъ пресвятыя богородицы возраста бяше средняго, средня руса желты власы очима черныма (Подлинник ик. 6). В фольклоре часто находим сочетание *желтые кудри*, возможно, что в народе это слово долго употреблялось для цвета волос: Солнышко Владимиръ стольно-киевский. По гридне столовой похаживает Желтыми кудерками потряхивает (Пес. Рыбн. 1, 27). Сидит-то девица да причитыват И ко своей-то косы да желто-русые И моя-та коса да желто-русая Плетена у родители у матушки. . Росплетать станут маленьки змиеныши (Он. был. Глф., 1251). Не сизенький голубоцик По цисту полю летал Расхорошенькой мальцышка Желты кудерцы цасалъ (Псков. песни, 17). На сторонушке мой миленькии живет На головушке желты волоса (ВНП IV, 141).

Как всякое абстрактное цветообозначение прилагательное *желтый* называет очень разные оттенки цвета, например очень слабые желтоватые оттенки кожи больного человека (в данном случае *желтый* может значить не только желтый, но и 'не белый', 'не румяный', 'бледный'): И послѣ де того жилъ недѣли съ 3, ходилъ желтъ и умеръ (Д. Иос. Колом. 24). Лечить . . постельницу Марью Пустобоярову, а болѣзнь у неѣ лихорадка жъ да вся желта (М. Медиц., 1086). Старикъ бѣдной, жолтехонекъ, въ церквѣ: прибрелъ, . . жезломъ подпершися стоитъ и персты по преданию сложить не умѣетъ, а кланятися . . и давно не можетъ (Ав. Кн. Бес., 380). Так же используются производные существительные и глаголы: Понеже та трава выгонит изнутри вредителную мокрость от коеи та болесть родится, то же питие пристоитъ тѣмъ на коих жел-

тость нападетъ (Травник Любч., 168[2]). На коихъ людехъ желть падаетъ (Там же, 519). Иктеръ есть болѣзнь, егда тѣло недугует, а очи желтѣютъ (Алф. I, 96).

К группе желтого цвета относится древнее прилагательное *половый*. В памятниках XVII в. используется только для названия масти животных.

Для названия различных оттенков желтого цвета в деловых памятниках XVII в. находим цветообозначения, являющиеся по происхождению относительными прилагательными, например, *лимонный*, *луковый*, *соломенный*, *песочный*. Используются для названия цвета одежды, тканей.

Группа зеленого цвета

Группа зеленого цвета представлена прилагательным *зеленый*. В различного рода памятниках XVII в. оно широко употребительно как для названия цвета растительности, так и для названия цвета тканей, одежды, камней, продуктов питания и прочего, например: Уже бо намъ казакамъ по синему морю Хвалынскому в лехкихъ стругахъ не бывать и в зеленыя дубравы не гуливать (Аз. пов. сказ.). Имѣетъ листвие зелены велми (Травник Любч., 306). И израстиша. . травы. . разными процвѣтении: червонныя, лазоревыя, зеленыя, бѣлыя, голубыя и иныя многия цвѣты пестры и пепелесы (Ав. Сотв. мира, 566). Продано шубка зелена сукно аглинское, поношена, да торлопъ бѣлей хрептовой поношенъ (АЮБ II, 276, 1604). Да оне же розбойники унесли у меня. . шушунъ зеленой поношенъ летчинной съ петлями, цена 8 гривенъ (АХУ III, 22. 1626). Да къ тебѣ жъ послалъ полотна азовскаго добраго самого со сто съ восемьдесятъ аршинъ. . да бархату зеленова (Переп. Хован., 308). Въ пѣти перснахъ ставкы изунбрудъ зеленые а въ двухъ персняхъ ставкы жемчюжные (АХУ III, 116, 1632). В горахъ хрустали бѣлые. . и юги зеленые (ДАИ V, 62). Змарагдъ. . есть камень нарицаемый змарагдъ, иже именуется изумрут, и яхонтъ; видом зеленъ и свѣтел (Алф.[1], 86—87).

В ряде случаев прилагательное *зеленый* называет, видимо, не яркий зеленый цвет, зеленый как трава, как камень изумруд, а зеленоватые оттенки, например для некоторых продуктов питания: Аще не въ постенъ день, на братью: шти, да каша зеленая съ масломъ, да рыба стер-

лядь, квасъ простой (Столов. обих. Новоспасск. мон., 49). За десять гривенокъ патаки зеленой тринатцать алтынъ двѣ денги дано (Мат. медиц., 202). Въ 30 день мая приѣхали въ Дартелъ градъ; тутъ вино зелено и густо какъ масло, тутъ виноградъ на полѣ, какъ хлѣбныя нивы (Арс. Сух. Проскинитарий, 94). Возможно употребление словообразовательных вариантов прилагательного и производных для названия оттенков цвета: Урина. . зеленостна есть (Травник Любч., 725). Санкиръ составливай не чернъ, зеленоват (Сим. Обих. книгоп. XIV, 139). А по досмотру де во шти мѣшкахъ колцеданъ, а въ трехъ мѣшкахъ камень крѣпкой съ зеленью, а въ одномъ мѣшкѣ камень желтоватъ съ искрою, въ другомъ мурамомъ зеленъ съ искрою жъ (АИ III, 404). Любопытно употребление слова в специальной литературе в словосочетании *бѣлок—зелени*. Может быть, речь идет о слабых оттенках цвета в мехах (если в данном случае зелень цветообозначение): А на тѣ явленные денги. . купилъ онъ на Вышерѣ двѣ тысячи двѣсти бѣлокъ чистыхъ и зелени (АЮБ II, 329—330. 1684). Пятсот восмъдесят бѣлок чистых сто зелени двѣ лисицы красных (Там. кн. Тихв. м. № 1179, 13 об. 1699). Восмьдесят бѣлки зелени (А. Холмог. там. избы № 483. 1674).

Для названия различных оттенков зеленого цвета в деловых памятниках XVII в. употребляются прилагательные *осиновый*, *крапивный*, *мурамно-зеленый* (только для названия цвета одежды, тканей).

В памятниках XVII в. употребляется довольно большое количество цветообозначений из групп смешанных цветов.

Группа серого цвета: *серый* (для этого времени абстрактное цветообозначение), а также в деловых памятниках *попельный*, *дымчатый*, *мышачий*, *гвоздичный*, *дикий*.

Группа коричневого цвета: *смаглый*, *смяглый*, *смуглый*, *бурый*, *коричный*.

Группа оранжевого цвета: *руджелтый*, *жаркой*, *померанцевый*.

Материал, представленный в памятниках XVII в., которые рассматриваются как образцы, а также материал картотеки ДРС помещен в прилагаемых таблицах.

Исследование материала памятников XVII в. может привести к следующим выводам:

1. В памятниках XVII в. в общем употребляется большое количество цветообозначений, хотя большинство памятников литературных в значительной степени сохраняет традиции литературы древнейшего периода. Однако и в памятниках этого рода намечается сдвиг: появляется интерес к цвету. Сложный, переломный XVII век, вероятно, и для цветообозначений и для отношения к цветописи является переломным, может быть перелом следует искать не в появлении большого количества цветообозначений, а в том, что появляется интерес к цвету, в отказе от своеобразного «цветового табу», которое существовало в литературе раннего периода.

2. Памятники XVII в. различаются не только тем, что используют одни мало, другие много цветообозначений, но и тем, что разным родам памятников в общем свойственно употребление разного рода цветообозначений. В памятниках литературных с книжной традицией в основном названия белого, черного, красного цвета, для названия оттенков красного цвета используются старые цветообозначения с корнем *červ-, *bagъr-, слово *красный* в качестве цветообозначения не используется. В памятниках с фольклорными мотивами употребляются цветообозначения, присущие языку фольклора в соответствующих сочетаниях: *белое лицо*, *белые руки*, *белые шатры*, *желтые пески*, *зеленая дубрава*, *сизый орел* и прочее. В памятниках третьего рода, отражающих в значительной степени разговорный язык разных слоев населения, появляются цветообозначения, которые, видимо, бытовали в речи, например, *глинастый*, *кирпичный*, *брусничный*, *половый* и прочие. Разного рода деловые памятники дают большое количество цветообозначений, которые используются главным образом для названия цвета одежды, тканей, цвета камней и т. п. Эти памятники также рознятся друг от друга перечнем цветообозначений, что можно объяснить как отражением диалектных особенностей, так и наличием индивидуального употребления.

3. В большом разноречивом, пестром материале памятников XVII в., кажется, все-таки можно наметить тенденции, свидетельствующие о том, что к концу века лексико-семантическая группа цветообозначений почти окончательно сформировывается (во всяком случае, для цветов

основных) с соотношениями в группах цветообозначений, близкими современным. Например, прилагательное *красный* вытесняет старые цветообозначения с корнем *červ-, которые совсем уходят из языка, прилагательные с корнем *bagъr- ограничивают сферу употребления, *багряный* — в основном книжное, *багровый* — преимущественно в описаниях внешности (или в литературе — для названия особого оттенка красного, но с элементом эмоционального отношения), прилагательное *красный* становится абстрактным цветообозначением. Освобождается от старых значений (или употреблений) прилагательное *синий* и т. д.

4. Группы смешанных цветов еще остаются в значительной степени неоформленными: для оранжевого существует ряд цветообозначений, группа коричневого представлена также рядом цветообозначений, сфера каждого ограничена; группа фиолетового не оформилась, хотя в языке существуют цветообозначения, называющие оттенки красно-синего цвета. Процессы формирования этих групп заканчиваются в XVIII в.

Таблица 2

Цветообозначения в памятниках XVII в.

Памятник	Цветообозначения	В сочетании с существительными	В составе сложных слов и производных
Иное сказание	**белый**	**белые кречаты, л. 275 об.**	
	черный		**Всему тѣлу во уголь почернѣвшу, л. 283.**
	чермный	**власы. . чермны, л. 333**	
	багр-		**тѣло. . обагрено кровию, л. 250 об., кровию земля обагрися, л. 274 об., орѣхи кровию его обагрилися, л. 333 об.**
	сѣрый	**на сѣрые утята, л. 275 об.**	
Сказание Авраамия Палицына	**черный**	**съ черными псы, Свейскими Нѣмцы, л. 58 об.**	
	чермный	**сквозѣ Чермное море прошедшаа, л. 108.**	
Временник дьяка Ивана Тимофеева	**белый**	**въ бѣлыхъ ризахъ, л. 91 об.**	**въ бѣлоодежнѣ оболчении, л. 96 об., бѣлосущаго льнянօткания снѣговиденъ градъ, л. 106, отъ бѣловиднаго и преосвещенна верха, л. 287.**
	черный	**въ черное одѣяние облекъ, л. 16 об., отъ толикия славы въ черная оболчену, л. 115, въ ризы черныя, л. 296 об.**	

Таблица 2 (*продолжение*)

Памятник	Цветообозначения	В сочетании с существительными	В составе сложных слов и производных
	румян-		богатых благоденства румянство, л. 222
	рдѣти	лица рдѣтися, л. 97 об.	лица рдѣтися ото рдѣнья, л. 97 об.
	черв-		и водамъ естество, ими очервивъ, згустися, л. 174
	багр-		багряницы, л. 281 об., багряновиденъ. . зракъ, л. 92, обагрены кровию, л. 92.
	зелен-		крины. . . зеленеюще,
	блед-		л. 106 об. блѣдость. . лиц, л. 222
Повесть Катырева-Ростовского	белый	лице же ему бѣло, л. 29. [Царевна Ксения] бѣла велми, л. 29	млечною бѣлостию блистаяся, л. 29, млечной бѣлостию облиянна, л. 29
	черный	очи . . черны, л. 29, власы . . черны, л. 29.	
	румяный	ягодами румяна, л. 29	
	червленый	червлена губами, л. 29	
	багр-		во крови. . руцѣ свои обагри, л. 3. об., вѣ крови. . руцѣ свои обагриша, л. 7
	зеленый		зеленѣютца поля, л. 14 об.
	серый	очи. . серы, л. 28 об.	

Повесть о князе Скопине-Шуйском	белый	гробницу белу каменну, л. 903 [вар. бѣлокаменну]
	черный	вода. . черна, что смола, или декоть, л. 904
Повесть об Улиянии Осорьиной	багрян-	аки масло багряновидно, л. 47
Повесть о Савве Грудцыне	черный	иных же [лица] яко смола черны, 91
	багряный	лица. . багряны, 91, ризу багряну, 100
	синий	лица же их. . сини, 91
Житие патриарха Никона	бѣлый	отроковица повѣда по чину ово красно ово бѣло быти, 46; алтабасъ бѣлой, 190, бѣлый алебастръ, 193, свиту бѣлаго сукна, 193
	черный	в черномъ клобукѣ, 66, чернаго сукна, 88, клобукъ черный, 125, сукна и тафту черныя, 157, мѣхъ песцовой черной, 159, черными вапы, 187.
	чермный	море Чермное
	красный	повѣда по чину ово красно ово бѣло, 46
	пепеловидный	пепеловиднаго сукна, 88
	таусинный	рясу бархатъ таусинной, 193
Повесть о Бове королевиче	белый	[примал, вземь, хватает] за белыя руки, 518, 523, 535, 539, белыя шатры, 534
	черный	черное платье, 531, а ты старец черн и дурен, 533; а ты лекарь черн и дурен что уголь, 541; баба дурна и черна, 539

Таблица 2 (*продолжение*)

Памятник	Цветообозначения	В сочетании с существительными	В составе сложных слов и производных
Повесть о Петре Златых Ключей	белый	лице бело и прекрасно, л. 310, белое тело, л. 313 об., белую срачицу, 332 об., белого тела, л. 335.	
	черный	черное платье, л. 318 об., черными утварьми, л. 323 об., лицо укрыто было черным, л. 333 об., обитие стенное черное, л. 340—340 об., черное платье, л. 341	лице зачернила, 319 об.
	румяный	уста румянны, л. 310	
	червчатый	узолок червчетой тавтяной, 310 об.	
Повесть о Василии Златовласом королевиче чешской земли	белый	по бѣлому тѣлу, 19	
	красный	сукномъ красным кармазинным, 10	
Сказание о некоем славном богатыре Уруслане Залазоревиче	бел(ый)	шатер бел, 120	в поле белеютца многие кости, 116
	ворон (ой)	кон под ним ворон, 121	
	червчатый	кутас на нем червчат, 106	
	алый	алые тебенки, 103	
	красный	красново золота аравитцког ⟨о⟩ 108, 120	
	зеленый	кутас зелен, 109	
	бур(ый)	бурой кон, 110, бурого коня, 110	
	кар(ии)	жеребец кар, 104	
	сив(ыи)	кон под ним сив, 103, 106, сивой кон, 103	

Повесть о Горе-Злочастии	белый	на белы ноги, 107, тело белое, 107, лице свое белое, 107, белое тело, 109, тело белое, 112, белым кречатом	
	желтый	по желтому песочику, 113	
	зеленый	чару зелена вина	
	синий	в синее море, 114	
	серо	серо горе горинская, 110, серым ястребом, 114, серым волком, 114	
	сизый	сизым голубем, 114	
Повесть о Сухане (рук. кон. XVII в.)	белый	не белое каменье, на горах белеются (М 140)	не белое каменье на горах белеются, белеются доспехи (М 140)
	красный	с красным кречетом (М 139)	
	желтый	с желты пески (М 139)	
	зеленый	ко дубраве зеленой (М 140), сыр-зелен подубок (М 140)	
Повесть об Азовском осадном сидении	бѣлый		
	черный	черные. . знамена, 56, вороны черные, 61	горы. . забелелися
	багр-		обагрили кровию христианскою, 63
	красный	[платья?] по збруям их одинакая красная, яко зоря кажется, 57, двести тарелей золота красного, 70	
	синий	море синее, 58, подле моря Синяго, 62, море Синее, 63	
	сизый	орлы сизые, 61	
	бурый	лисицы бурые, 61	
Хождение на Восток Ф. А. Котова в перв. четв. XVII в. (1623 г.)	белый	соль. . бѣла и добра, л. 9 б., городъ каменной бѣлой, л. 17а, по великому каменю бѣлому, л. 18 а, миткали бѣлые, 63 а, челмы. . бѣлые, 63 а, бѣлымъ моремъ. . на бѣломъ мори, 68 б.	лавки украсятъ выбѣлятъ и выкрасятъ, л. 46 б

Таблица 2 (*окончание*)

Памятник	Цветообозначения	В сочетании с существительными	В составе сложных слов и производных
	черный	в Черное море, л. 17 б, вымазаны черною нефтью и черны, что арапы, л. 56а, волосомъ черны, л. 61 б, тѣ арапы нечерны, черны арапы подъ Индѣею, л. 68 а	
	черноватый	лицѣмъ блѣды и сухи и черноваты, л. 63 а	
	красный	рыбу привозятъ. . чтобы руская семга красная и укусомъ такова же, л. 22а, свѣчи всякими красками крашены красною и зеленою. . , л. 44 а; и яйца красные продают 49 б	
	желтый	Платье желто, л. 62 а, желтою краскою, л. 62 б, желтые платы, л. 63 б	
	блед-	лицѣмъ блѣды, л. 63 а	
	вишневый	шалы вишневы, л. 60 б, платье вишнево, л. 63а	
	кирпичневый	платье. . широко, а цвѣтомъ кирпишнево	
	глинаст	бабръ. . шерстью глиннастъ, л. 64а	
Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары 1634—37	белый	доскою аспидною бѣлою, 7, козы бѣлы, 38	
	чермный	Чермное море, 21, къ Чермному морю, 38	
	багр-		огнь небесный багровидень, 74 (II ред.)
	красный	позолочено на красно, 74, [вар. красно вельми]	
	брусничный	бархатомъ бруснишьнымъ цвѣтомъ, 40, небесный огонь	
	глинаст(ыи)	глинность (вар. глиность, глиннастъ), 36	

Таблица 3

Цветообозначения в памятниках XVII в.

По материалам картотеки ДРС

Цветообозначения	Памятники	Сочетаемость
Алканный	**Основ. Царьград.**	**Цвѣтъ подобенъ алканному цвѣту (Основ. Царьград, 34^{2}, кон. XVII в.)**
Алый	**АИ, ДАИ, Моск. а., Переп. кн. Свир. м., А. Верхот. съезж. избы, Вед. о Кит. земле, Послов. Сим. и др.**	**Тафта алая (Кн. пер. Свир. м. № 15, 1646 г.). Камка алая (АИ IV, 161, 1651 г.). Штаны атласные алые (А. Верхот. съезж. избы № 13, 1667 г.). Сукны алыми (ДАИ X, 38, 1682 г.). Башмаки алые (Моск. а. № 95, 1692 г.). Яхонт красный цвѣтомъ или аль (Вед. о Кит. земле, 28, 1669 г.). Алъ лалъ (Сим. послов, 75).**
Ангулинный (ангуличный, амгулинный, гунгулинный, гулинный)	**Оп. им. Тат., Кн. зап. Моск. ст., А. Верхот. съезж. избы, Петр I.**	**Тафта гунгулинна (Оп. им. Тат., 1, 1608 г.). [Сукно]. . цвѣтъ гунгулиненъ (Оп. им. Тат., 4, 1608 г.). Камки ангуличной цвѣтъ (Кн. зап. Моск. ст. 1, 175, 1614 г.). Подъ амъгулиннымъ сукном (А. Верхот. съезж. избы № 13, 1667 г.). Объярь гулинна (Петр I, 246, 1691 г.).**
Багор, багр(ый)	**Ж. ц. Дм. Тулуп.**	**Обымевая бяше красными виды, яко багрыми цвѣты (Ж. ц. Дм. Тулуп., 889, 1630 г.).**
Багровый	**Кн. прих.-расх. Каз. пр., Выходы цар., Росп. узор., Посольство Елчина, АЮБ, Леч. II, Алф.[1] и др.**	**Шолку багрового (Кн. прих.-расх. Каз. пр. 79, 1614 г.). Сукно багрово (Выходы цар., 27, 1634 г.). Отласу багрового (Росп. узор., 560, 1635 г., Выбайка багровая (Посольство Елчина, 333, 1640 г.). Багровая краска (Алф.[1], 190). На спине и на боках все сине и багрово (АЮБ I, 629, 1693 г.). Трава цвет багров с вишнева (Леч. II, гл. 109, к. XVII в.)**

Таблица 3 (*продолжение*)

Цветообозначения	Памятники	Сочетаемость
Багряный	Арс. Сух. Проскинитарий, Ав. Кн. обл., Мат. медиц., Травник Любч., Сав. Грудц. др.	Овцы все багряныя (Арс. Сух. Проскинитарий, 35, 1653 г.). Камен-ет багрянъ есть (Ав. Кн. обл. 609, 1679 г.). Сливы суть багряны (Травник Любч., 525). По всему тѣлу нечисть — мѣстами багряно и лазорево (Мат. медиц., 1677 г.) и др. [В составе сложных слов: Уста багряноносна (Ав. Кн. толк, 1677). Масло багряновидно (Пов. Ульян. Мур, 67).].
Баканный	Арх. бум. Петра	Писано золотомъ по баканной землѣ (Арх. бум. Петра I 23, 1691 г.).
Белый	АИ, АЮБ, Моск. а., АХУ, Д. холоп., Дон. д., Новг. каб. кн., Кн. расх., Там. кн., Х. Котова, Ав. Ж. и др.	Сермяга бѣла (Кн. расх. Свир. м. № 6, 1615 г.). Зипунъ бел сермяжной (Д. холоп, 362, 1623 г.). Носятъ миткали бѣлые (Х. Котова 114, 1624 г.). Тафтяную белую шубу (Ав. Ж., 232—233, 1672 г.). В чюлкахъ бѣлыхъ (АИ IV, 529, 1674 г.). Башмаки бѣлые (Моск. а. № 95, 1692 г.). Волосом бела изчеремна (Новг. каб. кн. I, 29. 1603 г.). Очи изкаря бѣлы (Новг. каб. кн. I, 102, 1603 г.). Лицом бел (Дон. д. II, 1097). Тѣло бѣлое (Горе Зл. 112). Патаки бѣлой (Мат. медиц., 1656). Бѣлые коврицки (АХУ II, 1046. 1683 г.). Мыла бѣлого (ДАИ XII, 314, 1677 г.). Хрустали бѣлые (ДАИ V, 62. 1657 г.). Алъ лалъ, бѣлъ алмазъ (Сим. послов. 75) и др.
Блакитный	ДАИ	На знамени земля желтая на земли кругъ блакитный (ДАИ X, 107, 1682 г.).
Блед(ый)	Новг. каб. кн., Х. Котова, Травник Любч., Алф. [1]	Очи черны, лицомъ блѣдъ (Новг. каб. кн. IV, 33, 1599—1600 г.). Лицѣмъ блѣды и сухи и черноваты (Х. Котова, 114, 1624 г.). Лице станетъ блѣдо (Травник Любч., 236). Кои лицемъ измождены и блѣды (Алф. [1] 186 об.).

Бледный	Новг. каб. кн., Риторика 1620 г., Травник к. XVII в., Предисл. ур.	В лице блѣдна (Новг. каб. кн. IV, 47, 1599—1600). Блѣденъ сталъ (Риторика, 397, 1620 г.). Кто бледен ино пити и умыватися с нее. (Травник 137, к. XVII в.). Урина блѣдная (Предисл. ур. 172, к. XVII в.)
Брощаный	Алф. [1]	Брощано, багряно (Алф. [1], 35б.
Брусничный	Гр. Сиб. Милл., А. Белоз. съезж. избы, Арх. бум. Петра, ДАИ и др.	Лундыш брусничной цвет (Гр. Сиб. Милл, II, 198, 1607 г.). Камка брушничной цвет (А. Белоз. съезж. избы. 1616 г.). Атласъ брусничный цвѣтъ. (Арх. бум. Петра I, 219. 1678 г.). Байбереков. . брусничного 37 аршинъ (ДАИ X, 191, 1686 г.). Камка бруснична (Одежды цариц 140, 1681 г.). и др.
Буланый	Там кн., Хоз. Мор.	Жеребца булана (Там. кн. 1, 133, 1633—1634 г.). Мерин в сѣре буланъ (Там. кн. Тихв. м. № 204, 1657 г.). Жеребец буланъ (Хоз. Мор. 205. 1667 г.).
Бурнастый	Там кн. II	Товару явил по Сысольской выписи: лисицу бурнастою, лисицу красную (Там. кн. II, 327, 1655—1656 г.).
Бурый	Новг. каб. кн., Гр. Дв., Д. холоп., Переп. Хован. Кунгур. а., АИ, Аз. пов. и др.	Глаза буры (Новг. каб. кн. I, 267, 1603 г.). Очи буры (там же 8). Волосом бур (там же, 267). Корова бура (Гр. Дв. 496, 1615 г.). Кобылу буру (Д. холоп. 328, 1620 г.). Мерина бура (А. Кунгур. 11, 1649 г.). Лисицы . . бурые (АИ, IV, 522. 1674 г.). Брешут у нас по Дону Ивановичю лисицы буры (Аз. пов., 191. к. XVII в.).
Васильковый	А. Верхот. съезж. избы, Арх. бум. Петра, АЮБ.	Кафтан василковой (А. Верхот. съезж. избы, карт. № 37, 1643 г.). Камка васильковая (Арх. бум. Петра 115, 1690 г.). Телогрея камчатая василковой цвѣтъ (АЮБ III, 298. 1699 г.).
Вишневый	АЮБ, Арх. Стр., Выходы цар., Дон. д., Олон. а., А. Верхот. съезж. избы и др.	Шапку вишневу (АЮБ II, 266. 1604 г.). Сукно вишневъ цвѣтъ (Арх. Стр. II, 120. 1611 г.). Под вишневою камокою (А. Верхот. съезж. избы, 1667 г.). Бархатъ вишневъ (ДАИ X, 38, 1682 г.). Фатисы вишневые (ДАИ, V, 162, 1666 г.).
Водяной	Сказ. о голом.	Ферези у меня, молодца, были добрые на водяной цвет, а на рогожаной тож (Сказ. о голом, 33).

Таблица 3 (*продолжение*)

Цветообозначения	Памятники	Сочетаемость
Вороной	Там. кн. Тихв. м., АХУ, Ав. Кн. бес., Леч. III и др.	Мерин ворон (Там кн. Тихвин. м. № 3, л. 68 об., 1626 г.). Мерина. . ворона (АХУ III, 1636 г.). Меринъ ворон (Кн. Ивер. м. 1, л. 57. 1665 г.). Возниковъ. . вороныхъ (Гебд. 49, 1660 г.). На вороных. . не тѣшился ѣздя (Ав. Кн. бес. 303. 1669—1675 г.). Цвѣтъ на ней [траве] воронъ и красенъ (Леч. III, 4. 1672 г.).
Гвоздичный	АИ, Кн. прих.-расх. Каз. пр., Гр. Дв., АХУ, Кн. пер. Свир. м., Арх. бум. Петра и др.	Шуба гвоздична (АИ II, 405. 1612 г.). Шолку гвоздичного (Кн. прих.-расх. Каз. пр. 93, 1614 г.). Бархатъ гвоздиченъ (Гр. Дв. I, 608, 1627 г.). Камка гвоздичная (Кн. пер. Свир. м. № 169, 1649 г.). Рященко киндячное гвоздишной цвѣтъ (Кн. пер. Нил. Столб., л. 69. 1663 г.). Кафтанъ. . цвѣтъ темной гвоздишной съ искрою (ДАИ XII, 379. 1695 г.). и др.
Глинаст(ый)	Там. кн. Тихв. м., Х. Котова, Х. Вас. Гаг., А. гр. распр., Сим. перепл. худ.	Бабръ. . шерстью глиннастъ а шерсть ниска, а по немъ полосы черны (Х. Котова, 115, 1624 г.). Меринъ сѣръ глиннастъ (А. гражд. распр. 215). Крашенин глинастых (Там кн. Тихв. м. № 355, 6. 1624 г.). Евангелие поволочено камкою глиннастою (Сим. перепл. худ. 138). А тот небесный огнь глинностъ [вар. глинастъ] не как земный огнь (Х. Вас. Гаг. 36, 1634—1637).
Гнѣдой	Астрах. а., Д. холоп., Ворон. а., Гр. Хив. Бух., Якут. а. и др.	Кобыла лыса гнѣда (Астрах. а. № 508, 1619 г.). Мерин изсаврасагнет (Д. холоп. 328, 1620 г.). Кобыла гнѣда (Ворон. а. 6, 1625 г.). Иноходец гнед (Гр. Хив. Бух. 153, 1640 г.). Корова шерстью гнеда (Якутск. а., к. 7 № 20, сст. 11—12, 1646 г.).
Голубой Гуляфный	АИ, Архив Стр., Там. кн., Кн. прих.-расх., А. Верхот. Д. Шакловит.	Конь голубой (ДАИ I, 398, 1609 г.). Кобылу в вороне голубу (Там. кн. Тихв. м. № 3, 76 об. 1626 г.). Конь вголубѣ пѣг (Кн. прих.-расх. Сукно светло маковой цвѣтъ, гуляфной (Д. Шакловит. IV, 85. 1689 г.)

	съезж. избы, Д. холоп., Ав. Сотв. мира и др.	Тихв. м. № 2, 52, 1632 г.). Кречата з голуба ряба. (А. Верхот. съезж. избы, карт. 14, 1669 г.). Песцы черные и голубые (ДАИ VII, 139, 1677 г.). Кобыла голубая (Столб. Шавк. 220, 1682 г.) Иноходецъ голупъ (Арх. бум. Петра I, 113. 1690 г.). Исподъ песцовый голубый (ДАИ XII, 367. 1691 г.). Отлас на голубой землѣ (Кн. расх. Кир. м. № 381, л. 51, 1605 г.). Шолк голубой (Арх. Стр. II, 209, 1611 г.). Однорядка. . голуба (Д. холоп. 364, 1623 г.). Голубую краску (ДАИ X, 332, 1683—1698 г.). Травы голубые (Ав. Сотв. мира, 666. 1672 г.).
Дикий	Якутск. а., А. Верхот. съезж. избы, Арх. бум. Петра, АИ, СГГД, Д. Шакловит и др.	Зендень дикой цвѣт (Якутск. а., к. 3, № 6, сст. 39, 1641 г.). Кафтан лисеи черевеи под диким цвѣтом камкою (А. Верхот. съезж. избы, карт. № 13, 1667 г.). Сукна кармазину дикого цвѣта (Арх. бум. Петра I, 42. 1683 г.). Подушка суконная дикой цвѣт (Д. Шакловит. I, 592, 1689 г.). Камка китайская дикой цвѣтъ (СГГД IV, 635, 1692 г.). Пуговицы серебреные вызолочены, цвѣтъ дикой съ искрою (ДАИ XII, 379. 1695 г.).
Дымчатый	АИ, Арх. бум. Петра, Кн. пер. Свир. м., Кн. расх. Иверск. м., Подлинник ик. и др.	Камка дымчата (АИ II, 405, 1612 г.). 20 литръ шолку дымчатого (Росп. узор, 561, 1635 г.). Камка дымчата (Кн. пер. Свир. м. № 169, л. 13 об. 1646 г.). Куплено два косяка бумазеи аглинской один вишневои, другой дымчатой цвѣтъ (Кн. расх. Ивер. м. № 24, л. 17 об. 1663 г.). Отласъ китайской дымчат (Выходы цар., 695, 1680 г.). Ряска дымчата (Подлинник ик. 176).
Жаркой	Д. Иос. Колом., Кн. п. Уст., ДТП, АИ и др.	Поручи бархатныя жаркия (Д. Иос. Колом. 15, 1675 г.). Пелена отласец жаркой (Кн. п. Уст. 84, 1678—83 г.). Шолкъ жаркой (ДТП 23, кн. 3, 1683 г.). Чюлки камка жарка (Арх. бум. Петра I, 242, 1684 г.). Шуба тафтяная жаркой цвѣтъ (ДАИ XII, 380, 1695 г.). и др.
Железный	Там. кн. I	Февраля в 14 день вологжанин Василей Фролов продал устюжанину Василью Васильеву мерина железною шерстью (Там. кн. I, 134, 1633—34 г.).

Таблица 3 (*продолжение*)

Цветообозначения	Памятники	Сочетаемость
Желтый	АИ, ДАИ, Арх. Стр., Х. Котова, Арс. Сух. Проскинитарий, Мат. медиц., Вед. Кит. зем., Ав. Кн. Бес., Горе Злочаст. и др.	Ферези женские камчаты желтые (Арх. Стр. II, 204, 1611 г.). А на женахъ платье желто дѣлано ис тое же верблюжьи шерсти (Х. Котова, 114, 1624 г.). Сапоги сафъянные желтые (А. Кир. Б. м. 1665 г.). Нагавицы желты (Подлинник ик. 57). Ходилъ желтъ и умеръ (Д. Иос. Колом. 24, 1676). Болезнь у неѣ лихоратка жъ да вся желта (Мат. медиц. 1086). Старик желтехонек. (Ав. Кн. бес., 380). Птица строфокамилъ. . отъ головы до зоба пухъ отъ бѣла на желто (Арс. Сух. Проскинитарии 34, 1649—1653 г.). Тунпасы желтые (ДАИ 62, 1667 г.). Смолы желтой (Мат. медиц., 203. 1656 г.) и др.
Зеленый	Арх. Стр., АХУ, АЮБ, Там. кн. Тихв. м., Ав. Сотв. мира, Сим. Послов. и др.	И израстиша. . травы. . разными процвѣтении: червонныя, лазоревыя, зеленыя, бѣлыя (Ав. Сотв. мира, 666). Сукню лекчиную зелену (АХУ III. 1626 г.). А нашивка цвѣтъ шолку зеленого (Арх. Стр. II. 1611 г.). Полукафтан(ь)е суконное зеленое (Якутск. а. к. 1, № 1, сст. 331, 1640 г.). Шуба объяринная зеленая (АЮБ I, 563. 1690г.). Серги двоечки каменье зелено (Там. кн. Тихв. м. № 350, 1630 г.). Анфраксъ камень честен. велми зелен образом (Алф. [1], 7 об.). Алъ лалъ бѣлъ алмазъ зеленъ изумрудъ (Сим. Послов., 75.). Каша зеленая (Столов. обих. Новоспасск. м. 96, 1648—49 г.).
Игрений	Там. кн. Тихв. м., Астрах. а., Хоз. Мор., Переп. Хован.	Мерин игрен (Там. кн. Тихв. м. № 347, 9. 1624 г.). Куплен кон‹ь› игрен‹ь› (Астрах. а. № 1235. Роспись, сст. 5, 1632—35 г.). Кобыла игреня (Хоз. Мор. 187, 1667 г.). Виноходецъ игреней (Переп. Хован., 309. 1682 г.).
Каракул	Донск. д.	Конь на степи каракулъ (Дон. д., I, 623).
Карий	Гр. Сиб. Милл, Там. кн. Тихв. м., Дон. д., Якутск. а., Астрах. а., АЮБ, Новг. каб. кн., Переп. Хован. и др.	Конь огнен карь (Гр. Сиб. Милл. II, 313, 1624 г.). Кобылу карю (Там кн. Тихв. м. № 3, л. 66—66об, 1626 г.). Конь карь (Дон. д. II, 418, 1642 г.). Возниковъ. . карихъ (Гебд. 49, 1660 г.). Два бобра карие (Якутск. а., к. 5, № 8, сст. 2, 1643 г.). Очи изкаря белы (Новг. каб.

		кн. I, 102, 1603 г.). Глаза кари (Астрах. а. № 2234, стлб. сст. 17, 1651 г.). Глаза кари (АЮБ I, 14—15, 1656 г.). Глаза кари (Строг. столб. 1670 г.). Глаза кари (Сл. и д., II, 231). Волосомъ карь (Новг. каб. кн. I, 267, 1603 г.).
Каурый.	Там. кн. Тихв. м.	Меринъ коур (Там. кн. Тихв. м. № 3, л. 96 об, 1626 г.).
Кирпичный, кирпичневый	Пис. к Матюшкину, Х. Котова,	Тафта кирпичной цвѣтъ (Пис. к Матюшкину, 103, 1646—1662 г.).
	Плат. Мих. Фед., Кн. пер. Нил. Столб. Д. Шакловит., АЮБ.	А платье на себѣ носятъ широко, а цвѣтомъ кирпишнево (Х. Котова, 113, 1624 г.). Опашень зуфь кирпичной цвѣтъ (Плат. Мих. Фед. 51. 1629 г.). Рященко киндячная кирпишной цвѣтъ (Кн. пер. Нил. Столб, л. 69, 1663 г.) и др.
Коптелый	Кн. пер. скота	Кобыла коптела грива налево (Кн. пер. скота, 3).
Коричный, коричневый	А. Верхот. съезж. избы, Выходы царей, Д. Шакловит, Заб. Б. и др.	Штаны бархатные коричной цвѣтъ (А. Верхот. съезж. избы, карт. 13. 1607 г.). Сукно коричной цвѣтъ (Столб. ик., 28. 434. 1669 г.). Сукно коричное (Д. Иос. Колом. 18, 1675 г.). Атлас коричной (Арх. бум. Птр. 1682 г.). Сукно коришневое (Д. Шакловит, IV, 61). Сукном коричневым. (Д. Шакловит. IV, 150).
Красный	АИ, Дон. д., Якутск. а., Мат. медиц., Косм. 1670 г., Леч. III и др.	Васька Семенов. . в лицо сучермень, очи красны (Новг. каб. кн., I, 75, 1603 г.). Штаны красные (Дон. д. II, 38. 1640 г.). Перстен с каменем красным сердоликом (Якутск. а. к. 1, сст. 455. 1640 г.). Лисицы бурые и черночеревые и красные (АИ IV, 69. 1649 г.). Сандалу белого и красного (Мат. медиц. 152, 1659 г.). Шолку красного (Там. кн. Тихв. м. № 317, 24 об. 1668 г.). В горах соль аки кровь красна (Косм. 1670 г., 154). Трава бронецъ. . цвѣтъ на ней воронъ и красен (Леч. III, 4, 1672 г.) и др.
Кровавый	Алф. [1]	Аще ли хотяще богъ смерти предати люди чернъ бываше адамантъ; аще ли хотяше на мечь предати, кровавъ бываше (Алф. [1], 83).
Лазоревый	Выходы цар. Гр. Хив. Бух., Хоз. Мор. и др.	Отласъ . . по лазоревой земли розводы (Выходы цар. 203, 1649 г.). Шолки лазоревъ да червчатъ (Арх. бум. Петра I, 217. 1677 г.). Яхонтовъ. . лазоревых (Гр. Хив. Бух., 1640 г.). В лазоревую краску (Хоз. Мор. II, 231. 1660 г.) и др.

Таблица 3 (*продолжение*)

Цветообозначения	Памятники	Сочетаемость
Лимонный, лимоновый	**АИ, ДАИ., Выходы цар., Посольство Толочанова**	**Сукно лимонной цвѣтъ (Плат. Мих. Фед., 56. 1629 г.). Зуфь лимонна (Выходы цар. 19, 1633 г.). Кушаками черными и лимонными (Посольство Толочанова, 1650—1652 г.). Кожан лимонной (А. Верхот. съезж. избы, карт. № 16, 1670 г.). Ряска обьяринная лимонная (Д. Иос. Колом. 18, 1675 г.). Косякъ лаудану лимонного (ДАИ X, 369. 1683 г.). Полукафтанье камчатое лимонной цвѣтъ (ДАИ XII, 379, 1695 г.). 40 аршинъ камки китайской лимоновой цвѣтъ (ДАИ X, 182. 1683 г.).**
Маковый	**ДАИ, Выходы цар., Д. Шакловит., Арх. бум. Петра и др.**	**Зуфь маковой цвѣтъ (Плат. Мих. Фед. 52, 1629 г.). Кафтанъ.. маковъ цвѣтъ (Выходы цар. 701, 1681 г.). Байбереков. . макового 36 аршинъ (ДАИ X, 191, 1686 г.). Сукно светло маковой цвѣтъ, гуляфной 5 арш. (Д. Шакловит. IV, 85. 1689 г.). Сукно темно маково (Петр I, 145. 1694 г.).**
Малиновый	**Кн. прих.-расх. Каз. пр., Олон. а., Там. кн. Тихв. м., Плат. Мих. Фед., Арх. бум. Петра и др.**	**Сукна лундышю малиновой цвѣтъ (Кн. прих.-расх. Каз. пр. 312, 1613—1614 г.). С опашня обьяринового малинового (Плат. Мих. Фед. 55, 1629 г.). Бархатов виницѣйскихъ черленыхъ, малиновыхъ (Нак. Милосл. 65, 1643 г.). Охабен малиновой (А. Верхот. съезж. изб., карт. 13, 1667 г.). Шапку попову малиновым цветом (Олон. а. карт. № VI, 1661 г.). 2 шапки муские малиновым цвѣтом (Там. кн. Тихв. м. № 328, 63, 1669 г.). Опошень зуфь малинова (Петр I, 225. 1679 г.).**
Медный	**Переп. кн. Свир. м.**	**Патрахил бархатель мѣдной цвѣтъ (Переп. кн. Свир. м. № 169, л. 15, 1646 г.; то же № 191, л. 29 об., 1660 г.; № 179, л. 20 об., 1646 г.).**
Мелинный	**Перс. д., Оруж. Мих. Фед., Выходы цар.**	**2 кушака мелинныхъ (Перс. д. 644, 1620 г.). По таусинной камкѣ да по дорогамъ мелинной цвѣт (Оруж. Мих. Фед. 65, 1640 г.). Камка кизилбаская золотная по мелинной земли (Выходы цар. 285, 1653 г.).**

Мурамъ зеле-н(ыи), мурамно-зеленый, муро-зелен	**Кн. зап. Моск. ст. 1, Выходы цар., Арх. бум. Птр., Арх. Он. кр. м., Д. Шакловит.**	**Шуба чистая сукно мурамъ зеленъ съ строкою золотною (Выходы цар. 98, 1641 г.). Два кафтана теплыхъ въ сукнахъ мурамъ зеленыхъ, полукармазиновыхъ (Арх. бум. Петра I, 16, 1675 г.). Куплено полсть санная одинцового сукна цвѣтомъ мурам-зелена (Арх. Он. (кн. новгор. посылки ст. Ферапонта). 1686 г.). Поставъ аглинской же мурамнозелененъ (Кн. прих.-расх. каз. пр. 147, 1613—1614 г.). Сукна лундышу мурамно-зеленого (Заб. Б. II, 685). Сукна дать возницамъ мурамнозеленова да алова (Шакловит. IV, 612). Чехолъ — бархатъ мурозеленъ (Шакловит. IV, 306).**
Мухортый	**Арз. а. Там. кн., Тихв. м., АЮБ**	**Кобыла мухорта (Арз. а., 210, 1604—1613 г.). Мерин кар грива направо вѣслоуха губа мухорта (Там. кн. Тихв. м. № 347, 19. 1624 г.). Мерин гнѣдъ грива мухорта на розмет и нос мухортъ (Там. кн. Тихв. м. № 313, 71 об—72, 1668 г.). Меринокъ мухортой молодой (АЮБ II, 644. 1683 г.).**
Мыший	**Орбис Терарум**	**В Африке родится змии василискъ. . кожа на немъ мышья (Орб. Тер. 1685 г.).**
Мясной	**Кн. прих.-расх. АХУ, АИ, Посольство Барятинского**	**Два постава мясной цвѣтъ (Кн. прих.-расх. Каз. пр. 46, 1613—1614 г.). Подолникъ зендинной мясного цвѣту (Кн. прих.-расх. Тихв. м. № 2, л. 5, 1623—31 г.) Послал однорятку—мясной цвѣтъ (Посольство Барятинского, 48, 7, 1620 г.). Шапку мужскую верхъ мяснымъ цвѣтом (АХУ, III, 10, 1626 г.). Шуба тафтяная мѣсной цвѣтъ (АИ XII, 379. 1695 г.).**
Нагой	**Оп. им. Тат., Кн. прих.-расх. Каз. пр., ДАИ**	**Подкладка нагой цвѣт (Им. Тат. I, 1608 г.). Лундышю нагой цвѣтъ (Кн. прих.-расх. Каз. пр. 1613—1614 г.). Байберековъ. . розныхъ цвѣтовъ: . . нагова 48 аршинъ (ДАИ X, 191. 1686 г.).**
Облакотный	**Д. Шакловит.**	**Тѣлогрѣя камка луданъ облакотный цвѣтъ (Д. Шакловит. III, 403, то же IV, 70).**
Объяринный (ср. еринный, яринный)		**Шатеръ безъ полъ, крашенина обьяринной цвѣтъ (Оруж. Мих. Фед. 65, 1640 г.).**

Таблица 3 (*продолжение*)

Цветообозначения	Памятники	Сочетаемость
Огненный	Выходы цар., ДАИ	А на государѣ было платья. . шуба, объярь огненна (а жаркой цвѣтъ тожъ) (Выходы цар. 221, 1650 г.). Косякъ шелкъ огненъ цвѣтъ (ДАИ VI, 90. 1670 г.).
Осиновый	Д. Моск. пр. о мятежах, Переп. кн. Нил. Столб. пуст., Опис. Холмог. ц., А. Верхотур. съезж. избы и др.	Бархатъ гладкий осиновый цвѣтъ (Д. Моск. пр. о мятежах, 81. 1649 г.). Риза. . подолник тафта осиновой цвѣтъ (Кн. пер. Нил. Столб., л. 7, 1673 г.). Чюлки камчатые осиновые (Выходы цар. 697—698. 1681 г.). Подризник новой киндячной цвѣтомъ осиновой (Опис. Холмог. ц. № 94, л. 28 об. 1691 г.). Одеяло куня крыто камкою осиновою (А. Верхот. съезж. избы карт. № 37, 1690 г.) и др.
Пегий, пеганый	Кн. прих.-расх., Там. кн., Астрах. а.	Кобыла в рыже пега (Астрах. а. № 1235, Роспись, сст. 2, 1632—35 г.). Коня в рыже пега (Астрах. а. № 2869, сст. 2, 1654 г.). Меринъ в вороне пѣгъ (Там. кн. Тихв. м. № 240, 1662 г.). Мерин пеганой (Арх. Он. Кн. прих.-расх. мон. казны 1671 г.).
Пепелес(ый)	Ав. Ж., Ав. Сотв. мира	Корабль, не златомъ украшенъ, но разными пестротами, — красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо (Ав. Ж., 9—10, 1672—73 г.). И израстиша. . травы. . разными процвѣтении: червонныя, лазоревыя, зеленыя, голубыя и иныя многия цвѣты пестры и пепелесы (Ав. Сотв. мира 666, 1672 г.).
Пепелист(ый)	Х. Рад.	Стѣны. . съ пепелистового съ сѣрого мармурового камени (Х. Рад. 91) Мрамор же пепелистъ есть (Х. Рад., 156).
Песочный	Кн. прих.-расх. Каз. пр., А. Верхот. съезж. избы, Плат. Мих. Фед., Арх. бум. Петра и др.	Сукна.. песочной цвѣтъ (Кн. прих.-расх. Каз. пр. 211, 1613—1614 г.). Однорядка темнопесочной цвѣтъ (Плат. Мих. Фед. 1629 г.). Под камкою китайскою песошной цвет (А. Верхот. съезж. избы, карт. № 25, 1678 г.). Чулки шелковые. . песочной цвѣтъ (Плат. Фед. Ал. 100, 1682 г.). Атлас китайской, песоченъ (Арх. бум. Петра I, 75. 1686 г.).
Плеснивый	Калуж. а.	Коня своего. . шерстю плеснивого (Калуж. а. № 26, 1679 г.).

Половый	ДТП, Леч. II	Корова полова (ДТП II, 467). На камени на серыя половыя (Леч. II. 20. 131).
Померанцевый	Д. Шакловит.	Кафтанъ — сукно помаранцовый цвѣтъ, на горностаяхъ (Д. Шакловит. IV, 61).
Попеловат(ый)	Козм. 1670	А снѣги попеловатъ цвѣтъ (Косм. 1670 г., 441).
Празелен	Кн. прих.-расх. Каз. пр., Заб. Б., Выходы цар.	Шолкъ вишневъ да празеленъ (Кн. прих.-расх. Каз. пр., 20. 1613—1614 г.). Яшма празелена (Заб. Б. I, 701, 1630 г.). Шолкъ вишневъ да празеленъ (Выходы цар. 6, 1632 г.).
(Рдѣть) Рдѣться	Врем. И. Тим., Шк. благочиние, Сим. послов.	Лицем рдятся (Шк. благочиние, 91. к. XVII в.). Рдѣлся Марко было ему жарко (Сим. Послов., 137). Лица рдѣтися ото рдѣния (Врем. И. Тимоф., 327).
Редрый	АЮ, Акт. Уст.,—Столб. Шавк.	Корову редру (Акт. Уст., 187, 1609 г.). Две коровы редрые (Столб. Шавк. 220/221, 1682 г.). Телицу редру (АЮ № 424, 459. 1619 г.).
Рогожаный	Сказ. о голом	Ферези. . добрые на водяной цвет и на рогожаной тож (Сказ. о голом, 33).
Рудожелтый	ДАА, АЮБ, Нак. Милосл., Арх. бум. Петра и др.	Камка рудожелта (АИ III, 365, то же Нак. Млсл. 65, 1643 г.). Тафта рудожелта (Арх. бум. Петра I, 204, 1673 г.). Два косяка лаудановъ алой да рудожелтой (ДАИ X, 369, 1683 г.). Летник рудожелтой (АЮБ I 563, 1690 г.) и др.
Румяный	Новг. каб. кн., Пов. Кат., Ростовского, Арх. бум. Петра	Лицом на бели румяна (Новг. каб. кн I, 10. 1602 г.). Отласъ румяножелтъ (Арх. бум. Петра I, 251. 1692 г.). Бѣла велми, ягодами румяна (Пов. Кат. Ростовского 63, 1626 г.).
Русый	Новг. каб. кн., Строг. столб., А. Свир. м.	В рожу русъ (Новг. каб. кн.). Борода изруса (Там же). Волосом русъ (Там же). Борода руса (Там же). Волосом рус (Строг. столб. 1670 г.). Волосом рус (А. Свир. м. № 343, сст. 3, 1672 г.).
Рыжий	АИ, Астрах. а., Ворон. а., Гр. Двин. у., Хоз. Мор. и. др.	Мерин рыж (А. Верхотур. съезж. избы, карт. № 13, 1671 г.). Лошад рыжу (Астрах. а. № 2861, 1654 г.). Меринъ рыжъ (Ворон. а., 6, 1625 г.). Корова рыжа (Хоз. Мор. II—III, 1662 г.). Бычекъ рыжъ (Гр. Двин. у., 496. 1615 г.). 2 бобра рыжихъ (АИ, III, 365, 1640 г.). и др.
Рынжевый	ДТП	Сафьяновъ: красных — два, рынжовыхв — два (ДТП, III, 1639 г.).

Таблица 3 (*продолжение*)

Цветообозначения	Памятники	Сочетаемость
Саврасый	**Астрах. а., Якутск. а., Переп. Хован. и др.**	**Кон‹ь› саврас (Астрах. а. № 128, 1614 г.). Мерин саврас (Там кн. Тихв. м. № 3, л. 68 об., 1626 г.). Кобыла шерстью савраса (Якутск. а. к. 7 № 20, сст. 4, 1646 г.). Аргамакъ саврасой (Переп. Хован. 309—310, ок. 1682 г.).**
Сахарный	**АМГ, А. Верхот. съезж. избы, Выходы цар. и др.**	**Атласъ сахарной цвѣтъ (Д. Моск. пр. о мятежах, 50, 1648 г.). Знамя тафтяное розныхъ цвѣтовъ тафты рудожелтая и зеленая и сахарный цвѣтъ (АМГ III, 360, 1661 г.). Шолкъ рудожелтъ да сахарной цвѣтъ (Выходы цар. 372, 1662 г.). Кавтанъ суконной сахарной цвѣтъ (А. Верхот. съезж. избы, карт. № 37, 1690 г.).**
Серебряный	**Кн. Зап. Моск. ст.**	**Камки адамашки серебреной цвѣтъ (Кн. зап. Моск. ст. I, 28).**
Серогорячий	**ДАИ, Выход. цар., Плат. Фед. Ал., Арх. бум. Петра и др.**	**Зуфь сѣрогорячей цвѣтъ (Выходы цар. 283, 1653 г.). Кафтан турскои суконнои серогорячеи цвѣтъ (А. Верхот. съезж. избы, карт. № 17, 1670 г.). Сукна сѣрогорячево кармазину (ДАИ VIII, 46. 1678—81 г.). Чулки шелковые. . сѣрогорячей цвѣтъ (Плат. Фед. Ал. 100, 1682 г.). Сукна кармазину сѣрогорячего (Арх. бум. Петра I, 281, 1691 г.).**
Серый	**Новг. каб. кн., Дон. д., Там. кн. Тихв. м., Арх. бум. Петр. Ав. Ж. и др.**	**Очи серы в каре (Новг. каб. кн. I, 23, 1602 г.). Чекмень сѣрой сермяжной (Дон. д. II, 40, 1640 г.). Соли сѣрой (Там кн. Тихв. м. № 250, 5. 1663 г.). Глаза сѣры (Строг. столб. 1670 г.). Галъки сѣрые (Ав. Ж. 22, 1673 г.). Волкъ сѣрой [о мехе?] (ДАИ VII, 29, 1676 г.). Мерин сѣръ (Арх. бум. Петра I, 1690 г.). День сѣрой (Днев. зап. ПТД, 5. 1657—1675 г.) и др.**
Сивый	**Астрах. а., Там. кн., Отп. Ртищева**	**Кон‹ь› сив (Астрах. а. № 1363, Роспись сст. 3—4, 1634 г.). Мерина сива (Там. кн. 1, 137. 1633—1634 г.). Кобылу сивую (Там. кн. Тихв. м. № 252, 28. 1663 г.). У Федька Северга борода маленька сива (Отп. Ртищева, 18. 1670—71 г.).**

Сизый (сизовый)	Там. кн. Тихв. м., Перс. д., Заб. Разр., Аз. пов. и др.	Отласу сизово (Там. кн. Тихв. м. № 352, 23 об. 1648 г.). Ризы постные дороги двоеличные сизы (Кн. пер. Нил. Столб. л. 35, 1663 г.). Тафта сизовая (А. Белоз. съезж. изб., 1616 г.). Однорядка сизовая (Перс. д. 583, 1621 г.). Зуфь сизова (Выходы цар., 48, 1637 г.). Ковтанъ суконной сизовой цвѣтъ (А. Верхот. съезж. избы, карт. № 37, 1690 г.). Яшма сизова (Заб. Разр. 655, 1613—1639 г.). Орлов сизыхъ (Аз. пов. (Сказ.), 154) и др.
Синий	АХУ, Дон. д., Д. Иос. Колом., Аз. пов. и др.	Однорятку. . синюю (АХУ III, 113, 1632 г.). Затворили вы все море синее (Аз. пов., 100). Чекмень синий (Дон. д. IV, 212, 1648—1655 г.). Сандалу синево (Там же I, 376. 1635 г.). Шея отъ чѣпи синя жь (Д. Иос. Колом. 58, 1675 г.) и др.
Смен(ый)	Алф. [1]	Смены кони (Алф. [1], 220).
Смурый	АХУ, Там. кн. Тихв. м.	Да шляпу немецкую, смурая (АХУ, III, 164. 1634 г.). Кошек черных и смурых и сѣрых (Там. кн. Тихв. м. № 352. 48, 1648 г.). Девять коровъ черных и смурых (там же № 1139. 52. 1698 г.).
Соловый (соловинский)	Астрах. а., Там. кн. Тихв. м., Новг. каб. кн. и др.	Мерин соловъ (Там. кн. Тихв. м. № 3, л. 62, 1626 г.). Кобыла солова (Астрах. а. № 1235. Роспись сст. 3, 1632—35 г.). Соловова жеребца (Переп. Хован. 303, 1682 г.). Мериновъ. . соловыхъ (Арх. бум. Петра I, 113—114. 1690 г.). Очи соловы (Новг. каб. кн. I, 193, 1603 г.). На соловинском виноходцѣ (Пис. к Голицыну, 46. 1688—89 г.).
Соломенный	ДАИ, Выходы цар., Арх. бум. Петра и др.	Бархатомъ соломеннымъ (ДАИ VI, 104, 1676 г.). Камка китайская соломенной цвѣтъ (Выходы цар. 689, 1680 г.). Чулки шолковые. . соломенный цвѣтъ (Плат. Фед. Ал. 100, 1682 г.). 4 золотника шолку жъ соломеннаго (Арх. бум. Петра I, 261. 1684 г.).
Срѣн(ыи)	Библ. 1663 г.	Кони рыжи и пѣзи и срѣни, и брони (Зах. 1, Библ. 1663 г., 373).
Стрекат(ыи)	АИ	Бахматъ строкатъ (АИ II, 278. 1609 г.).
Сучермень	Новг. каб. кн.	Собою сучермень волосом таков же (Новг. каб. кн. I, 28, 1602 г.).

Таблица 3 (*окончание*)

Цветообозначения	Памятники	Сочетаемость
Таусинный	АИ, ДАИ, Опис. Холмог. ц., Ропс. травам и др.	Охабень таусиненъ (АИ II,405. 1612 г.). Бархатъ таусинной (Гр. Двин. у. 608, 1627 г.). Рукавицы перчатные отласные таусинного цвѣту (ДАИ VI, 106, 1676 г.). Подризникъ новой киндячной цвѣтомъ таусинной (Опис. Холмог. ц. № 94, л. 28 об. 1696 г.). [Чертополох]. . а цвѣт на стволѣ и на ветвиях яко же у рѣпеиника большаго головка а цвѣтъ таусинной (Росп. травам, 201. XVII в.).
Ценинный	Кн. прих.-расх. Каз. пр., А. Верхот. съезж. избы, Арх. бум. Петра, Д. Шакловит.	Шелкъ цениненъ (Кн. прих.-расх. Каз. пр., 343, 1613—1614 г.) Телогрѣя камка ценинная (А. Верхот. съезж. избы, карт. № 16, 1670 г.). Тафта ценинна (Арх. бум. Петра I, 217. 1677 г.). Кафтанъ байберекъ цвѣтъ цѣнинный (Д. Шакловит., IV, 203).
Чалый	Астрах. а., Хоз. Мор., АЮБ, Там. кн. Тихв. м.	Кобыла чала (Астрах. а. № 1235. Роспись сст. 5, 1632—35 г.). Мерин чал (Хоз. Мор. 187, 1667 г.). Жеребенка сосунка чала (АЮБ I, 288, 1669 г.). Купил заечинъ бѣлыхъ и чалыхъ (Там. кн. Тихв. м. № 1139, 52. 1698 г.).
Червленый (черленый)	Пов. Кат.-Ростовского, Ав. Кн. Толк., Устав ратных д., Д. холоп, Алф. [1] и др.	Червлена губами (Пов. Кат. Ростовского, 63). На звѣри червленнѣ (Ав. Кн. Толк. 433, 1677 г.). Наука какъ червленой порохъ дѣлати (Устав ратных д. 2, 224). Штанишка черлены (Д. холоп, 364, 1623 г.). Топазий есть камень черленъ (Алф., [1] 231 об.) и др.
Червонный	Аввакум	Уста червонная (Ав. Кн. Бес., 232). И израстиша. . травы цвѣтныя разными процвѣтении: червонныя, лазоревыя, зеленыя (Ав. Сотв. мира, 666).

Червчатый	АИ, ДТП, Суб. Мат., Кн. Б. Черт. и др.	Сукна червьчаты (АИ IV, 6, 1645—1652 г.). Шолкъ зеленъ да червчатъ (Д. Моск. пр. о мятежах 34, 1648 г.). Штаны червчаты (Суб. Мат. III, 103, 1666 г.). Съ яхонтики червчатыми (ДТП, III, 1669 г.). Саф<ь>ян червчатои (А. Верхот. съезж. избы, карт. № 26, 1676 г.). [В реке] в брегу краски желтыя и червчатыя (Кн. Б. Чертежу, 146, 1680 г.).
Чермный	Новг. каб. кн., Ворон. а., АЮБ, Суб. Мат., Пустоз. сб. и др.	Волосом бела изчеремна (Новг. каб. кн. I, 28—29,1602 г.). Волосомъ черменъ (Ворон. а. 44, 1655 г.). Брови изчермна русы (АЮБ II, 39, 1690 г.). Змий велий явися черменъ (Суб. Мат. IV, 248, 1668 г.). [Бѣсъ] черменъ (Пустоз. сб. 6, 23) и др.
Черный	АЮБ, Гр. Сиб. Милл., Ав. Ж., Арх. бум. Петра и др.	Глаза черны, волосомъ чернъ (АЮБ II, 1665 г.). Чернъ въ лице (Пис. к Мат., 159). Бумазеи черной (Кн. прих.-расх. Ивер. м. № 20, л. 72. 1665 г.). Шапки овчинные чорные (Гр. Сиб. Милл. II, 451, 1638 г.). Звезды. . явилися чернымъ видом (Ав. Ж.). Икры черной (ДАИ X, 297. 1683 г.). Смолы черной (Петр. I, 116).
Чубарый	Гебд., Оп. им. Тат., А. Моск.	Виноходца чубара (Вкл. Нижегор. д. 1646 г.). Возниковъ чубарыхъ (Гебд., 49, 1660 г.). Бархатъ. . литовской чюбаръ (Оп. им. Тат. 5, 1608 г.). Шапочка дитячья чюбарая бархатная (А. Моск. 94, 1604—1613 г.).
Шафранный	Выходы цар.	Бархатъ.. шафранной цвѣтъ (Выходы цар., 315. 1659 г.). Шапка бархат шевранной цвѣтъ (Выходы цар. 367, 1661 г.).
Яринный	Выходы цар., Плат. ц. Евд. Лук., Док. моск. театра	Камка. . яринный цвѣтъ (Выходы цар. 9, 1633 г.). Камка по яринной землѣ кубики и травки (Плат. ц. Евд. Лук. 107/108, 1642 г.). Крашенина яринного цвѣту (Док. моск. театра, 43. 1675 г.).

Часть вторая

ИСТОРИЯ ГРУПП ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ, ПЕРЕЖИВШИХ НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Глава I

ИСТОРИЯ НАЗВАНИЙ КРАСНОГО ЦВЕТА

Слова с индоевропейским корнем *rudh-

Общеиндоевропейский корень rudh- (reudh-, roudh-) 'красный', известный в древних языках (сскр. rudhiras 'красный', греч. ἐρυθρός 'красный', лат. ruber 'красный', ст. слав. рьдръ 'красный, рыжий') сохранился в основных языках Европы как обозначение красного цвета до настоящего времени (напр. фр. rouge, нем. rot, англ. red). Славянские языки в общем не сохранили индоевропейский корень *rudh- для обозначения собственно красного цвета, большая часть славянских языков, имея различные цветообозначения с корнем *rudh-, называют рудым не собственно красный цвет, а различные оттенки рыже-бурого и коричневого. Ср. польск. rudy 'рыжий', сербо-хорв. *руд* 'бурый', 'рыжий', 'красновато-рыжий', укр. *рудий* 'рыжий', белорусск. *руды* 'коричневый', русское диалектное *рудой* 'красный', 'рыжий'.

Впрочем, древнейшие названия красного цвета с корнем *rudh- не утрачены бесследно, так, в современном русском языке сохранилась группа цветообозначений, которые называют различные оттенки красного или красноватого цвета. Все эти цветообозначения имеют что-то общее: ни одно из них не называет собственно красный цвет, а лишь оттенки красного, все они называют цвета смешанные. Часть из них еще сохраняет значение красного:

румяный, *рдяный*, *рдеть*; часть имеет лишь красноватый оттенок: *рудой*, *рыжий*, *редрый*; некоторые настолько отдалились от своего исконного значения, что называют другой цвет, без всякой, видимо, красноты, например, *русый*. Единые по происхождению и сохранившие общие черты, которые во многом обусловлены их древностью, эти слова имеют разную судьбу, разную историю.

Рудо́й (ру́дый)

История слова *рудой* в русском языке представляется в общем довольно сложной и не вполне ясной. Древние русские памятники слова *рудой* не знают. Нет его в памятниках деловой письменности XV—XVII в., где в различного рода описях имущества, одежды, тканей находим большое количество самых разных цветообозначений. В литературе XVIII в. слово *рудой* не встречается. Словарь Срезневского, Словарь АР этого слова не дают. Слово появляется в русской художественной литературе только в XIX—XX в., а современные словари дают его с пометой «областное» [1]. Вместе с тем есть косвенные свидетельства о его бытовании в языке. Так, в русском языке по крайней мере с XV в. известно и очень употребительно прилагательное *рудожелтый*, обозначающее смешанный красно-желтый цвет, видимо, такой, который мы сейчас называем *оранжевым*. Вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что первая часть слова *рудожелтый* обозначает красный цвет[2]. Трудно себе представить, что в XV в. потребовалось называть какой-то необыкновенный оттенок рыже-желтого или буро-желтого. В памятниках делового письма XVI—XVII вв. рудожелтыми называются дорогие привозные ткани, главным образом шелк, бархат; вряд ли они были блеклых оттенков, скорее можно представить, что это были ткани и одежды ярких, интенсивных цветов. Известно, что в древней Руси теплые цвета красный, желтый,

---

[1] См. Даль: *Рудой* юж. зап. рыжий и рыжебурый. . темно- и жарко-красный (IV, 108). Словарь Ушакова: *Рудой* (обл.). Красный; рыжий (IV, 1395). ССРЛЯ: *Рудой* и *рудый* (Обл.). Красный. . рыжий и др.

[2] Словари определяют рудожелтый как красно-желтый. См. Срезневский. *Рудожѣлтый* — 'красновато-желтый' (IV, 188). Словарь АР: *Рудожелтый.* Прилагательное, употребляемое для обозначения цвета и значит искрасна желтый (IV, 196).

оранжевый были распространенными и любимыми. В трудах Ломоносова по физике находим не только название *рудожелтый*, но и определение его составных частей: «Натура тем паче удивительна, что в простоте своей многохитростна и от малого числа причин произносит неисчислимые образы свойств, перемен и явлений. На что ж ей особливые роды эфиров для рудожелтого, для зеленого, для вишневого и других смешанных цветов, когда она рудожелтый из красного и желтого, зеленый из желтого и голубого, вишневый из красного и голубого, другие роды смешанных цветов из других разных смешений сложить может?» (М. Ломоносов. Слово о происхождении света).

Следовательно, если слово *рудожелтый* не заимствовано, если в нем первая часть — основа прилагательного *рудой*, то естественно предположить, что в эпоху появления слова *рудожелтый* в языке существовало и слово *рудой* 'красный'. На первый взгляд, может показаться странным, что при широкой употребительности слова *рудожелтый* слово *рудой* в этих же (или других) памятниках не встречается. Но эта кажущаяся странность в общем легко объясняется. Дело в том, что *рудожелтый* употребляется в основном (во всяком случае, в памятниках XV—XVII вв.) для обозначения цвета одежды, тканей, окрашенных в определенный красно-желтый, т. е. оранжевый цвет. Надо полагать, что слово *рудой*, как и другие цветообозначения этой группы, обозначало цвет несколько неопределенный, смешанный, оно называло красный или красноватый цвет предметов, имеющих природную красноватую окраску. То есть там, где было уместно слово *рудожелтый*, слово *рудой* употребить было нельзя. Те же речевые контексты, которые можно предполагать для слова *рудой*, до нас просто не дошли.

По поводу ограниченного употребления слова *рудой* можно сделать несколько предположений: 1. Слово бытовало в языке и не попало в памятники случайно (хотя бы потому, что в ранних памятниках цветообозначения вообще единичны). 2. Слово существовало в части диалектов и не попало в памятники из-за своего местного ограниченного распространения (хотя бы потому, что до нас дошло большое количество памятников севернорусских и сравнительно мало южнорусских; если это слово южнорусское). 3. Слово не употребляется в памятниках письменности из-за какого-то своего особого положения в языке, из-за

каких-то своих качеств (его неопределенности как цветообозначения, его, вероятно, народного характера), которые не позволили употребить его в более или менее официальном языке.

Судя по нашим материалам, слово *рудой* появляется в художественной литературе по существу только в XX в. Употребление его сходно с употреблением слова *рыжий* в современном русском языке. Оно так же неопределенно по значению и используется не только для названия цвета волос, но и для обозначения красноватого, рыжеватого цвета неба, земли, воды и прочее: Конопатая, в рудых волосах жесткая рука его [коновала], засученная по локоть, часто мелькала в воротах конюшни (Бунин. Хороших кровей). И в каждом древе только ствол, Листва, хвоя — игра твоя. Рудой колдун, вершитель зол. Владыка злого бытия! (Городецкий. Змей) Рудое в синих подтеках трупно темнело над ветряком небо (Шолохов. Тихий Дон). За ним в багровой ленте перелески. Под ним — рудая, полая вода (Прокофьев. Россия). Всегда меня привлекал цвет древних земель — ржавый, рудой, суровый (Паустовский. Повесть о жизни). Слово *рудой*, видимо, редкое, старое, однако употребляется оно в общем в контекстах нейтральных, пожалуй, из всех отличаются только примеры из С. Городецкого, где оно используется для стилизации старины и народности:

Весной зеленой
У ярочки белой
Ягненок роженый;
У горлинки сизой
Горленок ядреный;
У пегой кобылы
Яр-тур жеребенок;
У бабы беспалой
Невиданный малый:
От верха до низа
Рудой, пожелтелый,
Не, не золоченный!
Ярила.

(Городецкий. Ярила).

На лютый бой
Перун рудой.
Тебя ведет
Трубой зовет.

(Городецкий. Проводы).

Толковые словари, давая у слова *рудой* помету «областное», на первом месте в определении помещают значение 'красный'. Однако примеры, которые иллюстрируют это значение, мало убедительны и не подтверждают интересующего нас значения *рудой* 'красный'. Думается, что здесь также речь идет не о красном, а о другом каком-то цвете, может быть, тоже рыжеватом. Собственно диалектный материал, которым мы располагаем для решения вопроса о значении слова рудой, также невелик и в некоторой части не вполне достоверен. Нужно полагать, что слово *рудой* не является широко употребительным, так как большинство областных словарей его не имеет. Следует заметить, что по показаниям областных словарей (и диалектологических исследований) слово *рудой* многозначно, а как цветообозначение неопределенно, его дают со значениями: 'красный', 'красноватый', 'рыжий', 'смуглый', 'грязный' и прочее. Наконец, отметим и то важное обстоятельство, что о наличии в русских говорах слова *рудой* со значением 'красный' мы имеем всего два указания: общее упоминание в словаре Даля о распространении слова *рудой* в южных и западных говорах и сообщение из села Барятино Тульской губернии, где отмечено употребление рудый=цветом как кровь. К сожалению, это последнее (и по существу единственное) указание на значение *рудой* 'красный' нельзя считать достоверным. Отмеченное только в словаре Будде, оно сомнительно, так как записано не самим исследователем, а со слов местного священника: «Руда=кровь. Рудый=цветом как кровь. Рудеть=краснеть кровавым потом». В скобках против этих трех слов значится: «по сообщению о. Бурцева»[3].

Очень хотелось бы считать косвенным указанием на наличие в южнорусских, в частности орловских, говорах *рудой* 'красный' употребление слова у И. Бунина. Есть у него стихи, где упоминается *рудая сосна*, а в других говорится о красном цвете сосновой коры[4]:

---

[3] Е. Ф. Будде. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях. Изв. ОРЯС, т. III, стр. 886.

[4] Ср. о красном цвете сосновой коры: Я еще плохо различаю в этом сверкающем просторном мире отдельные черты — пыльную за окном дорогу, красные стволы сосен, высокое небо, с белыми неподвижными облаками (Соколов-Микитов. Детство). Под румяными соснами росла черника (Пришвин. Северный лес).

И черен и смолен зеленый за теремом бор.
Сынок твой воротится, сыщет под лавкой топор:
«Сынок, не буди меня: клонит старуху ко сну.
Сруби мне два дерева — ель да рудую сосну».

(Бунин. Отрава)

Повсюду блеск, повсюду яркий свет,
Песок — как шелк. . . Прильну к сосне корявой
И чувствую: мне только десять лет

А ствол гигант, тяжелый, величавый.
Кора груба, морщиниста, красна,
Но так тепла, так солнцем вся прогрета!
И кажется, что пахнет не сосна,
А зной и сухость солнечного света.

(Бунин. Детство)

Может быть косвенным указанием на значение рудой 'красный' следует считать некоторые примеры из северных говоров. Например, название берега: *Рудой берег* — каменистый из жесткого красного песчаника (д. Азополье Мезенского р-на Арх. обл.—Карт. СРНГ), или другой пример: В словаре олонецкого наречия у слова рудой отсылка *сердце рудое* — слой сосновой древесины под пиндою (Куликовский, 106).

Слово *рудой* с неопределенным значением 'красноватый' отмечают обследователи в псковских говорах: Ох, як много у нас змей. И уж и гадюка и слимень, ён такой руденький и сляпой (Себежский р-н, д. Припиши, 1962 г. Карт. Псков. обл. сл.). Вероятно, образованное от корня *руд-* прилагательное *рудовый*, используемое в современном русском языке как специальное — *рудовый лес* также является косвенным доказательством употреблявшегося некогда *рудой* 'красный', 'красноватый'[5]. Первоначальное значение 'красный', 'красноватый' вытесняется позднее указанием на другое, более важное в данном случае качество соснового леса — твердый, крепкий, прочный.

[5] В говорах есть прилагательные со значением 'красный' 'рыжий', образованные от корня *руд-* — с различными словообразовательными вариантами: *рудяный* ('рыжий', 'грязный' — Брянщина), *рудавый* ('красный', 'рыжий' — Калужская обл.), а также глаголы со значением 'краснеть' (*рудеть* 'краснеть' — Псковск. говоры). Однако к этому материалу все-таки приходится относиться осторожно, т. к. возможно, что эти прилагательные, если не заимствованы (например, *рудавый*), то являются вторичными и поздними образованиями от *руда* — 'кровь'.

Однако в определении часто упоминается и внешний вид его: красноватая кора и красноватая в отрубе древесина[6]: Рудовый лес, сосна, красная сосна, лучший, самый прочный, растущий по кряжам: заболони мало, слои частые, древесина плотная, в отрубе красноватая, без бели и синевы (Даль, IV, 108). Серядина фся красная у сасны — это и есьть лес рудовый. Серцавина бальшая смалистая (Гдовский район, д. Чербачево, 1946. — Карт. Псков. обл. сл.). Рудовый лес — крепкий, красный лес, противоп. мямлине (Боровичи. Новгородская губ. 1847 — Карт. СРНГ).

Рудой в значении 'рыжий' встречается в говорах также не часто. По материалам диалектных словарей и картотек употребление *рудой* 'рыжий' отмечено в говорах на территории Курской области (Опыт 1.152; Робуш. 1848, 1961 — Карт. СРНГ), Рязанской области (Дубрович. Ряз. Ряз. Городцов, 1902—Карт. СРНГ), Смоленской области (Словарь Добровольского), Псковской области (Карт. Псков. обл. словаря), на Дону (Словарь Миртова).

Таким образом, и собственно диалектный материал показывает, что в современных русских говорах сохранилось слово *рудой*, его значение как цветообозначения неопределенно: 'рыжий', 'красноватый'. Слово употребляется обычно для определения окраски природной: цвета растений, цвета волос, шерсти, кожи (у животных) и прочее. Слово *рудой*, видимо, довольно редкое, в значении 'рыжий', 'красноватый' отмечено как в южнорусских, так и в севернорусских говорах, т. е. слово не имеет определенной ограниченной территории. Однако «неприкрепленность» слова к определенной территории, и напротив, разбросанность его, более того, самое распространение слова на территории юго-западной и северной (при отсутствии на центральной), не есть ли свидетельство его древности.

Изложенные факты позволяют представить историю слова *рудой* следующим образом. Слово *рудой* было обозначением красного цвета в глубокой древности. Надо думать, что этим словом не обозначался определенный

---

[6] Ср. другое название сосновых лесов: *краснолесье*. Краснолесье — народное название сосновых лесов в СССР. К. образовано обыкновенной сосной, кора верхней части и ветвей которой имеет желтовато-красную окраску. («Энциклопедический словарь географических терминов». М., 1968, стр. 185).

интенсивный красный цвет, а все оттенки красного, все красноватое. В связи с появлением нового способа окрашивания (или вообще окрашивания в красный цвет) появляется новое слово *червленый*, т. е. окрашенный червцом. Вполне естественно, что получавшийся от окраски новым красителем цвет не мог называться старым цветообозначением, т. к. новый цвет на тканях был, вероятно, более интенсивным и более ярким (или более темным), чем тот, который имели природные красные или, скажем, красноватые предметы, называемые рудыми. Однако именно для названия цвета природных предметов различных оттенков красного цвета слово *рудой (рудый)* могло оставаться в языке.

С развитием производства, культуры, искусства появляются новые слова (заимствованные и свои) для названия различных оттенков красного цвета и свое древнее слово как бы отодвигается на периферию языка. Оно могло не попасть в памятники, именно из-за своего, так сказать, народного облика, потому что те ранние и немногочисленные примеры в памятниках, где употреблены цветооообозначения, являются примерами книжного языка, в них речь идет об одежде высоких лиц, т. е. торжественной одежде. Для названия цвета этой одежды подходят книжные слова, например, *багряный*. В более поздних деловых памятниках цветообозначения требуются для описания одежд, тканей в деловых целях, здесь необходимо более точное обозначение цвета, этому требованию и отвечают слова *червленый*, *червчатый*, которые характеризуют цвет одежды определенный, получаемый от окрашивания известным красителем. Здесь также старое слово *рудой* не годилось, т. к. оно, видимо, обозначало слишком нерасчлененно различные оттенки рыже-красного [7].

Наличие в языке с древности слова *рудожелтый* доказывает существование с древности и слова *рудой*. Современный диалектный материал подтверждает наличие в языке слова *рудой* 'рыжий', 'красноватый'. Отсутствие узкой локализации, скорее свидетельствует о древности слова.

Слово *рудой* по примерам литературным, а также диалектным не называет собственно красный цвет, а имеет

---

[7] *Рудой* — 'рыжий и рыже-бурый. . темно и жарко-красный' (Даль IV, 108).

значение 'рыжий', 'красноватый' (собственно красный — сомнительно). В этом, кажется, слово *рудой* имеет общую судьбу с другими цветообозначениями этой группы, у всех у них со временем значение красного как бы стирается (ср. *рыжий* и особенно *русый*).

Румяный

Другое слово с индоевропейским корнем *rudh-, прилагательное *румяный* (*румянъ*), также очень древнее, праславянское [8]. Слово сохранилось в славянских языках до настоящего времени: укр. *румяный*, *блр. румены*, польск. rumiany, чешск. rumĕný, болг. *румен* и др. В русском языке, в отличие от прилагательного *рудой*, известно с эпохи древнейших памятников, хотя в древности употреблялось ограниченно, первоначально для обозначения цвета лица [9]. В этой основной функции сохранилось и в современном русском языке; его вторичные значения, фиксируемые словарями, появляются несколько позднее.

Прилагательное *румяный* употребляется для обозначения цвета лица здорового, молодого, свежего человека, это светлый, нежный оттенок красного цвета. Если назвать его одним словом, то для современного русского языка наиболее нейтральным было бы, наверное, определение «розовый». Слово *румяный* называет неопределенный смешанный цвет, в нем есть какие-то качества красного и белого или скорее розового и белого [10]. Может быть, типичный румяный цвет, так сказать «классический румянец» представляется на белом лице (не потому ли у нас различают смуглый, кирпичный румянец и др.). Интересно отметить, что в новгородских кабальных книгах конца XVI—начала XVII в. при описании внешности часто повторяется вбели румяна, на бели румяна и пр.[11] Ср. также

---

[8] См. Сл. Фасмера: «Праслав. *rumĕnъ из *rudmĕnъ от руда рудый рдеть». См. также Этимологический словарь польского языка Брюкнера: rzeczownik *ru(d)men. . jak kamień; jak do kamien: kamiany, tak do ru(d)men: rumiany.

[9] Так оно и определяется в Словаре Срезневского: *Румяный*— румяный, алый, красный (о цвете лица) (III, 196).

[10] Словарь АР определяет *румяный* как 'алый с некоторой белизною', а *румянец*, *румяность* 'бело-красный, розовый цвет'.

[11] Ср. также в литературе нового времени: Бѣлизна румянна (Тредьяковский. Езда в остров любви). Тогда белорумяны персты

характеристику румяного лица «кровь с молоком» и народные выражения, например, у Даля: На личике ала кровь с молоком переливается. Бела, румяна, ровно кровь с молоком. Кругла, бела, румяна, кровь с молоком и др.

В ряду других цветообозначений *румяный* представляется не совсем обычным [12]. Будучи обозначением природной окраски, *румяный*, как и многие другие (например, *смуглый*, *бледный*) является цветом неопределенным, смешанным [13]. Вместе с тем прилагательное *румяный* характеризует цвет определенной интенсивности, нельзя сказать *темно-румяный*, *светло-румяный*, *ярко-румяный* и прочее [14]. Определяя *румяный* как оттенок красного, хотелось бы подчеркнуть в данном случае разницу между ними, неадекватность содержания того и другого, невозможность взаимозаменяемости. Если сравнить прилагательные *румяный* и *красный* для указания на цвет лица, то первое будет положительной характеристикой, а второе отрицательной. Восклицание «Какой румяный!» выражает восторг и похвалу, нельзя вместо этого сказать «Какой красный!», это уже не похвала, а осуждение. Словом *красный* будет передан излишне интенсивный цвет, не соответствующий эталону нормального свежего здорового лица, который представлен словом *румяный* [15].

По звучным вспрыгали струнам (Державин. Сафе). Белорумяные щеки (Карамзин. Письма русского путешественника).

[12] Современные толковые словари избегают в определении слова употреблять цвет, а повторяют один за другим в общем не очень удачное, если вдуматься, «покрытый румянцем».

[13] Следует оговорить относительность определения «смешанный». Хотя в жизни румяное лицо может иметь различные оттенки голубоватого (или лиловатого, сизого), желтого, коричневого цвета, нам никогда не придет в голову сказать лицо голубовато-румяное, лиловато-румяное, коричневато-румяное.

[14] Разумеется, в художественной литературе, индивидуально, могут употребляться и такие сочетания, например: Федосья Ивановна. . вошла в спальню и увидела, что Мария лежит с закрытыми глазами, ярко-румяная и не переставая говорит про себя тихим голосом (А. Толстой. Граф Калиостро).

[15] Интересно стилистическое использование *румяный—красный* в художественной литературе нового времени. Например, в «Евгении Онегине» Пушкин, сравнивая Татьяну с сестрой, говорит о красоте, цветущем виде Ольги: «Ни красотой сестры своей, Ни свежестью ее румяной Не привлекла б она очей». Сравним с этим дерзкую характеристику ее румяного лица устами Онегина: «Кругла, красна лицом она, Как эта глупая луна На этом глупом небосклоне».

Может быть, слово *румяный* не чистое цветообозначение или не только цветообозначение. В нем кроме цветового признака заключаются и какие-то дополнительные качества, а именно указание на свежесть, здоровый, цветущий вид. Не случайно древние памятники переводят словом *румяный* не только греч. ῥόδινος 'розовый', 'розового цвета', 'как роза'. Лицо румяно (ῥοδινόπυρον), лицем румян (ἦν το πρόσωπον αὐτοῦ ὡς το ῥοδον) (Жит. Андр. Юр. XII в., — Срезн. III, 196), а и греч. ἀνθηρός — 'цветущий', 'молодой', 'свежий'; εὔχρους — с красивым цветом (лица), 'цветущий', 'свежий'. Лѣпъ, тонкымъ лицемъ румянъ, наусъ (Хр. Иоан. Мал., εὔχρους — Срезн. III, 196) [16]. Трудно сказать, является ли это значение вторичным, дополнительным, следствием основного: румяный, т. е. здоровый, или это качество здоровья, здорового тела, здоровой плоти заложено в слове искони, обусловлено в какой-то степени его этимологией. Этимологи, рассматривая слово *румяный*, среди прочих приводят как хорошее соответствие лит. raumů 'мускул', 'мышечное мясо' [17], лтш. raumins 'копченые мышечные части'. Это семантическое ответвление корня *rudh- не является ли доказательством первоначально имевшегося значения 'здоровое тело', 'здоровая плоть', 'мышцы', 'мясо' и прочее? Интересно, что другие индоевропейские языки, не используя корня *rudh- для обозначения румяного лица (при наличии *rudh- 'красный'), выявляют тем не менее именно эту линию. Ср. франц. румяный, алый — incarnat (т. е. цвета тела, плоти, мяса).

В слове *румяный* есть и какой-то оценочный момент, румяный, т. е. здоровый, сильный, красивый. Ср. примеры в старых текстах, где словами *белый*, *румяный* характеризуются положительные герои, напр. храбрый Девгений «лице же его, яко снѣгъ, а румяно яко маковъ цвѣтъ» (Девг. д.), былинные герои, например, Добрынюшка «как

---

[16] Кроме прилагательного *румяный* уже в древности для обозначения свежего здорового цвета лица и вообще здорового цветущего вида употребляются существительные *румяньство*, *румяние:* Вьсь съдравъ и цѣлъ и съ вьсѣмь подвизаниемь и румяньствомь (Пат. Син. XI в. 253. — Срезн. III, 196). И томь час очистися пегота от лица его и бысть яко и пьрвое румяньство възвратившеся въ нъ паки (Пр. н. XIV в., 90 а). И пакы бысть в румяние плоти своея (Исх. IV. 7 по сп. XIV в. — Срезн. III, 196).

[17] См. Этимологические словари Фасмера, Преображенского, Брюкнера.

белым белой да белешенек, ай как белешенек, румяне-шенек» (Он. блн. Глф). Ср. также у Кирши Данилова: «Не бери ты девицу хорошую белыя румяные, возми ты девушку поваренную, поваренную что котора хуже всех» (Кирша Дан., 146) и др.[18]

В современном русском языке словом *румяный* также часто характеризуется привлекательная внешность, красота человека, в неодушевленных предметах — все светлое, яркое, теплое.

На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы. .
Горят щеки ее румяные,
Как заря на небе божием;

(Лермонтов. Песня про купца Калашникова)

На суженого искоса
Поглядывала втай.
Пригож-румян, широк-могуч,
Рус волосом, тих говором
Пал на сердце Филипп!

(Некрасов. Кому на Руси жить хорошо)

Весна идет, весна идет.
И тихих теплых майских дней
Румяный светлый хоровод
Толпится весело за ней.

(Тютчев. Весенние воды)

Таким образом, слово *румяный*, являясь названием цвета, вместе с тем содержит дополнительные качества. Эта совокупность качеств если не обусловила, то во всяком случае способствовала его устойчивости в языке.

---

[18] Древний народный «стандарт» красоты «белый и румяный» продолжает долго оставаться в языке. См. у Пушкина в произведениях народного жанра — балладе, песне, сказке: Нет на свете царицы краше польской девицы. Весела, что котенок у печки, И как роза румяна, а бела, что сметана; Очи светятся, будто две свечки (Будрыс и его сыновья). Или в Сказке о мертвой царевне: «Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее» и т. д. В новое время румянец не в такой уж чести, румяное лицо теперь может являться и символом тупости. Ср.: Румяный, трожды рыгнув, Лука подпевает «наука содружество людей разрушает. .» (Кантемир. Сатира На хулящих учение). Поди сюда, нелепая душа, поди сюда, идиот, румяная ты рожа (Достоевский. Село Степанчиково). Он вспомнил коменданта, его глупое, румяное лицо, бессмысленно выпученные глаза (Никулин. Московские зори).

Именно устойчивостью в языке при сохранении первоначального значения, активностью, способностью к образованию различных производных отличается слово румяный от других цветообозначений с древним корнем *rudh-.

История слова *румяный* — это в общем история увеличения и выявления в нем цветового значения. Это увеличение цветового признака позволяет ему стать из ограниченного определения внешности (даже у́же, цвета лица) цветообозначением с широким, а для определенного времени, возможно, с неограниченным кругом сочетаемости. История эта довольно легко прослеживается по памятникам древнерусским и литературе нового времени. В первом и основном значении, т. е. как название цвета лица слово *румяный* употребляется с древнейших времен. Например: Прииде нѣкто отрочище скопець сыи, нѣкоего велика мужа слуга; бѣаше же лицемъ румянъ, а тѣломъ бѣлъ, и красенъ, желты власы, порты нося не простыя, издалече смердя мосхосомъ (Ж. Андр. Юрод., л 55 г.). 2 женѣ взоромъ едина румяно лице имуще очи смяглѣ а брови высоцѣ акы черниломь заволоченѣ и велми взорита, а другая углажена и бѣло лице имуще (ЗЦ к. XIV, л. 57 об.). Ранние примеры известны из памятников переводных, главным образом, светского характера. Так, в Хронике Иоанна Малалы, несомненно переведенной довольно рано и известной в Киевской Руси, есть целая серия портретов «мужей и жен» Спарты и Эллады, в описании внешности этих героев используется и прилагательное *румяный*: Поподоклия же бѣ высока, чиста. . доброноса, румяна, велеока (V, 8); Патроклосъ тлъстъ, силенъ. . надрусъ, чистъ, румянъ (V, 10); Еасъ. . храборъ, любодѣивъ, румянъ (V, П); Приямосъ тѣломъ высокъ. . в лици добръ, румянъ и зеркъ (V, 12) и др. Слово *румяный* с любопытными сравнениями: лицо румяно яко червецъ, яко маковъ цвѣтъ употребляется для описания внешности храброго Девгения, одного из самых популярных героев древнерусской повести. Повесть «Девгениево деяние» (как считают специалисты) переведена рано и несомненно была известна на Руси в XII—XIII вв., хотя и дошла до нас только в поздних списках. По мнению Пыпина, повесть нравилась старинным читателям, потому что некоторыми подробностями очень похожа на наши сказки. Вероятно, эта народная обработка отразилась и

в описании внешности Девгения: [Девгений] бе бо юноша возрастомъ велми лепъ паче меры а власы имуще кудрявы и очи велики и гораздо нань зрети лице ж его яко снегъ и румяно яко червецъ брови же черны имяше (Девг. д., 136). И особенно по списку Погодина, со сравнениями, характерными для произведений устного народного творчества[19]: Самъ же юноша красенъ велми, лице же его яко снѣгъ, а румяно яко маковъ цвѣтъ, власы же его яко злато, очи же его вельми великии яко чашы, пристрашно зрѣти на него (Девг. д., 158).

К сожалению, мы не имеем образцов описания внешности в памятниках собственно русских древнейшего времени, портрет, который по литературным канонам того времени дается в летописных сказаниях и в литературе житийной, лишен живых индивидуальных черт и представляет набор стандартных качеств, свойственных всем выдающимся лицам, — как воинам, так и святым подвижникам. Типичные примеры таких описаний: Бѣаше же дъщи ему лѣпа и прѣлѣпа видѣниемь и красьна тѣлъмь (Муч. Ирины, 97. XII в.). (1066): Бѣ же Ростиславъ мужь добръ на ратѣ, и възрастомъ же лѣпъ, и красенъ лицемъ, и милостивъ убогымъ (Новг. I лет., 97). (1237): Бѣ же сей Василко лицемъ красенъ, очима свѣтелъ, и грозенъ взоромъ, и паче мѣры храборъ, сердцем же легокъ (Ник. лет., 112). Редко проявляются какие-то проблески индивидуализации портрета, например, в описании любимого христианского героя-мученика, князя Бориса. (1015): Сеи благоверный Борисъ. . тѣломъ бяше красенъ и высокъ, лицемъ смуглъ, плечи высоцѣ, въ чреслахъ тонокъ, очима добръ и веселъ (Соф. I лет., 82).

В собственно русских памятниках индивидуализированный «портрет» появляется в XV—XVI вв. Это описания внешности, сделанные из деловых соображений в разного рода юридических документах. И именно эти словесные портреты особенно ценны, так как написаны живым разговорным языком. Несмотря на краткость и специфику этих паспортных характеристик они часто являются прекрасными портретами людей того времени.

---

[19] См. Даль. Расцвела, что маков цвет. Красна как маков цвет. (II. 291). Ср. также иронически употребленное у Радищева: В шестьдесят лет бела, как снег, и красна, как маков цвет (Путешествие из Петербурга в Москву); у Пушкина: Ты румян как маков цвет, я, как смерть, и тощ и бледен (Ты и я).

Вот некоторые примеры из Новгородских кабальных книг: А Оксеньица 8 лет круглолика, в бели румяна, очи серы, волосом руса (Новг. каб. кн. I, 2). С своею женою с Оксеньею с Офонасьевой дочерью. . . ростом полна, лицом на бели румяна, очи серы, волосом руса (Там же, 10). Волосом изчермна рус, очи серы, лицом бел, румян (Там же, 175). Волосомъ русъ, очи черны, лицомъ румянъ (Там же, 303) и др.

Впрочем, следует отметить, что уже в древнее время слово *румяный* употребляется и более определенно как цветообозначение, указывая на яркий цвет губ, щек. Однако примеры единичны. Трудно сказать, свойственно ли это употребление древнерусскому языку или является особенностью памятника, его перевода. Примеры только из Хроники Иоанна Малалы: Андромаха. . кудрява, длъгою владью, длъгымъ лицем, доброю выею, румяныма ланитома, радостива, тщива (V, 12). Полузно. . тонкимъ лицемъ, добрама ланитома, мала усты, румяныма устнама, лѣпа (V, 13) и др.

По крайней мере с XV в. древнерусские памятники знают и другое употребление слова *румяный* — для обозначения оттенка красного цвета любых предметов [20]. Наиболее ранним является пример из Софийской I летописи, который, будучи неверным или вольным чтением более древнего текста, является, как будто, ранним примером употребления слова *румяный* не в описании внешности. В Повести временных лет по Лаврентьевскому списку приводится рассказ об апостоле Андрее, который ходил с проповедью в славянскую землю. Вернувшись в Рим, Андрей рассказывает, что его там удивило: И рече имъ дивно видѣхъ словѣньскую землю идучи ми сѣмо, видѣхъ бани древены и пережьгуть е рамяно и совлокуться и будуть нази. и облѣются квасомъ уснианымъ и возмуть на ся прутье младое и бьють ся сами (Пов. врем. лет Лавр. лет., л. 3 об.). В издании Лаврентьевской летописи к слову *рамяно* даны варианты «и истопятъ зноино»; «и пережгуть их велми». Слово *рамяно* ‘сильно’, ‘чрезвычайно’, ‘очень’, как и другие слова этого корня *рамяный* ‘сильный’,

---

[20] Современные толковые словари дают его как второе значение слова *румяный*, например, Ушаков: 2. Алый, красный; ССРЛЯ: 2. Красный, розовый и др.

рамяньство 'сила'[21] известно в древнерусском языке, оно употребляется и в Повести временных лет (под 6605 г., под 5999 г.), в Ипатьевской летописи (6672 г.) и других памятниках. Значение его должно было бы быть понятно русскому книжнику. Однако же, когда текст переписывался в Софийской летописи, он был понят по-другому: «Идущю ми сѣмо видѣхъ бани древяны и пережгуть и румяно и идуть в ню, изъволкутся и будуть нази и облиются квасомъ кислымъ и возмуть на ся прутие младое и бьются сами (Соф. I лет.[2], 4). Текст I Софийской летописи печатается по списку XV в., здесь так же даны варианты по другим спискам. В примечании к слову *пережгуть* указано: «в списке Царского далее на поле «каменье и будеть». Т. е. писец, который делал список, называемый списком Царского, решил внести ясность до конца, текст его следует читать: «и пережгуть каменье и будет румяно». Заменил ли переписывающий летопись непонятное слово или использовал его по-своему сознательно, так или иначе мы имеем употребление *румяный* в значении 'красный'. Кстати, видимо, эта же ошибка или это чтение повторяется в Хронике 1512 г.: И пережегъ камение то румяно и нази обливаются квасомъ кислымъ (Хроногр. 1512 г., 346).

Употребление слова *румяный* для обозначения оттенка красного цвета растений и плодов известно в памятниках XVI—XVII вв., например: Пшеницы зерно есть долгое хотя бѣлое или румяноватое (Назиратель, 178). Листвие его румянно бываетъ (Травник Любч., 317).

Среди деловых документов XV—XVII в. есть множество различных описей имущества государственного, частного, монастырского и проч. В массе цветообозначений, используемых для названия цвета тканей и одежд, слово *румяный* в наших материалах не встречается. Есть только два примера конца XVII в. из Петровских бумаг, где слово *румяный* употреблено в составе сложного образования *румяно-желтый*: 27-го: на потѣшной дворъ на нѣмецкое платьѣ байберековъ черныхъ 67 арш. двѣ чети, портище камки румяножолтой 10 арш. (Петр. I, 288, 1691). Того жъ числа, верхней кафтанъ обьяръ песочна, подкладка отласъ румяножелтъ. . опушенъ собольми, круживо нашито

---

[21] См. Срезневский (III, 67, 68): в Словаре АР слова нет. В Словаре церковнослав. и русск. 1867 г.: *Рамяно* стар. очень, чрезвычайно.

золото съ серебромъ узинькое (Петр. I, 251. 1692). Неизвестно, является ли в данном случае слово индивидуальным употреблением или действительно слово *румяный* использовалось также для названия цвета тканей [22].

Видимо, с конца XVII в. слово широко употребительно во всех контекстах, с неограниченной сочетаемостью. Оно по-прежнему употребляется для описания внешности: Ежели до зачатия женщина будетъ блѣдна и смугла, а по зачатии румянолична, то сына имѣетъ (Леч. II, гл. 332). Лицемъ онъ былъ румянъ власы имѣлъ русые, очи свѣтлые (Лек. от задумч., 2). Его используют для описания явлений природы: Когда луна блѣдна, къ дождю; чиста и ярка, къ виодру; красновата или румяна, будетъ вѣтръ и буря (Курганов. Письмовник II, 159). Ежели поутру небо румяно или красновато, то конечно либо вѣтръ или дождь послѣдуютъ (Там же, 160).

Оно очень употребительно в поэзии XVIII в.: И се уже рукой багряной Врата отверзла въ миръ заря, Отъ ризы сыплетъ свѣтъ румяной (Ломоносов. Ода 1746 г.). День румяный воссиявший Освещал потоки дымны (Радищев. Песнь историч.). Как по челу власы ты рассыпаешь черны, Румяная заря глядит из темных туч (Державин. Невеста). Одела полночь вдруг румяная заря (Херасков. Россиада).

В XVIII в. слово *румяный* употребляется и для обозначения цвета поджаренных хлебных изделий, жаркого и пр., то, что в современном академическом толковом словаре дается третьим значением слова *румяный*. Мы найдем его и в специальных книгах, и в поэзии: Сперва куски разгорячить. . . и зажарить румяно (Сл. поваренный, IV, 25). Багряна ветчина. . Румяно-желтъ пирог, Сыр бѣлый, раки красны (Державин. Евгений. Жизнь званская).

Таким образом, в XVIII в. сложились все те значения или употребления[23] слова *румяный*, которые известны

---

[22] В 1968 г. вышла книга С. Бородина «Звезды над Самаркандом», где описываются походы великого завоевателя Тимура в 1399—1400 г. В описании одежды восточной женщины автор называет румяный цвет шальвар: «Пробегала, стуча тяжелыми кожаными туфлями, посверкивая смуглыми щиколотками из-под румяных шальвар» (стр. 454). Если бы не примеры из петровских бумаг, такое употребление показалось бы плохой стилизацией. Однако, несмотря на то, что примеров из памятников в нашем распоряжении нет, следует допустить, что это употребление было возможно.

[23] Лексикограф вынужден различать значения, однако, если говорить строго, вряд ли следует у слова *румяный* различать три

в современном русском языке, они продолжают существовать и теперь. Стилистические особенности в их употреблении разумеется есть; если первое из них употребляется везде, то второе является в основном достоянием поэтической речи, а третье — бытовой.

Рдеть, рдеться

В отличие от других слов этой группы, *рдеть* не является широко употребительным. Будучи по происхождению книжным, церковнославянским, оно и впоследствии, в общем остается в пределах языка книжного, и если не является всегда исключительно достоянием стиля высокого, поэтического, то сохраняет какой-то элемент этой «высокости», книжности, что не позволяет ему стать до конца стилистически нейтральным. В современном русском языке среди слов с древним корнем *rudh- слово *рдеть* в наибольшей степени выражает собственно красный цвет, имея значение 'краснеть', 'ярко выделяться красным'.

Впрочем, это значение довольно позднее. Первоначально слово употребляется преимущественно по отношению к человеку, для описания его внешности, состояния и означает 'быть, становиться румяным', 'краснеть'. По тем немногочисленным примерам для этого слова, которое мы имеем из древнерусских, преимущественно переводных, памятников, мы можем установить, что одним из ранних значений глагола *рдѣтися* [24] было 'краснеть', 'смущаться'. Вряд ли здесь первенствующую роль играл цвет. Кажется, вернее предполагать, что значение было не просто 'становиться красным', а именно 'краснеть от смущения, стыда'. Например: Егда разидемься распьрѣвъшеся то не хочемъ ся сами совокупити опять, но

значения. Значение у слова одно — оттенок красного (или розового) цвета, употребляется для названия цвета лица, позднее для названия различных степеней интенсивности того же бледно-красного (или розового или алого) цвета в описании явлений природы (и здесь слово представляется в наиболее чистом виде как цветообозначение); позднее — для красноватого оттенка различных кулинарных изделий.

[24] В древнерусском языке известны только местоименные формы: *рдѣти ся* (*зардѣти ся*). По нашим материалам, с XVIII в. употребляются местоименные две формы: *рдѣться* и *рдиться*, а также неместоименная *рдѣть*. По значению они не различаются.

ждемъ межи собою ходатая но кииждо стыдиться и рдиться приступити и смиритися съ другомъ. (Пч. к XIV, л. 119 об.).

Вероятно, также одним из самых ранних и не сохранившихся в новое время значений было: 'быть румяным, здоровым, цветущим' [25]: Иже днсь доброрастьныи тѣломь и утолъстѣвъ пищами, и ръдячеся лицемъ . . утро то самъ предълежитъ, или старостью исъхъ или болестью (Пчела Публ. б. л. 92. Срезн. III, 203).

В этих примерах слово еще не имеет современного значения 'краснеть, ярко выделяться красным цветом'. По существу, встречающееся в древнерусских памятниках *рдѣти ся* по значению и употреблению близко с прилагательным *румяный* и выражает не самый яркий цвет, а различной степени интенсивности оттенки смешанного розово-красного цвета, который бывает на лице здоровых цветущих людей или внезапно выступает на лице под влиянием различных причин (прежде всего стыда, смущения).

Рдеться со значением 'краснеть, смущаться' довольно долго сохраняется в языке: например: Ученицы. . в некоторых из насъ есть вина которая не пред многими денми была виновнии слышавъ сие лицемъ рдятся понеже они нами смиренными гордятся (Шк. благочиние, 91). Между тем другой кому боги благосклонны Дали мѣдное лице, дабы все законны Стыда чувства презирать не рдясь, не блѣднея, У всяких стучит дверей (Кантемир. Сатира VIII) О музы: должно вамъ отнынѣ вѣчно рдиться: Что вы могли на тварь гнуснейшу разсердиться (Сумароков. Притчи). Все сие было. . страстному моему сердцу очень и очень непротивно, . . и оно прыгало так сказать отъ радости. . я. . сидѣлъ рдѣя только и краснѣя, не говоря ни одного слова (Болотов. Зап. II, 421).

Рдеться (о человеке) 'краснеть от смущения', будучи длительное время довольно употребительным, постепенно уходит из языка, может быть, вытесняется другими глаголами. Уже в XVIII в. в этом значении употребляется глагол *краснеть* или (кажется, чаще) *краснеться*: Краса-

---

[25] См. то же значение в отглагольном существительном *рдѣние*: И поимше же и с отвориша яко же повелѣ имъ и томь часѣ очистися пѣгота отъ лица его и бысть якоже первѣе; рдѣние воспят взыде на лице его, и не бы ни худа вреда на немь. (ВМЧ, Ноябрь, 13—15, 924).

вица отворотилася от зеркала и взглянула на меня такими быстрыми проницательными глазами, что я, верно, бы закраснелся, если бы у меня что-нибудь дурное было на мысли (Карамзин. Письма русского путешественника).

Позднее рдеть 'краснеть, смущаться' употребляется, видимо, все реже, у писателей XIX века лишь единичные примеры. В настоящее время бесприставочные местоименные и неместоименные формы глагола в литературном языке не употребляются, а приставочные — *зардеться* (обычно только прошедшее — *зарделся*, *зарделась*) не часты и вряд ли стилистически нейтральны.

Может быть более определенно как цветообозначение слово выступает в примерах, где глагол *рдѣти ся* употребляется для описания лица, щек, вспыхнувших румянцем или покрасневших от разных причин. В описаниях внешности, румяного или покрасневшего лица — *лицо рдеет*, *щеки*, *уши рдеют* слово употребляется с древнейших времен: Слышавъ он ужасеся и зардися лице его, и бывъ яко огнь, срамився велми (Ж. Андр. Юрод. 119). И лице ея нача рдѣтися от яденья и пития (Пр Юр XIV, л. 253 а).

Мы находим его и в новое время (теперь в этом же значении употребляются и неместоименные формы) и в современном русском языке. Здесь во внешне однотипных примерах, думается, передается разной степени интенсивности окраска. Так, по стихам Державина мы представляем красивого здорового ребенка с розовыми румяными щеками (рделись щеки): Ходя в рощице тенистой, Видел там Эрота я. На полянке роз душистой Спал прекрасное дитя. Сквозь приятный сон умильный, Смех сиял в лице его, Будто яблочки наливны Рделись щеки у него. (Спящий Эрот).

В других примерах речь идет о более ярком цвете разгоряченного, раскрасневшегося от вина, волнения и пр. лица: Я почувствовалъ, что у меня щеки начали рдѣть, и подъ конецъ пира, я бы какъ и другие напился пьянъ (Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву). Несколько бутылок горского и цымлянского громко были уже откупорены. ., лица начинали рдеть, разговоры становились звонче, несвязнее и веселее (Пушкин. Дубровский). Жадно внимал царевич рассказчику; рдели щеки его, и нередко струились по ним слезы (Лажечников. Бусурман).

В этих примерах *рдеть* значит 'краснеть', 'заниматься ярким румянцем'. Впрочем кажется, что в некоторых примерах *рдеть*, выражая крайнюю интенсивность цвета, крайнюю степень красноты загоревшегося румянцем лица, значит уже не 'краснеть', а 'гореть красным' или просто 'гореть': Стояла молча предо мною Алели щеки, как заря, Все жарче рдея и горя! (Тютчев. Сей день, я помню, для меня. . .). Щеки Степаниды рдели, глаза горели стыдом и злостью (Николаева. Жатва).

Таким образом, до сих пор речь шла об употреблении глагола *рдеться*, *рдеть* только по отношению к человеку, его внешности, цвету его лица. Из древнерусской литературы примеров иного его употребления мы не имеем. Словарь Срезневского дает следующие значения (или вернее употребления) слова: 'краснеть, быть красным'; 'быть румяным, цветущим'; 'краснеть, стыдиться'.

Позднее *рдеть* употребляется шире. По нашим материалам с XVIII века *рдеть* 'краснеть', 'алеть' употребляется также по отношению к различным явлениям природы. Слово используется преимущественно в поэзии в жанре высоком и преимущественно в описаниях природы: торжественно мрачное зловеще-красное небо, огненно красные облака и прочее: Все небо какъ надъ Етной рдѣетъ, Земля трепещетъ и багрѣетъ (Сумароков. Ода торж.). Кровавы вслед моря струились И заревы по небу рдились (Державин. Гимн на прогнание французов).

У писателей XIX—XX в. слово *рдеть* употребляется довольно часто, как в поэзии, так и в прозе. Здесь также передаются различные оттенки красного цвета: то розового, как щеки девушки, то, вероятно, ярко алого, как сердцевина у распускающейся розы. Охотно его употребляют, когда речь идет о предметах ярко выделяющихся красным цветом и освещенных, не просто красных, а пламенно-красных, например, заря, закат, небо, облака: Везде горели яркие предвечерние краски, небо рдело, листья переливчато блистали (Тургенев. Накануне) Пусть ночи пожарами светят И рдеют закаты как раны. (Бунин. Диза).

Фиксируемое современными словарями значение 'краснеть', 'ярко выделяться красным' выявляется, так сказать, «в чистом виде» довольно поздно. Кажется, в качестве примеров можно было бы привести следующие: В полутемной комнате там и сям яркими точками рдели

вставленные в зеленые старинные стаканы свежие пышные розы (Тургенев. Вешние воды). Все дико и прекрасно, как в Эдеме: Торчат шипы акаций, защищая Узорную нежнейшую листву. Цветами рдеют кактусы, сереют Стволы в густых лианах (Бунин. Цейлон). Офицерские фуражки рдели и зеленели среди светлых дамских шляпок (Соболев. Капитальный ремонт).

Значению 'краснеть', 'ярко выделяться красным' все время как бы сопутствует и значение 'гореть' ('сверкать', 'блестеть'), есть ряд случаев, где трудно сказать, что имеется в виду — 'краснеет', т. е. выделяется красным цветом или просто 'ярко выделяется', 'горит'. Например: Пугачев приказал им отступить и зажегши еще несколько домов, возвратился в свой лагерь. Настала буря, огненное море разлилось по всему городу.. К вечеру буря утихла и ветер оборотился в противную сторону. Настала ночь, ужасная для жителей. Казань, обращенная в груды горящих углей, дымилась и рдела во мраке. Никто не спал (Пушкин. История Пугачева). Мужицким пахнет варевом, костры в дыму трещат — И рдеет красным заревом на холоде закат (Бунин. Плоты). Рассветает медленно, город с утра тонет в сизом, морозном тумане, а деревья одеты густым инеем сиреневого цвета, солнца целый день не видно и только вечером замечаешь след его потому, что долго и угрюмо рдеет мутно-красная заря в тяжелой мгле на западе (Бунин. В деревне). И Луна, Перуна, бога Увидавши за горой, Закричала — Вихрь Стрибога! Солнцу яму в тучах рой! И на поле боевое Побледнелая идет, Пламя рдеет заревое, Стрелы острые кует (Городецкий. Перун).

Следовательно, в новое время, сравнительно с древнерусским языком, у слова рдеть изменяется употребление, оно употребляется не только о человеке, но и гораздо шире. Вероятно, изменяется и значение его как цветообозначения, оно значит и как прежде 'краснеть' (т. е. начинать, становиться красным, быть красным), но в ряде примеров не просто 'краснеть', а 'выделяться своей краснотой', 'гореть, пламенеть красным'. Т. е. как будто в нем растет цветовой признак, оно выражает наиболее интенсивный цвет. Может быть, это и есть его вершина как цветообозначения? Или, напротив, это начало процесса утраты у слова значения цвета. Чтобы понять историю слова, как цветообозначения, хотелось бы еще обра-

тить внимание на две особенности его употребления. В литературе нового времени есть целый ряд примеров, когда *рдеть* сочетается с прилагательным, называющим яркокрасный цвет или дается в сравнении с предметом яркокрасным: Багровый облакъ въ небѣ рдѣетъ. Земля подъ нимъ въ крови краснѣетъ (Ломоносов. Ода I). Сердце мое имъ было неизвѣстно. Незнали они, что нетрепетенъ всегда предстою, собственному моему суду, что ланиты мои нердели багровымъ румянцемъ совѣсти (Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву). Звездой блестят ее глаза. Ее уста, как роза, рдеют (Пушкин. Полтава). Рдеет румянец и ярче и краше, Мило и молодо дитятко ваше (Некрасов. Саша). Ноги начинали подкашиваться, багровые пятна на щеках рдели, голова тяжелела и покрылась потом (Щедрин. Пошехонская старина). Леди была в красном шелковом платье, и ее красный рот на бледном, немного усталом лице рдел, как пурпуровый цветок, как раскаленный уголь (Куприн. Жидкое солнце). Солнца целый день не видно и только вечером замечаешь след его потому, что долго и угрюмо рдеет мутно-красная заря в тяжелой мгле на западе (Бунин. В деревне). Старинным золотом и желчью напитал Вечерний свет холмы. Зардели красны, буры Клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры. В огне кустарники и воды, как металл. (Волошин. Киммерия). Если красное знамя рдеется, если люди дорвались до света, — Это дело красноармейца, первой опоры Совета (Маяковский. Герои и жертвы революции). Трудно сказать, чем вызвано такое употребление слова. Не оттого ли, что *рдеть* все-таки не выражает должной степени интенсивности красного цвета, писатели охотно употребляют его с названиями ярко-красного? Или вернее предположить, что уже здесь выявляется вторичное, а, может быть, всегда имеющееся у глагола значение 'ярко выделяться', 'гореть'.

Другой особенностью его употребления является появление нового управления у глагола и закрепление его в виде словосочетания *рдеть чем* (рдеть румянцем, жаром, багрянцем, пурпуром, рдеть красным, багровым цветом и т. п.). Здесь возможны сочетания с названиями красного цвета: Тише, тише вѣтры вейте, Благовониемъ дыша; Пурпуровым златом рдѣйте. Воды, долы и душа (Державин. Пришествие Феба). Рдела пурпуром сраженья Ночь на празднике огня. След печальный разрушенья

Озарен лучами дня (Бенедиктов. Пожар). Теплый безветренный день угас. Только далеко на горизонте, в том месте, где зашло солнце, небо еще рдело багровыми полосами (Куприн. Лесная глушь). Лошадей, запряженных в косилку, гоняла Наталья. У нее свекловицей рдели опаленные щеки, глаза слезились (Шолохов. Тихий Дон). Темные воды залива рдели багрянцем пожаров (А. Степанов. Порт-Артур). Багровыми бликами рдеют снега, Пылают в округе берлоги врага (Сурков. Таня).

Рдеть чем возможно и с названиями не красного цвета: Там солнце вечно лучезарно, И рдеют золотом плоды (Вяземский. Флоренция). Снега переливались, как драгоценные каменья: и рдели янтарем, и голубели васильками, и полированной сталью сверкали в вечерних лучах (Фурманов. Мятеж). На западе за городом горела заря. Точно в жерло раскаленного, пылающего жидким золотом вулкана сваливались тяжелые сизые облака и рдели кроваво-красными, и янтарными, и фиолетовыми огнями (Куприн. Поединок). У базара, где в плетеных корзинках блестели груды скользких голубоватых рыб, овощи рдели зеленым, красным, лиловым и розовым бордюром (А. Грин. Возвращенный ад).

Если можно сомневаться и спорить, что значит *рдеть* в приведенных несколько выше примерах, то несомненно, что в сочетаниях глагола рдеть с названиями не красного цвета глагол не значит 'краснеть'. А таких примеров достаточно много, и едва ли это можно считать индивидуальным употреблением: они разновременны, встречаются у разных писателей и в поэзии и в прозе.

Эти примеры доказывают наличие у глагола *рдеть* значений 'ярко выделяться', 'гореть', 'сверкать', 'блестеть', а с интересующей нас точки зрения свидетельствуют, что глагол *рдеть* в данном случае перестает быть цветообозначением. Кстати, есть довольно много примеров, преимущественно поэтического употребления, где *рдеть* и значит 'гореть', 'сверкать', 'блестеть' и не связано ни с каким цветом: Заря Стремилась гаснуть, звезды рдели, И неба вышние моря Вечерним пурпуром горели! (Блок. Я шел к блаженству). Вот перешла дорогу женщина в платке. И просит денег. Дай. Но не смотри в глаза. Не то на всяком, всяком медном пятаке. В углах чеканки будет рдеть блестящая слеза (Городецкий. Перун). В воздухе стоял темный багрянец кленов, платанов, буков

и тополей. Казалось, солнечный блеск пленен их листьями и впитался в них, и светит или не светит солнце, а он будет сиять и рдеть на деревьях даже в лунную ночь (Павленко. Осенняя заря). Может быть, не стоит делать решительных выводов, что значение это новое и вытесняет *рдеть* 'краснеть'. Скорее следует считать, что оно всегда было и частично выявлялось и ранее.

В самом деле, со значением 'краснеть', 'гореть', т. е. 'краснеть при болезни, воспалении', слово известно уже в древнерусских памятниках: Аще ли будет на кожи его гнои и ицѣлиет и будет на мѣстѣ гноя дегна бѣла или начало прокаженню бѣлуяся или рдяся ти явится жерцю (Лев. XIII, 18—20. Библ. Генн) (1534): Начаше прикладывати къ болячкѣ муку пшеничную съ медом прѣснымъ и лукъ печеной: отъ того болячка нача рдѣтися (Соф. II лет. 267—268). Существительное *рдение* 'воспаление', видимо, как специальный медицинский термин употребляется еще в конце XVIII в.: Вся глазная болезнь и рдѣние ихъ исцѣляется (Краш. ОЗК, II, 167) Рдѣние, вожжение, отокъ, флегмонъ (Платнер, Наставл. хирургич. 974).

Русские толковые словари, как старые, так и современные не дают значения 'гореть' у слова *рдеть*. Его дает только словарь Даля: Рдѣть, гореть, воспаляться, краснеть, заниматься жаром и красниной, ярко алеть. Приставочные формы нардеть, нардевать (о нарывах, вередах) дает Словарь 1847 г.

В современном русском литературном языке слово в этом значении не сохранилось [26], однако, может быть, именно из него из значения 'краснеть, гореть', т. е. выделяться именно цветом, краснотой развивается позднейшее рдеть 'выделяться ярко-красным'. Эти два значения — краснеть, т. е. быть, становиться румяным, покрываться краской стыда, смущения; и краснеть, т. е. выделяться цветом, краснотой, гореть, пламенеть — с древнейших времен и в новое время развиваются как бы параллельно, причем первое постепенно выходит из употребления, а во втором как бы усиливается значение яркого красного цвета, а затем значение 'вообще ярко выделяться, гореть'.

---

[26] В говорах в этом значении слово отмечается в сравнительно недавнее время. См., например: *Рдеться*, краснеть, покрываться краснотою. *Рдится палец* (при занозе и опухоли). Второе Доп. (Карт. СРНГ).

Таким образом, история слова *рдеть* как цветообозначения представляется в следующем виде. Первоначально оно не называет яркий интенсивный красный цвет, а используется, как прилагательное румяный, для обозначения розового или покрасневшего лица. Затем, позднее, слово употребляется в описаниях природы: алое закатное небо, розовые облака и прочее. Со временем в слове как бы увеличивается содержание цвета яркого, красного. Развитие слова рдеть как цветообозначения представляется в виде очень крутой кривой с быстрым и значительным нарастанием (а потом утратой) цветового признака. Оно значило не просто 'краснеть', а 'ярко краснеть', 'ярко выделяться красным'. Впоследствии эта его вторая сторона, его качество световое, а не цветовое, выделяется все острее, в нем как бы начинает стираться значение цвета и усиливаться, утверждаться всегда бывшее значение 'ярко выделяться', 'гореть'. В этом смысле очень характерны примеры, где слово *рдеть* сочетается с названиями цвета не красного. Если не говорить решительно об утрате старого значения *рдеть* 'краснеть', кажется, можно указать на тенденцию утрачивать значение цвета.

Таким образом, если говорить об истории названия красного цвета в русском языке, то следует сделать вывод, что общеиндоевропейский корень *rudh- в русском языке как название собственно красного цвета не сохранился. Мы имеем основание полагать, что в древности прилагательное *руд(ой)* обозначало какие-то оттенки красного цвета, определяя предметы (или вещи) с природной неяркой красноватой окраской. Другие цветообозначения этой группы называют лишь оттенки красного: 'краснобелый' или 'розовый' — *румяный*, блеклый 'красножелтый', 'красно-бурый' — рыжий, 'рыжеватый', 'рыжебурый' — *редрый*, 'желтовато-коричневый' — *русый*. Цветообозначения этой группы имеют нечто общее: все они обозначают природные цвета: цвет лица, кожи, цвет волос, шерсти или цвет неба, земли, растений, т. е. всего того, что окрашено от природы, а не получено путем окрашивания. Вероятно, это можно считать свидетельством их древности, по крайней мере часть из них появилась в то время, когда люди или не окрашивали вещей совсем или умели это делать ограниченно. Все цветообозначе-

ния этой группы называют цвета не чистые, яркие, интенсивные, а смешанные. Лишь одно слово стоит как бы особняком, это глагол *рдеть*. Однако и в нем эта интенсивность цвета перерастает в другое качество, так что со временем значение цвета утрачивается и сохраняется значение 'ярко выделяться', 'гореть'.

Наблюдая развитие значений в этой группе на протяжении длительного времени, кажется, можно сделать вывод, что у всех у них (кроме прилагательного *румяный*) со временем утрачивается значение красного цвета: *рудой* значит в современном языке чаще 'рыжеватый', *рыжий* обозначает любые оттенки желтоватого, буроватого, коричневого (см. об этом слове: «Русская речь», № 5, 1975 г.) и т. д., т. е. слова с корнем *rudh- не только не являются обозначением собственно красного цвета, но и в тех случаях, когда они ранее обозначали смешанные с красным цвета, значение красного со временем стирается.

Слова с общеславянским корнем *červ-

Червленый, чермный, червчатый

Славянские языки для названия собственно красного цвета используют слова с древним общеславянским корнем *červ-: укр. *червонии*, блр. *чырвоны*, польск. czerwony, чешск. červeny, болгарск. *червен* и др. Русский язык в отношении названий красного цвета держится особняком и среди языков славянских, здесь древние общеславянские цветообозначения с корнем *červ- не только не употребляются теперь для названия собственно красного цвета, они совершенно утрачены в языке. Будучи широко употребительными в древнерусском языке, слова с корнем *červ- (*червленый*, *чермный*, *червчатый*), еще живут в языке до конца XVII в. (может быть, начала XVIII в.), но уже в XVII в. начинают неожиданно быстро вытесняться новым цветообозначением, в роли которого выступает и ранее существовавшее в языке слово *красный*. Причины быстрого и бесследного исчезновения прилагательных с древним корнем *červ- не вполне ясны. Вероятно, утрата их объясняется разными обстоятельствами, и историческими и лингвистическими, а может быть, и какими-то качествами этих цветообозначений. В современном русском языке не осталось никакого следа

от древних названий красного цвета с общеславянским корнем *černv-. Единичные примеры употребления старых цветообозначений, которые встречаются в художественной литературе XIX—XX вв., являются приемом стилизации.

Возникновение у славян новых названий для красного цвета, с корнем *červ- (вместо старых общеиндоевропейских, с корнем *rudh-), вероятно, связано с открытием нового красителя (или вообще первого красного красителя). Во всяком случае, появление у славян слов с корнем *červ- для названия красного цвета этимологи связывают с использованием для окрашивания тканей насекомого червец (кошениль) [27] — довольно подробно об этом пишет, например, Брюкнер [28].

Если здесь возможны некоторые исторические параллели, если червец для славян был тем же, чем античный пурпур для греков, то можно себе представить, каким важным событием для славян было открытие нового красителя, и как это отразилось в языке, вызвав соответствующие изменения в цветообозначениях. Как вообще оцениваются такого рода открытия, мы можем судить по преданиям, сохранившимся в народе. Правда, у русских как будто не сохранилось сведений о древнейших красителях, во всяком случае в общеизвестных памятниках не встречается каких-либо преданий об открытии красителей. Зато в старинных греческих хрониках, переведенных и популярных на Руси, изложена целая легенда об открытии красной краски и изобретении окрашивания тканей. Она настолько интересна и по содержанию и по использованию цветообозначений, а также по наличию синонимических пар в разных вариантах (шар — багор, одежда червлена — риза порфиряна и др.), что мы позво-

---

[27] Кошениль — общее название нескольких видов насекомых подотряда кокцид или червецов и щитовок, из которых добывают красную краску кармин. Самки к. до конца 19 в. очень широко использовались для изготовления краски (БСЭ. Кошениль).

[28] «Od czerwu, w Polsce czyrwcem, czerwcem zwanego, t. j. od 'porphyrophora polonica', i od jego barwiku poszla we wszystkich językach słowiańskich nazwa czerwieni i barwienia na czerwono: cerk. czrweń, bułgar, czrwilo, 'szminka'; czerwony, pierwotnie czyrzwiony, imiesłow od czyrwić, 'krasić na czerwono' (A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego, 76—77). См. также словари Преображенского и Фасмера.

лим себе не только изложить ее, но и дать древнерусский текст в двух вариантах: по Хронике Георгия Амартола и по Хронике Иоанна Малалы.

Во времена царствования Финика Ираклий, философ тирский, гуляя возле моря увидел пса, грызущего моллюска-конхила. Пастуху показалось, что на морде у пса кровь, он вытер ее овечьей шерстью и окрасилась шерсть, и подумал пастух, что это кровь ягненка. Но философ понял, что это не кровь, а чудесная краска. Он взял у пастуха шерсть и принес ее царю. Очень дивился царь чудесной краске и приказал окрасить шерсть и сделать себе одежду из нее. Дивились и люди все, видя царя в одежде окрашенной. И запретил царь Финик ходить в червленой одежде кому-нибудь, кроме принадлежащих к царскому роду, для того, чтобы по одежде знали воины и все люди царя. Ведь до этого не знали люди разных красок и не различали (по одежде) царя и подчиненных его.

По Хронике Георгия Амартола:

Въ временех же црствиа Финиковы, бѣ Ераклии Турянинъ премудрыи и кохилни обрѣтатель. ходя бо и веселяся при мори страны Тирскиа, видѣ грича пастушнаго ядуща глемую коньхилилии. и пастуху мнящу кровь текущу из грича, веземъ от овчих волнъ руно, отре истѣкающее изъ устъ грича и очервившуся руну, и разумѣ Ираклии, яко не кровь ес‹ть› но чрьви подобно. и удивися ему зѣло, яко велиикъ даръ принесе црви Финику. пач‹е› удивися црь повелѣ от коньхилии очервити руно, и сътвори собѣ одежду, в то ся первѣе одѣвъ портъ от прапруда, всѣми людми удивленъ быс‹ть› чюдная ради одежда. и повелѣ Финикъ црь сущиимъ под своею областию не смѣти в такой одежди чръвленѣ ходити, токмо сам и по немъ хотящимъ быти цремь в Финицѣ, да знати будет цря воемъ и всему множьству людии от таковыа одежда. древле бо не разумѣваху члци чрьви различныа, тѣмь и въ борзѣ не познаваху цря о сущиихъ под нимъ (Хрон. Г. Амарт. л. 22г).

По Хронике Иоанна Малалы:

В тѣхъ же лѣтѣхъ цртва Финикова бѣ Ираклъ нарицяемыи философ Турѣхъ иже обрѣте коньхиль играа бо на странѣ яже над моремъ Турьска града видѣ пса

пастушьска ядуща нарицаемую коньхилу пастуху ж мнящу, кровию агньца окрававившюся псу, и отирающюс‹я› окрававивша овчину разумѣв же Ираклъ не сущу се крови но багоръ чюдна дѣла, дивися и разумѣ, яко от конхилы есть багоръ на рунѣ, и въземъ от пастух руно акы великъ даръ принесе црю Тирску Финику. и дивися црь видѣнию дивну шара багряного, чюдився обрѣтению, повелѣ конхиломъ очръвивше козичину исткати ему ризу црьску и тои начя пръвее носити пръфиряну ризу и вси чюжахуся ризѣ црьстѣи яко дивно видѣние и оттолѣ повелѣ црь Финикъ никомуже сушихъ под црствомъ его носити такова доброты сущаа от земля одежда но самому точию и иже по немъ црствують Финикомъ, да будеть црь знаем воины и всѣмъ народомъ от чюднаго и дивнаго одѣния. преж бо не вѣдяаху члци чръвити и багрити ризъ, но влънами якож на овци бѣяше такы и ризы ношааху творяще и црие ж с тацѣми лици якоже лучааше ярина такы ризы ношааху и неудобь бѣяху знаеми повинным людемъ тѣмъже мѣстъ, рекше ригесъ мѣстнии кнзи, услышавше се, ови одѣниа ови ж застогы златы и окровница умысливше собѣ, багряныи и чръвленые червяше быекуиемъ, носити, да будуть знаеми своему народу (Хрон. И. Малалы II, 36—37).

Способ окрашивания червцом (кошенилью) известен славянам с глубокой древности. Так, Брюкнер пишет: «Więc już perwotni Slowiane na prarodzinie zajmywali się zbieraniem tej koszenili domowej»[29].

Большое внимание этому органическому красителю уделяется в книге проф. Лукьянова, посвященной истории красок. Он пишет, что «красную краску животного происхождения, называемую «червец» [30], начали применять еще в XII в. для крашения тканей, кожи, волос. Эта краска добывалась из насекомого червеца, сбор ко-

[29] A. Brückner. Указ. соч., стр. 77.

[30] «В России кошениль называлась червецом, а на Украине — «канцелярским семенем», якобы потому, что подведомственные бывшему Малороссийскому Правлению сотенные канцелярии (видимо, это относилось к XVIII в.) «принимали участие в сей промышленности». (П. М. Лукьянов. История химических промыслов и химической промышленности в России, т. IV. М., 1955, стр. 289).

торого происходил в июне, июле [31]. Ее добывали на Украине, откуда до XVII в. вывозили за границу, где червец конкурировал с появившейся там (в 1526 г.) дешевой американской кошенилью» [32].

Об использовании червца для домашнего крашения в России во второй половине XVIII в. пишет академик Паллас. Путешествуя по России, он неоднократно находит применение этого красителя не только у выходцев с Украины в Черкасской слободе, возле Кинеля в Самарской губернии, но и в других местах. Находя червец в районе р. Клязьмы, Паллас мимоходом отмечает высокое качество местного красителя: «Корень вездѣ изобильно ростущей травы звѣробоя былъ на сихъ увалах усыпанъ Российскимъ червецемъ, который въ крашении ни мало не уступает Польскому червецу» [33]. Паллас указывает на то, что этот краситель продается по довольно дорогой цене: «По причине трудного собирания продают червец нарочито дорого и собирают его не больше, как сколько им надобно для домашнего крашения» [34]. О дороговизне краски, получаемой из червца, пишет и проф. Лукьянов: «Кошениль будучи очень дорогой краской, как видно из приведенных выше цифровых данных, все же находила широкое применение. Она использовалась для окраски хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых тканей и для изготовления дорогих масляных и акварельных красок (для живописи) именуемых кармином и баканом, наконец, для изготовления румян» [35]. Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что органический краситель, получаемый из червца, несмотря на дороговизну, несмотря на то, что в России в это время уже широко использовались растительные красители, например, марена (в домашнем крашении также другие растения, например, трава душица) все же до XIX в., когда появляются ализариновые красители, оставался весьма

[31] Этимологи отмечают, что по имени этого красителя названы у славян летние месяцы июнь, июль, т. е. те месяцы, когда производился сбор червца. Если замечание справедливо, то, видимо, этот факт также свидетельствует о большой роли, которую играл червец в жизни славян.

[32] П. М. Лукьянов. Указ. соч., стр. 97.

[33] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809, стр. 33.

[34] Там же, стр. 309.

[35] П. М. Лукьянов. Указ. соч., стр. 291.

употребительным и популярным как в домашнем, так и в фабричном крашении [36].

Общеславянские цветообозначения с корнем *cerv-, называющие красный цвет и первоначально связанные с процессом окрашивания, как древние старославянские чрьвленъ, древнерусское *червленый*, так и современные czerwony, červený, *червéн*, *цр̀вен*, с результатами различных фонетических изменений, восходят к древнему причастию *čьrvien [37]. Трудно сказать, воспринималось ли русское *червленый* в эпоху наших древних памятников как причастие, т. е. имело ли оно всегда значение 'окрашенный в красный цвет' или это его происхождение забылось и оно значило 'красный', 'красного цвета'. Судя по материалам древнерусских памятников древней эпохи, где слово представлено достаточно широко, можно как будто склоняться к тому, что слово сохранило свою исконную «глагольность». В нем как будто содержится еще упоминание о процессе окрашивания и значит оно, вероятно, окрашенный определенным красителем в красный цвет — «очервленый». Недаром, может быть, в притче о доброй жене из Повести временных лет говорится не о червленой, а об очервленой одежде (980): Суугуба одѣнья с[т]ворить мужеви своему очерьвлена и багряна собѣ одѣнья (Лавр. лет., л. 26). Если это предположение правильно, если червленый сохраняет значение «окрашенный определенным красителем», то понятно и появление более народного варианта *черленый* [38]. В таком случае понятно также и появление в древнерусском языке прилагательного с этим же корнем *червчатый* как стремление назвать цвет безотно-

---

[36] Это, кажется, объясняется не столько хорошим цветом, сколько стойкостью этого красителя. См. у Палласа: «Краска из червеца не много лучше краски из травы душицы, только что она не скоро линяет» (П. С. Паллас. Указ. соч., стр. 309).

[37] См. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. IV, стр. 334.

[38] Прилагательное *червленый* существует в древнерусских памятниках в двух вариантах: *червленый* и *черленый*. Мы считаем возможным в дальнейшем в примерах не различать этих вариантов, так как по значению они одинаковы. Однако следует заметить, что употребляются они все-таки различно: в памятниках официальных, литературных, с книжным языком преимущественно *червленый*, в памятниках с языком более народным — *черленый*. Ср. хотя бы перечень примеров у того и другого слова в словаре Срезневского: *червленый* — евангелия, кормчие, публицистика; *черленый* — Слово о полку Игореве, Даниил Заточник, духовные.

сительно к процессу окрашивания. Если *червленый* по происхождению причастие и его глагольность долгое время сохраняется в языке, понятно и наличие в языке одновременно прилагательного *чермный* и разделение (хотя бы неполное) сфер употребления того и другого (если вообще они не называют разные оттенки красного цвета).

Тесно связанное с процессом окрашивания слово *червленый* может не только называть цвет, но и значить 'связанный с окрашиванием', например, предназначенный для окрашивания (или, может быть, красильный) [39]: Коза нача ясти черленое зелие, и рече еи зели: почто мя ѣси? Оже ты умреши, чимъ хотять кожю твою червит (Пов. об Акире, 23). Более того, кажется, что в древнерусских памятниках, особенно памятниках ранней поры, слово *червленый* может иногда значить не 'красный' или 'окрашенный красным', а просто 'окрашенный': Проклинаю [обращающийся из иудейства] в начало индикта въ праздникъ трубныи. обязающе роги помазании червлены различных вапов (Корм. Балаш. 495²). Поскольку простой люд носил вообще одежду некрашеную, белую (или даже неотбеленную — серую), а окрашенная, тем более красная, багряная одежда была принадлежностью царского рода и высших сановников, значение *червить* 'окрашивать вообще', *червленый* 'окрашенный' вполне вероятно [40]. Кроме того, либо потому, что окрашенными в красный цвет были дорогие привозные ткани (тонкая шерсть и особенно шелк), либо потому, что красная одежда — это торжественная, праздничная, дорогая одежда лиц избранных, *червленый* может значить 'дорогой', 'драгоценный'. Так, например, в переводах с греческого словом *червленый* переводится греческое σηρικός 'шелковый': Въ чьрвленахъ и инѣхъ въсячьскыихъ ризахъ (σηρικαῖς Ефр. кормч. Труб. 45 — Срезн. III, 1556). Отъ чьрьвленааго свилия попьстреною ризою (ἐκ σηρικῶν ὑφασμάτων т. ж. Ник. 16 Срезн. III, 1556) [41].

---

[39] Сравним также в переводах с греческого словом *червление* переводится греч. χρῶμα 'окраска', 'краска', 'цвет', например: От нея же таковое червление бываеть (ἐξ ἧς τὸ τοιοῦτον γίνεται χρῶμα). (Хрон. Г. Амарт., л. 28 б).

[40] В качестве сравнения можно привести современное диалектное *синить* 'окрашивать вообще'. См. Даль (IV, 18).

[41] Автор одной из статей, посвященных истории названий красного цвета пишет об этом: «Червленый», по моему мнению, ближе

Слово *червленый*, будучи по происхождению связано с процессом окрашивания, связано с ним группой однокоренных слов и слов производных (*червить* 'красить', *червь* 'краска', *червец* 'краска', 'ткань, окрашенная червцом', *червленица* = *багряница* 'ткань, одежда багряного цвета' и пр.). Наличие большого количества однокоренных и производных слов со значением 'красить', 'окрашенный', вероятно, способствует сохранению у слова *червленый* значения 'окрашенный червцом', 'очервленный'. Все эти обстоятельства могли мешать слову *червленый* стать абстрактным цветообозначением, каким в свое время явилось слово *красный*. Не потому ли, когда изменились способы окрашивания (наряду с другими причинами, несомненно, не только поэтому), слова с корнем *cerv- так легко были вытеснены словом *красный*.

Нужно ли ставить вопрос, какой цвет обозначало слово *червленый*? Равно ли оно как цветообозначение современному *красный*? Думается, что нет, не равно. Нам кажется, более верным полагать, что *червленый*, особенно в эпоху ранних памятников, обозначает лишь один из оттенков красного цвета. В древнерусских памятниках для обозначения красного цвета существует ряд слов: *багряный*, *червленый*, *червчатый*, *чермный*, *прапрудный*, *оброшенный* и т. д. *Червленый* в ряду других, обозначающих красный цвет, вероятно, является главным, вместе с тем, оно еще настолько связано с красителем, со способом окрашивания (и само слово и система его производных), что не может стать абстрактным цветообозначением типа позднего *красный*. Мы располагаем разного рода сведениями, которые позволяют делать предположения, какой именно оттенок красного цвета назывался словом *червленый*. Это с одной стороны сведения о красителе, который использовался для крашения, с другой — материал лингвистический, который можно извлечь из памятников.

Поскольку способ окрашивания червцем применялся у русских очень долго, и не только в домашнем крашении, но и на фабриках, сохранились сведения об окрашивании

всего подходит к слову «красный» и заключает в себе не только обозначение цвета, но и понятие об окрашивании вообще, красоте и дороговизне» (Н. Рамзевич. Различие синонимов чермный и червленый. Филологические записки, вып. V—VI. Воронеж, 1897, стр. 23).

тканей кошенилью. Известно, что «кармин, красное красящее вещество, добываемое из кошенили . . представляет сложное органическое соединение . . так называемую карминовую кислоту. Соединения с алюминием и оловом имеют красный цвет с синеватым оттенком. В прошлом карминовая кислота служила для крашения шерстяных и шелковых тканей по алюминиевой и оловянной протраве» (БСЭ. Кармин). Что касается красок, употребляемых в живописи (а также в малярных работах), то в прошлом известна краска под названием черлень (или червлень). Один из специалистов по технике живописи пишет об этой краске: «Заняв место русского червца, мексиканский его родственник — кошениль изгладил в памяти народной также воспоминание о свойственной ему яркой розово-красной краске, которую стали называть карминовой» [42]. То есть этим именем (червлень) называлась одна из красных красок, возможно, тоже малинового оттенка (впрочем со временем, кажется, цвет ее меняется и черленью называют любую красную краску): «В малиновой лаковой краске записок Остромирова евангелия нам очень хотелось бы видеть не экзотическую варзию — бакан, а другую древнейшую исконно-русского местного происхождения — черлень. К сожалению, у нас для этого нет достаточного основания, т. к. мы не имеем решительно никаких литературных указаний о применении ее в какой бы то ни было из отраслей живописного искусства. В северной технической литературе XVI века и позже от нее осталось только одно название, само представление о цвете черлени постепенно изглаживается. Этим именем называются уже красно-бурые землистые краски разных оттенков, красящим началом которых служит окись железа. В связи с темным цветом местных материалов эволюционирует и само обозначение черлень, переходя в чернень, черниль и даже чернь. Современные владимирцы-иконописцы представляют себе черлень темно-красною, почти черною краскою» [43].

Эта краска остается широко употребительной и в более позднее время. «Ходовой краской в XVII—XVIII веках, — пишет П. М. Лукьянов, — была различная «чер-

---

[42] В. А. Щавинский. Очерки по истории техники живописи и технологии красок в древней Руси. М.—Л., 1935, стр. 102.

[43] В. А. Щавинский. Указ. соч., стр. 11.

лень» (или червлень — малиновая, вернее темно-красная, а по Симони «красная псковская и немецкая»). Псковская черлень — красная охра с малиновым оттенком»[44]. В XIX в. одна из известных в России малых красочных фабрик (фабрика Волоскова во Ржеве) изготовляла краску кармин «прелестного пурпурового цвета». Краска была одобрена СПб. Академией Художеств для изображения «виссонов» и багряниц на иконах» [45].

Таким образом, существуют объективные данные, по которым мы узнаем, что интересующий нас краситель окрашивал ткани в красный с синеватым оттенком цвет [46], что краска, называемая червлень, имела так же темно-красный или пурпуровый цвет, что краска кармин (получаемая из кошенили) использовалась для изображения багряниц.

С другой стороны, некоторые сведения, может быть, менее достоверные, часто лишь предположительные, относительно оттенка красного цвета, который называло слово *червленый*, можно извлечь из памятников. В древнерусских переводных и оригинальных памятниках древнего и более нового периода есть тексты с описанием радуги или небесных явлений типа радуги. Если допускать, что пишущий верно называет порядок спектральных цветов, то кажется следует считать, что червленым называют не самый яркий красный цвет, а, видимо, переходный к пурпурному, синему, т. е. красный с синеватым оттенком. (В таком случае следует полагать, что багряным называют ярко-красный цвет?): Въ дузѣ своиства суть чрьвеное и сине и зелено и багъряно (Изб. Св. 1073 г., л. 247) (1275): Того же лѣта дивно бысть знамение въ солнци, огороди бо ся круги, а посреди круговъ крестъ; дуги же ты бяху сини, зелены, желты, баграны и червлены, и бяху хрепты к собѣ, се же бысть знамение июня 18 (Моск. лет. л. 192). Воспринимать эти примеры, как подтверждение сведениям, приведенным выше, можно лишь с известными оговорками. Следует заметить, что есть тексты (несколько более позднего времени) [47], где порядок цве-

[44] П. М. Лукьянов. Указ. соч., стр. 97.

[45] Там же, стр. 292.

[46] См. также о ткани, окрашенной этим красителем: Червец, бархат особливо малинового цвета (Алексеев. Церковный словарь V, 128).

[47] Например: Солнце оградися лугами и бяху сини, зелены и желты и черлены и багряны (Кн. Степ., 305, XVI в.).

тов другой, т. е. червленый занимает место красного, а багряный — пурпурного [48]. В то же время нельзя не учитывать, что все наши общеизвестные толковые словари, начиная со Срезневского и кончая современными, не различают *червленый* и *багряный* и определяют одно слово другим [49]. Вероятно, было бы неосмотрительно делать решительные выводы на основании нескольких примеров, поэтому мы можем лишь установить, что *червленый* и *багряный* в некоторых текстах различаются [50] и можно предполагать, что они обозначают разный цвет. Однако вряд ли это позволит точнее определить как цветообозначение слово *червленый*. Перед нами все равно как бы уравнение с двумя неизвестными, потому что мы не знаем в точности, какой цвет в древности называют *багряным*. Может быть, самое удачное определение этих двух слов дает Словарь Даля, отмечая разницу в этих цветообозначениях: «Червленый, червчатый, — багряный и багровый, цвета червца, ярко-малиновый; Багряный — червленый же, но менее густой, алее, без синевы, это самый яркий, но и самый чистый красный»[51].

Таким образом, мы можем предполагать, что слово *червленый*, во всяком случае в эпоху наших древнейших памятников, обозначало один из оттенков красного цвета, а именно довольно определенный оттенок, получаемый при крашении общеизвестным и достаточно общедоступным красителем. Вероятно, при крашении кошенилью, особенно в домашних условиях, получался не очень чис-

---

[48] Если не делать из этого вывода, что со временем значение цветообозначения изменилось.

[49] Словарь Срезневского: *Чьрвленый* 'красный, червленый'. *Багряный* 'червленый, purpureus'. Словарь АР: *Червленый* 'багряный, имеющий цвет темно-красный, красный с чернью'. *Багряный* 'червленый, пурпуровый'. Словарь 1847 г.: *Червленый* (церк.) 'имеющий изтемна красный цвет, багряный'. *Багряный* 'червленый, пурпуровый, густо-красный'. Словарь Ушакова: *Червленый* (книж. устар.) 'багряный, темно-красного цвета'. ССРЛЯ: *Червленый* (устар.) 'темно-красный, багряный'.

[50] Кроме приведенных выше примеров и в других памятниках, например: Онъ имѣяше по стенамъ скынии и по запонамъ херувимы, шиты от злата и сребра и червленаго и синяго и багрянаго, от шелъковаго шевчиа художества. (Иос. Вол. Просветитель, 245—246). Цвѣтомъ. . нѣкия черлены, нѣкия же багряны (Травник Любч., 630).

[51] Малиновый, цвета ягоды малины, темно-алый с небольшой просинью (Даль II, 292).

тый и не очень яркий цвет. Скорее можно предполагать, что это был не ярко-красный, а темно-красный цвет, может быть, более близкий к багровому или пурпурному [52]. Впрочем, надо полагать, что со временем прилагательное как цветообозначение абстрагируется, отрывается от своего первоначального значения и обозначает более яркий, более чистый цвет, т. е. не только тот, который связан с известным красителем, а тот цвет в различных вариантах, который позднее называется в русском языке словом *красный*.

Прилагательное *червленый* — одно из самых употребительных в древнерусском языке. Для раннего периода это объясняется не только пристрастием славян, в частности русских, к красному цвету, а в большей степени особенностью древнерусской литературы, где собственно не было места повседневной бытовой лексике. В самом деле, в официальной церковно-учительной литературе, в летописании мы находим лишь редкие описания внешности людей, их одежды, а также природы, пейзажа. Если речь и идет об одежде, то об одежде лиц значительных либо для церкви, либо для истории народа. Это представители царского или княжеского рода, важные сановники, деятели церкви. Цвет их торжественной одежды — красный, темно-красный, багряный, торжественная царская одежда — багряница, порфира, червленица. В древнерусских памятниках ранней поры слово *червленый* употребляется преимущественно для обозначения цвета одежды в словосочетаниях типа *червленые ризы*, *червленые одежды*: Понеже увѣдѣхомъ нѣ въ кыихъ блгыихъ манастырьхъ женьскыихъ хотящаю свщнааго того съподобитися пьрвѣе въ чьрвленахъ и инѣхъ въсячьскыихъ ризахъ. (КЕ ХП, л. 56б). (1263): И видѣ насадъ единъ гребущь. посредѣ насада стояща мчнку Бориса и Глѣба въ одежах червленых. и бѣста руцѣ держаста на рамѣ (Лавр. лет., л. 169). Сѣдяше Дарии въ вѣнци, иже бѣ с камениемъ многоцѣннымъ, в ризѣ чръвленѣ яже бѣ вавилоньскы ткана златымъ пряденом, и въ багрѣ црьстѣмъ, и въ сапозѣхъ златыхъ, с камениемъ дѣланы (Александрия, 61). По семь смотри обълчени Хсва да будеть иерѣие по повелѣнию бию по събытью пррочьскыихъ

[52] См. Словарь АР.

г҃лъ съвлекоша бо с него ризы его и облекоша и въ ризу червлену се есть аронь стихарь (Кир. Тур. О черниз. чине, КН 1280, л. 610а).

Впрочем уже с древнейших времен слово имеет почти неограниченную сочетаемость, употребляясь преимущественно для обозначения цвета одежды, оно может использоваться и шире, например, для названия цвета природно окрашенных предметов таких как камни, источники, растения, окраска животных и птиц и проч. Например: Да бы горы тоя вьрхъ тъи цвѣтъмь утворенъ багърьмь и чьрвленъмь и бѣлъмь и зеленъмь (Златостр., 93). (1230): Того же дне и часа бысть тако и того грознѣе въ Кыевѣ всѣмъ зрящемъ, и бысть солнце мѣсяцемъ, и явишася оба полы его столъпове черьвлены (Ник. лет., 100). Рядъ же вторыи анъфраксъ камыкъ, зѣло червьленъ е‹сть› образомъ блещащься (Пал. 1406 г., л. 137). А въ вышнемъ градѣ езеро не велико, а рѣка подъ нимъ червлена, съ Оку величествомъ, а течетъ отъ Савастии (Х. г. Вас.). Голубь свыше прилетѣвъ великъ . . глава же его бѣаше яко злато, а перси багряне, крила чермнозорна яко пламянь, нозѣ его червленѣ, изо очию же его яко заря свѣтлы исхожаху (ВМЧ, Окт. 1—3, 105—106). Комуждо на тѣле его черленъ являшеся вредъ (Ж. Пафн. Бор., 132). Особенно интересны для нас примеры употребления слова в жанрах, отражающих живой разговорный язык, например: Отъ Великого князя Василья Ивановича всеа Русии, женѣ моей Оленѣ. . А нынѣ писала еси ко мнѣ, что у сына у Ивана явилось на шеѣ подъ затылкомъ мѣсто высоко да крѣпко. . . А нынѣ пишешь, что утрѣ, въ недѣлю, на первомъ часу, то мѣсто на шеѣ стало у него повыше да и черленѣе, а гною нѣтъ, и то мѣсто у него поболаетъ (Пис. Вас. Ив., 3).

Широкую употребительность слова в древнерусском языке с памятников древнейшей эпохи и до конца XVII в., (начала XVIII в.), использование его в памятниках различного происхождения, различного жанра, различного стиля лишь в малой степени иллюстрирует приводимый ниже материал.

XI—XII в.: Тогда воини игемонови прѣимъше Ии҃са въ судищи събьраша на нь вьсу спиру и съвлъкъше и хламидою чрьвленою одѣшя и (Остр. ев., 187а, б). Ни отъ чьрьвленааго свилия попьстреною ризою да не одѣваеться

къто (КЕ XII, л. 78а). И начя дѣва ему глаголати: . . братия моя суть въ сребреныхъ бронехъ, только шеломы златы, а кони у нихъ чрьвленою паволокою покрыты (Девг. д., 134).

XIII—XIV в.: (1230): Того же дни и час бысͨ‹ть› тако и того грознѣе в Кыевѣ. всѣм зрящим бывшю слнцю мсцемъ. явишася столпове черлени. зелени. синии оба полы слнца (Лавр. лет., л. 157). Лучше бы ми нога своя видети в лыченицы в дому твоемъ, нежели в черленѣ сапозѣ в боярстем дворѣ (Сл. Дан. Зат., 4, 60). Прозвутери и епсии ихъ свтительския ихъ ризы не от волъны строять но черьвлеными и брачинными нитми текуще облачатся много различно упьстрены. (КР 1284, л. 271а—б). А ис портъ из моихъ сну моему Семену кожухъ черленыи женчужьныи (шапка з)олота (Гр ок 1339 г. I моск.). (1370): Тое же осени и тое зимы по многы нощи быша знамениа на небеси, акы столпы по небу и небо червлено акы кроваво (Рог. Лет., 93). Въ 3 часъ нощи створися по всему небу аки кровь. И отъ того видящеся по земли снѣгъ черленъ, аки кровавъ (Х. Игн. См. 30). А третии [вѣнец] велми боле обою от всякого чвѣта чьрвлен(а) и бѣла. от вѣтвия бжия рая исплетену и не увѣдаему николи же (Пр XIV (6), л. 446). Вѣроваху. . и въ три пѣска и въ аспида и друзии в червленыи лук и в чеснокъ и в тернье и в прочая твари. и не чюють оакаанни от всѣх сихъ яко не могут ни что же видяще бо богы своя ядомы от инѣх члвкъ (ЖВИ XIV—XV, л. 102а).

XV в.: (1473): И бѣ бо въ неи свои владыка съ нею. . имѣя на собѣ куколь червленъ же. . и перстатицы на рукахъ его имѣя непременно (Псков. I лет). Да за тѣмъ же градомъ рѣка велика . .на ней мостъ великъ, съ вышнея жъ страны того мосту течетъ вода червлена (Х. г. Вас., 3). Ожерелье послалъ есмь къ тебѣ съ своимъ слугою. . а сыну твоему первородному Князю Великому платно черленой бархатъ на золотѣ (Рим. имп. д. I, 54).

XVI в.: А нынѣ послалъ есми хъ тебѣ поминковъ. .: шубу хрепты бѣлинны гола, да сукно ибское черлено (Крым. д. II, 16). Продал ногавицы черленые взял 7 алтын (Кн. прих.-расх. Ант. м. № 1, л. 58 об. 1580). Перстень золотъ, а въ немъ камень темночерленъ продолговатъ (Посольство Васильчикова, 167). У Ларки стояли

Донские казаки. . а рухледи у нихъ. . 5 рубашекъ, да 4 портки, шапенко черленое съ лисьимъ исподомъ (Дон. д. I, 329). Или еще пьеть черлено вино и меды сладкие и веселиися. . . или съ красными своими женами спитъ еще долго утра? (Каз. лет., 157).

XVII в. Платья на нем: однорятчонка поношена голуба, да кофтан бораней, да шапенка бела, да штанишка черлена, да сапоги телятинные, крст медной (Д. холоп., 364). Царевна Ксения, дщи царя Бориса дѣвице сущи отроковица чюднаго домышления зелною красотою лѣпа, бѣла велми, ягодами румяна, червлена губами . .власы имѣя черны (Хроногр. С. Куб., 314). Есть на томъ островѣ инберь, корица . .красокъ всякихъ разных много, а особно червленой краски множае иныхъ (Козм., 422. 1670). Да назади жъ написано черленымъ черниломъ таково (А. Юш., 9. XVII в.).

Начало XVIII в. И той топазий желтъ и ядро в немъ червлено и горитъ якъ уголь (Козм. V, 95 об.). Тако утвердивъ полки, прииде паки подъ свое червленое знамя (Синопсис, 301). Однакожъ свирѣпость ея [бури] вскорѣ усмиряется и червленыи песокъ великимъ множеством извергаетъ на землю и въ море (Геогр. ген., 359).

В памятниках XVI—XVII в. появляется в качестве обозначения красного цвета прилагательное *красный*. Может быть, сначала диалектное или специальное употребление его в качестве цветообозначения становится со временем всеобщим, и прилагательное *красный* вытесняет из языка древнее *червленый*. Правда, есть какое-то время (или какие-то памятники), где они как бы сосуществуют, мы их находим вместе в памятниках не только одного времени, одного жанра, но даже в одном и том же тексте. Например: А плат‹ь›я две рубашки красных да двои портки да шапка черлена сукно багрец под нею куница (А. Соловьева № 144. 1594). А рухледи у нихъ. . штанишка суконные красные; шапка лисья, вершокъ суконной червчатъ [мясной] петли золотые; 5 рубашекъ, да 4 портки; шапенко черленое съ лисьимъ исподомъ (Дон. д. I, 329). Наука, какъ самопальной червленой порохъ дѣлати: Возьми селитры и сѣры. . да вмѣсто уголья возьми красново сандалу (Устав ратных д. II, 189). Один и тот же предмет может называться то черленым, то красным: А какъ тотъ человѣкъ позанеможетъ, то корольки красные

бѣлѣти станутъ, а какъ поздоровѣетъ тотъ же человѣкъ, такъ корольки опять станутъ черлены (Леч. III, 162).

К началу XVIII в. *червленый* вытесняется из языка прилагательным *красный*. В XVIII в. еще есть примеры старого употребления этого цветообозначения, может быть, оно ограничено какими-то памятниками, жанрами. Например, мы находим его в книгах географических, исторических. Любопытно, что в записках о путешествии Лепехина в одном тексте сочетается *червленый* и *красный*: Тѣмя, глотку, грудь и гузку покрываютъ червленыя перья. Спина у ней темноцвѣтная съ просѣдающимъ краснымъ цвѣтомъ; брюхо изъ сѣра бѣловато (Лепехин I, 232). Вообще же в литературе XVIII в., кажется, прилагательное *червленый* используется уже не безразлично, а либо для стилизации старины, либо в поэзии, чаще в произведениях высокого стиля, например: Будь одеждой изъ-тонки Волны Червлены доволенъ Первыи всѣ да имѣютъ изъ-той же Шерсти одежду (Тредиаковский. Тилемахида, I, XX). А посреди прямо колокольни Ивана великого — Предъ ней круглый стол, накрытый червленымъ бархатом съ золотою бахромою. На немъ на золотыхь блюдахъ регалии царския (Державин. Пожарский). Изъ устъ червленныхъ розъ Льетъ сладость царь-пиитъ И, проповѣдуя благие миру нравы, Поднесь онъ мудрыхъ вождь, Софии лучъ и Славы (Державин. Послание к вел. кн. Екатерине Павловнѣ). Румяной на зарѣ на взходѣ красна солнца, Стояло зеркало напротиву оконца; Уже червленый лучь взливался на буграхъ, И дальный горизонтъ на взтокѣ багрянился (Муравьев, Зеркало).

В новой русской литературе слово не является живым, оно употребляется индивидуально как прием стилизации, как стихотворный прием, может быть, в некоторых случаях с элементами символизации (например, у Г. Николаевой): Цветами его корабли обвиты, От сеч отдыхают варяги, Червленые берег покрыли щиты И с черными вранами стяги (А. К. Толстой. Песня о Гаральде и Ярославне). Пашут по ветру червленые стяги, Рати с зарания по полю скачут (Островский. Снегурочка). На черном поле звезды — рдяны, Горят, как маленькие раны, А фон лазурный иль червленый Взрезают черные фестоны (Брюсов. Эгейские вазы). Ввысь, в червленый Солнца диск — Миллионы — Алых брызг, Гребней взвивы, Струй отливы, Коней гривы, Пены взвизг (Волошин.

Осенью). Червленая заря заливала город, но во многих домах еще светились окна. Сколько людей в эту ночь и в этот рассвет вот так же, как он, ходят по комнатам, стоят у окон с мыслями о грозном, светлом и победном пути юной страны в этом огромном древнем мире, раздираемом битвами и противоречиями! Одна мысль сейчас у миллионов (Николаева. Битва в пути).

Что касается другого слова, называющего красный цвет, — прилагательного *чермный*, то в его происхождении и значении гораздо больше неясного. Ученые, кажется, до сих пор не имеют единого мнения о его происхождении. Оно столь же древнее или может быть более древнее, чем *червленый* [53]. Этимологи считают возможным возводить их к одному корню с предполагаемым чередованием согласных *м/в* [54]. Можно предполагать, что оно, так же как и *червленый*, возникло у славян с появлением нового способа окрашивания при помощи червца. Впрочем, славянские языки, кроме русского, в историческую пору, кажется не сохранили уже слова *чермный*, хотя есть основания предполагать, что когда-то корень *čerm- использовался и в других языках [55].

В русском языке слово *чермный* известно с древнейших времен, живет в языке по крайней мере до конца XVII в., позднее в литературном языке утрачивается и сохраняется лишь в некоторых говорах. Будучи столь же древним и столь же употребительным в старину, как и *червленый*, слово широко известно уже в самых ранних оригинальных и переводных памятниках, например: Ту ся рожается Темьянъ готфинъ чермный; тако ся рожается: изъ древа исходитъ яко мезга, и соимаютъ то желѣзомъ острымъ, имя древу тому зигия (Х. Дан. иг. (Сах.) II, 8, 12). Приидохом на нѣкую страну травну идѣже бяху члци дивии.. обли и космати, чръмни, обличие имуще лвово (Александрия, 75). Вѣтръ черменъ видѣниемъ, а зорями яко же слнцу зашедшу (Жит. Андр. Юр. — Срезн.

---

[53] Такую идею, правда, без существенных доказательств высказывает, например, G. Herne (Die slavischen Farbenbenennungen).

[54] См. Этимологические словари Преображенского, Брюкнера и др.

[55] В различных славянских языках сохранились слова с древним корнем *čerm-, это, главным образом, названия растений, различные топонимические названия и прочее. См. Брюкнер. Указ. соч., стр. 77; G. Herne. Указ. соч., стр. 34 и др.

I, 997). И сътвори имена Ромъ симъ нарочитымъ съставомъ, земли зелную чясть, якоже ес‹ть› трава, а морю синю чясть, да якож есть вода, а огню чръвену чясть яко чръмну сущю, а въздуху бѣлую чясть, яко бѣлу сущю (Хрон. И. Малалы VII, 21).

Может быть, о древности слова свидетельствует и тот факт, что самые ранние примеры его употребления мы находим в составе топоним Чермное море [56], река Черьмна, а также в ранних памятниках в собственных именах или прозвищах: Въ единомь островѣ чрьмьнаго моря (Пат. Син. XI в., л. 85—85 об.). (986): И ведяше я Гдь путемъ по пустыни къ Черьмному морю (Лавр. лет., л. 32). Вѣсте бо сами коль бяху были мили Богови израильстии людье ихъ же сквозѣ чермное море посуху проведе и манну съ небеси посла (Сб. Тр XII—XIII). Рѣка Ефиопьская. Чермна текущи. на въстокъ (Лавр. лет., л. 1 об.). (1206): Совкупишася Олговичи вси в Черниговъ на снем. Всеволодъ Чермны с своею братею и Володимер Игоревичь с своею братею и Мстиславъ Романовичь (Лавр. лет., л. 144). (1210): Того ж лѣта прислаша с молбою к великому князю Всеволоду митрополита Матфѣя. Всеволодъ Чермный. и вси Олговичи прося мира (Лавр.лет., л. 148). (1214): Въ то же лѣто изгони Всеволодъ Чьрмьный, сынъ Святославль, правнукъ Олговъ, внукы Ростиславле из Русе (Новг. I лет., 195).

Хотя оба интересующие нас слова *червленый* и *чермный*, вероятно, родственны по происхождению, хотя оба называют красный цвет, сферы употребления этих двух цветообозначений различны. Если *червленый* употребляется преимущественно для обозначения цвета одежды, обуви, тканей и т. п., т. е. всего, окрашенного человеком,

---

[56] В некоторых поздних памятниках объясняется и происхождение этого названия: Стрясшуму Фараона и силу его въ море чрьмьное, диявола глеть. съ бѣсы въ море крыщения чрьмно же зане крьвию хвою богруеться (Псалт. XI в. — Срезн. I, 38). Нарицает же ся море Египетское море Чермное, занеже есть персть оного чермна, и сего ради и вода водится чермна, а естеством подобна всѣмъ водам (Козм. V, л. 95). Ср. в Церковном словаре Алексеева: Чермное море, через которое прошли израильтяне из Египта в Палестину именуется Чермное, т. е. Красное, потому что от преломления лучей солнечных такой цвет на себя приемлет, или от песков красных, корольками называемых. . а иные думают от царя Эрифра (что с греч. значит чермный), погребенного на о. Огире, окруженном морем соли (V, 130).

то *чермный* — преимущественно [57] для природного красного или красноватого цвета: во внешности человека — цвет кожи, волос, в природе — цвет камня, пламени и прочее. Различие в употреблении этих двух цветообозначений объясняется, наверное, разными причинами. С одной стороны, они, видимо, одинаково древние, появились оба в связи с новым способом окрашивания при помощи кошенили. Между тем одно из них — относительное прилагательное, другое — причастие. Прилагательное называет красный или красноватый цвет предмета, от имени которого оно образовано [58]. Можно предполагать, что прилагательное *чермный* довольно рано отрывается от своей производящей основы, обосабливается от предмета, по имени которого названо, становится чистым цветообозначением, не связываясь в сознании говорящего с процессом окрашивания. Поэтому прилагательное *чермный* употребляется преимущественно для предметов, не окрашенных человеком, а имеющих природную красноватую (или ярко-красную) окраску. Вместе с тем, будучи обычным относительным прилагательным, оно может в принципе также называть цвет любого предмета, который окрашен человеком, если окраска соответствует значению этого слова, т. е. оно может также называть цвет тканей, одежды. В наших материалах таких примеров очень немного, кажется, мы вообще находим их в памятниках переводных, церковнославянских, религиозно-ритуальных или религиозно-учительных; соб-

---

[57] Мы не считаем возможным утверждать, что правило это не имеет исключений, поэтому, нам кажется, правильнее говорить о преимущественно том или ином употреблении. Более решительно об этом см. в цитированной выше статье Рамзевича: «Для выражения признака «красный» употреблялись синонимы чермный, червленый, багряный. Первый синоним стоит совершенно одиноко и употребляется для показания естественного, природного свойства предмета; означает красный цвет, отлив (заря, огонь, рыжий) (Н. Рамзевич. Указ. соч., стр. 22).

[58] Если допускать, что появление слова *червленый* связано с процессом окрашивания кошенилью (червцом), можно предполагать, что слово *чермный* образовано от имени насекомого, употребляемого для окрашивания в красный цвет. Действительно, кошениль, высушенная и приготовленная для крашения, имеет вид красноватых зерен («Внешний вид высушенной кошенили напоминает собою зерна, откуда и торговое название grana». — Брокгауз и Эфрон. Энциклопедический словарь); у нас один из дешевых сортов ее назывался канцелярским семенем.

ственно в русских памятниках с языком народно-разговорным только один раз в Олонецких актах: А поличного было кафтан сермяжнои бѣлои вечанои да рукавицы чермные на долонки синие (Олон. а., карт. VI. 1661).

Другое слово — *червленый* по происхождению причастие от глагола *червить* — окрашивать, в красный цвет определенным красителем. Слово, видимо, долгое время сохраняет это свое глагольное происхождение, наличие разного рода родственных слов и производных, также связанных с процессом окрашивания, поддерживает это его значение. Поэтому понятно, что словом *червленый* не называют многие природно окрашенные предметы, например, волосы, цвет лица и др. То есть разделение сфер употребления двух слов, обозначающих красный цвет, объясняется тем, что они, по существу, имеют разное значение. Несколько огрубляя, можно сказать, что одно из них значит 'красный', а другое 'окрашенный в красный цвет'. Впрочем, может быть, их различие не ограничивается этим. В тот период, когда они доступны наблюдению, т. е. в эпоху ранних древнерусских памятников они, кажется, уже обозначают разные оттенки красного цвета.

Если для слова *червленый* есть какие-то объективные данные, позволяющие довольно уверенно судить о том, какой цвет оно называет, то слово *чермный* как цветообозначение во многом неясно. Если судить по тому, как употребляется слово *чермный*, по его сочетаемости с существительными, следует прийти к выводу, что *чермный* как цветообозначение весьма расплывчато. В самом деле, *чермным* называется цвет волос и цвет лица, о цвете неба говорят: небо чермнуется, огонь называют чермным. Какой же цвет оно называет — розовый, красный, алый, оранжевый, рыжий? Данные русских толковых словарей не вносят ясности в этот вопрос, они в общем определяют *чермный* как 'красный' [59]. Судя по материалу памятников, кажется, наиболее соответствует истине определение

---

[59] Срезневский: *Чермный* 'красный, багряный'. Словарь АР: *Чермный* 'красный цветом, светло-красный'. Словарь 1847 г.: *Чермный* (церк.) 1) 'Темно-красный, багряный'; 2) 'Рыжий'. Словарь Даля: *Чермный* 'червленый, багровый, темно-красный; мутного красного цвета' || 'рыжий'. Словарь Ушакова: *Чермный* (церк. книжн. устар.) 'Багровый, темно-красный'. ССРЛЯ: *Чермный*. Устар. 'Густо-красный, багровый'.

словаря АР «Чермный — светло-красный», а для более позднего времени важно указание словаря Даля на два значения 'красный' и 'рыжий', хотя трудно согласиться с его определением *чермный* 'червленый', 'багровый'.

Таким образом, если сравнивать два цветообозначения *червленый* и *чермный*, то следует предполагать, что *чермный* называет в общем цвет более яркий и более светлый (в нем нет того синего оттенка, который имеет слово *червленый*), поэтому *чермный*, например, может называть цвет лица, розовый, румяный [60]. (1036): Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломь черменъ лицем великыма очима (Лавр. лет., л. 51). Брат мои бѣлъ и черменъ избранъ от темъ (Песн. Песн. V. 10. Библ. Генн.)[61]. Оно уже в старых наших памятниках переводных и оригинальных употребляется для обозначения цвета волос и значит 'красноватый', 'рыжий': Неоптолемосъ чистъ, доброносенъ, чръменъ, кудрявъ, зекръ, велеокъ, русома бровма (Хрон. И. Малалы V, 11). (1229): Зажгоша мостъ на Днѣстрѣ безаконьныи лихыи Семьюнько, подобныи лисицы черьмности ради (Ипат. лет., 257 об.). Растяще власы главы своея на долъзѣ пущающе и плетуще или вьюще или шарящe и творяще бѣлы черны или черьмны или русы. . таковыя съборъ отлучати повѣлѣ (КР 1284, л. 162 а, б). Глаголютъ: Иисус Христос черменъ добрѣ очима, ноздратъ, брадою русъ, долгы имѣя власы (ВМЧ, Сент. 1—13, 371).

Можно предположить, что прилагательное *чермный* весьма емко как цветообозначение, что оно может называть различные оттенки красного цвета от темно-красного, пурпурного до розового или рыжего. Однако нужно учесть и еще одно обстоятельство. Кажется, следует полагать, что в древнерусских памятниках мы находим прилагательное *чермный* двоякого происхождения. Одно — старославянское и церковнославянское из книжной литературы, другое — собственное восточнославянское или даже русское, которое употребляется в памятниках с на-

---

[60] Ср. то же значение 'розовый цвет', 'румянец' в существительном *чермень*: Како да похвалю процвѣтшии того лица блескъ аки шипка луспины или яблочну чермьнь (ВМЧ Апр. 18, 259). Яблочная чермень добровоньнаа (Жит. Еутх. 81. Мин. Чет. апр. 151, Срезн. IV, 1560).

[61] Ср. в русском переводе Библии: «Возлюбленный мой бел и румян, лучше десяти тысяч других». Библия в русском переводе. СПб., 1913, стр. 776.

родно-разговорным языком[62]. В памятниках первого рода в соответствующих контекстах слово возможно в традиционных сочетаниях: *ризы чермны*, *одежда чермна* и прочее со значением 'красный', 'багряный', 'пурпурный' [63]. Например. Како чрьмъны ризы бескврънуму акы тѣщьнику, плънъ тѣскъ испъравъшю (ἐρυθρός. Гр. Наз. XI в., 351—Срезн. III, 1559). Никто же убо от мнихъ въ льняну или въ каку любо да облечеться одежю не тъчию еже от руна и то же чьрно или то само чьрмьно или сѣро нарichяемое да будеть же имъ вьсяко одѣние худо и чисто и никако же свѣтьло или свѣтьлость имѣя. яко нѣции чьрмьнымь блыщаниемь радуються (УСт XII—XIII, л. 229). Одѣжа. . чьрмьна зьряще (Толк. лит. Германа, 333). Почто чрьмны ризы твоа (Ис. XIII, 2 (Упыр.), — Срезн. III, 1559). Паки прашают англи почто ти чермьны ризы и одѣнье твое яко от топтанья тѣску (ГБ XIV, л. 74 а). Аще и чюдятся глще по исаину пррчтву кто се пришедыи изъ едема и от земльных или како чермьны тобѣ ризы бескверньному и бестелесному акы тѣщнику полнъ тѣскъ исправшю (ГБ XIV, л. 73 г). И верху ·в· херовима простерша крилѣ имѣя же покровы первыѣ от кожь волуихъ и козьих тканы вторыѣ же покровы от кожь ярячь черменъ измечтано чюдно (КВ XIV, л. 314 г.). И бѣаше въ сосудѣ томъ нѣчто чремно, добрѣ воня велми, да якоже съ святою водою смѣсивъ. . вда пити ему, рекъ: миръ тебѣ (ВМЧ, Окт. 1—3, 206).

В памятниках второго рода слово употребляется почти исключительно в описаниях внешности (цвет лица, цвет волос). Оно называет цвет не темно-красный, пурпурный, даже не ярко-красный, а светло-красный, розовый (румяный), красноватый, рыжий: Ростом середняя, волосом руса, очи изкрасна серы, лицом черемна (Новг. каб. кн. 1, 73). Пахомей Июдин сын, ростом середней, волосом рус, очи серы, лицом чермен, ус и борода велика, черемна, лет в пятьдесят (Там же, 111). Примѣты Марчко: ростомъ

---

[62] См. например, у Фасмера: *чермный* 'красный', цслав., нар. *черёмный* 'рыжеволосый' (IV, 344).

[63] Впрочем, в памятниках этого рода, правда переводных и не очень ранних, есть и тексты, где *чермный* употребляется для описания внешности и значит 'красный', 'рыжий', например: Изиде первѣнець черменъ ((πυῤῥάκης, rubeus) (Быт. XXV. 25 по сп. XIV в.,—Срезн. III, 1559). И роди первѣнець и быс‹ть› тои черменъ. Пал. XIV в., л. 82,—Срезн. III, 1559).

не малъ, волосомъ черменъ, борода не велика, кругла (Ворон. а., 44. 1655). А въ примѣты тотъ воръ: породою и возрастомъ хорошъ и тонокъ, лицемъ долголикъ, не черменъ и не русъ или смяглъ, мало лѣтъ въ пятнадцать; да у негожъ де два знамени, а на нихъ написаны орлы да сабли кривыя (СГГД IV, 294 [2]. 1673). Егда же послѣ правила легъ [Аввакум] умолкоша уста отъ молитвы прискочиша ко мнѣ бѣси и единъ черменъ, щербатъ, говоря мнѣ: попалъ ты мнѣ, ухватя завернулъ мнѣ голову (Пустоз. сб., 23). Трудно сказать, является ли это результатом изменения первоначального значения прилагательного *чермный* (которое в книжных памятниках сохранилось) или слово всегда имело два значения. Не следует ли представить себе, что древнерусское *чермный* (или более позднее с результатом фонетических изменений *черемный*, *черёмный*) в давнее время отклонились от первоначального *чермный* = *червленый* = *багряный* = 'темно-красный' и обозначает цвет светло-красный, красноватый, с краснинкой? В поздних памятниках оно употребляется преимущественно для цвета волос и значит 'рыжий' [64].

Может быть, некоторую ясность в вопросе о характере слова чермный как цветообозначения могли бы внести памятники, переведенные с греческого. Обращает на себя внимание тот факт, что цветообозначения *червленый* и *чермный*, как правило, используются для перевода разных греческих слов, словом *червленый* переводится греч. κόκκῖνος 'пурпурно-красный', 'багряный' κοκκοβαφὲς 'окрашенный красным', 'красного цвета'; словом *чермный* греч. ῥοδοειδές 'розовый', 'розового цвета', πυρρός 'огненно-красный', 'темно-оранжевый', 'рыжий', 'ярко-красный', ἐρυθρός 'красный'. Например: И съвлъкъше и, хламидою чрьвленою одѣшя и (χλαμύδα κοκκίνην. — Остр. ев., 28). И видѣхъ жену сѣдящу на звѣри чьрвленѣ (κόκκινον. Ипол. Антихр., 36 — Срезн. Ш, 1556). Ибо вюсъ противу земли, акинфъ же противу аера, прапруда же противу водѣ, черьвлено же противу огню (ἡ μὲν γὰρ βύσσος ἀντὶ τῆς γῆς, ἡ δὲ ὑάκινθος ἀντὶ τοῦ ἀέρος, ἡ δὲ πορφύρα ἀντὶ τοῦ ὕδατος τὸ δὲ κόκκινον αντι τοῦ πυρός. — Хрон. Георг. Амарт., л. 20). Ово

---

[64] Словарь Даля дает вообще отдельно два слова. *Чермный* [без помет] 'червленый, багровый, темно-красный || рыжий'. И *черемный*, прм. вят. сиб. 'чермный, красный, рудой, особ. рыжий (о волосах)'.

же бяше прапрудно, другое чермьно ли въ чермьно мочено (τὸ μὲν γὰρ ἦν ἀλουργόν, τὸ δε ροδοειδες ἢ κοκκοβαφές. — Хрон. Георг. Амарт., л.). [Я же быс<ть>о·д—х стухии имуть притча.] ибо акинфъ к аерови приложенъ, чермьный же ли червию очервленъ къ огню (ὁ μὲν γὰρ ὑάκινθος τῷ ἀέρι προσέοικε, τὸ δε ροδοειδὲς ἢ κοκκοβαφὲς τῷ πυρί. — Хрон. Г. Амарт., л. 21). Братъ мои бѣлъ и черменъ избранъ от темъ (λευκός και πυῤῥός. — Песн. Песн. V, 10. Библ. Генн.). Се обличие блѣска бѣла или чермна на плѣши его (πυρρίζουσα. Лев. XIII. 43. Сбор. Волог. XV в. А. н. — Срезн. III, 1559).

Таким образом, слово *чермный* как цветообозначение вызывает много сомнений. Не вполне ясна его этимология, трудно с достоверностью установить, какой цвет оно называет. Во всяком случае, следует полагать, что в древности оно как цветообозначение, в отличие от родственного *червленый*, было весьма расплывчато, хотя, несомненно, обозначало оттенки красного цвета более светлые, чем *червленый*. Интересно, что именно это прилагательное или словообразовательные варианты с ним употребляются для выражения красноватых оттенков: Исчермна рус, в чермне черн, прочермен(ь) сучермень, учермень: Первый же камыкъ нарицаемый сардионъ вавюлоньскыи учермень же есть образомь акы кровь. обрѣтають же и въ вавилонѣ (Пал 1406, л. 137 б). Камык нарицаемыи уакунтъ акы учерменъ е обрѣтаеть же ся въ утрьни варвари сурьстѣи (Пал 1406, л. 138 в). Явистася въ рецѣ Нилѣ два животна человѣкообразна: до пупа мужь и жена, а отъ пупа птица. Мужь красенъ персьми, а власы надчерменъ, женѣ же лице и власи чермьни (Хроногр. 1512 г., 300). Заимщикъ Полуехтъ Ермолаевъ сынъ Дорофеева, ростомъ высоковатъ. . волосъ на головѣ въ чермнѣ русъ (АЮБ I, 14—15. 1656). По осмотру Васка въ лицѣ продолговатъ, глаза прикась, изкрасна сѣры, волосомъ голова темноруса, просѣдь, усъ и борода и брови изчермна русы (АЮБ II, 39, 1690). Особенно много таких примеров в Новгородских кабальных книгах: Олена Семенова дочь, возростомъ невелика, очи кари, въ лице круглолика, волосомъ черна въ чермнѣ (Новг. каб. кн. I, 382), ростом середняя, волосом бела изчермна (29), лицом круглолика, бела, очи кари, волосом руса сучермене (2), волосомъ русъ, борода сучерменъ, очи белы (387). Захарко Ермолин сын. . волосом прочермень,

очи кари (132), лицом полон, волосом рус, борода прочермень, очи серы (55).

Прилагательное *чермный* не так широко употребительно, как *червленый*, однако, оно используется в памятниках различного времени и различного жанра вплоть до начала XVIII в. Для иллюстрации его употребления приводим некоторые примеры: (1036): Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломь, черменъ лицем, великыма очима, храборъ на рати, млствъ (Лавр. лет., л. 51). И сътвори имена Ромъ симъ нарочитымъ съставомъ, земли зелную чясть, якоже ес‹ть› трава, а морю синю чясть, да яко же есть вода, а огню чръвену чясть, яко чръмну сущю, а въздуху бѣлую чясть, яко бѣлу сущю (Хрон. И. Малалы VII, 21). Женѣ же лице и власи чръмни подобно ж(е) и мужь, сесца имѣаше и безвласъ, власи же надчернь (Хрон. Г. Амарт., л. 300а). (1206): Совкупишася Олговичи вси в Черниговъ на снем. Всеволодъ Чермны с своею братею и Володимеръ Игоревичь с своею братею (Лавр. лет., л. 143 об.). Се змии чьрмьнъ велии. . [толкование]: нбо и аеръ сь мѣнить. змия же дьявола а чрьмность убийство его (Апокал., 54). Растящии власы главы своея и на долзѣ пущающе и плетуще или вьюще или шаряще и творяще бѣлы или черны или чермьны или русы. . . таковых сборъ отлучити повелѣ (КВ XIV, л. 123 г). Но мы покаряем ся Исаии глщю измыите ся и чсти будете. аще будут грѣси ваши яко черни яко снѣгъ убѣлю. Аще ли чермьни яко волну обѣлю (ГБ XII, л. 24б). (1427): Месяца сентивриа въ 5 день бысть знамение въ солнци: около солнца 6 явися круговъ, а кругъ за кругъ связался, и различьни бѣаху цвѣтами овъ черменъ, овъ зеленъ, а иныи жолтъ (Псков. II лет., л. 192 об.). Мы же слышахом некия пустошникы глша яко члвѣци и звѣзды ражаются. да того рад бываеть. ово русъ ово бѣлъ ин же черменъ другыи же чернъ (Пал. 1406, л. 17 г). И скончашяся дни родити еи [Ревекке] сии бѣста близнята въ утробѣ еи изиде ж снъ первенець черменъ вес‹ь› яко ж кожа космат (Быт. XXV, 24—25. Библ. Генн.). Явистася въ рецѣ Нилѣ два животна человѣкообразна: до пупа мужь и жена, а отъ пупа птица. Мужь красенъ персьми и власы надчерменъ, женѣ же лице и власи чермьни (Хроногр. 1512 г., 300). Купил две коровы в мо-

настыр‹ь› корову буру дал сорок алтын, корову в черьмнѣ пестра дал тритцат‹ь› алтын (Кн. расх. Корел. № 935, л. 23 об.—24). Седмый убо камень, нарицаемый аукинфъ, аки черменъ есть (ВМЧ Сент. 1—13, 209/210). А в примѣты заимщикъ лицом бѣлъ глаза сѣры волосом русы прочерн борода чермна носъ прямъ ростомъ середней (Строг. столб. 1647). А поличного было кафтан сермяжной бѣлои вечанои да рукавицы чермные на долонки синие из под мерлушки вершек синеи поношен и того татя с поличным изсыску на олонцы. . поставили (Олон. а., карт. VI. 1661). И явися ино знамение на небеси и се змии великъ черменъ, иже стояше передъ женою хотящею родити, да егда родитъ снѣсть чадо ея (ДАИ V, 440). И въ тотъ де монастырь пришолъ при немъ невѣдома какой человѣкъ, слѣпой, ростомъ середней, волосомъ чермнъ, борода свѣтлоруса продолговата, платья на немъ кожанъ лосиной, рудожолтой (ДАИ X, 432). Сего церковь обрѣтается велия и чудная, и имать столпы четыре, зѣло изрядныя и великия чермношарныя, держащия сводъ церковный крестообразно (Дам. Афон. гора, 27). Аще солнце на западѣ блѣднѣетъ. Аще же чермнѣетъ, то свѣтлыи и тихии будетъ воздухъ въ предгрядущии день (Геогр. ген., 335).

В литературном русском языке в новое время прилагательное *чермный* не употребляется [65]. В говорах кое-где сохранилось, видимо, только на севере. Например: Черемный — красноватый, рыжий (Сольвыч. Труды ОЛРС 1822, ч. 1). Черемный — красный, рыжий (Волог. губ. 1866, № 24). Черемный. О человеке: рыжий (Вятск. губ. ркп. СО). Черемный — красный, рыжий (Сарапуль, Вят. Кал. 1880). Черемная лисица (Перм. у. Смирнов). Черемный — рыжий (Перм. губ. Зап. Ур. Общ. Люб. ест. 1895 г.). Человек он здоровый, черемный (Иркутск.) (Примеры из картотеки СРНГ).

Одновременно со словами *червленый* и *чермный* в русском языке существовало слово *червчатый*, которое как цветообозначение, по-видимому, не отличалось от слова

---

[65] Случаи индивидуального употребления, как стилистический прием, возможны, но, видимо, редки, например:

Чествую выше я всех, как в боях и деяниях прочих,
Так и на празднествах наших когда благородным Данаем
К пиру почетного чермнаго чашу вина растворяют

(Гнедич. Илиада)

червленый[66]. Оно появляется в русских памятниках не ранее XIV в.[67], в сравнительно узкой специальной сфере как название цвета тканей очень употребительно в деловых памятниках с XIV—XV века. Несколько позднее слово специализируется также для названия цвета некоторых драгоценных камней, например, *яхонт червчат*. Именно это его употребление сохраняется долго после того, как слово вообще-то исчезает из языка.

В XVI—XVII в. прилагательное *червчатый* вытесняется новым цветообозначением *красный*. В деловых бумагах XVII в. находим употребление этих двух прилагательных не только в одном памятнике, не только в одном перечне, но в одном сравнительно небольшом тексте: 5 стуловъ, и въ томъ числѣ три обиты косматымъ червчатымъ бархатомъ (Д. Шакловит. IV, 21). У стѣнъ 2 ковра индѣйскихъ, въ средине бархату красного, по немъ шито золотомъ и серебромъ и шелками, а опушка бархат зеленой и таусинной (Там же, 22). Роспись, что принято в посольской приказъ из конюшеннаго приказу: 2 оголка шиты золотомъ по бархату червчату по 23 алтына. 8 снимальниковъ красныхъ и малиновыхъ по рублю снималникъ (Росп. им. Н. Ром., 50).

В памятниках древнерусских прилагательное употребляется до конца XVII—начала XVIII в., а в сочетании *яхонт червчатый* и несколько позднее: Терликъ камка голуба съ пугвицами, шуба соболья камка червьчата съ пугвицами (СГГД, I, 302, 1486). И поминки, господине, намъ сказывалъ твои съ собою: поставъ скорлату да поставъ камка червьчята на золотѣ (Римск. имп. д. I, 65). Посла послалъ есми, а поминка одинъ гнедъ аргамакъ, да одинъ булатенъ щитъ, да однѣ бѣлы табенки, да одну узду, да одинъ червчатъ коверъ (Крым. д. II, 41). Евангилье тетръ, въ десть обѣ цки по краемъ обложены серебромъ, а въ укладѣ въ одной цкѣ 6 камней сердаликъ червчетъ (Кн. п. Моск. I, 307). Лукъ Турской, писанъ золотомъ творенымъ по лазоревой да по червчатой краски, а промежъ золота и красокъ прописанъ мусиею въ змѣйку (Оруж. Бор. Год., 24). Яхонты червчатый и лазоревые

---

[66] См. Срезневский: *Чьрвчатый* 'красный'. Словарь АР: *Червчатый* 'червленый'. Даль: *Червленый*, *червчатый* 'багряный и багровый, цвета червца, ярко-малиновый'.

[67] У Срезневского ранний пример из Духовной Ивана Калиты. 1327—1328 г.

(Посольство Толочанова, 123). На седмомъ знамени земля желтая, кругом земля поля черчетая, на земли кругъ блакитной (ДАИ, X, 107). Государь царь и Великий князь Иоанн Васильевичь после пожара пожаловал игумену Алексею с братиею Евангелие в полдесть, поволочено бархатом червчатым (Лепехин, IV, 62). Купилъ на 72 рубли суконъ черныхъ, червчатыхъ и зеленых (Магницкий. Арифметика). О яхонте червчетомъ: яхонтъ червчетои кто при себе носитъ сновъ страшныхъ или лихихъ не увидитъ (Леч. № I, Гл. 152. 1763).

История цветообозначений с древним общеславянским корнем *červ- представляется следующим образом: Древнейшие общеславянские названия красного цвета с корнем *červ- широко представлены в древнерусских памятниках рядом прилагательных: *червленый*, *чермный*, несколько позднее *червчатый*. Следует полагать, что эти прилагательные обозначают разные оттенки красного цвета, ни одно из них не становится абстрактным цветообозначением типа позднего *красный*. В эпоху древнейших наших памятников *червленый* и *чермный* не только различаются по цвету, но и употребляются не совсем одинаково: *червленый* преимущественно для определения всего, что окрашено человеком, *чермный* — для предметов природно окрашенных.

На протяжении исторического периода, доступного наблюдению, значение этих прилагательных, видимо, изменяется.

Червленый как цветообозначение изменяется, кажется, в сторону более абстрактного выражения красного цвета, т. е. оно теряет свое значение 'окрашенный определенным красителем' (темно-красный, малиновый или пурпуровый) и называет со временем все более независимо яркие, но менее характерные оттенки красного цвета (более «нейтрально» красный цвет), приближаясь по значению к современному *красный*. Это прилагательное в группе рассматриваемых цветообозначений самое употребительное, с неограниченной сочетаемостью.

Прилагательное *чермный*, наоборот, специализируясь как определение в описаниях внешности человека, как бы суживает значение и в поздних памятниках употребляется для названия цвета волос, масти скота. Ограничивается его употребление и в жанровом, стилистическом отношении; уходя из языка, оно употребляется преиму-

щественно в памятниках деловых, а затем сохраняется только в говорах.

Прилагательное *червчатый* всегда остается ограниченным в употреблении (только для названия цвета тканей, драгоценных камней).

Во второй половине XVI в. в русских памятниках появляется в качестве цветообозначения слово *красный*, видимо, его появление сыграло большую роль в судьбе древних цветообозначений с корнем *červ-. Какое-то время они как бы сосуществуют в языке, но затем довольно быстро и интенсивно цветообозначение *красный* вытесняет старые, общеславянские.

Вероятно, исчезновение древних цветообозначений объясняется различными причинами: и нелингвистическими (большие исторические перемены в России XVI—XVII вв., движение населения в эпоху Смутного времени, новая колонизация южных и восточных районов, сдвиги населения в связи с этим и прочее), и лингвистическими: не только появлением нового цветообозначения, но и качествами старых цветообозначений. В каждом из них была какая-то ограниченность, какая-то уязвимость, какая-то неустойчивость, что не позволило ни одному из них стать абстрактным цветообозначением, дойти до той степени отвлеченности, чтобы стать словом, покрывающим собой или вбирающим в себя все оттенки красного цвета, каким впоследствии стало слово *красный*.

Собственно русское цветообозначение *красный*

Прилагательное *красный* — древнее общеславянское, в своем первоначальном значении 'красивый', 'прекрасный' известно во всех современных славянских языках, кроме русского, где сохранились лишь некоторые следы старого употребления. В русских памятниках слово известно с древнейших времен, широко употребительно и используется для характеристики очень многих и очень разных положительных качеств.

В памятниках древнейшей поры чаще всего употребляется в своем исконном значении 'красивый', 'прекрасный' для описания человека, его красивой, привлекательной внешности [68]. Отъврати очи свои отъ жены красьны

[68] В традиционных формулах оно употребляется также для характеристики внутренних качеств человека: И бѣ у него с҃нъ кра-

и не глядаи чюжея доброты (Изб. Св. 1076 г., 175). (922): Оженишеся во Псковѣ понят за себя Ольгу 10 ти лѣт, бѣ бо красна велми и мудра (Арханг. лет., 21). (986): Даеть бо Бохмитъ комуждо по 70 женъ красныхъ и исъбереть едину красну, и всѣхъ красоту возложить на едину, и та будеть ему жена (Новг. I лет., 34). Паче всѣхъ Девгениева мти веселяшеся занеже породи сна славнаго и велегласнаго и краснаго (Девг. д. IV, 137). Паулъ простьцъ невежа ратаи бывъ сочьтася съ женою красною зракомь злообразною нравомь (Пр. Л XIII, 37 г). Бежи, человѣче, женские красоты, яко Нои от потопа, и яко Лот от Содома и Гомора. Жена красна возгнѣщение вѣчному огню: безумни иже прилепляются к неи, огнем згарают с нею и погубляются (Сл. Дан. Зат. II, 46). Впрочем, вряд ли даже в древнейших наших памятниках слово *красный* по отношению к человеку значит только 'красивый', скорее следует полагать, что уже здесь оно часто употребляется для общей положительной характеристики: 'хороший', 'красивый', 'привлекательный', 'приятный', 'достойный' и прочее: Видѣвъ же князь велми красна и възрадовася и рече: сей уноша рода велика былъ, достоинъ есть, да будеть предъ лицемъ моимъ (Ч. Николы IV, 4). Въ сию нощь сѣдящи ми у цркве и приидоста двѣ уноши красна и рекоста ми кто тя е сде посадилъ (Ск БГ XII, 22а). (986): И вскорми е и бысть отрочя красно, и бѣ лѣтъ 4 и приведе дщи фараоня ко отцу своему (Новг. I лет., 42).

Столь же употребительное по отношению к предметам, явлениям природы и общественной жизни слово *красный* значит 'красивый', 'прекрасный', 'превосходный', а также 'ценный', 'богатый', 'отличный', 'отменный' и прочее: В храмѣ ли красьнѣ и высоцѣ възлежиши въведи скытаюштаагося по улицамъ въ домъ свои (Изб. Св. 1076, 20). (1233): Написана быс‹ть› цркы стая Бца в Суждали и измощена мороморомъ красным разноличным (Лавр. лет., л. 159 об.) И ту ставъ посредѣ их Птоломеи. . и ублажи цѣсаря хвалами и пѣсньми, а народ утѣши словом умиленом и красном (Флавий. Полон. Иерус. I, 120). Источници воднии мнози студени посреде града

сенъ лицемъ и дшею. на сего паде жребий по зависти дьяволи (Лавр. лет., л. 26 об.).

того [Самарии] текуть красно и древеса овощная безъ числа ту суть всяка (Х. Дан. иг., 95).

В отношении исторических лиц, известных своими положительными качествами, слово, наверное, может значить не только 'красивый', 'привлекательный', а 'достойный', 'знаменитый', 'славный' и прочее. (988): И потомъ сѣде Юрьи Ондрѣевичь. А по Юрьи Святославъ Мстиславичь, Юрьевъ внукъ. А потомъ отецъ его Мьстилавъ безокий. А потомъ красный Ярославъ, внукъ Юрьевъ. А потомь опять безокий (Новг. V лет., 91). Тогда пущашеть ·і· соколовъ на стадо лебедѣй: которыи дотечаше та преди пѣснѣ пояше, старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ плъкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю (Сл. о п. Иг. 3—4).

В литературе агиографической и религиозно-ритуальной прилагательное *красный* употребляется также для выражения качеств, положительных с точки зрения христианской морали и значит 'достойный', 'почтенный', а, может быть, также 'блаженный', 'святой': Мощью възмагая немощь твою, блжне иже нашу немощь хотѣниемь понесъша, мученчское течение съвьрьши радуяся и некрѣпъкаго врага красьныма ногама съкрушилъ еси (Мин. сент. 1096 г., 61). Да яко же разидошася вси белоризьци и они [бѣсы] ищезоша красныи же онъ старецъ приде къ рабу бию и възложи уже на шию его и рече к нему играя видѣ ли како ти ся есмь уранилъ на помощь твою велми бо ся пеку тобою [мене бо нарядилъ бъ]. (Пр Л XIII, л. 36 в). Какому лѣпо быти еппу не достаточну. бодръ цѣломдренъ. красенъ страньнолюбец учтль безлобив невинопиица ненапраснъ. но кроток несварливъ. несребролюбив. и прочая (ГБ XIV л. 181а). Тѣх суть красны ногы блговѣствующих мир (Ж. Стеф. Перм. Епиф., 18). По истине бо тѣх сут‹ь› красны ноги блговѣствующих мир (ВМЧ, апр. 22—30. 1007) [69].

В памятниках с языком, близким к народно-разговорному, или в передаче собственной речи прилагательное

[69] Ср. также: (1399): И бысть яко же скончавшемъ имъ канонъ, часу же пришедшу абие простеръ нозѣ, иже бѣста красно текли отъ славы мира сего, тихо и кротко преставися блаженыи Матфей и во добрѣ исповѣдании къ господу Богу отиде (Рог. лет., 174).

употребляется по отношению к солнцу, месяцу со значением 'светлый', 'ясный'. (1389): Видѣвши же его мертва на постели лежаща, и въсплакася горкымъ гласомъ: «мѣсяць мой красный, рано погибаеши» (Воскр. лет., 57). Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всемъ тепло и красно еси: чему господине простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? (Сл. о п. Иг., 39).

Выше приводились примеры, преимущественно относящиеся к раннему периоду древнерусской письменности. Однако и в памятниках более поздних XV, XVI, XVII, вплоть до XVIII в., прилагательное *красный* весьма употребительно в старой своей роли как слово, выражающее не очень определенные, но зато самые разнообразные положительные качества: красивый, прекрасный, превосходный, великолепный, приятный, привлекательный, ценный, драгоценный, отличный, изрядный, отменный и прочее.

Как привычное определение самых разнообразных и в общем, кажется, любых положительных качеств, слово отходит от своего первоначального значения 'красивый' и является уже с древнейшей поры весьма многозначным. Впрочем, приобретая такую многозначность, слово как бы теряет свою первичную семантическую полновесность и экспрессивность и становится приложимым к любому объекту в любых обстоятельствах и в общем «пустым» (вроде современного *хороший*, с несколько большим количеством положительного качества). Вполне вероятно, что эта его многозначность, широкая сочетаемость и невыразительность способствовали появлению у слова нового значения, значения цвета. Можно предполагать, что в каких-то многочисленных своих положительных оттенках слово *красный* соприкасалось со сферами употребления других цветообозначений (например, с одной стороны 'красивый', 'украшенный', 'богатый', в таких же контекстах с теми же или близкими значениями возможно употребление слова *червленый*; с другой стороны 'окрашенный', возможно, равняется 'красного цвета'; кроме того, *красный* — об одежде — 'красивый', 'парадный', 'торжественный', но это часто, действительно, одежда красного цвета и прочее).

Эти особенности прилагательного, его многозначность и вместе с тем расплывчатость, не позволяют достаточно точно определить время, когда слово *красный* появляется

в своей новой роли, в качестве цветообозначения. В самом деле, не говоря уж об одежде, многие предметы, будучи красного цвета, в то же время являются красивыми, ценными: *красный мрамор* — это прекрасный, может быть, драгоценный мрамор, но это и мрамор красного цвета; *красный камень* — драгоценный, но и красного цвета; *красная птица* — птица с красным оперением, но возможно и ценная (какими действительно были ловчие птицы). Как узнать, что значит *красное масло*, *красный мед* (цвет?), *красные ложки* (окрашенные?), *красные пития* (красные вина или дорогие, ценные напитки?) и многое другое. Поэтому время первой фиксации слова в качестве названия цвета установить трудно. В работах, посвященных исследованию цветообозначений (или касающихся этого вопроса), оно колеблется в довольно обширных пределах почти двух столетий, от XIV до XVI в.[70] Кстати сказать, именно те примеры, которые приводятся как доказательство раннего (или первого) употребления слова как цветообозначения, спорны.

Что касается именно этого слова, то для истории его как цветообозначения, может быть, и не очень важно установить наиболее раннее употребление его в новом значении, ведь оно, несмотря на свою новую роль, еще очень долго будет существовать и в старой. Однако, если уж устанавливать наиболее ранние даты его употребления в качестве названия цвета, кажется, нужно максимально оградить себя от субъективного прочтения текста. При очень разнообразном употреблении слова в качестве положительной оценки, в качестве характеристики любых положительных качеств, вероятно, следует считать достоверными примерами употребления его как цветообозначения либо сочетания его со словом *цвет*, либо контексты, где оно употребляется с другими цветообозначениями.

Можно предположить, что слово *красный* в роли цветообозначения в отдельных говорах появляется значительно раньше, чем в литературном языке. В наших материалах,

---

[70] М. А. Суровцева считает ранним пример из Хождения Стефана Новгородца, 1347 г. (М. А. Суровцева. К истории цветовых значений в древнерусском языке 11—16 в. Автореф. канд. диссерт. М., 1967). Е. М. Иссерлин относит его к XVI в., приводя пример из Памятников дипломатических сношений Московского государства с Крымом, 1515 г. (Е. М. Иссерлин. История слова «красный». «Русский язык в школе», 1951, № 3).

видимо, наиболее ранними следует считать примеры из Софийского временника, где описывается поездка великого князя Ивана III в Новгород в 1476 году[71] [О поѣздѣ великого князя в Великий Новгородъ]. (1476): от Владыки две бочки вина, красного едина, а бѣлого другаа, а отъ тѣхъ ото всѣхъ по мѣху вина (Соф. врем. II, 165). А даровъ владычных: 3 постава ипсковых. . . а проводного бочка вина красного а другаа бѣлого (Там же, 168).

Если наиболее ранние примеры употребления слова *красный* в качестве цветообозначения в новгородских летописях можно воспринимать как факт случайный, то большой материал для суждения об особом употреблении прилагательного *красный* дают другие новгородские памятники, в частности, Новгородские кабальные книги. Здесь в описаниях внешности заимщиков довольно употребительно слово *красный*, особенно для цвета глаз. Правда, в большинстве случаев слово употребляется для указания на смешанный цвет: очи красно-серы, изкрасна серы, изкрасна черны, но есть примеры (их мало), когда красный, видимо, определяет цвет глаз: очи красны. Примеры: А ростомъ человѣкъ середнеи, волосомъ черменъ, очи красносеры (Новг. каб. кн. I, 2). А ростом человѣкъ невеликъ, молодъ, очи красносеры, объ одномъ глазе, волосомъ русъ (12; то же: стр. 21, 31, 43, 51, 62, 71, 92 и др.). Се язъ Федоръ Юрьевъ сынъ, плотникъ, кругloликъ, волосомъ русъ, очи серы скрасна (82). Ростом середняя, волосом руса, очи изкрасна серы, лицом черемна (73). А жена ево ростом невелика очи краснокари, а лицы смугла волосы черны (157). А жена его круглолика ростомъ середняя, очи краснокари (250). А рожеемъ Смирной — очи краснокари, велики, колцо было въ правомъ ухе, волосомъ русъ, сутулъ, лѣтъ въ дватцать (466). Офимьеца Павлова дочь, Ивановская жена, ростом велика, волосом руса, очи изкрасна черны, лицом бела (71). Овдокимко Григорьев сын, ростом велик, волосом рус, лицом смугл, брови черны, очи красны, ус и бородка невелика (78). Васька Семенов сын, ростом невелик,

[71] Б. О. Унбегаун в статье, посвященной Новгородским кабальным книгам, упоминает, что слово *красный* как цветообозначение начинает употребляться с конца XV в.: «En tant que couleur, c'est une expression nouvelle, que date de la fin du XV siecle» (B. O. Unbegaun. Les anciens russes vus par eur-mêmes. — «Annali sezione slava VI». Napoli, 1963).

волосом чермен, в лицо сучермень, очи красны, лет в дватцать (75). Для определения цвета волос, слово употребляется в отдельных примерах: Волосом красноруса, глаза красносеры (255).

Так же единичны, видимо, примеры для описания цвета лица; вряд ли следует предполагать, что здесь старое употребление прилагательного: А ростом Сенка середней человек лицомъ красенъ долголикъ, борода невелика, чермна, без брувей (151).

Таким образом, Новгородские кабальные книги дают для истории слова *красный* большой, хотя и несколько неожиданный, несколько загадочный, материал [72]. Поскольку случаев употребления прилагательного *красный* для определения глаз много, их нельзя считать случайностью. Трудно отказаться от мысли, что слово *красный* обозначает цвет, однако, вряд ли оно имеет современное значение. Чаще всего слово употребляется в сочетании красно-серый (по подсчетам Унбегауна, 68 раз). Если это наиболее типичное сочетание, можно предполагать, что слово *красный* потребовалось для уточнения цветообозначения *серый* (другие сочетания могли бы в таком случае воспринимать как употребленные по аналогии). Нам кажется возможным предположение, что в Новгородских кабальных книгах мы застаем то промежуточное состояние слова *красный*, когда оно еще не стало цветообозначением, но употребляясь в одном из своих старых значений, служит для уточнения цвета. Может быть, оно имеет здесь значение ‘светлый’ или ‘яркий’, может быть сочетанием *красно-серый* обозначаются более светлые оттенки серых глаз (они иногда называются белыми) или, наоборот, более яркие глаза (голубые, синие?). В таком случае, конечно, несколько загадочным остается определение *очи красны*, хотя, вообще говоря, возможно выражение *очи светлые*, *очи ясные* (не в паспортных характеристиках, какими являются описания внешности в Новгородских кабальных книгах).

---

[72] В известной нам литературе, кажется, нет попыток истолковать это употребление, хотя примеры из Новгородских кабальных книг приводятся, например, у Е. М. Иссерлин. Б. О. Унбегаун не высказывает никаких предположений по этому поводу. Он пишет: En cinquieme lieu arrive une couleur mixte «gris — rouge» красносерый, dans 68 cas. Il n’est pas tres clair, ce que l’on doit entendre par cette designation (B. O. U n b e g a u n. Указ. соч.).

Вероятно, следует обратить внимание на то, что слово *красный* очень употребительно в памятниках (особенно деловых) в составе специальных словосочетаний: *красный лес*, *красная рыба*, *красный товар*, *красный сандал*, *красный двор*, *красная кожа* (*красный баран*) и т. д. Может быть, как раз в этих сочетаниях появляется возможность соприкосновения и семантического совмещения цвета и качества и именно здесь ранее чем в других реализуется прилагательное как цветообозначение. Например, красный лес — хвойный мог быть назван по цвету дерева (внешнему — кора, внутренняя часть — древесина — тоже красноватая) и по качеству: наиболее прочный, строевой, корабельный; красный сандал — темно-красного цвета, используется для окрашивания в красный цвет, дорогой краситель; юфтовый красный товар — выделанная белая кожа в противоположность окрашенной в черный цвет (но и худшей по качеству?) и т. д. Такого рода специальные сочетания очень характерны для памятников XVI—XVII вв. Например, *качество*: Красную рыбу семгу емлютъ на государя (Кн. прих.-расх. Моск., 195). А рыба бѣлая, кромѣ красной рыбы, осетра и стерляди и лосося всякая, и раки есть (Вед. о Кит. зем., 25). Въ передней печь кирпичная бѣлая; въ середней муравленная, съ трубами, въ семи красныхъ окошкахъ рѣмешки желѣзные и оконницы болшие слюдвенные (ДАИ X, 455). Как разуметь. . . следы красного зверя (Кн. охот. рег., 2). *Цвет*: И лисицы черные и чернобурые и бурые и черночеревые и красные (АИ IV, 69). Сандалу бѣлова и краснова 4 фунта (Мат. медиц., 152). А въ анбарѣ товары государевы: мѣди зеленые и красные въ котлахъ вѣсомъ двадцеть четыре фунта (ДАИ VII, 275). Въ твою государеву аптекарскую казну белого ярого воску тринатцать круговъ. . . да красного воску кругъ (Мат. медиц., 166).

Если ранние примеры употребления прилагательного *красный* в качестве названия цвета часто сомнительны и датировка требует обоснований, то, несомненно, что с середины XVI в. слово употребляется в своей новой роли, завоевывая все более прочные позиции. Правда, чаще всего мы находим его в деловой литературе, но именно в этой литературе и встречаются цветообозначения, поскольку художественной литературы в современном ее понимании еще нет, а литературные жанры, бытующие в древней Руси, небогаты обыденной лексикой. Однако

уже с XVI в. слово встречается как цветообозначение в памятниках разного жанра, от летописи до монастырских расходных книг.

Примеры. XVI в.: И х тому не ходити имъ во овчинехъ кожахъ. . но въ красныхъ ризахъ и въ зеленыхъ и въ багриныхъ и въ червьчатыхъ (Каз. лет., 230). Подлинная великого государя грамота писана на полулисту. У грамоты вислая красная государева печать (АЮБ I, 81—82). И послы говорили. у нашего государя ведетца въ обычаѣ: прикладываемъ печати хъ красному воску (Польск. д. III, 720). И на тѣ на всѣ денги купил рыбы осятров и сиговины и лодуги икры чорнаи и краснай и памят расходную дал тем денгам (Прих.-расх. кн. Волокол. м. № 3, л. 135 об.—136). Того же дни купили берестенъ масла коровья красного на домашней обиходъ, дано за масло шесть алтынъ безъ денги (Кн. расх. Болд. мон., 75). Народу же окрестъ его стоящу и отъ его руки взимаху огнь. . . И понесоша тотъ огнь [Вст. видится красенъ, аки киноварь] по домамъ своимъ (Х. Тр. Короб., 21). А кормъ и деньги и медъ и вино велѣти имати приставомъ у дьяка у Дмитрея у Олябьева, а меды красные про кизылбашскихъ пословъ съ Москвы посланы (Посольство Васильчикова, 9). В半ниса каменъ красенъ, а цвѣтъ жидокъ у него (Торг. кн. XVI—XVII вв., 121 — Срезн. I, 259).

XVII в.: И на томъ. . городищѣ изъ земли бьетъ ключь красною водою и около того ключа садитца краска (АЮБ II, 688). Да устюженин же Иван Вахрамеев сын Бляшкина, сказал, купил на большей архангельской мельницы у Савы корову белу, ушы красны, и скулы красны (Там. кн. I, 214). А в коробе было денег два рубли дватцат алтнъ да три персня серебряных мужских один перстен с каменем красным сердоликом ценою рубль (Якутск. а. к. I, № 1, сст. 455). Трава бронецъ, ростетъ кустиками что гороховина, цвѣтъ на ней воронъ и красенъ (Леч. III, 4). Бықъ краснъ, белохребт, рога колачем (Кн. пер. скота, 2 [2]). И отдали Павлу краснощокому подъ началъ на дворъ. Тот врагъ лукавой много надо мною казньствовалъ и всѣмъ, стоящимъ въ вѣрѣ, рыетъ яму (Суб. Мат. I, 425). Сардион — камень. ., им же врачеве лечат отоки и язвы, бываемые от железа. . . Видом сардион красен аки кровь (Алф.[I], 203 об.).

В течение XVII в. слово *красный* в качестве цветообозначения употребляется, видимо, все шире, вытесняя

старые *червленый*, *червчатый*. В XVII в. они еще могут употребляться как слова-синонимы, мы их видим не только в одном памятнике, но и в одном не очень большом контексте. Однако к концу XVII, началу XVIII в. старые цветообозначения окончательно вытесняются. Что же касается прилагательного *красный*, то в литературе XVIII в. у него еще своеобразное положение: будучи распространенным в качестве цветообозначения, оно еще употребляется в старой роли [73] (прилагательного, характеризующего различные положительные качества). Здесь, видимо, есть уже различия стилистические, т. е. в новом значении оно употребляется безразлично везде, в старом — преимущественно в поэзии, а также в прозе в стиле высоком. Примеры. Цвет: Но видя ту, какъ пень, недвижиму, бессловну, Сказала съ гнѣвомъ рѣчь сию къ ней нелюбовну Ты подлинно лицо красно как маковъ цвѣтъ, Да в головѣ твоей ни крошки мозгу нѣтъ (Тредиаковский. Басни III). Когда горитъ свѣча, дерево или другое тѣло, которое живымъ и свободнымъ пламенемъ воспаляется; тогда видимъ въ угляхъ огонь красной, въ самомъ пламени желтой, между углями и желтымъ пламенемъ голубой, то есть трехъ первоначальныхъ материй частицы (Ломоносов. Слово о происхождении света). Но на ближнихъ горахъ зеленѣли кусты виноградны, Коихъ листвия какъ вѣнки и цѣпочки висѣли; Грозды красняй Багреца не могли подъ листомъ укрыться, Такъ что вага плодовъ вѣтвь кажду лозы нагибала (Тредиаковский. Тилемахида, I, 1, 5). Когда в дуги твои сребристы Глядится красная заря: Какие пурпуры огнисты И розы пламенны, горя, Съ паденьемъ водъ твоихъ катятся (Державин. Ключ). Естьли то вѣрно, что почти всѣмъ вещамъ желѣзо, даетъ цвѣтъ, травѣ зеленость, румянецъ розѣ, небесную синеву ва-

---

[73] Писателей XVIII в., кажется, не очень смущает эта двойная роль прилагательного *красный*, они могут употреблять его и в старом, и в новом значении, даже в одном тексте: Когда я умъ углубилъ, о томъ разсуждая, И вину неистовству такову не зная Сыскать, приступилъ ко мнѣ старикъ сановитый, Сѣдою красенъ брадой, брюхомъ знаменитый Пространнымъ; красно лицо жиромъ все оплыло; Чуть видны подъ лбомъ глаза и голос унылой (Кантемир. Сатира). Краснѣйшая изъ женъ — сказалъ онъ — любезная дочь Арминова! Не далеко отсюда в море на скалѣ высокой, растетъ дерево; красны кажутся плоды его издали (Сельм. песни (Оссиан) — МЖ III, 146).

сильку, то не съ вероятностию ли заключить можно, что черной и сѣрой цвѣтъ земли отъ повсемѣстнаго разположения сего металла произходитъ, так как цвѣтъ глины, красный, желтый, синий (Радищев. Описание владений). Качество: красивый, прекрасный и прочее: Сия жена весма была красного лица, станомъ и величавостию своею походила на богиню, и отъ всея ея персоны изходило сияние, которое ослѣпляло очи (Тредиаковский. Езда в остров любви). Отверзлась дверь, не виденъ край, Въ пространствѣ заблуждаетъ око. Цвѣтетъ въ России красной рай, Простертъ во всѣ страны широко (Ломоносов, Ода 9). Похвальней мнѣ, ему рабою вѣрной быть, Какъ ставъ супругою, супруга не любить. Он младъ, красенъ, герой, глаза мои то видятъ, Но въ немъ любовника противна ненавидятъ (Сумароков. Синав и Трувор).

Историю слова *красный*, иллюстрированную примерами из памятников, очень хорошо подтверждают словари. Его первоначальное исходное значение 'прекрасный', 'красивый', 'приятный' дает словарь Срезневского. Словарь АР в какой-то степени отражает неоднозначность слова, его различные значения в зависимости от употребления, но на первом месте слово является уже как цветообозначение: Красный. 1. Относительно к солнечным лучам означает один из простых цветов. 2. Относительно к телам: цветом на кровь схожий. 3. Относительно к лицу значит ясный, приятный. 4. Относительно ко времени: ясный, ведреный. Словарь церковнославянский и русский 1867 г., подчеркивая разницу между старым и новым значением прилагательного, дает два слова: Красный (ср. степ. краснее). Отражающий один из цветов радуги. Красный (ср. степ. краше). Имеющий весьма правильную и привлекательную внешность, ясный, пригожий, красивый. Современные толковые словари русского языка указывают значение цвета как основное, старые значения даются как устаревшие, поэтические и народно-поэтические (Словарь под ред. Д. Н. Ушакова, ССРЛЯ, СРЯ, словарь Ожегова).

Рассмотрение различных стилистических особенностей употребления прилагательного *красный* не входит в наши задачи. Однако хотелось бы отметить, что и как цветообозначение слово *красный* характеризуется известной многозначностью, большим диапазоном или большой па-

литрой самых разных оттенков, которые оно называет. В известной степени показательны сравнения, которые используются писателями при слове *красный*. Например: Небольшое круглое лицо красно, как уголь (Аксаков. Семейная хроника). Месяц, полный и красный, как зарево пожара, начинал показываться из-за зубчатого горизонта домов (Лермонтов. Фаталист). Моргач, весь красный, как рак,. . язвительно посмеивался из угла (Тургенев. Певцы). Доктор, еще более пополневший, красный, как кирпич,. .пил чай (Чехов. Три года). Он лежал красный, как кумач, и судорожно, тяжело дышал (Гаршин. Боевые картинки). Солнце взошло. Что они там с капитаном говорили — никому неизвестно, но только вышел он от него, как говядина, красный (Станюкович. Беглец). На огромном столе в цехе во множестве лежали бесформенные сгустки и тонкие замысловатые струйки внезапно застывшего цветного стекла, голубые, золотистые и красные: одни из них были густо красны, как вишневый сок, другие ярки, как живая кровь, третьи напоминали гранат, четвертые — рубин (Е. Строгова. Русское стекло). В комнату идет Веснущатый и красный и румяный Рассыльный из трактира, и певец Глядит на бойкое его лицо, На руки красные, как сок морковный, На ясные лукавые глаза (Багрицкий. Трактир). Боброк остановился, вглядываясь в загорающиеся облака; зоркий его глаз приметил на востоке красную, как капля крови, звезду (Бородин. Дмитрий Донской).

Поскольку и в качестве цветообозначения слово *красный* весьма объемно (от светло-красного, розового, до темно-красного, с синим или коричневым оттенком — вишневого, бордо, терракотового и пр.), оно не очень выразительно, и художники слова, особенно поэты, охотнее употребляют слова, обозначающие более точные (и более экспрессивные) оттенки красного — *алый*, *багровый*, *багряный* и пр. Характерно, что при наличии абстрактного стилистически нейтрального цветообозначения *красный*, русский язык не только не теряет старых цветообозначений *алый*, *багряный*, *малиновый*, *вишневый*, но все время заимствует новые, например, появившиеся сравнительно поздно *пунцовый*, *бордо*, *пурпурный* и другие.

Глава 2
ИСТОРИЯ НАЗВАНИЙ СИНЕГО ЦВЕТА

Слова с общеславянскими корнями

Синий

Прилагательное *синий* — древнее, общеславянское, сохранилось во всех славянских языках. В современных славянских языках называет синий цвет или оттенки синего: светло-синий, темно-синий, серовато-синий, свинцово-синий и т. д. История этого слова как цветообозначения в русском языке довольно сложна и для древнего периода не совсем ясна. Многозначность и некоторая неопределенность слова как цветообозначения в древнейший период [74] дают повод некоторым исследователям делать ложные выводы о том, что в эпоху наших ранних памятников прилагательное *синий* не является цветообозначением, что современное значение у слова выявляется позднее [75]. Уместно вспомнить, что существует общепринятое мнение психологов и офтальмологов о том, что все народы в глубокой древности в общем проходят общие или сходные ступени в различении и обозначении цветов. Существует наблюдение, что синий цвет различается и называется позже других. Общеизвестны ссылки на Гомера с его несколько странной гаммой цветов (кстати, теперь, кажется, оспариваемые). Однако несомненно, что эти общие положения никак не могут быть относимы к древнерусскому языку эпохи самых ранних наших памятников, и древнерусские памятники дают достаточно большой материал, чтобы правильно представить себе историю слова. Совершенно очевидно, что уже в эпоху древнейших памятников оно существует как цветообозначение и употребляется в современном значении ʻсинийʼ или точнее ʻярко-синийʼ: Якоже пакы въ дузѣ свойства суть чрьвеное и сине и зе-

---

[74] У Срезневского отмечены следующие значения: темно-голубой, синий, синеватый, отливающий голубым цветом (как эпитет молнии), посиневший от кровоподтеков, багровый, налитый кровью, темный, иссиня темный, темнокожий, черный, потемневший, сумрачный (III, 356).

[75] М. А. Суровцева. К истории слова синий в русском языке. Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та, т. 71, 1964.

лено и багъряно (Изб. Св. 1073, 247). (1230): Того же дни и час быс<ть>тако и того грознѣе в Киевѣ. всѣм зрящим. Бывшю слнцю мсцемъ явишася столпове черлени. зелени. синии оба полы слнца (Лавр. лет., л. 157). А всядемъ, братие, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону (Сл. о п. Иг. 6). Создавъ же подърумие.. и в чсть ·д· мъ стухиямъ земли аиру огню и водѣ и нарече овому зелено, оному же бѣло, овому же червлено, оному же сине (Хрон. Г. Амарт., л. 24 б). Слово *синий* может обозначать также различные неяркие оттенки синего цвета, издавна оно употребляется по отношению к человеку для описания очень неопределенных и слабых по интенсивности окрасок. Так, с древнейших времен слово *синий* и его производные используются в описаниях внешности людей для обозначения синеватого оттенка кожи, лица озябшего или побледневшего человека, а также синего, темно-синего, серо-синего или багрово-синего цвета тела человека, избитого, пораненного, с синяками: И видѣ человѣка идуща домови отъ церкви святого Фурса, всего суща синя и померкла и множество демонъ идущемъ и предъ нимъ и по немъ (Ж. Андр. Юрод., л. 87 в). И трепетомъ плачася къ Богу единому сердечными очами взирая, мнѣхъ бо, яко уже ми есть издохнути, измершю всему моему тѣлу и посинившю (Ж. Андр. Юрод., л. 48 а—48 б). Аже приидеть кровавъ мужъ на дворъ или синь, то видока ему не искати, но поплатити ему продажа за бещестие (Правда Рус., пр., 218). Можно думать, что слово так же часто обозначает и более темные оттенки синего цвета или темно-серый с синеватым оттенком цвет по отношению к явлениям природы: облак синь, синя мгла и т. д. Например: И се облак синь покры и быс<ть> акы мртвъ и къ дну аду сходя (Ж. Вас. Нов. XI в. — Пр XIV—XV (1), л. 39 об.). Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи, изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ (Сл. о п. Иг., 35). В ряде случаев возможно допустить, что речь идет о темном или черном с синим оттенком цвете, например, люди сини: [Ангел и демон спорят о душе чернеца-сребролюбца]: Узри два скопца сварящася о немъ, да единъ бяше отъ нихъ синь, имѣя очи темнѣ, а другый бяше бѣлъ яко снѣгъ (Ж. Андр. Юрод., л. 68 б). И егда служаше тъ страшны сии попъ внѣ стояше предъ црквью связанъ ужемь желѣзнымъ

нагъ по шию по руцѣ и по нозѣ и держаща его два синя изувѣра и страшна (Пр Юр XIV, л. 212 в). И быша у ней (у царицы) люди черны, а иные сини (Псков. I лет. 241).

Наконец, в древнерусских памятниках раннего периода есть примеры, где прилагательное *синий*, вероятно, обозначает черный цвет [76]. Это группа примеров из житийной литературы (наверное, одного происхождения), где мы находим сравнение *синий как сажа*: Егда же въ жизни сей будуть [младенцы] и начнуть грѣхи дѣяти да будуть темни, да елико глубле входять въ грѣховный калъ, валющеся якоже свиниа, синя яко сажа бывають (ВМЧ, Окт. 1—3, 181). Да елико глубле входять в калъ грѣховныи. валющеся яко свиния сини яко сажа бывающе (Пр Юр XIV, л. 53 б). Синии яко сажа бывающе (Прол. XV в. окт. 7 (В.) Срезн. III, 356). Значение прилагательного *синий* как цветообозначения для раннего древнерусского периода трудно определить вполне точно. Можно думать, что в эпоху, которую отражают старейшие наши памятники, кроме совпадающих с современными, слово сохраняло старые значения (или употребления). То есть, кроме *синий* — 'ярко-синий', 'темно-голубой', 'синеватый', оно могло значить 'темный' или даже 'черный'. Можно предполагать, что такая неопределенность или даже противоречивость слова как цветообозначения объясняется его происхождением. Этимологи возводят слово *синий* к группе слов *сив*, *сиять* с первоначальным значением 'сияющий', 'блестящий'. Можно думать, что слово по происхождению и в древности близко к светообозначению, т. е. что в нем сохранилось значение 'относящийся к свету, блеску', но не 'блестящий', 'сверкающий', а напротив, 'темный', 'тусклый', 'лишенный блеска, сияния'. Может быть, именно это значение следует видеть и в примере из Жития Андрея Юродивого, где железо холодное, синее, противопоставляется накаленному

[76] Впрочем, для многих приведенных примеров следует, кажется, сделать оговорку. Не исключено предположение, что прилагательное *синий* обозначает не цвет — синий, серый, черный или какой-то другой, а значит 'темный'. Словом *синий* часто переводится тоже многозначное греческое μέλας, для которого словари дают целый ряд значений: черный, темный, мрачный, зловещий, глухой, тусклый и прочее, например: синя же пучина (μέλασ δε πόντος — Ирм. ок. 1250, Срезн. III, 356). Мяса хелонова суть синя (μελμωόν — Козм. Инд., Срезн. III, 356).

в огне, т. е. темное—яркому: Якоже есть желѣзо сине и студено лежаше, въ огнѣ горѣмо свѣтло будеть велми тако и человѣци. Желѣзо сине мы есмь а огнь есть Святый Духъ (Ж. Андр. Юрод., л. 80 г). Если допустить, что прилагательное *синий* в эпоху древних памятников было где-то на границе свето- и цветообозначения или, может быть вернее, будучи цветообозначением, в какой-то мере сохраняло свои старые качества светообозначения, то станут более ясными и некоторые другие примеры из древних памятников. Так, возможно, что в выражении *сини очи* (о глазах пьяниц), переходящем как цитата из памятника в памятник[77], слово *синий* также не значит цвет, а указывает на отсутствие блеска в глазах, что его следует понимать как мутные, тусклые, лишенные блеска (осмысленности?) глаза: [78] Не буди винопииця, вьсяк бо пияница обнищаеть; и паки. . кому скарѣдия и пьря, кому съкрушения вътъще, кому сини очи, не прѣбывающиимъ ли въ винѣ, не назирающиимъ ли къде пирове бывають (Панд. Ант. 16² XI в.). И кому скарѣдия. . и пьря кому съкрушения вътъще, кому сини очи, не прѣбывающимъ ли въ винѣ не назирающимъ ли къде пирове бывають (Сб Тр XII—XIII, л. 148). Кому горе кому мятежь кому молва кому скарѣдье кому мерзость кому сини очи кому скрушения вътъще не прѣбывающимъ ли въ винѣ и смотрящимъ где есть квасъ (КР 1284 л. 52—53). Яко же и приточникъ учить ны гля не буди винопиица всяка бо пьяница обнищаеть. и паки и кому лютѣ кому молва и сваръ и судии пря. и искушенье вотще. кому сини очи не пребывающимъ ли в коръчьмѣ (Пр Юр XIV, л. 53 в). Совершенно очевидно, что речь идет не о цвете радужной оболочки глаз. Вряд ли можно считать убедительным и толкование, данное в словаре Срезневского, 'налитый кровью'. Скорее можно предполагать, что речь идет о синяках, в данном случае словом *синий* переводится греч. πελιδνός 'бледносиний', 'посиневший' (ср. однокоренные πελιός 'поси-

[77] Мы находим его в памятниках XV—XVI вв. Например, Библ. Генн. 1499 г., Сб. Друж. XVI в. и др.

[78] Ср. в современном русском языке мутные, пьяные глаза: Мишка-певец и его друг бухгалтер, оба лысые, с мягкими пушистыми волосами вокруг обнаженных черепов, оба с мутными, перламутровыми, пьяными глазами сидели друг против друга, облокотившись на мраморный столик, и все покушались запеть в унисон (Куприн. Яма).

невший' (от кровоподтеков), πελιδνόομαι 'синеть или чернеть' [79]). Кстати, скорее именно такое значение имеет слово в несколько более позднем списке пролога: И срѣта я глахъ ему что се брате А какие како днешнии днь он же отвѣщаваше акы пред гсмь бмь овогда же бяста ему очи синѣ овогда же шию и паки главу ли язвьну показываше и глах ему стерпѣ брате да на успѣхъ ти будеть (Пролог (Срз.), л. 145 [3]). Может быть, и сочетание *синее вино* в Слове о полку Игореве тоже следует читать как мутное вино, т. е. не чистое вино, а с чем-то смешанное: А Святъславь мутенъ сонъ видѣ въ Киевѣ на горахъ «Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, рече, чръною паполомою на кровати тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено» (Сл. о п. Иг., 23).

Прилагательное *синий*, видимо, было довольно употребительно в древнерусском языке. Об этом свидетельствует наличие производных. Так, например, в памятниках древнерусских раннего периода часто употребляется слово *синец*, которым обозначают беса, дьявола и пр., словом, лицо, причастное адским силам. Этим словом также называются темнокожие народы, т. е. главным образом переводится греческое Αιθιοψ: Мнози бѣси бѣху пришли по немъ, да побиютъ блаженнаго. Рыкати же нача издалеча изгнилый старець, тѣмъ бо образомъ ся явилъ якоже старый синець и потече на святаго, хотя убити его секирою (ВМЧ, Окт. 1—3, 85). Видяше же праведникъ блуднаго дѣмона ту стояща посредѣ блудниць, бѣаше видѣниемь яко синець, устнатъ, власа не имѣя на главѣ, но гной конескъ смѣшенъ с пепеломъ (ВМЧ, Окт. 1—3, 92). Любопытно в этом же смысле употребление отглагольного существительного посинилец [80]: Рече же с лютымъ гнѣ-

---

[79] Ср. в фольклоре:

И как от этыих побоюшков тяжелыих
У меня да у солдатушка походнаго,
И разболится да тут спинушка безсчастная,
И станет синь да все под ясные под очушки.
(Причитания СК II, 228).

[80] В этом же памятнике находим и глагол *посинеть* (или *посинить*): [Андрей молится, чтобы бог избавил Царьград от мора] Видѣ же, яко помолистася Господу, и абие сниде огнь с небесѣ и нападе на ефиопа, егоже руцѣ бѣсте исполненѣ крове и посинили, каплюще пагубу. Поядая же его огнь онъ, гоняше по воздуху и

вомъ [Богородица] и изувѣрившися очима зрящи на дѣмона: и еще ли ту сей злодѣю посинилце? и изыди ис твари моего Сына, понеже в пазуху мою есть прибѣглъ (Ж. Андр. Юрод., л. 61 г.). Нам кажется, что и здесь слово значит скорее не 'черный', как переводится в Материалах Срезневского, а 'темный'. Кстати, в примерах в качестве греческих параллелей у Срезневского приводится не только μέλας ('черный', 'темный'), но и ζοφώδες ('потемневший', 'мрачный', 'темный'). Думается, что толкование 'темный' здесь ближе к истине, так как мы постоянно видим обозначение ада и адских сил словами с корнями тьма, темный [81].

Таким образом, говоря о значении прилагательного *синий* в древнерусских памятниках раннего периода, следует отметить его многозначность и неопределенность как цветообозначения, а также его близость к светообозначению. Видимо, к этому времени оно еще недостаточно выкристаллизовалось как цветообозначение. В дальнейшем слово освобождается от каких-то побочных (может быть, древнейших) значений, в нем постепенно устанавливается, как основное и единственное, значение, совпадающее с современным.

В памятниках XV—XVII в. слово и его производные широко употребительны. Как и прежде, *синий* используется в описании внешности человека: бледного лица больного или умершего, человека, пострадавшего от побоев [82] и т. д.: Лице же его бѣло яко у спящаго, не имѣя черности, ниже синеты; и тако благодаривше Бога положиша его въ гробъ возлѣ отца его князя Юриа (Воскр. лет.,

---

нудма изгоняше отъ Царевaграда и отъ предѣлъ ея, и абие оставися моръ (Ж. Андр. Юрод., л. 66г).

[81] См. у Срезневского: Тма бѣсослужения погибе и слнце еувнгльское землю нашю осия (Илар. Зак. Благ. (Сбор. 1414 г.). И бѣ видѣти свѣтила три суща въ пещерѣ, разгоняща тьму бѣсовьскую млтвою и алканиемь. Нест. Жит. Феод. 7. Тьма кромѣшьная — тьма вънѣшьняя=тьма — ад, преисподняя. — Срезн. III, 1081. Кънязя тьмьнааго поколѣбала еси, Мин. Сент. XII в., 134. Един же отъ темныхъ, держа въ руку свитокъ великъ, и рече: здѣ суть написана дѣла его. Соф. вр. 6968 г. Сказ. чуд. Варл. — Срезн. III, 1085).

[82] Здесь же находим, видимо, довольно употребительное в древнерусском языке существительное *синевѣ* 'синее пятно', 'синяк'. А ростом Караул середней, волосом рус, очи кари, на лбу синев, из пищали зельем жгло (Новг. каб. кн. I, 171). И он де, Васька. . ее. . бил плетью, и она де в 3-й день умерла, и синева де побойные на ней знатные были (Хоз. Мор. II, 223).

111). Лицо его сине бяше (Ж. Стеф. Махр., 465). [По Хилке по рекѣ заставилъ меня лямку тянуть. .] От водяныя тяготы люди изгибали, и у меня ноги и животъ синь былъ (Ав. Ж., 25). Отъ тѣхъ побой было у него на спине синя (Мат. медиц., 655). Мы находим его как определение цвета водных источников, особенно часто моря [83]: Море же бе синее, а дороги белы лежатъ по морю — издали видеть (Х. Вас. Познякова, 18). А вода въ рѣкѣ съ синя бѣла, броду чрезъ нея не было (Спафарий. Китай, 219). [Горе говорит молодцу]: Хотя кинся во птицы воздушныя, хотя в синее море ты пойдешь рыбою, а я с тобою пойду под руку под правую (Горе Зл., 114). Слово употребляется в описании предметов, явлений природы: То под синие оболока ворони грають, галици свои рѣчи говорять (Задон., 27). А на Троецкой сторонѣ камень рябъ же, а на немъ крестъ сѣченъ, да ручьемъ же на владычнѣ сторонѣ камень синь, да ручьемъ же на владычнѣ сторонѣ камень буръ (АЮБ III, 133). И родитца та краска бѣла, гнѣздами въ каменнику въ мелкомъ, и въ землѣ бѣлой а в синей глинѣ и зрѣетъ отъ солнца (ДАИ X, 329). Трава. . синя (Травник Любч., 160). Под синим оболоком есть море синее (Сб. заг. XVII в., 122, л. 43).

Любопытно употребление прилагательного по отношению к слову лед. Сочетание *синий лед*, видимо, очень древнее. *Синий лед* — лед весенний. Это устойчивое сочетание является в XV—XVII в. в некоторых случаях как бы идиомой, например, *по синему льду*, т. е. весной [84]: По синему льду (Крым. д. II, 145). И я, холопъ твой, царевымъ ближнимъ людемъ говорилъ, что Великий Государь нашъ

---

[83] В памятниках XV—XVII вв. кроме древнего употребления прилагательного *синий* в качестве эпитета моря находим и использование прилагательного в составе собственного имени — Синее море, кажется, в основном по отношению к южным морям (Каспийскому? Аральскому?): Да тому жь монастырю дана рыбная ловля на Волгѣ, на Бузанѣ островъ Чюрка съ бугры и съ протоки; отъ Перекопи до Ахтубскаго устья, внизъ къ Синему морю съ илмени и со всѣми угодьи Колкомановской учюгъ (АИ I, 356. Грамота 1575 г.). Рѣка Сыръ. . пала въ Синее море (Спафарий. Сибирь, 50. 1675). Отъ Хвалимского моря до Синево (Кн. Б. Чертежа, 50. 1680).

[84] См. описание вешнего льда в одном из памятников XVIII в.: Оной ледъ находится между высокими каменными горами: . . а видомъ со всѣмъ походитъ на вешней ледъ, таковъ же синь, таковъ же на поверхности шероховатъ и таковъ тропореховатъ отъ солнечнаго зною (Краш. ОЗК, IV, 283).

посланника по синему леду съ поминки, что у Государя лучится пришлетъ (Переп. Мих. Фед., 17).

В памятниках деловых слово очень употребительно для обозначения цвета драгоценных камней, одежды и тканей, домашней утвари и прочее: А въ казнѣ моей саженья. . да серги болшие яхонты сини зъ зерны зъ Гурмыскими а другие серги тройни яхонтцы сини и лалцы зъ зерны зъ Гурмыскими (СГГД I, 406). Камень яхонтъ черчатъ или синь или чал смотри чтоб вода чиста (Торг. кн., л. 11). Ладану выменили на рубль, нитей синих на 2 де (Кн. прих.-расх. Волокол. м. № 3, л. 115 об.—116). Куплено крашенины ровной синей дватцать бесъ полуаршина, дано десять алтынъ пять денегъ (Кн. расх. Болд. мон., 133). А цвѣтъ в брюкишехъ лутчей синь и лазоревъ и аспиден и голубъ (Торг. кн. (С.), 135). Двои чюлки валеные, третие чюлки синие (Д. патр. Никона, 393).

Следует полагать, что синий цвет одежды, вообще окрашивание в синюю краску было очень распространено на Руси уже в древности, во всяком случае в памятниках XVI—XVII в. мы находим название синих красок (*синь*, *синило*), упоминание о профессии (изготовление красок, окрашивание) или торговле синими красками, для чего существуют существительные *синильник*, сочетание *синильный ряд* и прочее: Купил красокъ празелѣни гривенка дана 20 ал. 3 гривною. . сини полгривенки дано 7 алтнъ (Кн. прих.-расх. Волокол. м. № 7, л. 67 об.—68). Синь творити: ворса лазореваго сукна вари въ кисломъ молокѣ или въ — извѣстной водѣ (Сим. Обих. XV, 149). Явилъ углечанин Василей Петров .л. кож сырых. . .д. конца крашенины полпуда синил (Там. кн. Тихв. м. № 352, 33). Трава синило. Синило что простицы красят и класти на [р]ану уздравливает (Травник, 149 об.). А по сторонѣ тое моей лавки проданой — лавка псковитина же, посадцкого человѣка Богдана Прокофева сына, синилника (Кн. Поганкина, 34). От синялного ряда, на углу, на оба лица лавка Сергѣя Поганкина, мѣрою с лица сажень с полсаженью и с тремя вершки — с прилавкомъ (Кн. Поганкина, 2). Правда, специалисты по истории живописи и истории красок замечают, что в старых книгах почти не употребляют синие краски [85]. Долгое время в России

---

[85] «Необходимо отметить, что в старых книгах, например, в евангелиях XV—XVII веков в заставках, концовках и даже

было трудно с синими красителями, они были привозные и стоили довольно дорого [86]. В какое-то время правительство предпринимает специальные экспедиции по розыску синих красителей, о чем сохранились сведения в деловых памятниках XVII в.[87]. Несмотря на известный недостаток в хороших синих красителях синий цвет в повседневной одежде, видимо, был очень распространен. Недаром в говорах сохранились названия сарафанов: *синяк*, *синюха*, *синетина* [88] и пр. Возможно, что для какого-то времени или территориально синий цвет одежды воспринимается как праздничный (или как цвет дорогой, городской одежды), на это также находим указание в говорах, например: Синяя одежа — праздничная суконная одежда, хотя бы и не синего цвета (Ростов (Волоцкий) — Карт. СРНГ). Примеры подобного отношения к синему цвету одежды находим в фольклоре или в литературных произведениях как прием стилизации народной речи: Он [брат] чулочки одевает, Сафьян сапог обувает, Бело личико умывает, Полотенчиком утирает, Онъ синь кафтан надевает. Добра коня оседлает (Псков. песни, 5). Отобрали мой новый синь-кафтан, Шляпу с пряжкою, пояс шелковый, Дали в руки кнут, да дыряв-зипун, В пастухи меня, дурня, отдали (Майков. Пастух). Изо всех сосновских хозяев один только был зажиточный. У него водились

в сюжетных рисунках почти нет синих и голубых красок. В та́к называемой Радзивилловской летописи. . краски тусклые, причем синие краски грязно-синего цвета. Да и другие краски не отличаются яркостью. Видимо, дороговизна ляпис-лазури не позволила использовать ее для написания миниатюр» (П. М. Лукьянов. Указ. соч., стр. 111—112).

[86] «Крестьянские жены знают все сии травы собирать в надлежащее время, но для крашения в синий цвет поныне еще не имеют никакой домашней краски, но к тому употребляют только в малой России растущую траву, из которой выходит краска крутик. Впротчем люди покупают у купцов брусковую краску и крутик или синий сандал и оными красят обыкновенным образом» (П. С. Паллас. Указ. соч., стр. 98—99).

[87] Да на ту жъ рѣку, гдѣ голубая краска приѣзжали из Яравинского острогу служилые люди на двенадцати верблюдахъ и на конѣхъ по ту голубую краску и жили де на тѣхъ рѣчкахъ недѣли съ три (ДАИ III, 332).

[88] См. материал областных словарей: *Синяк* 'женское платье, синий сарафан' (Опыт.). *Синяк* 'повседневный рабочий сарафан из синей крашенины' (Подвысоцкий). *Синюха* 'сарафан из крашенины' (Опыт.). *Синетина* 'сарафан из синьки'. *Синька* 'холстина, выкрашенная в синюю краску' (Опыт.).

и синь кафтан ради праздника, и добрые кони на дворе (Печерский. На горах).

В древнерусском языке по существу уже сложились все те употребления слова *синий*, какие мы наблюдаем и в современном русском языке. Старое употребление прилагательного *синий* и его производных в значении 'темный', 'черный' по отношению, главным образом, к бесу, дьяволу сохраняется в памятниках XV—XVII в., видимо, лишь по традиции в определенных жанрах, преимущественно в агиографии и некоторых других религиозно-ритуальных памятниках, например: А на шуей странѣ видѣхъ многое множество темныя силы демоновъ, видѣниемъ черны и сини (Ж. Пр. Уст., 188). Веврои, муряне, образом сини (Алф.[1], 42 об.). Видѣхъ при ногахъ моихъ стоящихъ никоторыхъ синцевъ (Варл. Хут., 93). Кроме того, *синий* в значении 'черный с синим отливом', 'иссиня-черный' употребляется как название конского волоса (цвет конской гривы) [89]. Это употребление ограничено сферой специальной, только в деловых памятниках и только в описаниях конской масти. Возможно, также, что оно ограничено территориально: Въ 19 день проданъ монастырской меринъ буръ, синегривъ (Кн. прих. Болд. мон., 232). А у нихъ меринъ буръ, синегривъ, 9 лѣтъ, грива на правую сторону (Кн. ям. новг., 141). Купил тихвина мнстря конюх Моисѣи. . кобылу рыжу грива синя налево трех лет (Там. кн. Тихв. м. № 3, л. 69 об.). Мерин синегрив грива направо (Там же, № 613, 85).

Надо полагать, что к XVIII в. древние, так сказать, побочные, значения прилагательного *синий* стираются,

---

[89] В фольклоре как эпитет коня, ворона слово используется и в новое время: Полонён-т-конь в полон убежал

Синегривого коня брал за хребетьничу.
(Печ. был., 110)

А выезжал тут удалый добрый молодец
Петре Петрович королевской сын
Поездить гуляти по чисту полю
Он увидел на дубу синя ворона
(Он. был. ГЛФ., 896)

У ключика у кипучаго, У журавчика у высокаго
Черпенушка дубовая.
У того колодчика молодец коня поил,
Коня синяго, синегриваго белокопытаго
(ВНП V, 600)

исчезают, слово сохраняется в языке как цветообозначение называющее один из основных цветов. Прекрасное (хотя и косвенное) определение его находим у Севергина: Васильковый или цвѣтъ Берлинской сини есть чистейший и совершеннейший синий цветъ безъ всякой примѣси другаго (Севергин. Первые основания минералогии I, 18). В литературе XVIII в. оно широко употребительно как для названия неопределенного синеватого цвета в описаниях внешности человека, так и для обозначения синего цвета одежды, тканей, предметов быта, явлений природы и прочее. Вот некоторые примеры: Нога синя и багрова и язвы, также у лѣвой руки палецъ один свело (Докл. в Сенате III, 333). Травяное вино по Стеллерову примѣчанию следующие имѣетъ свойства: 1) что оно весьма проницательно. . 2) что люди с него скоро упиваются, и въ пьянствѣ бываютъ безчувственны и лицомъ сини (Краш. ОЗК, II, 199). Тѣло вытащили, и узнали нещастной жребий Аббата. Два месяца лежалъ онъ въ водѣ. Глаз было совсемъ не видно; синее размокшее лице устрашало взоры чувствительного (Самоубийца. МЖ I, 61). Для сигналов вымпелы: белый, синий, красный, желтый, зеленый (МРФ I, 16). Вмѣсто дабъ стали употреблять красные и синие пестреди, нитяныя и полубумажныя (Радищев. О китайском торге). Примѣръ выше приведенный, о смѣшении краски синей съ желтою, сие объяснитъ. Увеличивательное стекло показывает ихъ особенными и въ самомъ ихъ смѣшении; но глазъ въ смѣшении семъ, зритъ зеленость (Радищев. О человеке).

В поэзии XVIII в. слово охотно используется для описания цвета неба, облаков, воздуха, синеватого, за дымкой, дальнего леса, воды и прочее: Как утрення заря сияетъ, Когда день ясный обѣщаетъ, Румянитъ синий Горизонтъ (Ломоносов, Ода, II). Великъ ты также и ужасенъ Въ ночи несясь тучь синихъ, черныхъ (Радищев. Песнь древн.). Махнулъ по свѣту богатырь; Погналъ стадами воздухъ синий, Сгустил туманы в облака (Державин. Осень во время осады Очакова). Тамъ рощи в одежде зеленой, Тамъ нивы въ вѣнцѣ золотомъ, Тамъ холмъ, синий лѣсъ отдаленный, Тамъ мошки толкутся столпомъ (Державин. Ласточка). Но сей ли, что орломъ по безднѣ водъ лѣталъ Российские огни въ Турецкой флотъ металъ, Багровилъ синий понтъ кровьми иноплеменныхъ? (В. Петров. На победу Российского флота). Там, тамъ — за синимъ океа-

номъ, Вдали, въ мерцании багряномъ Онъ зритъ. . . но мы еще не зримъ (Карамзин. Послание к Дмитриеву).

В современном русском языке прилагательное *синий* является абстрактным цветообозначением, называющим один из основных цветов. Собственно синий, чистый синий, ярко-синий — это цвет василька [90], цвет летнего ясного неба, южного моря, освещенного солнцем, в быту — цвет синьки и т. д. В современном русском языке прилагательное *синий*, называя ярко-синий, интенсивно синий цвет, используется для описания цвета водных источников (особенно моря [91]), цвета летнего ясного неба, это одно из наиболее частых употреблений его в художественной литературе с древнейших времен и по сегодняшний день: Румяный лик Авроры Выглядывал на горы, И Феб дружился с ней на синих небесах (Богданович. Душенька). Море. . здесь я в первый раз понял, что значит «синее» море, а до сих пор я знал об этом только от поэтов (Гончаров. Фрегат «Паллада»). Огромное синее Черное море, Часы и дни берегами едем (Маяковский. Земля наша обильна). Бабье лето. Реки, пруды стоят синие (Паустовский. Аннушка). А над деревней синим огнем горело июльское небо (Шукшин. Нечаянный выстрел).

Впрочем, этот ярко-синий, интенсивно синий цвет может иногда восприниматься как несколько неестественный для того, что мы привыкли называть синим. Мы находим случаи, когда он характеризуется эпитетами, подчеркивающими его необыкновенность: Море! вот оно густо-синее, излишне синее море! (Скиталец. Огарки). Особенно занимала Сметанину раскраска посуды. . В ней господствовали коричневый, почти красный, цвет почвы и нестерпимо синий оттенок моря (Паустовский. Черное море). Было весело, отрадно и хорошо от грилдов, оранжа, сухого красного, белопенного прибоя, рекламно-синего океана. Было прекрасно с друзьями (И. Миксон. Австралия, проездом. . . «Нева», 1970, № 8). В самом деле, практически словом *синий* называют цвета, весьма далекие от этого «идеаль-

---

[90] Цвет василька, кажется, и в народной речи является эталоном настоящего синего цвета, см., например, в говорах названия василька: *синюшки* (Доп. к Опыту, Куликовский).

[91] Сочетание *синее море* настолько древнее, настолько издавна присуще народной речи, что некоторые современные словари дают его с пометой народно-поэтич. (см. ССРЛЯ).

ного» его тона. Как и другие прилагательные, обозначающие основные цвета, *синий* называет весьма разнообразные оттенки цвета. Вместе с тем следует заметить, что даже в ряду этих прилагательных-цветообозначений *синий* отличается тем, что называет чрезвычайно широкую гамму оттенков, начиная от совсем светлых голубоватых, голубовато-сероватых оттенков до густо-синих, исчерна-синих. Например: Лежу — вдруг она идет, бледная, даже, пожалуй, синяя, брови нахмурены, глаза горят, и так идет, словно на цепи ведут ее (М. Горький. Жизнь М. Кожемякина). Я воспользовался переполохом и вылил молоко в пыль. Оно долго стояло синей лужицей, не впитываясь и не растекаясь (Солоухин. Владимирские проселки). Казались глаза состоящими из одних зрачков. Правда, сама Энгельсина, или Геля, как ее обычно называли, хорошо знала, что вокруг зрачков ее глаз существует еще синеватое пространство. Синие белки — не так уже часто это бывает (Солоухин. Мать-мачеха). Эта улица была совсем другой: зеленоватый свет луны круто падал на одну ее сторону, а другая была в синей тени (Ардаматский. Ленинградская зима). Свет спички осветил синие волосы цыганки (Паустовский. Кордон «273»).

Как и в древности, прилагательное *синий* очень употребительно в описаниях человеческой внешности для выражения очень бледных оттенков цвета лица, кожи, синеватых или голубоватых, серовато-голубых, бледно-сиреневых: бледное лицо больного или озябшего человека, лицо умершего, выбритое лицо, бесцветные, лишенные окраски губы, кожа и т. д. Примеры: Комната полна была мертвецами. Луна сквозь окна освещала их желтые и синие лица (Пушкин. Гробовщик). Вижу, входит Емеля, синий такой и волосы все в грязи, словно спал на улице, исхудал весь, как лучина (Достоевский. Честный вор). Старик, похудевший за ночь, весь синий от холода, сырости и усталости, глянул на него провалившимися мертвыми глазами (Бунин. Деревня). Голубеву бросились в глаза синие губы больного, точно он только что ел чернику (Дягилев. Доктор Голубев). Лена проснулась, подошла к кровати и стала рассматривать гостя. Он спал с краю, свесив почти до полу толстую руку. На руке налились синие жилы (Панова. Спутники). Кретов погладил розовый шрам на выбритом досиня подбородке (Харчиков. Среди людей. «Октябрь», 1970, № 7).

Столь же часто используется в литературном русском языке прилагательное *синий* для обозначения неясных серовато-синих оттенков дыма, тумана, голубоватых, синеватых оттенков в описаниях природы (синяя даль, синяя дымка, синий лед, снег, сугробы, видный издалека — как бы за дымкой — лес): На синих иссеченных льдах Играет солнце; грязно тает На улицах разрытый снег (Пушкин. Евгений Онегин). Доктор Чередов продолжал сидеть на диване, пуская клубы синего дыма (Мамин-Сибиряк. Суд идет). До горизонта тянулись леса, черные на переднем плане, синие вдали и затуманенные там, где обрывается глаз (Солоухин. Владимирские проселки). В синей дымке показалась равнина. Причудливые заливы мелкой воды. Редкий лес, с желтым песчаным ободком берега (Песков. Белые сны).

В художественной литературе нового времени прилагательное *синий* довольно часто употребляется как определение цвета огня, пламени: Звуки пели, дрожали так звонко, Замирали и пели сначала, Беглым пламенем синяя жженка Музыканта лицо освещала (А. К. Толстой. Он водил по струнам). Нежданов зажег свечку; ночные серые бабочки так и посыпались из темного сада и пошли на огонь, кружась и толкаясь, а ветер их отдувал и колебал сине-желтое пламя свечи (Тургенев. Новь). Опоки ползли по конвейерам. На некоторых опоках горели маленькие стройные факелы, синие у оснований и трепетно-оранжевые наверху (Николаева. Битва в пути). Оно используется также в описаниях грозового неба, ослепительного света молнии и в качестве эпитета молнии [92]: Гремит несмолкаемый гром, по всем сторонам сверкают сине-пламенные молнии (Печерский. На горах). Вот пробилась из-за тучи Синей молнии струя (Тютчев. Неохотно и несмело). Синем пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит (М. Горький. Песня о Буревестнике). Это была одна из тех ужасных гроз, которые разражаются иногда над большими низменностями. Небо не вспыхивало от

---

[92] Это также древнее использование слова, ср. наиболее ранний пример в Слове о полку Игореве: Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти д҃ солнца, а въ нихъ трепещуть синии млънии (Сл. о п. Иг. 12).

молний, а точно все сияло их трепетным голубым, синим и ярко-белым блеском (Куприн. Черная молния). И смутным оком глядя вдаль, Ты говорила: «Смерть сурово Придет, как синяя гроза, Приблизит грустные глаза И тихо спросит: Ты готова?» (Волошин. Отрывки из посланий). Летит Земля в разрывах синих молний, Скрипит ее натруженная ось. А я большой тревогою наполнен: Держись, родная! Тяжело небось (Вадим Григорьев. Мы — совесть века. «Нева», 1968, № 1).

Более темные оттенки называются в описаниях неопределенного времени суток: раннего утра, вечера или сумерек: Деревья в саду шептались у нее над головой, ночь разгоралась огнями в синем небе и разливалась по земле синею тьмой (Короленко. Слепой музыкант). Вдруг густой пурпур сменился синей темнотой; все подернулось дымчатым испарением, — в Италии сумерки начинаются быстро (Герцен. Былое и думы). Синие зимние сумерки загустились в небе, а замороженные окна выступили белыми четырехугольниками (Серафимович. Бабья деревня). Синим субботним вечером издали видны были яркие рои огоньков в проталинах окон (Гладков. Повесть о детстве).

Что же касается совсем темных оттенков синего цвета, то в современном русском языке они выражаются как и в других цветообозначениях сложными словами: *темно-синий*, *черно-синий*, *сине-черный*, а наиболее часто — *иссиня-черный*: Бледно было его лицо, губы — точно яркая алая лента; волнистые волосы черны иссиня, и в них — украшение мудрости — блестела седина (Куприн. Суламифь). Все размучен я тобою, Подколодная змея! Синечерною косою Мила друга оплетая, Ты моя и не моя! (Блок. Все б тебе желать веселья). Впрямь был Борис будто чугунный: иссиня-черен, как-то каменно-неподвижен. . Лицо у него было синеватое, словно весь день жег уголь, глаза сидели глубоко и тревожно, черно-синие волосы жестким клоком прикрывали лоб (Соколов-Микитов. Сын). Иногда Байкал открывался во всю ширь. Вид моря, огромного, девственного в своей голубизне, редких парусных судов на его блестящей поверхности, этих скал отвесных, этих великих иссиня-черных лесов на огромных хребтах и панорамы гор. . — опять напоминали капитана Невельского (Задорнов. Капитан Невельской). Словно шарик ртути, пролитой на стекле,

иссиня-черные, катаются и юлят вертячки. Как циркачи на резиновой сетке, пляшут на упругой поверхности воды водометки (Солоухин. Владимирские проселки). Хмурый, с темным цыганским лицом и взлохмаченной гривой иссиня-черных подсвеченных сединой волос. . он казался слишком грузным, чуждым строгой изысканности обстановки (Левашов. День открытых дверей. «Молодая гвардия», 1970, № 6).

Об очень черных необычного цвета волосах (какие редки у русских людей) обычно говорится *черные с синим отливом*: В разговорах со стариком Прохор воровским взглядом ощупывал стройную фигуру женщины — от черных с синим отливом волос до маленьких босых, покрытых грязью ступней. (Шишков. Угрюм-река). Бабушка. . чесала волосы. . Волос у нее было странно много, они густо покрывали ей плечи, грудь, колени и лежали на полу, черные, отливая синим (М. Горький. Детство).

Синий в значении ‘черный’ употребляется лишь индивидуально, у писателей, широко использующих цветопись, например, у Бунина, Паустовского: Синий ворон от падали Алый клюв поднимал и глядел, А другие косились и прядали, А кустарник шумел, шелестел (Бунин. Степь). Разразился ливень. . Мокрые, точно сразу похудевшие лошади шлепали, блестя подковами, по синей грязи, тарантас влажно шуршал (Бунин. Суходол). Там дожидался ее Сенька Вокзал — веселый малый с наружностью красивого цыгана, не черно, а синеволосый, черноглазый с желтыми белками, решительный и смелый в своей работе (Куприн. Яма). Винвич скромно опустил синие ресницы (Катаев. Время вперед).

Вполне понятно, что многозначность слова как цветообозначения, необыкновенно широкая палитра всевозможных оттенков, которые называет прилагательное *синий*, вызывает потребность в уточнении цвета. Мы находим довольно много примеров, когда подчеркивается тот или иной оттенок синего цвета. Для этого существуют разные приемы.

Например, для обозначения интенсивного, густого синего цвета используется повторение слов, или повторение с превосходной степенью: Нет ничего в мире, что могло бы прикрыть Днепр. Синий, синий ходит он плавным разливом и середь ночи как середь дня виден

за столько вдаль, за сколько видеть может человечье око (Гоголь. Страшная месть). А кругом синее-пресинее море, в которое с рифов потоками катился жемчуг да изумруды (Гончаров. Фрегат «Паллада»). И вот наступает утро, на синем-синем небе играет солнце — и обман вмиг исчезает (Бабаевский. Свет над землей). Я рядком с Невой живу, Я давно люблю Неву, Сильную, двусильную, Синюю, пресинюю (Прокофьев. Нева. «Звезда», 1968, № 9). Для усиления цвета используются также наречия: Я увидал молодого кудрявого человека с необыкновенно синими глазами (М. Горький. Мои университеты). Так колотила, братцы, — ходит бывало, Тюря весь синий, совсем синий человек ходит. . в один синяк всего избивала, проклятая (Григорович. Переселенцы). Здороваясь, он наклонил голову с русыми, медного отлива волосами, потом выпрямился, и мы увидели его глаза, совершенно синие и смущенные (Паустовский. Кордон «273»).

Уточнение определенного оттенка наиболее часто выражается при помощи сложных слов. И здесь мы также находим множество разных приемов. Например, бледные неяркие оттенки выражаются с помощью прилагательных *нежный*, *бледный* и др.: Гнилые рамы в окнах, примкнувшие к ним тонкие кисейные занавески мутно-синего цвета, оторванные и болтавшиеся на одной петле ставни. . — все это весьма обстоятельно дополняло беспечную фигуру хозяина (Успенский. Нравы Растеряевой улицы). Нежносиние горы глубоко Притаились в небесной груди (Блок. Облака небывалой услады). Тогда я тоже запускаю руки в кадку и тоже ем простоквашу. Она подозрительно безвкусна, бледно-синеватого цвета: из обрата (Красавин. Женька. «Волга», 1968, № 5). Оттенки цвета выражаются сложными словами, частью которых является прилагательное, образованное от существительного, с которым сравнивается цвет, т. е. небесно-синий (синий как небо и др.): Весеннее солнце насквозь пронизывало золотым своим светом прозрачный молочно-синий туман, поднимавшийся над ширью. . гигантской реки (Скиталец, Полевой суд). Дух мой с тобою уносится. . . Иней Стекла вагонов заткал, и к окну, К снежной луне гиацинтовосиней Вместе с тобою лицом я прильну (Волошин. Во след). Ночь — сырая и ветреная, аспидно-синяя, — рвала солому с крыши, хлипко гнула ее (Иванов. Долг). Нельзя было не заглядеться на шарфы. Небесно-синие и желтые,

красные и меловые, они словно распевали перед глазами какие-то песни (Федин. Звезда).

Уточнение определенного оттенка цвета выражается при помощи сложных слов, составной частью которых является цветообозначение, подчеркивающее тот или иной оттенок цвета, т. е. *синий* уточняется цветом в общем этой же группы цветообозначений: Затем — за поворотом — открылось кубово-синее, среди желтеющей листвы, длинное озеро (А. Толстой. Эмигранты). Парижа я люблю осенний, строгий плен, И пятна ржавые сбежавшей позолоты, И небо серое, и веток переплеты Чернильно-синие, как нити темных вен (Волошин. Парижа я люблю. . .). А дни уже стояли вполне весенние. Цвели золотые одуванчики, и над ними вились индигово-синие шмели (Сергеев-Ценский. Преображение России). В совершенно синей ультрамариновой ночи черные тела пальм — совсем длинноволосые богемцы — художники (Маяковский. Мексика). Наконец, цвет уточняется сложными словами, составной частью которых являются цветообозначения, называющие другие цвета (не группы синего): Над ним со всех сторон возвышаются разных величин горы; лес чем дальше, тем больше кажется черным; кое-где в этих черно-зеленых, черно-синих группах, слоях попадаются серые и красные четырех-пяти и многоугольники (Решетников. Очерки обозной жизни). Быстро бежал пароход вдогонку за ним, так и мелькали за бортом гладкие водяные горбы, отливающие сине-меловой шагренью (Бунин. Сны Чанга). Сбросив серо-синий лед, река разлилась по лугам и покрыла их мутным стеклом (М. Горький. Пожар).

Таким образом, все основные употребления прилагательного *синий*, какие мы наблюдаем в современном языке, по существу, сложились в древности. Для раннего древнерусского периода трудно определить вполне точно его значение как цветообозначения, так как следует полагать, что оно еще недостаточно определилось как цветообозначение и сохраняет свои прежние значения светообозначения. Можно представить, что когда в глубокой древности восточные славяне почему-то утратили общеславянский корень *modr- для названия синего цвета, вся, так сказать, цветовая «нагрузка» легла на прилагательное *синий*, которое осталось единственным в языке обозначением этого цвета. При этом старые значения

слова, значения прилагательного-светообозначения могли сохраниться в языке. Они сохранились именно там, где мы их и предполагали бы: в устойчивых сочетаниях (типа *сини очи*) или в народно-поэтическом употреблении, в памятниках с языком, близким к народной речи.

История слова *синий* как цветообозначения, видимо, состоит в том, что слово освобождается от старых, как бы побочных значений, значений, связанных с прилагательным-светообозначением. Оставаясь столь же широким по своим возможностям обозначать самые различные оттенки цвета, *синий* вместе с тем необыкновенно стойко утверждается как абстрактное цветообозначение. Обратим внимание на то, например, что в языке существуют десятки слов для обозначения оттенков красного цвета, а в группе *синего* остаются *синий* и *голубой*. Даже те цветообозначения, которые появлялись в истории языка, например, *лазоревый (лазурный)*, *бирюзовый*, *кубовый* и др., вытеснены из языка и становятся достоянием поэтической речи или сохраняются в сфере специальной. Вновь изобретенные *ультрамариновый*, *кобальтовый*, *индиговый* и др. не прививаются.

В современном русском языке прилагательное *синий* занимает необычайно крепкую позицию, называя самые разнообразные оттенки цвета, оно допускает в группе синего цвета наравне с собой только прилагательное *голубой*, но, будучи стилистически нейтральным, *синий* имеет более широкие возможности.

Слова со славянскими корнями, известные части славянских языков

Голубой

Прилагательное *голубой* известно лишь части славянских языков, а именно языкам восточнославянским (русск. — *голубой*, укр. — *голубий*), в других славянских языках для обозначения светло-синего цвета существуют другие названия [93]. Следует полагать, что эти цветообозначения появились в языке довольно поздно, так в древнерусских

[93] Например, польск. błękitny, niebieski, чешск. světle modry, сербохорв. *плав.*, *отворено плави*, болгарск. *небесен* и др.

датированных памятниках прилагательное *голубой* находим не ранее XIV в.[94]

Значение прилагательного *голубой* для раннего периода определить довольно трудно. Этимологи не имеют единой точки зрения по поводу происхождения слова. Считая слово *голубой* и *голубь* однокоренными и общими по происхождению, одни из ученых утверждают, что более раннее — цвет, а название птицы по цвету (например, Преображенский); другие, напротив, производят цвет от названия птицы (например, Фасмер)[95]. Поскольку в наши задачи не входят этимологические разыскания, этот спор не имел бы значения для данной работы, если бы не существовало одного обстоятельства. Дело в том, что *голубой* обычно как в древнерусском языке (по крайней мере, в XVI—XVII вв.), так и в современном русском языке значит 'светло-синий', однако в говорах есть примеры, когда голубым называют желтое: «В нижегор. и др. голубым иногда народ зовет желтый цвет; замечательно, что цвета эти противоположны» (Даль I, 370). Голубой. Желтый. Нижегор. (Доп. к Опыту). Голубой — желтый (в цвете птиц). Нижегор. № 16 (Карт. СНРГ) и др.[96] Может быть, целесообразно иметь в виду для прилагательного *голубой* и первый вариант, который дают этимологи. Вообще говоря, можно допустить, что слово *голубой* существует издавна, что в памятники оно не попало случайно, что фонетическое чередование gol || žel повто-

---

[94] Более ранние примеры: В составе топонима *Голубой ле*[с] в Ипатьевской летописи под 1187 г.: И ту изъимаша сторожы Половецкыѣ, и повѣдаша вѣжи и стада Половецкая у Голубого лѣса (Ипат. лет., л. 227 об.); В одной из берестяных грамот, относимых исследователями к XIII в.: Къне мъи голубыи (Гр. Б № 142, вт. пол. XIII в.).

[95] Ср. у Преображенского: «Голубой, голубь. . др. прус. golimban. 'голубой'. . корень соответствует лит. gul-bo. Во всяком случае слово стоит особняком. Название *голубь* по цвету» (Преображенский, 142) и у Фасмера: «Голубой. . от голубь по синему отливу шейных перьев голубя. Др. прусск. golimban 'синий' скорее заимствовано из польск.» (Фасмер I, 432).

[96] Может быть, таким же примером следует считать название ярко-желтых цветов «лазоревым цветом». Впрочем, возможно, что словом *лазоревый* называют яркие цветы любого цвета (об этом подробнее в разделе о лазоревом), например: К середине июня ярко и пышно расцветали луга. Нежно-розовые махровые шапки, синие колокольчики, ясно-желтые купальницы (мы называли их лазоревым цветом), малиновые звездочки гвоздичек (Солоухин. Капля росы).

ряется и в лексическом *голубой — желтый*. Такое объяснение очень заманчиво, во всяком случае оно объяснило бы в какой-то мере перебои в значении слова 'голубой' и 'желтый'. Впрочем, вряд ли этот вопрос можно решить на материале русского языка (если вообще это вопрос чисто лингвистический), так как и в других европейских языках известны семантические варианты *голубой — желтый* (например, нем. blau 'синий', 'голубой' этимологически восходит к латинскому flavus 'желтый'; сербохорв. *плав* значит 'голубой' и 'желтый' и др.).

В памятниках древнерусских раннего периода прилагательное *голубой* употребляется только в качестве названия конской масти: А женѣ моеи своими дтми кобыл саврас жеребятем да кобылка голуба (Гр 1392—1427 (2). Судя по тому, что в памятниках различается название масти серой и голубой, следует полагать, что это не был просто серый цвет, а, вероятно, серый с каким-то оттенком. Трудно точно определить, был ли это цвет светло- или темно-серый с синевой, серовато-голубой, или серовато-желтый, серовато-бурый или какой-то другой оттенок, который нужно было уточнить в масти скота. Позднее голубой цвет в масти определяется как пепельно-серый, мышастый, сиреневый и др.[97]

Несколько позднее прилагательное *голубой* появляется в деловых памятниках как название цвета тканей, одежды, а также цвета драгоценных камней, например: Терликъ камка голуба съ пугвицами (СГГД I, 302, 1486). Можно предполагать, что к XVI—XVII вв. значение прилагательного определилось как 'светло-синий', т. е. совпадает с современным. Так, оно определяет цвет известных нам светло-синих камней: Камень бирюза, цвѣтъ на немъ голубъ (Торг. кн., 121). Мы находим слово *голубой* в названии цвета камня бауса «сизголуб»: Каменя баусъ сизъголубъ, а вы баусъ за яхонтъ не купите. Яхонтъ его иметъ (Торг. кн., 121). Это также, как будто, свидетельствует о том, что *голубой* значит 'светло-синий', если бы он имел значение 'серовато-синий', вероятно, уточнение сиз-голуб не подошло бы. Академик Ферсман называет

---

[97] См. Голубая лошадь, пепельная мышастая, иногда даже и с желтизной (Даль I, 370). Голубой. О лошадях: имеющий шерсть сиреневого цвета (Особая порода Сибирск. лошадей) Сибир. (Дополнение к Опыту). Голубая или мышастая масть конская есть та, в которой все волосы пепельного цвета (Словарь Бурнашева) и др.

баус синим камнем [98]. Кстати, *голубой* и *сизый* в тексте также различаются: За 3 постава сукна настрафилю. . за вишневъ, за голубъ, за сизовъ (Кн. прих.-расх. каз. пр., 147). В памятниках древнерусских прилагательное *голубой* довольно употребительно [99], однако вплоть до XVII в. сфера его употребления все-таки ограничена [100]: это преимущественно название масти скота, цвета шерсти или оперения животных и птиц, цвет тканей и драгоценных камней: И вы имъ къне мъи голубыи даите съ людми (Гр Б № 142). Михаило Лыжин (дал вкладом) две кобылы голубы да жеребя сиво (Кн. прих.-расх. Ант. м. № 1, л. 269). Поделили есмя на Москве по третям плат‹ь›е мужское и женское. . кафтан тафтянои голуб ветчанои да армяк (Строг. Столб. 1577). А другая серешка фатисъ голубъ съ жемчюшки (Кн. п. Моск. I, 327). Платья на нем: однорятчонка поношена голуба, да кофтан бораней, да шапенка бела, да штанишка черлены, да сопоги телятинные, крест медной (Д. холоп., 364). Променил кон‹ь› голубепѣг (Кн. там Тур. остр. № 286, л. 14). А перьемъ тотъ кречатъ съ красна голубъ, а краплины бѣлые, грудь бѣла, а краплины съ красна голубы жъ, а краплины красные, а на хвостѣ краплины бѣлые, а хвостъ съ красна голубъ же (ДАИ VIII, 114). Ясакъ имать. . и лисици черные. . и рыси, и выдры и песцы черные и голубые съ лапы и съ хвосты (АИ IV, 522). Другие примеры единичны, например: [И объ одну нощъ земля тѣло его будетъ, а кости наги станутъ] И землю ту зберетъ во единъ закромъ лопатою, а въ другой кости; а земля аки голуба (Х. Тр. Короб., 37). Прислалъ къ нему. . краски голубой пять фунтовъ, а взята та краска на рѣчкѣ Селиндрѣ (ДАИ X, 322).

---

[98] «Баус или богус — малоценные синие камни, например, кианит, кордиерит, индиголит, синий сапфир и др.» (А. Е. Ферсман. Очерки по истории камня, т. I. М., 1954. Приложение).

[99] Об употребительности его свидетельствует также наличие производных, например, существительного *голубь*: Камка на голуби шолкъ багровъ (Оп. им. Ив. Гр., 15).

[100] Так, исследователи отмечают, например, что прилагательное *голубой* не используется для названия цвета глаз. Б. Унбегаун совершенно справедливо отмечает, что большинство новгородцев, вероятно, имели голубые глаза, однако новгородские кабальные книги этого слова не употребляют «вероятно, значительное число глаз «серых» или «белых» следует понимать по нашим нормам как глаза голубые» (B. Unbegaun. Указ. соч., стр. 8—11).

Впоследствии сфера употребления прилагательного *голубой* расширяется. Так, в литературе XVIII в. оно охотно используется для описания явлений природы, цвета неба, воздуха, воды: Безчисленные корабли. . катились по свѣтлой поверхности океана, подобно станицамъ бѣлыхъ птицъ, плавно несущихся въ пространствахъ голубаго воздуха (Палемон и Дафнис.—МЖ, IV, 279). Ныне минуло мне двадцать три года! В шесть часов утра вышел я на берег Женевского озера, и, устремив глаза на голубую воду его, думал о жизни человеческой (Карамзин. Письма русского путешественника). На правомъ берегу недалеко отъ жилья увидѣлъ я въ осыпавшемся берегу слой голубой глины, изъ которой мѣстами просякали ржавые источники (Пут. Зуева. 21). Предшественница дня златаго Весення утренняя заря, Когда изъ понта голубаго Ведетъ къ намъ звѣзднаго Царя, Румяный взоръ свой осклабляетъ (Державин. Благодарность Фелице). В литературе XVIII в. появляется цветообозначение *голубой* также в описании внешности человека, например, *голубые глаза*: Но кто можетъ противиться симъ голубымъ глазамъ, сему томящемуся и восхитительному взору, сему проницательному и привлекающему гласу (Радищев. Житие Ушакова). Ввилъ въ власы пески златые, Пламя в щеки и уста, Небо въ очи голубыя (Державин. Рождение красоты). И Лиза, робкая Лиза посматривала изредка на молодого человека; но не так скоро молния блестит и в облаке исчезает, как быстро голубые глаза ее обращались к земле, встречаясь с его взором (Карамзин. Бедная Лиза). Следует полагать, что в литературе XVIII в. употребление прилагательного *голубой* близко к современному [101], с тем же, видимо, соотношением *синий* — *голубой*. То есть *синий* обозначает очень разные оттенки цвета, в том числе и светлые, но интенсивные и яркие, которые можно назвать и *голубыми*. Так, например, писатели XVIII в., называя основные спектральные цвета, в их числе упоминают то *голубой*, то *синий*: Луч тот преломляяся разделится на семь других лучей, из которых один фиалковый, другой пурпуровый, третий голубой, четвертый зеленый, пятый жел-

---

[101] Словарь АР дает следующее определение: *Голубой*. Прил., означающее цвет светлее синего. Голубое сукно. Голубая тафта, лента. Голубые глаза.

тый, шестой рудожелтый, седьмой красный (Кантемир. Ода в похвалу наук). Когда горитъ свѣча, дерево или другое тѣло, которое живымъ и свободнымъ пламенемъ воспаляется; тогда видимъ въ угляхъ огонь красной, въ самомъ пламени желтой, между углями и желтымъ пламенемъ голубой, то есть трехъ первоначальныхъ материй частицы (Ломоносов. Слово о происхождении света). Разность цвѣтовъ въ разной оного природѣ, или хотя въ разной скорости его движения положена будетъ, вездѣ найдется удобность, что онъ одинъ самъ собою разные цвѣты показать можетъ; то есть движениемъ красного Ефира или по другому мнѣнию, красной цвѣтъ производящею скоростию трясения произвести цвѣтъ красной, движениемъ жолтого съ синимъ, зеленой (Ломоносов. Слово четвертое. О явлениях воздушных. .). В. В. без сомнѣния уже примѣтили, что лучи в радугѣ тѣмъ же порядком одинъ за другимъ слѣдуютъ: за красным следует оранжевый, по томъ желтый, зеленый, синий и наконец фиолетовый (Эйлер. Письма к принцессе, I, 126). Не заключишь ли, что поелику единственная частица воздуха не можетъ производить звука, что онъ не есть произведение воздуха? или, что синяя или красная отдѣленность луча неудобна на произведение свѣта, что всѣ семь отдѣленностей, составя лучь, свѣтъ производить неудобны? (Радищев. О человеке).

В современном русском языке прилагательное *голубой* является цветообозначением с широкой, почти неограниченной сочетаемостью. Слово *голубой* называет оттенки синего цвета, большинство словарей и определяет его как светло-синий. *Голубой* называет довольно интенсивные, яркие оттенки светло-синего, его часто сравнивают с цветом неба, поэтому в части словарей находим в определении слова сравнение с цветом неба: Голубой. Светло-синий, обладающий окраской небесного цвета (Ушаков I, 591). Голубой. С окраской небесного, светло-синего цвета (Ожегов, 116). Голубой — светло-синий, лазоревый, ярко-небесного цвета (Даль I, 370). Это сопоставление *голубой как небо* [102], так же как и сложное *небесно-голубой*, издавна

[102] Так же, впрочем, как и сравнение *синий как небо* (второе может быть несколько реже), например: По синему небу низко неслись белые кучевые облака. Океан кое-где в белой пене, был синим как небо, а облака белы, как паруса (Н. Задорнов. К океану).

используется в литературе, чаще всего по отношению к цвету глаз [103]: Глаза, как небо, голубые, Улыбка, локоны льняные, Движенья, голос, легкий стан (Пушкин. Евгений Онегин). Эти глаза, голубые, как небо, сияли такой любовью, . . что вся душа покорялась ей, невольно стремилась к ней (Достоевский. Неточка Незванова). Счастлив я, когда ты голубые Очи поднимаешь на меня: Светят в них надежды молодые — Небеса безоблачного дня (Бунин. Счастлив я, когда ты голубые. . .). Красная косынка повязана так, что нависает над лицом шалашиком и затеняет лицо. Из тени, а от яркости полдня казалось — из темноты, смеются глаза, улыбаются яркие, слегка припухшие губы. А какие они, глаза, не разберешь. То ли совсем густо-синие, то ли поднебесной неправдоподобной голубизны, то ли серые, светлые, как вода в родниковом колодце (Солоухин. Мать-мачеха).

В современном русском литературном языке прилагательное *голубой* наиболее часто употребляется для названия цвета неба, водных источников, слабых синеватых оттенков дыма, тумана, воздуха, для света переходного времени суток (утро, рассвет) и прочее. Например: Поклон Вам от холмов Михайловского, от сеней Тригорского, от волн голубой Сороти, от Евпраксии Николаевны (Пушкин. Письмо Языкову 14 апр. 1836 г.). Николай Ростов отвернулся и, как будто отыскивая чего-то, стал смотреть на даль: на воду Дуная, на небо, на солнце. Как хорошо показалось небо, как голубо, спокойно и глубоко (Л. Толстой. Война и мир). Горели леса. У корней деревьев бегали, точно белки, взмахивая красными хвостами, веселые огни, курился голубой дымок (М. Горький. Пожары). Средь этой пошлости таинственной, Скажи, что делать мне с тобой — Недостижимой и единственной, Как вечер дымно-голубой? (Блок. Там дамы щеголяют модами). Над полями голубой Весенний пар встает (Твардовский. Страна Муравия). Голубоватые сумерки простирались над морем, над равниной тусклой и тихой воды, а вдали, на берегу какой-то неизвестной страны, горели желтые портовые фонари (Паустовский. Роза ветров). Как и при-

---

[103] Может быть, слегка иронически (а может быть, и нейтрально) и в повседневной речи по отношению к предметам быта: В общежитии, в нижнем этаже, жили мужчины. Наверху, у женщин, было чисто. На плите стояли блестящие алюминиевые кастрюльки и небесно-голубые чайники (Панова. Спутники).

лагательное *синий*, *голубой* довольно употребительно для обозначения цвета огня, пламени, электрической искры: Из под контакта ключа сверкнули голубые искры, свистел контрольный репродуктор (Крымов. Танкер «Дербент»). Стальные мачты электропередач стояли по колена в осенней листве. Там, в вышине, по туго натянутым проводам непрерывно лился электрический ток: Лаврову почему-то казалось, что этот ток отблескивает синевой. Может быть потому, что ток, обнаруживая себя, давал голубые вспышки (Паустовский. Бег времени). И тут раздался взрыв [от утечки кислорода]. Один из рабочих сразу кинулся в окно. . другой, объятый пламенем ринулся в двери. . А третий, оказавшийся в самом центре голубого яростного огня, бросился к боковому окну (Харчиков. Среди людей. «Октябрь», 1970, № 6).

Прилагательное *голубой* используется в описаниях внешности человека, главным образом для цвета глаз, а также цвета просвечивающих сквозь кожный покров бледно-синих кровеносных сосудов (*голубые жилы*, *голубые жилки*): Как русские девы своими пламенными взорами и соболиными бровями разят души львов и сердца орлов, . . как сквозь их голубые жилки переливается розовая кровь, а на ланитах любовь врезала огневые ямки (Белинский. Литературные мечтания). Юра вышел в мать, а не в отца: темноволосый, но с голубыми глазами, с удлиненным и женственным лицом (Сергеев-Ценский. Потерянный дневник). Старший унтер-офицер, лет восемнадцати мальчишка с голубыми наглыми глазами, подошел и отчетливо, держа локоть вровень плеча, взял под козырек (А. Толстой. Хмурое утро). Был это высокий голубой весь человек: иссера-голубые глаза, рубашки ситцевой бледная голубизна выглядывала из-за распахнутого. . полушубка, и даже жилки голубые виднелись на виске (Леонов. Петушихинский пролом). И был он весь именно какой-то продубленный, обожженный, словно горшок в печи. Тем белее, даже тем голубее выглядела, когда снимал фуражку, лысина на Семеновой голове, с крутыми узелками совсем уже голубых жилок ближе к вискам (Солоухин. Счастливый колос).

В индивидуальном употреблении у писателей, широко пользующихся цветописью в несколько импрессионистском духе, слово употребляется и для названия цвета очень белой с голубоватым оттенком кожи: Это высокая

худощавая девушка. У нее длинные стройные ноги и удивительно милое в своей ласковой простосердечности и даже наивности выражение веснушчатого, немного бледного лица. Тело у нее тоже бледное, голубоватое, но не слабое (Бунин. Старый порт). Сафия, проснувшись, заплетает ловкой Голубой рукою пряди черных кос (Бунин. Магомет и Сафия). А у нее [натурщицы] оказывается, красивая шея, тонкая, длинная, голубая. . . И дешевый кружевной воротничок. . . И острое худое плечо под платьем (Тендряков. Свидание с Нефертити). Севка таскал со второго этажа кирпичи в корзине, едва удерживая ее голубоватыми, девчоночьими руками (Лавров. Зарубки на сердце. «Сибирские огни», 1968, № 10).

В системе цветообозначений современного русского языка прилагательное *голубой* в общем занимает своеобразное место. Разумеется, что оно по отношению к прилагательному *синий* занимает как бы подчиненное положение: *голубой* — это оттенок синего цвета, светло-синий [104]. Вместе с тем будучи широко употребительным, оно называет ряд оттенков [105], таких, которые можно назвать и словом *синий*. То есть как цветообозначения они в ряде случаев могут совпадать. Если представить себе линию разнообразных оттенков, которые обозначает слово *синий* слева направо от светлых к темным с яркими интенсивно синими посредине, то левая половина этой линии будет также линией употребления прилагательного *голубой*. Поэтому и употребление этих прилагательных, их сочетаемость с существительными совпадает: *голубое небо* — *синее небо*; *голубая река*, *озеро*, *вода* — *синяя река*,

---

[104] Например: Море очень большое, очень красивое, на горизонте оно встречается с небом. Море темнее — синее, небо светлее — голубое (Дягилев. Доктор Голубев).

[105] Кстати, как и прилагательное *синий* оно называет довольно разнообразные оттенки, поэтому находим большое количество примеров, где цвет уточняется с помощью сложных слов. Например, цвет голубых глаз: Она надела на голову косынку. . . и летала по грядам и цветам, как сильф, блестя. . веселостью серо-голубых глаз (Гончаров. Обрыв). Особенно поразили Груню его дымчато-голубые глаза (Мальцев. От всего сердца). Девушка в белом переднике и с нежно-голубыми глазами торопилась предупредить приезжих, что в Доме колхозника на данный отрезок времени вся наличность коек и номеров занята (Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды). Он мало изменился — коренастый, на редкость крепко сбитый, светловолосый, с яркими голубыми глазами и упрямо выпяченной нижней губой (Козлов. В Крымском подполье).

вода; *голубой дым*, *туман* — *синий дым*, *туман*; *голубое пламя* — *синее пламя* и т. д. Иногда автор как будто затрудняется назвать цвет, то ли синий, то ли голубой: Он [учитель] носил какой-то особенно синий, скорее голубой, чем синий мундир, мундир с ярко выраженными полами, которые развевались, когда он шел по коридору сквозь мед солнечного света (Олеша. Ни дня без строчки). Блювал — синий или голубой кит — самое крупное из всех животных, когда либо существовавших на земле. Он весит 150 тонн, достигая в длину 33 метров (Соляник. Рейс в Антарктиду). Один и тот же предмет может называться то синим, то голубым: Зверин в сером помятом костюме, черная косоворотка перехвачена ремнем. . Одна рука его сунута в карман, в другой — махорочная цигарка. От нее сучится до самого потолка плотный, точно из голубой шерсти, шнурочек дыма. . Зверин взмахивает рукой, и синий шнурок дыма не рвется, а изгибается в воздухе зигзагом (Лавров. Зарубки на сердце. «Сибирские огни», 1968, № 10).

У этих двух цветообозначений есть также сходное употребление в описаниях человеческой внешности: *голубые глаза* — *синие глаза*, *голубые жилки* — *синие жилки* и т. д. Однако именно здесь есть такие сочетания с *синим*, где прилагательное *голубой* недопустимо. Имеется в виду древнее использование прилагательного *синий* для названия цвета лица, тела бледного, озябшего, больного (или мертвого) человека; здесь сочетания *голубое лицо*, *руки*, *губы*, как правило, невозможны. Встречаясь в индивидуальном употреблении, они кажутся необычными: Много зла от радости в убийцах, Их сердца просты, Но кривятся в почерневших лицах Голубые рты (Есенин. В том краю, где желтая крапива). Следует полагать, что дело здесь не в том или не столько в том, что прилагательное *голубой* не соответствует (по своему значению) нужному цвету. Вероятно, причин ограниченного употребления прилагательного *голубой* в указанном случае несколько. Во-первых, это в какой-то степени качество самого цветообозначения. Прилагательное *голубой* ближе по тону к зеленому цвету и выражает оттенки более яркие, чем бледно-синий, серовато-синий. Во-вторых, эти словосочетания (*синее лицо*, *синие губы* и др.) сложились очень давно, стали привычными уже тогда, когда слова *голубой* не было в языке или оно употреблялось

лишь ограниченно. Наконец, слово *голубой* имеет какой-то хотя бы минимальный элемент эмоциональной, экспрессивной оценки (при общей стилистической нейтральности цветообозначения *синий*). Голубой это в общем цвет достаточно интенсивный (даже при бледности оттенков), это в общем цвет яркий, красивый [106] и этим словом как-то неуместно назвать цвет лица бледного, больного, испуганного человека. Впрочем, нельзя не отметить, что в литературе последних лет встречается более широкое использование прилагательного *голубой* и в этих сочетаниях. Мы находим употребление производных от прилагательного *голубой* для указания на цвет лиц, а также косвенных указаний на синеватый, голубоватый цвет кожи. Не являются ли эти примеры указанием на тенденцию прилагательного расширять и далее сферу употребления? Примеры: Весь завод знал эту худенькую озабоченную женщину. . с бледным до голубизны лицом (Панова. Кружилиха). Лицо поэта показалось Дмитрию страшным. Оно сильно постарело за какие-нибудь три года и отливало голубизной. Резкие морщины бороздили голубизну синими глубокими бороздами (Солоухин. Мать-мачеха). Но в залах Третьяковки полно посетителей. Те же девушки в солдатских ботинках, в латаных кофточках, парни, не успевшие снять гимнастерку, женщины с голу-

---

[106] Любопытно, что прилагательное *голубой* в своих переносных значениях используется для обозначения качеств нравственно высоких: светлый, чистый, спокойный, благородный, возвышенный; сочетание *голубая мечта* становится устойчивым словосочетанием: У меня самой какое-то чудесное голубое настроение (Куприн. Поединок). Коля проснулся. Радостно вздохнул Голубому сну еще рад наяву (Блок. Из газет). Вместе с гармонической бурей оркестра, в немыслимом напряжении вы устремляетесь в прорыв, в будущее, к голубым городам высшего устроения (А. Толстой. На репетиции седьмой симфонии Шостаковича). Прощайте, голубые мечты, как называли мы свою будущую профессию (Первенцев. Честь смолоду). Геля чувствовала, что в голове у нее все переместилось, в висках стучит, а по телу разливается липкое ознобное безразличие. Мать есть мать. Но что же делать и как быть с Дмитрием? Сказать, что больше не будем встречаться, — рассмеется. Обезоружит. Подчинит своему влиянию, своей голубой, как небо, но твердой воле (Солоухин. Мать-мачеха). Можно забыться, отринуть жизнь, улететь. А потом ходишь и вспоминаешь, и мир преломляется через голубую призму (Амосов. Мысли и сердце). Восточная Пруссия — обжитая, ухоженная сторона. Спрямленные асфальтовые дороги, обсаженные липами, тополями или декоративным кустарником, — голубая мечта шоферов (Олег Смирнов. Эшелон. «Новый мир», 1971, № 2).

бовато-бледными лицами от хронического военного недоедания, простые солдаты (Тендряков. Свидание с Нефертити). В отраженном снегами, полном, открытом солнечном свете голубизна ее лица казалась нанесенной кисточкой на фарфор (Горышин. Запонь). В индивидуальном употреблении возможно и совсем экстравагантные сочетания, например, голубой румянец: Вот девочка, еще не успевшая обрести взрослой новости речей и повадок, встает на стул и пьет за победу. Ее запрокинутое горло, детским усилием совершающее этот первый глоток, так прозрачно, так беззащитно перед сильной шалостью огня и железа, которой достаточно, чтобы пресечь его дыхание, подвести к лицу смертный голубой румянец (Нагибин. Предисловие к Сб. повестей и рассказов В. Драгунского «Сегодня и ежедневно»).

Таким образом, история прилагательного *голубой* как цветообозначения заключается в том, что оно теряет свою первоначальную ограниченность (только масть), становится одним из очень употребительных цветообозначений, с почти неограниченной сферой употребления. Его использование как цветообозначения во многом сходно с прилагательным *синий*, однако оно все же не является абстрактным цветообозначением. *Голубой* не называет такой широкой гаммы оттенков, как *синий* (а лишь светлые и яркие оттенки этого тона), возможно также, что оно ограничено в употреблении, поскольку не является стилистически нейтральным. В литературе последних лет как будто наблюдается тенденция к расширению сферы употребления слова, возможно, что оно постепенно проникает в те области, где было до сих пор не употребительно (например, для названия цвета лица озябшего, больного, мертвого человека).

Русское *лазоревый*

Для названия синего или голубого цвета в русском языке известно также некогда очень употребительное слово *лазоревый*. Происхождение слова совершенно ясно, оно образовано от существительного *лазорь* — название краски [107], которая добывалась из минерала лазурита [108].

[107] «К числу синих красок относится лазорь или лазурь — одна из древнейших красок. Лазорь приготовлялась из довольно ценного минерала лазурита. . Роспись лазоревой краской встречается

Прилагательное *лазоревый* появляется в древнерусских памятниках с XVI в., можно думать, что оно существовало и несколько ранее, так как краска и камень известны на Руси, видимо, с древнейших времен. Например: (1259): [Данило] созда же цр҇квь ст҇и Ивана красну и лѣпу. . вѣрхъ украшенъ звѣздами златыми на лазурѣ (Ипат. лет., л. 281 об.). Деисусъ (написан) лазоремъ чюднымъ (Соф. врем. 6855 — Срезн. II, 4).

В памятниках древнерусских прилагательное *лазоревый* называет светло-синий, или, может быть, вернее сказать голубой цвет. Возможно, что первоначально прилагательное *лазоревый* было как цветообозначение более многозначно, чем теперь. Интересно, что у Севергина мы находим уточнение цвета несколько неожиданное: синий с красноватым оттенком: Лазоревой, яркой, синий цвѣтъ съ малою токмо примѣсью краснаго (Севергин. Первые основания минералогии, I, 18). Вряд ли из этого следует, что в XVIII в. прилагательное *лазоревый* обозначало лиловый (или сиреневый или фиолетовый) цвет. Можно думать, что Севергин как минералог находится под влиянием цвета камня. Во всяком случае прилагательное *лазоревый* называет интенсивный синий цвет, возможно, что как и цвет камня [109], от названия которого он происходит, цвет этот колеблется от ярко-голубого до густо синего [110]. Однако следует полагать, что обычно слово обозначает светло-синий, ярко-синий, ярко-голубой цвет, его очень

в сочетании с киноварью в новгородских рукописях XIV века. Она применялась также для книжных украшений и пр.» (П. М. Лукьянов. Указ. соч., IV, 108).

[108] Академик Ферсман пишет о лазурите: «Этот замечательный камень цвета неба проходит через всю историю человечества. . . Кюаносом и сапфейросом звали его древние греки. . лазувардом и ладисавертом — арабы; корень всех этих названий — арабское слово «азул» — синее небо, которое отражается в самом камне, и которое породило русское слово «лазурь» (А. Е. Ферсман. Указ. соч., I, 267).

[109] «Замечательный синий лазурит найден на высотах Памира между синеющими льдами ледников и синим южным небом. Там в прозрачной синеве «крыши мира» родился яркий лазурит, тот замечательный камень, на котором как будто запечатлелось темно-синее небо горных высот» (А. Е. Ферсман. Указ. соч., I, 276).

[110] Возможно, что лазоревым мог называться довольно густой, но все-таки интенсивный, яркий цвет. См. в одном из документов XVIII в. Сукна темно-зеленые, Семеновскимъ — темно-василковые или лазоревые, взявъ из ряду (Петр. II, 445).

часто сравнивают и в древнерусских памятниках и в современной литературе с цветом неба: Оная яже родитъ цвѣтъ лазоревый, сирѣчь голубый, есть избраннѣйшее (Кн. землед., 92). Въ мѣстахъ сѣверныхъ море зрится зѣло чернымъ цвѣтомъ, въ поясѣ горячемъ зрится свѣтлымъ цвѣтомъ: на иныхъ мѣстахъ зрится быти небовиднымъ или лазоревымъ цвѣтомъ (Геог. ген. 142). В комидийную хоромину на строенья неба куплено. . 500 аршинъ лазоревой крашенины (Док. Моск. театра, 13). Нет ничего изящнее этого небольшого растения с розеткой кожистых трехлопастных листьев, когда оно покрывается многочисленными лазоревыми цветками, поразительно напоминающими своим цветом безоблачное весеннее небо (А. В. Кожевников. Весна и осень в жизни растений).

В памятниках XVI—XVII вв. прилагательное *лазоревый* довольно употребительно и, кажется, уже здесь имеет неограниченную сочетаемость. Так, например, путешественники XVI в. называют цвет моря лазоревым: Море по обычаю стоить лазорево (Пут. Генн. и Позн. — Срезн. II, 4). А какъ къ морю пришедъ, ино море по обычаю стоитъ лазорево (Х. Тр. Короб., 58). Оно употребляется для названия цвета растений, *лазоревый цветок* — одно из наиболее частых его сочетаний впоследствии: Есть трава лазоревъ цвѣтъ имѣетъ, а какъ цвѣтетъ, наклоняется подобно апии травѣ (Косм. 1670, 432). Развейтѣ мою кручину, буйные ветры, разсажю свою кручину по лазоревымъ цветочкамъ (Песни Квашн., 925). Прилагательное *лазоревый*, как и *синий*, используется для названия цвета человеческого тела, поврежденного побоями: По всему тѣлу нечисть мѣстами багряно и лазорево (Мат. медиц. 1119). Очень употребительно слово в деловых памятниках XVI—XVII вв. для названия цвета одежды, тканей, драгоценных камней: Да терликъ зенденинъ лазоревъ, да шапку, сукно тмозелено (Арх. Стр. I, 570). Поделили есмя на Москве по третям плат‹ь›е мужское и женское. . да шубка верхняя лазорева, да каптур соболей, да шубка кун‹ь›я (Строг. столб. 1578). Проданъ кафтанъ, дороги лазоревы ветчаны взято сорокъ алтынъ (Кн. прих. Болд. мон., 194). Плащъ серебряной съ каменьемъ съ лазоревымъ (Арх. Стр. II, 204). Купоросу лазоревого 4 фунта (Мат. медиц., 308). Чоботы да башмаки сафьянъ лазоревъ, подкладка и стельки отлас виш-

невъ (Петр. I, 217). Кафтанъ китайчетой лазоревой цвѣтъ, стежной на бумагѣ (АИ XII, 380).

В литературе XVIII в. прилагательное *лазоревый* также широко употребительно и используется в жанрах как деловых, так и в художественной литературе, здесь оно еще стилистически нейтрально: А нижняя статья, кии от десяти рублев имеют пожитка токмо до ста рублев, тыи бы носили сукна русские крашеные лазоревые и и иными цветами, хотя валеные толко бы были крашеные, а некрашеные носили бы работныя люди и крестьяня (Посошков. О скуд. и бог. 207). Каменье полированы, и в нем являетца при сонце красное, лазоревое, белое и желтое сияние (Де Геннин, 72). Ежели. . скотина объ гвоздь или другое какое мѣсто ушибется и рана видна будетъ. . то на утро взявъ травы называемой колокольчики, которая лазоревые цвѣтки имѣетъ и сваря оную по утрамъ и въ вечеру рану тѣмъ моютъ (Флор. ек., 264). Лазоревое бѣльмо (глаукома) (Платнер. Наставл. хирургич., 367). На горѣ, лежащей подлѣ самой дороги въ село Языково, изобильно росли уже въ то время цвѣтущие кокушкины башмачки съ лазоревыми цвѣтами (Лепехин I, 318).

В поэзии XVIII в. слово употребляется, кажется, преимущественно для названия цвета неба и моря: Изъ вратъ лазореваго неба, Куда не всходятъ кони Феба. . Прекрасный юноша слетѣлъ (В. Петров. На рождение Александра). Мать любезная, Природа! Отъ лазоревого свода Дождь шумящийниспошли Оросить лице земли! (Карамзин. Молитва о дожде). Как быстро плаватель безстрашной Летитъ на парусныхъ крылахъ Среди пучинъ стихии влажной, В твоихъ лазоревыхъ зыбяхъ (Карамзин. Волга).

Со временем прилагательное *лазоревый* становится менее употребительным. Современные словари дают пометы об ограниченном его распространении или использовании: областное, поэтическое, народно-поэтическое. В современном русском языке слово может употребляться как прием стилизации. Впрочем, есть еще достаточно много примеров, когда слово употребляется нейтрально. Оно чаще называет цвет неба, моря, тумана и воздуха (словом, употребляется как цветообозначение *голубой*), но может использоваться и для названия цвета одежды, растений, цветов и пр.: Толстый, бородатый кучер Чернышева,

в лазоревой бархатной шапке с острыми концами, сидя на козлах маленьких саней. .подкатил к подъезду Зимнего дворца (Л. Толстой. Хаджи Мурат). 10 мая. В тени на зелени на лазоревых незабудках гуще лазорь (Л. Толстой. Записная книжка 1879—1880). Их было трое: рябой парень в лазоревой рубахе с укороченными рукавами, старик, очень прямой и высокий, и загорелая девочка, лет пятнадцати, но уже мать (Бунин. Исход). Лазоревая синица внимательно и подробно осмотрела западню (М. Горький. В людях). Сквозь расцветающие кусты синело небо, чистое, лазоревое, теплое (А. Толстой. Овражки). Кто-то шепчет и смеется Сквозь лазоревый туман. Только мне в тиши взгрустнется — Снова смех из милых стран! (Блок. Кто-то шепчет и смеется). Сколько раз благословлял я судьбу за возможность расстаться с зимним серым небом и холодной слякотью Парижа, с тем, чтобы проснуться на следующий день под лазоревым небом. .в солнечном до ослепительности Марселе (Игнатьев. 50 лет в строю). Океан был синий, лазоревый, высоко стояло солнце (Соколов-Микитов. Тайфун). [Бред, после того, как тонул Анатолий Борода] И столько лазоревой, ласковой сладкой воды (Ершов. Поторопи весну. «Сибирские огни», 1970, № 9). В прилагательном *лазоревый* еще больше, чем в *голубом*, экспрессивности, оно подчеркивает прекрасный цвет [111] ясного неба, синего моря, особенно яркий цвет глаз у человека и т. д.

История слова *лазоревый* как цветообозначения состоит в том, что слово постепенно теряет свою употребительность. Именно эта его особенность как цветообозначения — яркий цвет, который оно обозначает со временем становится качеством, которое мешает ему употребляться безразлично, постепенно суживает сферу его употребления. В современном русском языке прилагательное *лазоревый* обозначает не просто синий, интенсивно синий, но яркий, красивый, особенный оттенок синего цвета, этот элемент эмоционально-экспрессивной оценки ограничивает его употребление. Надо полагать, что на судьбу прилагательного *лазоревый* повлияло в значительной степени появление и широкое распространение прилагательного *голубой*.

---

[111] Ср. то же о камне: Лазоревый камень замечателен своим прекрасным голубым цветом (Неймайр. История земли).

Глава 3

ИСТОРИЯ НАЗВАНИЙ КОРИЧНЕВОГО ЦВЕТА

Абстрактное цветообозначение для коричневого цвета вырабатывается в русском языке, как и в других славянских языках, довольно поздно. Однако из этого обстоятельства вовсе не следует вывод, что славяне в древности не различали и не называли оттенки коричневого цвета. Как раз именно для разновидностей этого цвета с древнейшей поры существует в славянских языках ряд цветообозначений. Это в общем и понятно, так как названия оттенков коричневого цвета требовались в деловых целях для обозначения природной окраски: название мастей животных, цвет шерсти зверей, а также цвет лица, цвет глаз в описании внешности человека. То есть существование сравнительно большого количества названий для оттенков коричневого цвета обусловлено в значительной степени потребностями экономики, хозяйственной жизни древних славян. В современных славянских языках для названия оттенков коричневого цвета используются слова с древними общеславянскими корнями, например, *gnědъ-, *smědъ-, разного рода заимствования, например, русск. *бурый*, а также сравнительно новые цветообозначения, по происхождению относительные прилагательные.

Любопытно, что именно последние, как правило, играют роль абстрактных цветообозначений в группе коричневого. Абстрактные цветообозначения для коричневого цвета в современных славянских языках образованы по одному принципу, но от разных слов. Они являются по происхождению относительными прилагательными от существительных, называющих предметы сходного цвета, например, русск. *коричневый* (старое *коричный*) от *корица*, болг. *кафяв* — от *кофе* (для волос *костеняв* — от *каштан*), польское brązowy — от *бронза* и т. д.

В русском языке издавна для обозначения коричневых оттенков существует ряд слов: *смаглый*, *смяглый* — для цвета кожи; *гнедой*, *карий* — для масти лошадей (*карий*, позднее и для цвета глаз у человека); *бурый* — для цвета животных, зверей; наконец, в памятниках XVI—XVII вв. *коричный* — в основном для названия цвета тканей. Все они обозначают различные оттенки коричневого цвета, но разница между ними не только и не столько в значении

цветообозначения (хотя разница бо́льшая или меньшая есть), сколько в сфере употребления, для каждого ограниченной и для каждого своей. В дальнейшем часть из них так и остается цветообозначениями узкой или специальной сферы — *гнедой*, *карий*, часть расширяет употребление и сочетаемость — *бурый*, *коричневый*. Прилагательное *коричневый* в этой группе цветообозначений является самым широким по своей сочетаемости, по отсутствию экспрессивной оценки. Оно и является в современном русском языке абстрактным цветообозначением для коричневого цвета. Вероятно, оно еще отличается в своем функционировании от абстрактных цветообозначений, выработавшихся в русском языке в древнее время, типа *белый*, *черный*, *желтый* и др., может быть, в языке еще идут процессы кристаллизации его как абстрактного цветообозначения. Думается, что для современного языка можно считать его абстрактным цветообозначением коричневого с некоторыми оговорками, которых с течением времени становится все меньше и меньше (подробнее об этом ниже).

Слова с общеславянскими корнями

Смаглый, смяглый, смуглый

В славянских языках с древности существуют слова с корнями *smag-, *smug-, *smǫg- (?), которые используются, главным образом, для обозначения не белой, темноватой, смуглой кожи у человека. Прилагательные с этими корнями в той или иной огласовке [112], с тем или иным значением сохранились в современных славянских языках, например, русск. *смуглый*, укр. *смаглявий*, *смуглявий* ʻсмуглыйʼ, блр. *смуглы* ʻсмуглыйʼ, польск. smagły ʻсмуглыйʼ, чешск. smagly ʻсушеныйʼ, н.-луж. smagły ʻзагорелыйʼ и др. Этимологи в общем возводят эти слова к существительному *смага* ʻжарʼ, ʻпламяʼ, ʻзнойʼ [113] и приводят в качестве индо-

[112] Вокализм прилагательных *смаглый*, *смяглый*, *смуглый* не вполне ясен, в общем возможно предполагать наличие чередования *е*||*о* для *смягл-*||*смугл-*, изменения аналогичного порядка *смагл* — *смугл* (как *хмар* — *хмур*) и другие фонетические и нефонетические процессы. См. этимологические словари Преображенского, Фасмера и др.

[113] См. примеры употребления сущ. *смага* в памятниках древнерусских ранней поры: Егда же испьютъ [на пиру] бѣсовьскую чашу, зажжетъ вся внутренняя его и начнеть утроба палима быти. .

европейских соответствий слова со значением ‘жечь’, ‘дымить’, ‘тлеть’, например, греч. σμύχω, ἐσμύγην ‘сжигаю медленным огнем’, англосакс. smocian ‘дымиться’, smoca ‘дым’ и др.[114] Если говорить об очень общем первоначальном значении этих прилагательных, то его, видимо, приблизительно можно определить как ‘подвергшийся влиянию огня, солнца’, или ‘потемневший от огня, солнца, жары’, ‘загоревший’, ‘сгоревший’, ‘закопченный’ и т. п.

В памятниках древнерусских раннего периода находим два прилагательных *смаглый* и *смяглый*. Трудно сказать, есть ли разница в происхождении и употреблении этих прилагательных. Вряд ли следует считать вариант *смаглъ* церковнославянским, так как в русских народных говорах сохранилось существительное *смага* и производные от него с корнями *смаг-* [115]. Кажется, вернее полагать, что оба варианта какое-то время были употребительны в русском языке [116]. По тому небольшому количеству примеров, которое имеется в нашем распоряжении, трудно установить, есть ли разница в употреблении этих двух прилагательных, можно думать, что вариант *смяглъ* несколько более употребителен и имеет большую сочетаемость. Третье прилагательное этой небольшой группы — *смуглый* появляется в древнерусских памятниках несколько позднее (в памятниках древнерусских раннего периода мы его не находим [117]), по нашим материалам не ранее XV в.

устнѣ слипатися. На губах смага спадеть и тѣло все загорится (Сл. и поуч. против пьянства. Пон. III, 96. XII в.). За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ (Сл. о п. Иг., 20).

[114] См. Фасмер (III, 682).

[115] См. например: Смага. Налет, накипь на губах; сажа на стенке. На губах смага, такой он изнуренный. Смага села, надо белить (Курск. Фатеж. Глушк.). Смага — «слюна», сильная жажда при сухости губ и во рту, налеты на губах от сильной жажды, усталости и волнения (II, 1065 Зап. Брян. 1957). Смага (Ярен.), смага, копоть, чернота (Волог.). Смага — Он очень черен лицом, просто смага (II, 594. Ярен. Волог.) (Примеры из картотеки СНРГ). См. также глаголы *смагнуть*, *смякнуть* (губы пересмякли).

[116] Это как будто подтверждается и наличием того и другого варианта в одном памятнике, например, Хронике Иоанна Малалы. Хотя, конечно, наличие в Хронике обоих вариантов можно объяснить и путаницей книжного *смаглъ* с народно-разговорным (если можно их так оценивать) *смяглъ*.

[117] В словаре Срезневского слова *смуглый* нет, есть вариант *смугльный*, *смугльныя ризы* (Прит. св. Варл.). В картотеке СДР XI—XIV вв. слова нет.

Прилагательные *смаглый*, *смяглый* не очень широко, но употребляются в древнерусских памятниках до конца XVII в.; впоследствии русский язык утрачивает их. Гораздо употребительнее в памятниках древнерусских позднего периода прилагательное *смуглый*, оно и сохраняется в современном русском языке.

Все три прилагательные в древнерусских памятниках (как, впрочем, и в современном русском языке *смуглый*) употребляются одинаково и используются преимущественно для обозначения цвета человеческого тела, например, *смаглъ*: Бѣ же Текомиса. .бѣлу утрь носящи, смагла, доброока, тонконоса, чръновласа, тонкымъ лицемъ (Хрон. И. Малалы V, 9). И повелѣ црь призвати Пилата се ли есть Хсъ его же ты неправдою осуди на распятие и рече Пилатъ нѣс<ть> се црю Хсъ. Хсъ бе смаглъ лицемъ добръ брадою а очима свѣтел а се мужь голоусъ чернъ велми стищенъ бровьма а мню яко ложь есть (Пр 1383, л. 97 г—98 а). Не бо нужда всяко тѣло или бѣло быти, или чръно, — суть бо тѣлеса смагла и чръмна, — развѣ аще точию едино от съпротивныхъ отлучено естествомъ будеть чесому, якоже горещина огню и студеность снѣгу (ВМЧ, Дек. 1—5, 375). *Смяглъ*: Диифоасъ середнии, добрыми пръстма, доброокъ, посупленъ, смяглъ, плосколицъ, добръ, добробрадъ (Хрон. И. Малалы V, 12). Сама [Мария] же бяше высока тѣломь. смяглъ блескъ имущи круговатымъ лицемь и власы увясты имущи (Сб Чуд XIV, л. 134 а—б). А въ примѣты тотъ воръ: породою и возрастомъ хорошъ и тонокъ, лицемъ долголикъ, не черменъ и не русъ или смяглъ, мало лѣтъ въ пятнадцать (СГГД II, 294 [2]). *Смугл*(*ыи*): (1015 г.) Сеи благоверный Борис. .тѣломъ бяше красенъ и высокъ, лицемъ смуглъ, плечи высоцѣ, въ чреслехъ тонокъ, очима добръ и веселъ (Соф. I лет., 82). Ростомъ тотъ дьяконъ середней, лѣтъ въ сорокъ, смуголъ, носъ прямъ, суховатъ, борода руса не велика, на головѣ волосы чернорусы кудреваты (ААЭ III, 396). Явилъ. .женщину с дочкой. .лицом смуглы глаза и брови и ресницы и волосы черны (Астрах. а. № 2234).

Вопрос о значении слов с корнем *смагл*-, *смугл*- как цветообозначений (если считать их цветообозначениями) — один из самых трудных в истории группы коричневого цвета.

Вероятно, следует допустить, что значение всех

трех прилагательных одинаково и в общем совпадает со значением прилагательного *смуглый* в современном русском языке. Для того чтобы определить это значение, можно начать с того, что слово *смуглый* в его наиболее частом и основном употреблении по отношению к человеку обозначает цвет кожи у человека, отличный от того светлого, который мы условно называем белым. То есть *смуглый* — 'не белый'. И в русском языке, начиная с древнерусских памятников, вплоть до настоящего времени, мы находим достаточно много примеров с противопоставлением *белый — смуглый*: И будетъ Федору тоѣ дѣвку [княжну Марию] королевна Елизаветь показать велитъ, и Федору еѣ высмотрити накрѣпко: какова ростомъ, сколь велика? и какова обличеемъ, бѣла ли или смугла (Англ. д., 5). Народъ медиоланский смуглой природы мущины и жены; редко гдѣ увидитъ ся бѣлой природы человѣкъ (Дн. П. Толстого I, 532). А телом оные японцы некоторые из бела, а более смуглых, глаза малые, волосы черные, бороды бреют (Шпанб.). Лицо имѣлъ я очень смуглое, но съ тово времени, какъ началъ притираться Китайскимъ порошкомъ, сталъ гораздо бѣляе (Трутень, 1769, 22). Ему хотя не болѣе двадцати лѣтъ однако онъ уже успѣлъ болѣе тридцати смуглыхъ женщинъ сдѣлать столь бѣлыми, как хлопчатая бумага (Крылов. Почта духов. 1789 г., I, 85). Я познакомился въ Парижѣ съ молодою креолою. Она имѣла прелестной станъ, правильныя черты и всю пылкость, свойственную красавицамъ жаркихъ земель; при ней другия женщины казались неодушевленными; их розы и лилеи уступали въ блескѣ смуглому ея цвѣту (Торжество истинной любви. — ММ 1803 III, 18). А сколько было дам! Смуглых и белолицых, длинных и коротеньких (Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем).

Именно относительное противопоставление *белый — не белый* или *светлый—темный* (о коже) лежит в основе определений этих прилагательных во всех толковых словарях русского языка. Вероятно, наиболее четко это выражено в определении, которое дает четырехтомный Словарь русского языка: Смуглый. Более темной окраски (по сравнению с обычным цветом кожи людей белой расы).

Большинство толковых словарей русского языка определяют значение прилагательных с корнями *смагл-*,

смугл- как 'темный', 'черноватый' или 'черный' [118]. То есть слово или вообще не определяется как цветообозначение или определяется как 'черноватый', 'черный', вероятно, с очень общим значением 'вообще темный'. Определение *смуглый* как 'черный' даже с очень расширительным толкованием как 'вообще темный' [119] вряд ли хорошо для слова *смуглый*. Лучшим доказательством, что прилагательные с корнями *смагл-*, *смугл-* не имеют значения 'черный', является противопоставление *смуглый* (*смяглый*) — *черный*: Хсъ бе смаглъ лицемь добръ брадою и очима свѣтел а се мужь голоусъ чернъ велми (Пр. 1383, л. 97 г—98 а). Но дшею радовашесь на лицѣ преподобнаго зряще ни смяглости ни черности не имуще, но исъполненъ свѣтлости и блгую воню изъходяшу от телеси его (Ж. Игн. В. 84[2]). Некоторые азиатские островитяне смуглы, а не черны, вероятно, оттого, что воздух островов, ими населенных, умеряется морем окружающим острова (Белинский. Краткое руководство к познанию племен человеческого рода). Черный цвет от самого черно-бархатного с глянцем. . переходил, постепенными оттенками, до смугло-желтого (Гончаров. Фрегат «Паллада»).

Возможно, что для современного русского языка следует различать оттенки в значении прилагательного *смуглый* при разном его употреблении, эта разница состоит в составе или количестве информации, заключенной в слове *смуглый*. С одной стороны, слово может характеризовать цвет кожи, так сказать, со знаком отрицания: смуглый—не белый, темнее обычного [120]. Хотя в данном

---

[118] Срезневский: *Смаглый* 'смуглый, темный'; *смугльный* 'темный'. Словарь АР: *Смуглый* 'черноватый'. Словарь АН 1867: *Смуглый* 'черноватый'. Даль: *Смуглый* 'темный, черный, черноватый'. Ушаков: *Смуглый* 'темный, темноватой окраски'.

[119] По отношению к цвету кожи, лица для прилагательного *смуглый*, наверное, не очень удачно даже определение 'темный'. Есть разные оттенки смуглого, но в общем это не темный, серый, землистый цвет кожи, а скорее цвет здорового человеческого тела, см., например, у Куприна: Невыразимо прекрасно ее смуглое и яркое лицо (Куприн. Суламифь).

[120] Можно думать, что и в древнерусских памятниках слово могло употребляться и не по отношению к цвету кожи с общим значением 'темный', см., например, в памятниках, религиозно-ритуальных, *смаглыя ризы*: Утру же наставшю оболкиися въ смаглыя ризы и плаченыя купно с женою и съ чады иде к полатѣ цсрвѣ (Пр Юр XIV, л. 155 б.). И размышляше о собѣ всю нощь утру же наставшю

случае в слове *смуглый* тоже содержится цветообозначение, но это для данного сообщения не важно (этим и ограничивается определение в толковых словарях). Например, в следующих примерах: Наши самоеды в здешней губернии обитающие, имеют вообще смуглые лица, узкие черные глаза, черные брови и волосы (Лепехин. Дневные записки путешествий). Волосы ее были не причесаны, разбросаны по плечам, лицо заспанное, смуглое от сумерек (Чехов. Володя). Его смуглое лицо казалось бледным в черной раме бороды (М. Горький. Мать).

С другой стороны, в современном русском языке прилагательное *смуглый* и его производные очень часто употребляются для указания на интенсивную окраску кожи, на ее часто очень яркий цвет, например, когда *смуглый* значит ‘ставший коричневым от пребывания на солнце, воздухе’, т. е. ‘загоревший’, ‘загорелый’. Например: Он казался лет пятидесяти, смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем (Лермонтов. Герой нашего времени. Бэла). Я смугл, как араб. В саду у нас хорошо, я целый день сижу там и загорел адски (Чехов. Письмо Книппер). Дождя конец. Опять смуглеют лица. И вёдреное лето медлит, длится, Но свежесть перволетняя ушла (Голубков. Осенние прогулки. «Юность», 1968, № 12). Кружились на берегу собаки, лопотали младенцы, летели брызги. Лица у всех становились смуглы от пекучего солнца (Горышин. Запонь). При таком употреблении слова находим противопоставление *смуглый — бледный* и в данном случае *смуглый* характеризует здоровый, свежий цвет лица в противоположность лицу, лишенному окраски: В направлении к Невскому шли смуглая дама и бледноватый мужчина с плохою рыжею бородою (Чернышевский. Пролог). Вместо розово-смуглой, живой как огонь, своенравной девочки бледное, каменно-строгое лицо взрослой и замкнутой девушки (Николаева. Битва в пути). У людей, живущих в жарких странах, меланина в коже вырабатывается очень много, поэтому кожа у них смуглая; наоборот, у людей, живущих на севере, меланина мало и кожа северян бледная (Ласс и Поликарпова. Уход за кожей лица).

облекъся въ смаглыя и черныя ризы. Купно с женою и съ чады своими (Пролог Срз., л. 147[2]).

Любопытно, что ни один из толковых словарей русского языка не определяет *смуглый* как оттенок коричневого цвета [121], хотя такое значение, кажется, соответствовало бы более всего первоначальному значению корня *smag-, *smug-. Между тем, несомненно (во всяком случае для современного русского языка), что прилагательное *смуглый* — цветообозначение и называет цвет, который с большей или меньшей степенью точности можно определить. Прилагательное *смуглый* обозначает цвет человеческого тела, который отличается от очень светлого (или белого) наличием большей или меньшей интенсивности окраски разных оттенков [122]. Это в общем оттенки коричневого цвета в самых разных вариантах: светло-коричневый, желтовато-коричневый, золотисто-коричневый, серовато-коричневый, розовато-коричневый и т. д. Лучше всего это значение прилагательного иллюстрируется примерами, где смуглый цвет кожи сравнивается с цветом персика, обожженной глины, бронзы и др.: Только смуглые глазастые лица, курчавые волосы, грязная одежда мужчин, грязные яркие тряпки женщин и нагие бронзовые ребятишки напоминали мне картину вольного цыганского табора (Гаршин. Медведь). Вот он смуглый, как персик, с тенью усов под прямым носом, с глазами черными и блестящими, но скромными, потому, что мать учила его быть скромным, — стоит у заводского станка среди московских белокурых девушек (А. Толстой. Самоотверженность). Так ее увидел Кеша в это мгновение и, обмирая, смотрел на глиняную обожженность ее острых плеч, на смуглую ее щеку и всем своим существом чувствовал, как она красива теперь и как хорошо, что она живет в интернате и, наверное, еще долго будет жить, потому, что война (Г. Семенов. К зиме, минуя осень. «Знамя», 1971, № 5).

---

[121] Можно отметить лишь косвенные определения прилагательного *смуглый*, как оттенок коричневого цвета. Так, Словарь АР, определяя прилагательное *бурый* (несомненно, разновидность коричневого), пользуется и словом *смуглый*: Бурый. 2. Говоря о лисьих мехах, означает изкрасна черноватый или смуглый.

[122] Словом *смуглый* называют такую степень «цветности», которая еще не является антропологическим (или этническим?) признаком, т. е. не желтокожий, не краснокожий, не чернокожий. См. например: Китайцы просто смуглы; у них тело почти как у нас, только глаза и волосы совершенно черные (Гончаров. Фрегат «Паллада»).

Для этих различных оттенков смуглого тела употребляются сложные прилагательные, которые уточняют цвет — бледный, темноватый, с едва уловимым коричневатым или серовато-коричневым оттенком, или более яркий цвет золотисто-коричневый или красновато-коричневый: Он и нес на руках дитя лет трех, смугло-розовое, с черными кудрями (Лажечников. Ледяной дом). Рослый здоровый народ, атлеты, с грубыми, смугло-красными лицами и руками (Гончаров. Фрегат «Паллада»). Возвращаясь в тот же день, я заметил в вагоне одного плюгавенького молодого человека, недурно, но нечисто одетого, угреватого, из грязновато-смуглых брюнетов (Достоевский. Подросток). Прелесть его [лица] заключалась. . в смугло-розовом тоне кожи (Куприн. Олеся).

Поскольку прилагательное *смуглый* называет окраску кожи очень разной степени интенсивности, мы находим в литературе довольно часто замечания о степени смуглости: Неизвестный посажен был в Бастилию. Старый лекарь, часто его лечивший. . сказывал, что никогда не видывал его лица, хотя и осматривал его язык и другие части тела. По словам лекаря, он был прекрасно сложен, цветом довольно смугл (Пушкин. О железной маске. [Цитата из Вольтера]). Он представлен с раскинутым воротником рубашки; живописец чудно схватил богатые каштановые волосы, отрочески неустоявшуюся краску его неправильных черт и несколько смуглый колорит (Герцен. Былое и думы). Правильный овал лица, несколько смуглого, превосходные зубы, маленькие и довольно тонкие губы красиво обрисованные — все это составляло почти красавца (Достоевский. Униженные и оскорбленные). Один из военных был скуластый, смуглый до черноты. Другой — костлявый, с пепельным лицом (Гладков. Цемент). Галиевой около сорока лет. У нее черные до синевы, коротко стриженные волосы, узкие глянцево-черные глаза, и вся она такая смуглая, что, когда к ней заходит вместе с бабушкой ее десятилетняя дочка, все шутят: Светлана не твоя. Ты ее украла где-нибудь (Коптяева. Дружба). Было заметно, что он похудел, стал смугл до черноты (Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды).

До сих пор речь шла о значении и употреблении слов с корнями *смагл-*, *смугл-* по отношению к человеческой внешности и точнее по отношению к окраске кожного покрова у человека. Нам кажется несомненным, что в дан-

ном случае как в древности, так и теперь слово употребляется одинаково и значение его в современном языке совпадает со значением в древности. Это более или менее интенсивный коричневатый оттенок кожи. Это значение достаточно иллюстрируется примерами современного языка.

Кажется, какие-то, может быть, не столь явные примеры можно найти и в памятниках древнерусских. Так, например, косвенным свидетельством такого же значения слова являются примеры, где слово *смуглый* характеризует цвет кожи народов, о которых известно, что они смуглокожие, например Греции, Индии, Китая (памятники начала XVIII в.): Люди тамъ [в Индии] сказываютъ желтые и смуглые, комплекциею как арапы (Арх. Курак., 135). Тамошнии люде [в Китае] широкоплечисти, плосколици, смугли, очи долги да узкы (Козм. V, 67). Кроме того, есть отдельные примеры, где определяется цвет смуглого лица, например, цвет лица сравнивается с цветом желчи: Великий Василий бяше.. сухъ излише плотию, чернъ видѣниемъ, лице ему яко желчию размѣшено, горбоносъ, брови имѣя окруженнѣ, чело высоко, лице долго и смягло (Подлинник ик., 5, 176).

Нам уже приходилось замечать, что прилагательные с корнями *смагл-*, *смугл-* уже в древнерусских памятниках (как и в современном русском языке) могут изредка употребляться шире, чем обычно (о цвете кожи). Вопрос о значении слова в этих примерах сложнее, потому что примеры единичны, по ним трудно установить, значит ли в этих случаях прилагательное *смаглый* (*смуглый*) 'темный' или имеется в виду цвет, подобный смуглой коже человека, т. е. глаза 'карие', волосы 'русые' и т. д. Например: Едина румяно лице имуще очи смяглѣ а брови высоцѣ акы чернилъмь заволоченѣ (ЗЦ к. XIV, л. 57—57 об.). Интересные примеры находим в Новгородских кабальных книгах, где прилагательное *смуглый* используется не только для цвета лица, тела — лицом смуголъ (Новг. каб. кн. I, 108), а въ роже он смуголъ (255), но и для указания на общий смуглый колорит человеческой внешности (рожаем смугл), а также для цвета глаз и волос: Се азъ Василей Ондрѣевъ сынъ. . съ своими детмѣ з Демидкомъ, рожаемъ бѣлъ, глаза белы, волосомъ черменъ, да сыномъ съ Наумкомъ, рожаемъ смуглъ, волосомъ чернъ, глаза серы, да сыномъ з Гришею рожаемъ и волосомъ смуглъ,

глаза серы, заняли есмя у Иванова человѣка Татищева государя ево Ивановыхъ денегъ три рубля (202/203). А ростомъ Федка невеликъ, волосомъ черменъ, очи смуглы, а жена его ростомъ невелика, круглолика, очи серы, оба лѣты въ середовичѣ (239).

Вероятно, можно предполагать, что прилагательное *смуглый* в какой-то исторический период или в каких-то говорах русского языка могло употребляться шире, чем обычно. Такое предположение подтверждается некоторыми примерами начала XVIII в., где прилагательное *смуглый* называет цвет растений или цвет предметов обихода (последний пример не вполне ясен): Хеновникъ трава ростетъ подлѣ рѣки, собою смугла, ростомъ въ стрѣлу, ростетъ кустиками, а духъ вельми тяжелъ (Леч. III, 7). Кедръ, древо зѣло избранно, во всемъ подобно соснѣ, тачию егда младо, тогда имѣетъ на себѣ кожу поперегъ струями, яко на рябинѣ, смуглу (Дам. Афон. гора, 74). Отпустилъ онъ из Нижняго Новгорода. . клею бѣлужья, осетрья, севрюжья, стерляжья, карлущетаго, а комковаго, лепещетаго и квищатого чистаго и смуглаго и руднаго 1073 пуда $7^1/_4$ фунтовъ (Док. в Сенате II, 52).

В современной русской литературе находим примеры, когда прилагательное *смуглый* употребляется не о цвете человеческого тела. Такое употребление в общем не часто, вероятно, следует воспринимать его как индивидуальное. Прилагательное *смуглый* используется в описаниях человеческой внешности (*смуглые глаза*, *смуглокрасные губы*), а также в описаниях природы. И если в первых еще можно сомневаться (темные или карие глаза), то, во-вторых, думается, речь идет о золотистом, золотисто-коричневом, коричневато-розовом оттенке, которым называют цвет закатного неба, мягкого вечернего освещения, золотистого сумрака вечера и т. д. То есть цвет назван по сходству с цветом смуглой человеческой кожи. Примеры: Сонноподобный песчаный город. Туманно-смуглы встречные глаза, губ нет — ровная песчаная полоса начинается от глаз (Вс. Иванов. Возвращение Будды). Бедный бухгалтер мой, знаю я, знаю, огородившись спасительным утверждением, что возможно и невозможно, ты записываешь и облака и восходы, придавая им то печальный, то радостный налет,. . воспеваешь лунные ночи, пьяный запах джидды, смуглые глаза здешних женщин, шаги их (Павленко. Путешествие в Туркменистан. Тетрадь о весне).

Тонкие смуглокрасные растрескавшиеся, жаркие губы, какие бывают только у черных женщин юга (Шолохов. Тихий Дон). Солнце, золотясь перед закатом, не раз заходило в легкие смуглые тучки, островами, раскинутые над дальними полями на западе (Бунин. Исход). Я завлек ее в мой дворец. . Мы в тяжелых коврах, в пыли. И под смуглым огнем трех свеч Смуглый бархат открытых плеч (Блок. Я ее победил, наконец). Над степями догорал алый смуглый воздух; ночь мощным разливом надвигалась с севера (Бахметьев. Преступление Мартына). Она бывала в Пскове. Там жили родственники, она у них гостила, когда была девочкой. Липы цвели, Псков пахнул медом. Был вечер, смуглое теплое небо и колокольный звон, медленный, величавый (Панова. Спутники). И тоньше листья, чем вчера, И суше трав пучок, И стали смуглы вечера Твоих смуглее щек (Тихонов. Сентябрь). За лесистым, тучным, как косматая туша лежащего ничком медведя, дальним угором спряталось солнце. И веселая, приветливая речка Уждалица грозно потемнела. Слышно, как бьет волна на перекате. Только в тихие вечера доносится сюда ее звук, днем никогда не достигает. Старые стены бревенчатых изб смуглы от заката. Мир над деревней Мажера, мир в ее окрестностях (Тендряков. Свидание с Нефертити).

Слова, имеющиеся в части славянских языков

Бурый
(восточнославянское и западнославянское)

Прилагательное *бурый* в русском языке является одним из древнейших цветообозначений, называющих оттенки коричневого цвета. Слово *бурый* не исконное славянское, но, видимо, заимствовано довольно рано[123], во всяком случае в древнерусских памятниках ранней поры оно уже употребляется (например, в Слове Даниила Заточника).

---

[123] Этимологи не имеют единого мнения об источнике заимствования, Преображенский, Фасмер считают его тюркским заимствованием: «Отсутствие этого слова в чешск., в.-луж., н.-луж., словен. говорит в пользу восточного происхождения. Заимств. через посредство тур. bur 'рыжей масти' из перс. bōr 'гнедой, 'рыжей масти'.. Гораздо менее вероятно заимств. из лат. burrus 'багряный'» (Фасмер I, 249).

Можно предполагать, что прилагательное *бурый* издавна было достаточно широко употребительным, использование его не было ограничено сферой специальной. Напротив, кажется, можно говорить о его повсеместном употреблении и почти неограниченной сочетаемости уже в древнее время. Так, например, даже как обозначение масти, цвета шерсти животных и зверей оно употребляется шире, чем другие цветообозначения этой группы, называя не только конскую масть, но цвет, вероятно, многих животных и зверей (*конь бур*, *вол бур*, *корова бура*, *лисицы бурые* и т. д.): Двѣ коров черная да бурая (Гр 1392—1427 (2). Коров пестрая. . да вол бурой (там же). А дати ми Волку Ухтомскому аргамакъ буръ (Дух. Салтык. 1483 г. — Срезн. I, 27). Того же дни купили корову буру (Кн. расх. Болд. мон., 57). Да монастырской животины корова бура да бычекъ рыжъ годовикъ (Гр. Дв. I, 496). Корова рыжа, голова бура. Корова бура безъ примѣтъ (Кн. посев. Мор., 8—9). А будетъ у нихъ, хотя и ихъ промыслу, объявятся соболи самые добрые, и лисицы черные и чернобурые и бурые, и бобры черные и чернокарие добрые и песцы черные: и та у нихъ рухлядь имать на Великого Государя (АИ IV, 522). Да лисица бурая, лисица чернобурая недошлая, 3 лисицы буренскихъ, 7 лисицъ съ буренко безъ загривковъ, 3 лисица буренскихъ плѣлыхъ, лисица съ буренка голубая (Пам. Сиб. ист. II, 252).

Хотелось бы отметить, что слово употребляется не только в деловых памятниках, но и в памятниках литературных, например, в Слове Даниила Заточника, летописи, в Азовских повестях: Ту лѣпше ми волъ буръ вести в дом свои, нѣже зла жена поняти (Сл. Дан. Зат., 27/28). Прося у нихъ десятины во всемъ. . и в конехъ, десятое в бѣлыхъ, десятое в вороныхъ, десятое в бурыхъ, десятое в рыжихъ (Троиц. л. 6745 — Срезн. I). Клехчутъ у нас орлы сизые, давно уже граютъ враны черные, блехщутъ у нас по Дону Ивановичю лисицы бурые. . а все то ожидаючи вашего побитаго мертваго собачья трупа бусорманскаго (Аз. пов., 191).

В древнерусских памятниках употребление слова не было ограничено лишь названием масти, цвета зверей. В нашем распоряжении немного примеров, но даже по ним можно судить о том, что слово употреблялось значительно шире, например: Да ручьемъ же на владычнѣ сторонѣ камень буръ, грановитъ (АЮБ III, 133—134). Три шапки

бурыхъ (Плат. Бор. Фед. Год. 1589 — Срезн. I, 194). В Новгородских кабальных книгах слово используется в описании человеческой внешности: *очи буры*, *волосом бур*[124]: И Гришка лѣтъ въ восмнацать волосомъ русъ, очи буры (Новг. каб. кн. I, 8). Ростом Сенька высок, сухмян, рожеем круголик баротка маленька, волосом карь, глаза буры, лет в трицать (267). Гаврилко лет в двадцать. . волосом бур, глаза кари, режеем смугл (267).

Можно предполагать, что слово употреблялось и в таких сочетаниях, для которых мы не находим примеров в памятниках. Несомненно, что медведь издавна назывался бурым[125], может быть, бурым называли и волка[126]. Можно думать, что в народе слово было очень употребительным. Недаром у нас в сказках постоянно фигурирует сивка-бурка, в былинах даже добрый конь называется бурко, бурушко[127], недаром столь частая для коров кличка Буренка, Буренушка становится почти нарицательным (шутливо-фамильярным) названием коровы. О широком использовании слова свидетельствуют и данные русских народных говоров, где мы находим не только *бурый*, *буреть*, но и ряд производных для названия животных бурого цвета (*бурена*, *буреня*, *бурениЦа*, *буреха*), а также большое количество других слов с этим корнем[128].

В отличие от других цветообозначений этой группы прилагательное *бурый* явно принадлежит народному языку, это, видимо, издавна широко используемое в народе название оттенка коричневого цвета. Слово охотно употребляется в фольклоре и у писателей, в произведениях, стилизующих народную речь: Выводил он коня себе бурого Полагал

---

[124] В русских народных говорах сохраняется такое употребление слова. См. Бурый. 1. С темно-русыми волосами (о человеке). (Калуж. Псков). — СРНГ, вып. III.

[125] См. у Даля: Медведь. На Руси их два вида белый ледовитый, ошкуй и бурый (II, 311).

[126] См. у Пушкина *бурый волк* (Руслан и Людмила).

[127] Например: Стал хлыстать бурка да он промеж уши, Промеж уши да промеж ноги А промеж ноги, да промеж заднии, Сам бурку да приговаривает: — Ах ты бурушко, да нунь поскакивай А змиенышов от ног да прочь отряхивай! Добрыня Никитич (Он. Был. Г).

[128] Например, см. также Бурьвик. О рыжем мальчике; вообще о рыжем. Мещов. Калуж. Вероятно, то же Буреватый. «Если камень синий темный — муж будет с лицом «буреватым» (из гаданья). Костром. Бурелый. Начинающий созревать (об овощах, фруктах и др.). Урал, Куйбыш. и др. (СРНГ, вып. III).

он войлоки на войлоки А на верх наложил седелько черкасское (Он. был. ГЛФ. III, 774). Пошли девушки въ лес по ягодки, В лес по калину, в лес по малину, В лес по черную по черемушку, В лес по бурую по смородину (ВНП, II, 8). Ну, набрался страху! Сам то кот бурой, шерсть на нем стоит дыбом, а хвост так по земле и волочится (Сказки Аф. I, 66). Иван-царевич по лесам За бурым волком раз гонялся (Пушкин. Иван-царевич по лесам). В темнице там царевна тужит, А бурый волк ей верно служит (Пушкин. Руслан и Людмила). Не звоны пошли по городу, — Пошли вести по всему по лесу, Дошли вести до медведя чернобурого, Что убил мужик его медведиху (Пушкин. Сказка о медведихе). Ты змеей ли ползешь подколодною? Ты ли бьешь с неба бурым коршуном? Серым волком ли рыщешь по полю? (А. К. Толстой. Уж ты мать-тоска, горе-гореваньице).

Вопрос о значении слова *бурый* как цветообозначения не так прост, как может показаться вначале. Казалось бы, прилагательное *бурый* хотя бы как название масти должно иметь довольно точное значение. Однако здесь мы как раз сталкиваемся с тем, что слово как цветообозначение в общем очень неопределенно. Наши старые словари дают слово либо без определения, либо с определением не очень ясным. Так, в словаре Срезневского нет определения у слова бурый, но даются соответствия из европейских языков: ср. греч. πυρρός[129]; лат. burrus — рыжий, ит. ломб. bur — темный, исп. buriel темно-красноватый. Словарь Академии Российской определяет цвет только по отношению к масти, меху зверей (и к масти с относительным сопоставлением двух других мастей): Бурый. 1. Цвет лошадиной шерсти, средней между гнедым и карим. 2. Говоря о лисьих мехах означает искрасна-черноватый или смуглый. Это определение повторяют словари 1847, 1867 г. Бурый. 1) Имеющий цвет средний между гнедым и карим; 2) искрасна-черноватый. Современные словари в общем определяют слово также довольно расплывчато, называя очень разные оттенки цветов от светло-коричневого до искрасна-черного: ореховый, серовато-коричневый, ко-

---

[129] Нам уже приходилось отмечать, что греч. πυρρός довольно многозначное слово и называет разные оттенки, но в общем это интенсивный яркий цвет: 1) огненно-красный, темно-оранжевый; 2) рыжий; 3) ярко-красный. Древнегреческо-русский сл. (II, 1445).

фейный, темно-коричневый, черный с красноватым отливом и т. д.[130] В речи современных русских людей слово, видимо, также не имеет вполне точного значения; так, люди приблизительно одного возраста, места рождения и образования при опросе определяют *бурый* то как 'темно-коричневый', то 'красно-черный', то 'цвета ржавчины' и т. д.

Таким образом, следует признать, что прилагательное *бурый* как цветообозначение отличается неопределенностью, оно довольно расплывчато и называет оттенки коричневого цвета разной интенсивности и разной степени смешанности с другими цветами (светло-коричневый, темно-коричневый, серо-коричневый, красно-коричневый и др.). Вероятно, наиболее старым следует считать его значение 'коричнево-красный' или 'красно-коричневый', т. е. именно то, которое используется ранее всего в определении масти. Кажется, доказательством этому являются и некоторые данные народных говоров, где фиксируется не только значение 'темно-красный', но и употребление слова для обозначения цвета покрасневшего лица [131]. В таком случае яснее становится его соотношение с *рыжим* в старых словарях, а также ряд употреблений в современном русском языке, когда бурый цвет сравнивается с ржавчиной, например: Голубым паром поднимался туман с зеленеющих полей и бурых, железистой ржавчиной крытых мочажин (Печерский. В лесах). Полы его шинели местами были разодраны и в бурых, цвета ржавчины, пятнах; винтовку держал он поперек седла, фуражку заломил на затылок (Бахметьев. У порога). Деревянная платформа казалась бурой от ржавой пыли (Путко. Своя ноша. «Октябрь», 1969, № 5).

---

[130] См. Даль: *Бурый* 'цвет кофейный, коричневый, ореховый, смурый, искрасна черноватый; такая же конская масть между рыжею и вороною' (Ср. у Даля же в слове Масть: Бурая — вся искрасна-коричневая). Словарь Ушакова: *Бурый* 'серовато-коричневый || черный с красноватым отливом (о масти лошади, о цвете шерсти). ССРЛЯ, СРЯ: *Бурый* серовато-коричневый, темно-коричневый с красноватым отливом (о масти лошади). СРНГ: *Бурый*. 1. С темно-русыми волосами (о человеке). 2. Коричневый, темно-красный.

[131] См. Бурый. 2. Коричневый, темно-красный. Буреть. 1. Созревать, желтеть, краснеть (Псков, Твер., Дон). 2. Важничать, краснеть от удовольствия, сознания своей важности (Тул.) (СРНГ, вып. III).

Впрочем, вряд ли следует предполагать, что значение слова существенно менялось с течением времени, что в древности слово *бурый* означало цвет более яркий («зри рыжий»)[132] или более темный («искрасна-черноватый»)[133]. Скорее можно думать, что слово *бурый*, будучи широко употребительным, всегда называло довольно разные оттенки коричневого цвета (как теперь называет очень разные оттенки прилагательное *коричневый*). Кажется, следует допустить, что в древнерусском языке, да и в новое время прилагательное *бурый* в общем играло роль современного абстрактного цветообозначения *коричневый*. По каким-то причинам оно не стало абстрактным цветообозначением, в числе этих причин несомненно нужно учесть две: 1) в какой-то исторический период, вероятно, уже в новое время, у прилагательного *бурый* появляется элемент эмоционально-экспрессивной оценки (несколько упрощая и огрубляя, это цвет неопределенный, «неправильный» и некрасивый); 2) несомненно на судьбу прилагательного *бурый* повлияло появление в языке цветообозначения *коричневый*, которое, появившись в языке поздно и будучи долгое время резко ограниченным в сфере употребления, тем не менее за сравнительно короткое время расширяет употребление, приобретает почти неограниченную сочетаемость и в общем становится абстрактным цветообозначением в группе коричневого цвета. Рассматривая употребление прилагательного *бурый* в современном русском языке, кажется, следует обратить внимание на разное употребление слова *бурый* более старое нейтральное[134] и, вероятно, более новое с меньшей или большей долей экспрессивной оценки.

В современном русском языке прилагательное *бурый* по-прежнему широко употребительно и имеет неограниченную сочетаемость. Так, оно сохраняется как название масти, цвета шерсти домашних животных и зверей: Здесь

---

[132] Бурый, зри рыжий (Лекс. трeяз. 35[2] 1704).

[133] Сл. АР, Сл. 1847 г.

[134] Вряд ли можно относительно точно установить, когда появляется элемент оценки у слова *бурый*, т. к. оно и теперь еще может употребляться нейтрально. Все-таки думается, что его не было в памятниках древнерусских, один из наиболее ранних примеров находим в литературе XVIII в., например, у Кантемира: Услышавъ то, хохотать я сталъ изъ всей мочи, И старикъ, буры на мя распяливши очи, «Чему смѣешься?» — спросилъ (Кантемир. Сатира).

бурый конь с копьем вонзенным. Вскочивши на дыбы заржал (Лермонтов. Черкесы). Бурая корова с острыми короткими рогами шумно продиралась сквозь кусты и останавливалась, как вкопанная на краю просеки (Тургенев. Поездка в Полесье). Основной цвет соболя — бурый (Арсеньев. Охота на соболя). Огромный, как теленок, пес Белолобый действительно лизал красным острым языком бурую шерсть на груди, а лапы лежали на полу свободно, с выпущенными, как у кошки, когтями (В. Липатов. Деревенский детектив). Слово часто используется в описаниях природы, бурый цвет это цвет земли, пыли, цвет речной мутно-желтой воды, не освещенной дневным светом и солнцем, цвет грязной речной воды после половодья или дождя, цвет темных желто-серых туч и т. п.: Из расселин бурых крупных камней било крепкой свежестью (Тургенев. Вешние воды). Заплакали чибисы над налившимися бурою неубравшеюся водой низами и болотами (Л. Толстой. Анна Каренина). Зарево пожара ярким и грозным блеском отражалось в бурой воде (Куприн. Молох). Над током повисла бурая туча. Фонарь то окунал всех в темноту, то бросал на светлую отмель (Мальцев. От всего сердца). Битый лед. Потом сплошной лед. Справа горы. Шапки из снега, внизу бурого цвета земля (Песков. Белые сны).

Употребление прилагательного *бурый* в художественной литературе во многом сходно с употреблением прилагательного *рыжий* (кстати, по значению они не так уж далеки, без особой натяжки можно о буром сказать темно-рыжий, имея ввиду одно из многочисленных значений прилагательного *рыжий*). Прилагательное *бурый* часто используется для названия цвета растений, травы, засохших, потерявших свой первоначальный яркий зеленый цвет: Тесно торчали на грядке бурые прутья, перепутанные засохшим горохом (Тургенев. Мой сосед Радилов). Степь лежала по обе стороны реки громадная, бурая, сожженная солнцем и только там, далеко на горизонте. . волновалось золотое море пшеницы (М. Горький. Дед Архип и Ленька). Цветы иван-чая промерзнут, превратятся в бурый пепел и разлетятся пылью, как только весной откроют двери (Паустовский. Кордон «273»). И хотя здесь речь идет о большей степени разрушения, о большей и окончательной утрате первоначального цвета, все же слово почти не имеет элемента экспрессивной

оценки, не имеет значения неприятного, некрасивого. Даже, напротив, в общем колорите золотисто-желтого оно вполне уместно и используется для создания прекрасных картин природы, например осеннего пейзажа: В молочных сумерках за сизой пеленой Мерцает золото, как желтый огнь в опалах, На бурый войлок мха, на шелк листов опалых Росится тонкий дождь осенний и лесной (Волошин. В молочных сумерках за сизой пеленой).

По отношению к человеку в описаниях человеческой внешности прилагательное *бурый* используется главным образом для обозначения цвета кожи темно-коричневой от загара, либо потемневшей от старости, от работы, а также для неопределенного цвета волос, выцветших или выгоревших. В данном случае слово, называя цвет несколько неопределенный, смешанный, содержит в себе в большинстве случаев и некоторую экспрессивную оценку: это в общем цвет грубый, некрасивый (чего не имеют в таком случае прилагательные *смуглый*, *коричневый*): Породы ангельской он был Флегматик с бурыми усами (Лермонтов. Монго). Старик вытянул свою темно-бурую сморщенную шею, криво разинул посиневшие губы, сиплым голосом произнес: Заступись, государь (Тургенев. Бурмистр). Мой хозяин — маленький, круглый человечек; у него бурое стертое лицо (М. Горький. В людях). Милиционер подержал мышь на своей бурой ладони, поинтересовался, чем Володя кормит их — своих мышей, и отпустил с миром (Герман. Дело, которому ты служишь). Он открыл глаза и увидел прямо над собой Ларису, ее худющие смуглые ноги с бурыми следами царапин, костистые коленки и счастливое ее лицо под косынкой (Г. Семенов. К зиме, минуя осень. «Знамя», 1971, № 5).

Благодаря наличию экспрессивной оценки в ряде случаев *бурый*, называя неопределенный смешанный коричневый цвет, как бы подчеркивает, что этот цвет не соответствует данному предмету из-за плохого качества, например, мутный, невыстоявшийся квас — бурый квас, бурый кофе — плохо сваренный, бурый сургуч — плохого качества, бурые вагоны — покрашенные плохой краской или потерявшие свой цвет и т. д.: В мое отсутствие матушка получила от новой своей соседки письмо на серой бумаге, запечатанной бурым сургучом, какой употребляется только на почтовых повестках да на пробках дешевого вина (Тургенев. Первая любовь). Обломов начал

читать письмо, писанное точно квасом, на серой бумаге, с печатью из бурого сюргуча (Гончаров. Обломов). — Садитесь на мое ложе, — сказал старик, — и, если хотите, могу предложить вам чашку черного кофе. Нюрка из вежливости согласилась. Он налил бурую жидкость в граненый стакан и поставил перед ней. Она осторожно хлебнула — горячо и горько (Путко. Своя ноша. «Октябрь», 1969, № 5). Он обошел стоящих с бидонами женщин, сказал им что-то такое, отчего те заулыбались и, медленно потягивая бурый квас, посматривал в сторону машины (Минчковский. Дождь летней ночью. «Нева», 1969, № 7). На станции было ветрено и шумно в это утро. За бурыми вагонами взвивались вверх и рассеивались на ветру черно-бурые дымы (Г. Семенов. К зиме, минуя осень. «Знамя», 1971, № 5).

Писатели часто отмечают особенность бурого цвета смешанного, нечистого, темноватого или грязноватого, цвета в общем непривлекательного: Картины Гогарта не блещут внешними достоинствами; колорит его. . по большей части тускл, в нем преобладает далеко не привлекательные буро-коричневые тона (Григорович. Картины английской живописи). На крышах еще лежал снег, а на земле уже появились темные пятна грязи. И снег на крышах был покрыт бурым грязноватым налетом (М. Горький. Двадцать шесть и одна). Дождь не переставал. Широкая ровная дорога приняла какой-то грязный, бурый вид (Морозов. Повести моей жизни).

Наконец, в литературе находим при *буром* указание на неопределенность цвета, для этого часто при слове употребляется местоимение какой-то: Подле нее лежал последний ее ребенок, обвернутый в какое-то бурое тряпье (Григорович. Зимний вечер). На окне валялся пузырек с остатками какой-то бурой жидкости (Мамин-Сибиряк. Не мама). Похудевшее, небритое лицо его стало каким-то бурым под слоем загара и пыли (Некрасов. В окопах Сталинграда). Лицо у солдата было щекастое, плотное, с бурыми какими-то губами и резкими глазками, которые смеялись, увязнув в этом прочно сбитом лице (Г. Семенов. К зиме, минуя осень. «Знамя», 1971, № 5).

История прилагательного *бурый* как цветообозначения представляется в следующем виде. Прилагательное *бурый* заимствовано в древнейшую пору, издавна было широко употребительным и, видимо, уже в древности

являлось цветообозначением с почти неограниченной сочетаемостью. Именно это слово в народном языке было всегда самым употребительным для названия оттенков коричневого цвета. Вместе с тем как цветообозначение оно видимо было довольно неопределенно и называло очень разные оттенки коричневого цвета. Со временем сфера употребления слова не суживается, однако в какой-то исторический период слово в ряде своих употреблений приобретает элемент эмоционально-экспрессивной оценки. Это цвет неопределенный, «неправильный» и некрасивый. Может быть наличие эмоционально-экспрессивной оценки мешало слову стать нейтральным обозначением коричневого цвета. Вполне вероятно, что на его судьбу повлияло появление в языке слова *коричневый*, которое будучи нейтральным, имело большие возможности для того, чтобы стать абстрактным цветообозначением.

Коричневый
(восточнославянское)

Прилагательное *коричный*, позднее *коричневый*, появляется как цветообозначение в русских памятниках в общем очень поздно, в наших материалах примеров ранее XVII в. нет. Слово употребляется в деловых памятниках XVII в. только для названия цвета одежды, тканей: Штаны бархатные коричной цвѣт, штаны отласные алые (А. Верхот. съезж. избы, карт. 13). Шапка сукно коричной цвѣтъ (Столб. ик., 434). Роспись платья и рухледи столника Петра Ивановича Годунова. . кафтан обочины рыси под чернымъ байбереком ферезия пластинчатая соболья под коришным бархатом (А. Верхот. съезж. избы карт. № 13). Рукавицы куньи, сукно коричное (Д. Иос. Колом., 18). Кресла бархатъ коричной (Заб. Б I, 680). Атлас китайской коричной съ травки (Петр. I, 235).

От конца XVII в. находим примеры с употреблением варианта *коричневый* также для названия цвета тканей: Два терлика людцкихъ, сукно коришневое (Д. Шакловит. IV, 61). Войлокъ въ двѣ губки, покрытъ сукномъ коричневымъ, обшитъ байберекомъ алымъ (Там же, 150). Можно думать, что и в XVIII веке прилагательные *коричный*, *коричневый* употреблялись так же преимущественно для цвета тканей, хотя возможно они могли использоваться и несколько шире, например: Штаны суконные, кориш-

невые поношены всѣ изодраны (Док. моск. театра II, 128). Камки большой руки два косяка коричныхъ (Док. в Сенате II, 2, 434). Модной цвѣтъ шалей — коришневой (Моды.—ММ 1803 II, 71). Положи въ кострюлю кусочекъ масла съ двумя счепотьми муки; мѣшая, обжарь, пока покраснѣетъ въ коричной цвѣтъ (Сл. пов. IV, 188). [Руда] почешная или вохряйка, которая разборными, но великими каменьями видом желто коришневая, а по обжеге красна, земля около ея желтая охра, и сия к литью сосудов и протчих весчей есть лучшая (Татищев. Географическое описание Сибири).

Правда, мы найдем в стихах Державина употребление слова для описания человеческой внешности (*коричный* о волосах). Однако вряд ли это свидетельствует о широкой употребительности слова. Видимо, этот пример следует считать индивидуальным, имея в виду, что Державин вообще очень интересен, индивидуален и даже экстравагантен в цветописи. Вот эти стихи:

Как пальма клонитъ благовонну
Вершину и лице свое:
Такъ тиху, важну, благородну
Ты поступь напиши ее. —
Коричными чело власами,
А перломъ перси осѣни;
Премудрость и любовь устами
Как розы дышутъ, изъясни.

(Державин. Изображение Фелицы)

Можно предполагать, что к концу XVIII — началу XIX века слово *коричный* (*коричневый*) было сравнительно мало употребительным и использовалось ограниченно. Любопытно, что словарь Академии Российской, помещая в числе значений прилагательного *коричневый* и его цветовое значение, определяет его не с помощью цветообозначений, а относя к существительному: Коришневый. 4. Цветом похожий на корицу. В статье Корица найдем приблизительное значение слова как цветообозначения: Корица. Средняя кора, снимаемая с коришневого дерева. . Гладкая, цветом светлобурая, мякоть же светлее. Даже словарь 1867 г. определяет коричневый как «имеющий цвет корицы».

Таким образом, даже в новое время слово, видимо, не является очень употребительным. Это в общем и понятно. В языке уже существует ряд цветообозначений

для названия оттенков этого цвета (*смуглый*, *гнедой*, *карий*, *бурый*), все они в какой-то степени ограничены употреблением, но все они давно вошли в язык с привычными для каждого сочетаниями. Однако новое цветообозначение, видимо, имеет какие-то качества, позволяющие ему расширить сферу употребления. В число этих положительных качеств, например, спокойный и довольно красивый цвет, который называется *коричным* или *коричневым*. Этот цвет светлее бурого, не имеет ни красного, ни сероватого или грязноватого оттенка. Слово, видимо, нейтрально как цветообозначение, не имеет элемента экспрессивной оценки ни положительной, ни отрицательной [135]. Само происхождение слова от названия коры дерева, употребляющейся как пряность, также, видимо, явилось достоинством, очень скоро прилагательное «отходит» от производящей основы и его происхождение как бы забывается (вероятно, новый словообразовательный вариант *коричный* — *коричневый* также способствует этому). Большинство современных русских людей, называя коричневый цвет, не помышляют о пряности, которая кстати не в таком уж ходу в повседневной жизни. Таким образом, постепенно прилагательное *коричневый* входит в язык и в общем незаметно занимает новые и новые позиции. Кажется, еще в нашей классической литературе оно не употребляется часто, и, видимо, только в самое последнее время очень расширяет сферу употребления.

Значение слова в современном русском языке в общем ясно, хотя сейчас оно называет довольно разные оттенки цвета и часто очень отличается от своего первоначального

---

[135] Возможно, что в какой-то период слово имело какую-то оценку такого рода, несомненно, что она есть в словосочетании *рвань коричневая*. Другие примеры из современной литературы могут быть свидетельством индивидуального восприятия цвета: Стыдно на вас смотреть-то, — повторял Петька, — просто рвань коричневая и больше ничего (Мамин-Сибиряк. На чужой стороне). Чисто московское выражение «рвань коричневая» — так зовут именно московскую голь перекатную (Нов. Вр. 1898, № 8167, фельетон. — БСК) Дрянь коришневая! (бранное выражение). Моск. и Влад. губ. (Карт. СРНГ). За ним явился в теплом сертуке оскорбительно-коричневого цвета седенький старичок, с черными зубами и с натуральными волосами, до того похожими на парик, что никто не купил бы себе парика из них (Герцен. Былое и думы). Над крохотным полустанком сияло огромное синее небо. У вокзальчика, окрашенного в тоскливый коричневый цвет, привязанная к столбу дремала заезженная лошаденка (Солоухин. Мать-мачеха).

названия «цвета корицы». Современные словари определяют его как рыже-бурый, буровато-желтый, темный буро-желтый и др.[136] В литературе найдем сравнение коричневого цвета с цветом обожженной глины, кофейной гущи: С красной в ржавых растекающихся кляксах крыши, из-под которой выглядывало три подслеповатых оконца, в синее небо рванулась стайка сизых и коричневых как обожженная глина, голубей (Дмитревский. Товарищ Пятница. «Нева», 1971, № 4). В больничном коридоре возле большого окна он застал Машу вместе с ее сестрой и еще какой-то женщиной в больничном из коричневой бумазеи халате. Юность и хрупкость ее превращали даже безобразный бумазейный халат цвета кофейной гущи в изящное одеяние (Там же).

Следует заметить, что в литературе последнего времени, скажем последних десятилетий, можно наблюдать как прилагательное *коричневый* расширяет сферу употребления. Так, например, слово используется для названия в общем довольно яркого цвета и в новых для него сочетаниях, например, *коричневая заря*, *коричневый свет*: Лампа не была зажжена, плечи и голова старика силу́этом выделялись на сумеречном фоне окна. Догорала за плечом узкая коричневая полоска зари (Панова. Кружилиха). Большие окна школы керосиново-тускло светились в этой железной, остылой тьме, и страшно было уходить от коричневатого света, который теплился за мокрыми, потными окнами (Г. Семенов. К зиме, минуя осень. «Знамя», 1971, № 5). Она вышла в тихий коридор, но, не зная, что делать, опять вернулась в комнату и опять увидела дрожащие отблески в облаках, и тогда опять, покоряясь страху, выбежала в коридор и там вдруг увидела в коричневых сумерках керосинового света Лидию Федоровну (Там же). Если это не воспринимать как случайное, индивидуальное употребление, то можно предполагать, что прилагательное *коричневый*, расширяя сферу употребления, выявляет свои очень широкие возможности, как цветообозначение. Оно теперь называет

---

[136] См. Даль. *Коричневый* [под Кора]. Коричневый, неправильно вм. коричный, к корице относящийся коряного цвета, цвета коры, корицы, бурый, рыже-бурый. Сл. Ушакова: *Коричневый*. Имеющий темный буровато-желтый цвет. . . Рвань коричневая (вульг.) — бранное слово. СРЯ: *Коричневый*. Темный буро-желтый; цвета корицы или жареного кофе.

не только нейтральный темноватый цвет — цвет корицы, но и более светлые и яркие золотисто-коричневые оттенки, при нем, кстати, может стоять в качестве уточнения и слово яркий: Они вышли к кирпичному заводу. Рабочий день еще не начался, нигде ни души; из труб больших печей, в которых вчера обжигали кирпич, еле заметный сочился дымок, и пахло гарью. Цвели ромашки. В карьерах ярко-коричневые срезы глины (Панова. Ясный берег).

В современном русском языке, как и прежде, прилагательное *коричневый* употребляется для названия цвета одежды, тканей, а также предметов домашнего обихода, продуктов питания и т. п.: На нем был коричневый суконный казакин, подбитый серыми мерлушками (Григорович. Проселочные дороги). Вошел казначей — мужчина лысый, высокий, толстый, в коричневом фраке и в брюках цвета чернильных орешков (Печерский. Именины Елпидифора). На низких стойках, жареные рыбы С куском салата воткнутым во рту Коричневой залитые подливой (Багрицкий. Трактир). Кабинет был параден. Кремовые полированные панели, коричневые, обитые кожей кресла и коричневые в тон им, портьеры придавали ему солидную элегантность (Николаева. Битва в пути). Он пошел с сестрой к двери, сказал, что минут на пять, а мне пока дал книгу — толстую в солидном коричневом переплете (Жуховицкий. Остановиться, оглянуться. . «Нева», 1969, № 1). Бабушка была в шелковом коричневом платье. (Чубакова. А я остаюсь. «Нева», 1970, № 7). Лида помешивала ложечкой дымящийся паром чай. Ярослав зажал горячую чашку в ладонях и смотрел в нее с таким выражением, словно ожидая, что из коричневой жидкости вот-вот вынырнет расколдованный им джин (Лагунов. Ордалия. «Урал», 1970, № 10). Кеша, когда распорол суровые нитки своей посылки, развернул и расправил зимнее пальто из коричневого бобрика, с воротником цвета высохшего табака, вспомнил вдруг тот прошлогодний осенний день, когда они с мамой ходили в магазин покупать это пальто (Г. Семенов. К зиме, минуя осень. «Знамя», 1971, № 5).

Довольно часто слово используется в описании пейзажа, кажется, чаще других встречаются примеры, когда прилагательное *коричневый* называет цвет речной воды: Оленин услыхал быстрое и равномерное течение Терека

и шага через два перед ним открылась коричневая, продвигающаяся поверхность реки, с бурым мокрым песком на берегах и отмелях (Л. Толстой. Казаки). За прошлую ночь лед поломало, пронесло, и речка, пополняемая коричневыми потоками талой воды, пухла, пенилась, подступая к уличкам (Шолохов. Тихий Дон). Сентябрьская деревня была обычной: лежала на дороге тяжелая коричневая пыль, тихая и невредная для колес: шли по улице два древних старика с посошками (В. Липатов. Деревенский детектив). Мы увидели Днепр под вечер: по коричневатой воде скользили лучи заходящего солнца (О. Смирнов. Эшелон. «Новый мир», 1971, № 2).

Что касается человека и его внешности, то прилагательное *коричневый* до недавнего времени использовалось только для названия цвета кожи смуглой, загорелой или потемневшей от старости: Его коричневая кожа Была в сияющих угрях И, словом, все, — походка, рожа, На сердце наводила страх (Лермонтов. Уланша). Потом знакомые идут на пляж. По неаполитанской желтизне песка раскиданы человеческие тела, выделяясь на нем коричневыми пятнами, подпестренные многокрасочными лоскутами купальной одежонки (Федин. Похищение Европы). Доброе и морщинистое лицо ее приняло выражение сдержанной и стыдливой гордости. . Она наклонилась к ягнятам, гладила их пушистые спины коричневыми сморщенными руками (Николаева. Жатва). Мышцы под коричневой от загара кожей вздувались (Ажаев. Далеко от Москвы). Коричневое, обветренное лицо человека покрыто рябинками, небольшие голубые глаза смотрят добродушно и весело (Солоухин. Рождение Зернограда). — Без дела-то не сидим. Все вот этими, — он протянул коричневые по-стариковски сухие руки (Минчковский. Дождь летней ночью. «Нева», 1969, № 7). Но Качушин ничего не мог понять по умному и сильному лицу Вершкова: оно было бесстрастно и замкнуто, дремуче и первобытно, как коричневое лицо индейца из куперовского романа (В. Липатов. Деревенский детектив).

Как правило, в описаниях человеческой внешности для цвета глаз, волос используются другие цветообозначения этой группы. Даже в том случае, когда подчеркивается необычный цвет волос, глаза все-таки называют *карими*: Весь он был кофейно-коричневого цвета — с лица и рук не сошел еще спортивный загар, светло-карие глаза,

казалось, выгорели на солнце (Николаева. Битва в пути). Свои вольно распущенные, кофейного цвета, волосы она уже не заплетала в косы; они развевались при быстрой ходьбе легкими волнистыми прядями, а карие золотистые глаза смотрели чаще строго и задумчиво, нежели шаловливо (Шолохов—Синявский. Упрямое поколение. «Дон», 1969, № 12). Митрополит Сергий встретил меня у письменного стола и расспросил, для каких газет интервью. . У него полное, очень доброе лицо, внимательный взгляд молодых карих глаз из-под очков и громадная белая борода, закрывающая всю грудь. Он в теплой коричневой рясе и бархатной скуфье, из-под которой падают на плечи седые волосы (Е. Петров. Фронтовые очерки. «Москва», 1971, № 5). Однако в последнее время прилагательное *коричневый* изредка используется и для определения цвета глаз, цвета волос. В части примеров можно предполагать известную нарочитость (подчеркнуть необычность цвета) [137], в части, видимо, используется без такого намерения, просто вместо глаза карие — глаза коричневые: Но «француз» быстро на него вскидывал коричневые бегающие глаза и вдруг, с хохотом начинал беготню и возню (Тынянов. Кюхля). Весь коричневый — и волосы коричневые, парикмахерски прилизанные, и лицо, густо забрызганное веснушками, и коричневый костюм, — Самородов упивался своей ролью поверенного в делах начстроя (Гладков. Энергия). — Очень рад познакомиться с вами, товарищ Таршис, — сказал Ленин, крепко встряхивая руку Иосифа и весело поглядывая на него коричневыми горячими глазами (Дмитревский. Товарищ Пятница. «Нева», 1971, № 4). В гостиничной комнате за столом сидел отец Лизы, . .полный с обрюзгшими щеками, под крепким носом с горбинкой — пышненькие усы, он их нервно поглаживал двумя пальцами, а глаза у него были не серые, как у Лизы, а коричневые, и затаилось в них что-то по собачьи грустное (Герасимов. На трассе непогода. «Новый мир», 1971, № 5).

[137] Так, например, может быть использовано слово и для необычного цвета глаз животного: До Кабарги оставалось протянуть руку. Из-за спины лесника мне удалось увидеть большие выразительные, полные отчаяния темно-коричневые глаза, настороженно вздрагивающие уши в густых каштановых волосках, саблевидные, далеко выставленные верхние клыки (Малышев. Тринадцатый кордон. «Звезда», 1970, № 7).

Видимо, такое употребление пока еще единично, все-таки знаток лошадей не скажет о лошади, что она коричневого цвета, современные русские люди все-таки о глазах говорят «карие», о волосах «русые», «темнорусые» или «каштановые», а не «коричневые». Есть исключения из этого правила, но вряд ли можно еще говорить о тенденции прилагательного *коричневый* занять место и этих прилагательных. Поэтому, кажется, следует говорить о нем как цветообозначении с почти неограниченной сочетаемостью.

Глава 4

ИСТОРИЯ НАЗВАНИЙ ОРАНЖЕВОГО ЦВЕТА

Рудожелтый, жаркой, оранжевый

Название для желто-красного или красно-желтого цвета (который мы сейчас называем оранжевым) появляется в русском языке относительно поздно. Общеславянского слова для названия этого цвета нет. В современных славянских языках для названия оранжевого цвета используются преимущественно заимствованные слова. Интересно, что в основе этих цветообозначений лежат названия апельсина (или цвета апельсина), заимствованные из разных источников, например, русск. *оранжевый* из французского, польское pomaranczowy из немецкого, сербо-хорв. *наранџаст* (*наранџа* ‘апельсин’) из итальянского и прочее) [138].

В древнерусском языке для обозначения этого цвета используется сложное слово *рудожелтый*, в котором отражается особенность цветообозначения, называющего смешанный цвет красновато-желтый, искрасна-желтый. В первой части слова представлен очень древний обще-

---

[138] См. например в Словаре Преображенского: Оранжевый, книжн. апельсинного цвета. . Новое заимств. (с Петра В.) из фр. (м. б., через пол.) orange ‘апельсин’; orangerie ‘оранжерея’ [ср. лат. arangus, arangia, ит. arancio (в Милане naranz), исп. naranja, порт. laranja, перс. naranj; араб. nāranja]. Во фр. преобразовано под влиянием or ‘золото’; римляне называли апельсины aurea māla Немцы преобразовали лат. pomum aurantium в pomeranze (Преображенский. Этим. сл. русского яз., 655).

индоевропейский корень *rudh-. Следует полагать, что прилагательное с этим корнем *рудой* было достаточно употребительным в древнерусском языке, хотя в общеизвестных древнерусских памятниках не зафискировано.

Значение прилагательного рудожелтый ясно из его составных частей [139]. Словари также определяют его как красновато-желтый, искрасна-желтый [140]. Прилагательное *рудожелтый* употребляется в древнерусских памятниках, по нашим материалам, по крайней мере с XV в. Наиболее ранними являются примеры из новгородских летописей. Так, в Софийском временнике под 1476 годом есть подробное описание поездки великого князя Ивана III в Новгород. Провинившиеся новгородцы, желая умилостивить гневного великого князя, устраивали приемы с подношениями, в числе этих подробнейшим образом описанных даров два раза повторяется постав Ипской рудожелтъ: Декабря 19 пиръ у посадника степеннаго у Василья Есипова; даров 30 корабленикъ 3 поставы Ипьскихъ рудожелты. Декабря 21 пиръ у Якова у Короба; даровъ 200 золотыхъ, кречетъ, зубъ, а от сына его от Ивана кречетъ, постав Ипской рудожелтъ, зубъ (Соф. врем. II, 171).

В дальнейшем слово *рудожелтый*, видимо, употребляется довольно широко, главным образом для описания цвета тканей, одежды, обуви. Например: Да Федору Кучетцкому шуба камка рудожелтъ шолкъ. . на черевяхъ на бѣльихъ (Пам. дух. грам. — Влад. сб. 130). Ризы отласъ золотной по червчетой землѣ. . подпушены дорогами рудожелтыми (Синоник Ниж. Печ. мон. 5. 1552 г.). Алтабасъ на рудожелтой землѣ золотной (Ип. мон. 43). А цвѣтъ въ брюкишехъ лутчей синь и лазоревъ. . а подъ тѣми цвѣты иной цвѣтъ рудожелтой, свѣтлозеленой и цениной дешевле (Торг. кн., 135). Знамена изъ Розряду раздаваны головамъ. . знамя тафтяное розныхъ цвѣтовъ тафты, рудожелтая и зеленая и сахарный цвѣтъ (АМГ III, 360). И в тотъ де монастырь пришолъ при немъ невѣ-

---

[139] См. об этом еще в главе «История названий красного цвета». Слово «Рудой».

[140] Например, Срезневский: *Рудожелтый* 'красновато-желтый'; Словарь АР: Рудожелтый, прил. употребляемое для означения цвета и значит изкрасна желтый; Ушаков. Рудожелтый. Желтый с красноватым оттенком, рыжий.

дома какой человѣкъ. . платья на нем кожанъ лосиной, рудожелтой (ДАИ X, 432).

Если и предполагать, что возникновение слова *рудожелтый* связано с практическими потребностями, с употреблением его ограниченным — для различения оттенка в цветах тканей, то со временем сфера употребления его расширяется, и можно говорить о неограниченной сочетаемости слова. Например: Изгнать. . всякой недуг. . в береги глубокие в пески рудожелтые [141] (Сб. заг. XVII в. 110, л. 38). Когда табак довольно высохнет и совсѣмъ здѣлается красенъ, или рудожелтъ, а зелень свою потеряет. . (Инструкция о засеве табаков. —ЕС 1763, IV, 321). Я знаю одного ученаго человѣка, который очарованъ былъ златовидными кудрями потому что он почиталъ то вкусом древних народовъ и рудожелтые волосы прямыми только волосами (О любви. — ПТ 1784 II, 158). В XVIII в. слово употребляется, видимо, очень широко — мы находим его и в литературе художественной, и в литературе специальной: Ежели станешь венцы давать в награду за преизрядны деяния. . Первы степени особы да носятъ бѣлые ризы. . Но четверта степень рудожелтый цвѣтъ да имѣетъ (Тредьяковский. Тилемахида, XII). Он [хвост кометы] казался цвету рудожелтого, как обыкновенно небесные тела на горизонте являются, и был в низу очень светел, а в верьху беловат, и не столь светел (Ломоносов. Описание кометы 1744 года). Средину крыла перебегает серебряная повяска; прочее крыл пространство покрыто рудожелтым цветом с просединою двух бледнорозовых черт (Лепехин, I, 6). В комментарии к своей оде в похвалу наук Кантемир называет словом рудожелтый один из основных цветов спектра: Если. . впустить луч солнца через малую скважину. . луч тот преломляяся разделится на семь других лучей, из которых один фиалковый, другой пурпуровый, третий голубой, четвертый зеленый, пятый желтый, шестой рудожелтый, седьмой красный.

---

[141] В этом примере, вероятно, типичное для фольклора сочетание *пески рудожелтые*. См. у Рыбникова в Былине о Дюке: Мостовые рудожелтыми песочками изнасыпаны; в Былине о Дунае: И бей меня клиньми дубовыма, и засыпь песками рудожолтыма. В словаре к Песням Рыбникова значится: Рудожелтый — красножелтый. Эпитет песков (III, 374).

Несомненно, что в какой-то исторический период, скажем в конце XVII, в XVIII в., прилагательное *рудожелтый* будучи широко употребительным и активно проникая в разные сферы языка, является главным в группе цветообозначений, называющих оттенки этого цвета и в общем для своего времени играет роль абстрактного цветообозначения. Однако слово не становится абстрактным цветообозначением для смешанного красно-желтого цвета и со временем вместе с другими совершенно вытесняется из языка. Причины этого в общем ясны. В частности, для истории прилагательного *рудожелтый*, видимо, имело значение и его грамматическое оформление — сложное прилагательное, как-то подчеркивающее неопределенность слова, наверное, неуместно в роли абстрактного цветообозначения. Кроме того, со временем первая часть сложного прилагательного или становилась неясной (прилагательное *рудой* сохранилось лишь в говорах), либо придавала слову характер народно-разговорного. Вероятно, этот характер скорее народно-разговорного чем принадлежащего языку книжному слово приобретает особенно тогда, когда в языке появляется новое книжное цветообозначение *оранжевый*. Тем не менее прилагательное *рудожелтый* еще живет в языке и в новое время, примеры использования его есть и в литературе XIX века, правда, все-таки, кажется, в целях стилизации народности и старины: Велел бы я тебе: послушания ради — самому в срубе сгореть, гладом смерть приять, засыпать себя рудожелтыми песками, в пучину морскую кинуться: твори волю мою (Печерский. Гриша). Вот в вечернем сумраке забелелись чьи-то рукава, вот стали видимы и пестрый широкий передник и шелковый рудожелтый платочек на голове (Печерский. На горах). Летом река пересыхает — там, где темнели бурные волны, выглядывают острова песков рудожелтых (Салтыков. Сатиры в прозе).

Одновременно со словом *рудожелтый* в XVII—XVIII в. в русском языке существуют и другие названия для красно-желтого цвета: *жаркой*, *огненный*, *померанцевый*. Трудно сказать, являются ли указанные цветообозначения синонимами, т. е. различают ли они оттенки оранжевого цвета, или являются дублетами рудожелтого. Так, с одной стороны, в тексте упоминается одновременно и *рудожелтый* и *жаркой*, т. е. можно пред-

полагать, что речь идет о разных цветах, или оттенках цвета, например: Камок лапчатых, у Мартына жъ, да у Филипа да у Петра 2 косяка рудожелтых. . косякъ шелкъ огненъ цвѣтъ (ДАИ VI, 90). С другой стороны, в тексте находим такое уточнение: А на государѣ было платья. . шуба, объярь огненна (а жаркой цвѣтъ тожъ) (Выходы цар. 221. 1650 г.). Или в другом месте примечание издателя к тексту: Объерь жаркой цвѣтъ. . жаркой тожъ огненный, тожъ рудожелтый (Выходы цар., 48). Даль как будто не различает этих цветообозначений, определяя одно другим, не указывая на разницу в интенсивности или более светлом или темном тоне [142]: Рудожелтый — жаркой, ранжевый (IV, 109), Жаркой цвет. . огненный, рудожелтый, красножелтый, ранжевый (I, 526). Померанцевый цвет, ранжевый, рудожелтый, жаркой (III, 271).

Слово *жаркой* довольно употребительно в XVII—XVIII вв. главным образом в деловых документах для названия цвета тканей, одежды, например: По жаркой землѣ камки золотной 10 аршинъ съ четью (ДАИ VI, 95). Пелена у Воскресенья отласъ жаркой цвѣтъ (Кн. п. Уст. 1676). Чулки теплые. . камчатные жаркой цвѣтъ (Плат. Фед. Ал. 99). Шуба дорогилная жаркая (АЮБ III, 296). Слово *жаркой*, видимо, сохранялось для обозначения оранжевого цвета еще в начале XIX в. и не только в ограниченном употреблении (только о тканях). Во всяком случае, Словарь АР дает это слово (Жаркой цвет. Цвет рудожелтый — II, 1050) и использует его в тексте определений, например: Апельсин. Плод древесный, круглый, цвета бледножаркова, весьма сочный, вкусом сладкий, с небольшою кислотою, запахом приятным (Словарь АР I, 38). Словарь 1847 г., а также словари современные академические также дают слово *жаркой* как название цвета.

Слово *огненный* менее употребительно в качестве цветообозначения, кроме того, часть примеров вызывает сомнение, т. к. нельзя быть уверенным, что в данном случае нет образного употребления. Что касается слова *померанцевый*, то оно заимствовано, видимо, в конце XVII в. или непосредственно из немецкого или

---

[142] Ср. у Даля: Апельсиновый цвет, ярко-ранжевый, жаркой (Даль I, 19).

из немецкого через польский: Кафтанъ, — сукно померанцевый цвѣтъ, на горностаяхъ (Д. Шакловит. IV, 61). Сукна въ помаранцевой, гвоздишной, кофейной и другия темныя цвѣты красятся (Флор. ек., 176). Мнения о цвѣтахъ: Песошной, удовольствие всего. Помаранцевый, радость (Курганов. Письмовник II, 274). Вряд ли можно говорить о широкой употребительности слова, так как примеров мало, но вместе с тем нельзя и не заметить, что слово используется в весьма разных стилях, например, и в научных трудах и в народных песнях: В воде распущенная сулема ни прозрачности ни цвету оныя не переменяет. Но как только распущенный на влажном воздухе поташ влит будет, вода, прозрачность потеряв, померанцевый цвет на себя примет [143] (Ломоносов. О цветах). Да, что алый цвет от солнышка бежит голубой цвет в лице тени не дает помаранцев цвет марается. . ты купи мне тафты черненькой (ВНП IV, 159).

Все старые цветообозначения для названия красно-желтого цвета утрачены в языке, их за сравнительно короткий срок вытесняет цветообозначение *оранжевый*. В данном случае причина утраты старых цветообозначений ясна, это прежде всего желание избавиться от омонимов и, конечно, во многих других случаях стремление к наиболее абстрактному выражению цветового понятия, для чего очень хорошо подошло чужое слово.

Прилагательное *оранжевый* появляется в русском языке, видимо, не ранее второй половины XVIII в. Можно думать, что слово заимствовано книжным путем и какое-то время сохраняет этот характер слова литературного, книжного [144] и, кажется, охотнее используется не в художественной, а в специальной литературе: Тѣло будетъ оранжеваго цвѣту (Эйлер ПП, I, 258). Пятна у ея на затылкѣ были оранжеваго цвѣта (Пут. Зуева 48). Черноземъ лежитъ очень толстым слоемъ, и когда глубже аршина, подъ нимъ глина, а чаще охра желтая, оранжевая (Радищев. Описание владений). Цвѣтъ для шляпокъ и капотов болѣе въ модѣ: бѣлой, оранжевой и розовой

---

[143] Ломоносов в своих работах по физике и химии употребляет цветообозначения как *рудожелтый*, так и *померанцевый*. См. в цитируемом здесь переводе Волфианской физики 164 — *померанцевый*, в Слове о происхождении света — *рудожелтый*.

[144] Так, например, даже в Словаре Преображенского слово имеет помету «книжное».

(Моды.—ММ 1803, I, 172). У писателей XVIII века слово употребляется и не как цветообозначение, а как название апельсиновых деревьев: Из шпалер и изъ самаго верху павильона произрастают оранжевые дерева (Ломоносов. Проект иллюминации на 25 апр. 1784). Длинными аллеями изъ оранжевых и лимонных деревъ (Карамзин. Деревенские вечера.—Детск. чт. 1787 VI, 154). Как цветообозначение прилагательное *оранжевый* поначалу не было широко употребительным. В это время еще существуют в языке и другие цветообозначения, называющие оттенки красно-желтого цвета, причем некоторые из них, например, *рудожелтый*, используются очень широко. Сферы употребления этих прилагательных с самого начала различны: если прилагательное *рудожелтый* имеет более или менее выраженный народный характер, то слово *оранжевый*, возможно, сравнительно долго воспринимается как книжное.

Однако с течением времени прилагательное *оранжевый* расширяет употребление и совершенно вытесняет из языка все старые цветообозначения этой группы. В современном русском языке прилагательное *оранжевый* является по существу единственным прилагательным, называющим различные оттенки яркого красно-желтого или желто-красного цвета. Старые цветообозначения *жаркой*, *огненный*, *померанцевый* давно утрачены в языке, прилагательное *рудожелтый* в современном русском языке уже не употребляется, более новые *апельсинный*, *апельсиновый* употребляются редко [145] и вряд ли имеют

[145] Название *апельсиновый* (*апельсинный*) как цвет не прижилось, хотя оно изредка и встречается:

А пришли к Патрасу — рассветает,
Море заштилело, зеленеет,
На востоке, светлом, апельсинном,
Розовеют снеговые горы
(Бунин. Матрос)

И Улисс, говорит: «О Цирцея!
Все прекрасно в тебе: и рука,
Что прически коснулася слегка
И сияющий локоть, и шея!
А богиня с улыбкой: «Улисс
Я горжусь лишь плечами своими
Да пушком апельсинным — меж ними
По спине убегающим вниз!»
(Бунин. Цирцея)

У этого Архангела [икона «Архангела Михаила» из Кашина]

перспективу стать употребительнее. Прилагательное *оранжевый* довольно употребительно, имеет, видимо, неограниченную сочетаемость, нейтрально. В русской литературе конца XIX в. и особенно XX в. находим довольно много примеров его употребления: За черным окном огненной ведьмой неслись назад крупные оранжевые искры, мелькали освещаемые поездом белые снежные скаты и черные чащи соснового леса (Бунин. Генрих). Чадные костры кочевников льют в небо оранжево-сизые дымы (Фадеев. Последний из Удэге). Шаманит в сырых беседках Оранжевая оса (Багрицкий. Весна, ветеринар и я). Попал павлин оранжево-синий под глаз его строгий, как пост. И вылинял моментально павлиний великолепный хвост (Маяковский. Сатира I). В мягком свете оранжевого абажура глядели со стен багровые, вспухшие, оскаленные, с выпученными глазами лица (А. Толстой. Хождение по мукам). Утром, когда солнечный луч осветил висевшую на стене оранжевую хурму, Настя встала, оделась и пошла к морю (Паустовский. Роза ветров). А нести мешки надо вверх по сходне: ноги трясутся, в глазах — оранжевые круги (Шукшин. Там вдали). Пришли бурильщики, принялись распутывать шланги. Мерно загремел первый молоток, потом второй. Повисла серая дымка пыли, и в низко висящих лампочках стали различимы оранжевые нити накала (Маслов. Скальный грунт. «Дон», 1969, № 6).

Значение прилагательного *оранжевый* как цветообозначения в общем ясно, оно обозначает яркий смешанный красно-желтый или желто-красный цвет. Современные словари определяют его как желтый с красноватым оттенком, цвета апельсина [146]. Однако вряд ли в современном русском языке *оранжевый* значит 'цвета апельсина'. Кажется, *оранжевым* мы называем цвет более интенсивный, чем обычный цвет плодов апельсинового дерева.

особенно чистые тона: крылья — охренные, подкрылья голубые, одежда — частью красная, частью апельсинового цвета (Солоухин, Письма из Русского музея. Письмо 6).

[146] Напр. Сл. Ушакова: *Оранжевый* фр. orange — апельсин. Желтый с красноватым оттенком, цвета апельсина. Сл. Ожегова: *Оранжевый*. Желтый с красноватым оттенком, цвета апельсина. Четырехтомный СРЯ: *Оранжевый*. Имеющий окраску одного из основных цветов спектра — среднего между красным и желтым; цвета апельсина.

Кроме того, как цветообозначение прилагательное *оранжевый* совершенно отошло от своего источника (франц. orange 'апельсин'), называя оранжевый цвет, современные русские люди (в том числе и образованные, знающие иностранные языки) не связывают его с цветом апельсина [147].

В современном русском языке прилагательное *оранжевый*, кажется, наиболее часто используется как название цвета утреннего или закатного как бы пылающего неба, цвета огня, пламени. В данном случае значение его ('огненный', 'пламенный') близко к тому, которое называли старые цветообозначения этой группы *жаркой*, *огненный* (и наиболее соответствует исконному значению слова *оранжевый*): Солнце. . красит их [облака] и небо во всевозможные цвета: в багряный, оранжевый, золотой, лиловый (Чехов. Красавица). Горел закат оранжевым огнем (Брюсов. Осенний день). Весна пришла, как всегда ранним утром. Появилась она на бревенчатой стене мезонина квадратом оранжевого и теплого на ощупь солнечного света (Паустовский. Маша). Где-то за океаном солнце уже горело, и оранжевое пламя его подпалило многоярусные перистые облака над громадной площадью воды (Задорнов. Капитан Невельской). Опоки ползли по конвейерам. На некоторых опоках горели маленькие стройные факелы, синие у оснований и трепетно-оранжевые наверху (Николаева. Битва в пути). Печь топилась, из трубы валил дым и сыпались оранжевые искры (Инфантьев. Операция «Коза». Нева 1968 г., № 2). Солнце опускалось, на небе вспухали оранжевые полосы, его голубизна темнела, темень скапливалась и между деревьями, и в кустах (О. Смирнов. Эшелон. «Новый мир», 1971, № 2).

Словом *оранжевый* называют также цвет солнца, луны, звезд: Горели леса. . Горький опаловый дым стоял над городом, в дыму висело оранжевое солнце без лучей, жалкое, жуткое (Горький. Пожары). Он не знал также, чем это чревато, когда некоторые душевные пласты сдвигаются с места и начинают ползти, набирая скорость.

---

[147] Лучшим доказательством этого является, например, употребление сложного прилагательного апельсинно-оранжевый: Нога лошади зацвела, как некая чудесная, безлистая ветвь, окрашенная апельсинно-оранжевым цветом (Шолохов. Тихий Дон).

Вопрос еще, что откроется глазу на новом обнажившемся месте под оползнем. Ударят ли источники светлой голубой реки, в ночное ли озеро будут глядеться оранжевые звезды, россыпь ли драгоценных камней, клеклая ли, бесплодная глина (Солоухин. Мать-мачеха). Холодное оранжевое солнце висит еще над крышами села, а белая даль прямой улицы тронута уже легкой предвечерней сининкой (Почивалин. Мои большие хутора. «Нева», 1970, № 4). Сумерки плотнились, искры вырывались из паровозной топки, гасли на лету, в черноте. Ее, черноту, не могли побороть ни паровозные искры, ни оранжевая луна, взошедшая над лесом, ни фонарь «летучая мышь», подвешенный в теплушке, на стойке нар (О. Смирнов. Эшелон. «Новый мир», 1971, № 2). Интересно, что даже в том случае, когда прилагательное определяет цвет предметов не горящих (цветы, плоды, предметы обихода и пр.), то цвет этот прямо или косвенно сравнивается с огнем, пламенем, солнцем: Георгины, оранжевые, как пламя (Николаева. Битва в пути). Тем временем погода разветрилась, и дальние елочки оранжево горят в закате (Леонов. Обыкновенный человек). Мы дошли до займища. Вешняя вода сохранилась здесь только по рукавам, глубоко заходящим в таежные пади. Сплошные поляны троллиусов, или огоньков — здесь их называют жарками — вот-вот должны были брызнуть оранжевыми лепестками (Малышев. Тринадцатый кордон. «Звезда» 1970, № 7). День был неяркий, солнце ушло в толстое тугое облако, и река, вдоль которой я шел, была как асфальт — серая городская река. Но вдруг из-за стрелки вывернулось сразу десятка полтора оранжевых байдарок, они побежали по воде, как солнечные зайцы (Жуховицкий. Остановиться, оглянуться. . . «Нева», 1969, № 1).

В современном русском языке прилагательное *оранжевый* называет довольно разные оттенки цвета. Вероятно, в этом цветообозначении может быть разная доля двух составляющих его цветов. Оно может называть желтый с красноватым оттенком, огненный цвет или золотистый цвет (подобный золотистой блестящей корке апельсина) [148],

[148] См. например, о таком цвете: Апельсин по-французски назван «оранж»; это слово происходит от арабского названия апельсина «наранжи» (золотистый). Таким образом, оранжевый цвет означает цвет апельсина (Верзилин. Двухэтажные деревья с золотыми яблоками — Путешествия с домашними растениями).

но может называть и смешанный очень яркий красно-желтый, переходящий в красный. Именно так его определял еще Севергин: Оранжевый есть яркой изъ красна желтый цвѣтъ, переходящий въ красный (Севергин. Первые основания минералогии I, 22). Это скорее желто-красный, чем красновато-желтый цвет, цвет, режущий глаза, бросающийся в глаза (недаром его используют для одежды путевых рабочих, для спасательных кругов, спасательных жилетов на воде и в воздухе)[149]: На клумбы уже были высажены лакфиолы, маргаритки и анютины глазки, и зацвели оранжевыми, очень яркими цветами кусты циркозии (Сергеев-Ценский. Преображение России). В переулке парень с гитарой в руке догоняет ушедших вперед нескольких парней. Бежит, размахивая гитарой, которая почти оранжевого цвета и ярко видна поэтому среди снега (Олеша. Ни дня без строчки). Рыжик сосновый, рыжик величиной с копейку, рыжик, из которого на разрезе льется яркий оранжевый сок, который оранжево выглядывает из зелени травы или мха (Солоухин. Третья охота). Помада была ярко-оранжевого цвета. Другой под руками не оказалось (Чубакова. А я остаюсь. «Нева», 1970, № 7).

В ряде случаев, особенно когда слово употребляется по отношению к человеку, его внешности, одежде, оно имеет некоторый элемент оценки, может быть слегка неодобрительной: это цвет слишком яркий, экстравагантный, грубый, не вполне уместный в данной ситуации: Егорка явился было неслыханным франтом, в подаренном ему Райским коротеньком пиджаке, клетчатых, зеленых, почти новых, панталонах, и в купленных им самим — оранжевом галстуке и голубом жилете (Гончаров. Обрыв). Около серых заборов, жалких домиков и кустов крапивы его [Панаурова] изящная. . фигура, его цилиндр и оранжевые перчатки производили всякий раз и странное и грустное впечатление (Чехов. Три года). Толстый, неуклюжий парень в запотелой оранжевой майке, тяжело переваливаясь и спотыкаясь, подбежал к чучелу, остановился, неловко ткнул в мочальную бороду и со вздохом отошел

---

[149] См., например: Самый трудный участок пути. Океан без единого острова. Уже семь часов океана. В бинокль видны барашки холодных волн, на спинках кресел висят спасательные оранжевые жилеты (Песков. Белые сны).

в сторону (Путко. Своя ноша. «Октябрь», 1969, № 5). Кое-где уже светили белыми фартуками дворники. Но они хозяйничали во дворах и на тротуарах. Так, что весь огромный проспект в этот час принадлежал нам троим: мне, счастливому парню с пиджаком за спиной и ошалелому велосипедисту в оранжевой майке (Жуховицкий. Остановиться, оглянуться. . . «Нева», 1969, № 6). Девушка лет восемнадцати с крашеными в оранжевое волосами, завязанными в круглую, как апельсин шишку, сидела за столом и читала книгу (Сапожников. Плачут глухари. «Наш современник», 1969, № 7).

Таким образом, история названий оранжевого цвета представляется следующим образом. В древнерусском языке для названия смешанного желто-красного цвета существует группа цветообозначений: *рудожелтый* (наиболее раннее), *жаркой*, *огненный*, *померанцевый* (наиболее позднее). Все они в общем достаточно употребительны, хотя часть из них употребляется преимущественно в сфере специальной. Самое употребительное с почти неограниченной сочетаемостью *рудожелтый* является главным в этой группе и продолжает употребляться в русском языке в XVIII и даже XIX в. Однако оно не становится абстрактным цветообозначением желто-красного цвета, возможно, что ему мешает его грамматическая форма, неясность первой части для позднего времени, а также, видимо, несколько некнижный, народный характер слова. Заимствованное во второй половине XVIII века прилагательное *оранжевый* имеет сначала характер книжный, но со временем расширяет свое употребление, входит во все сферы языка, вытесняет старые цветообозначения и становится по существу единственным цветообозначением, называющим один из цветов спектра.

Глава 5

ИСТОРИЯ НАЗВАНИЙ ФИОЛЕТОВОГО ЦВЕТА

Фиолетовый, лиловый

Специальные цветообозначения для названия смешанного красно-синего или сине-красного, голубовато-розового или розовато-голубого цвета появляются в русском языке

поздно, не ранее второй половины или даже конца XVIII в. Для них используются слова, заимствованные из французского языка (возможно через посредство других языков, например, немецкого, польского) — *фиолетовый* и *лиловый* (фр. violet — фиолетовый; violette — фиалка; lilas — сирень, лиловый цвет), а также появившееся еще позже собственное прилагательное *сиреневый*. Однако столь позднее появление цветообозначений для фиолетового цвета в общем не вызывает удивления, так как в русском языке сравнительно рано уже существуют цветообозначения, называющие разные оттенки смешанного красно-синего или сине-красного цвета, это прилагательные *багровый*, *вишневый* (в каких-то своих употреблениях *сизый*), весьма употребительное в деловых памятниках XV—XVII вв. *таусинный* [150] и другие [151].

Так, довольно употребительное в деловых памятниках прилагательное *вишневый* появляется сравнительно рано, по крайней мере с конца XIV в.: И стояху на два лика, имѣаху на себѣ ягаты багряна бархата, а друзии вишнява бархата (Игнат. Смол.—Сб. Кир. Б. м., 62. XV в. ~1389). По нашим материалам нельзя установить точно, какой оттенок смешанного с красным цвета называет прилагательное *вишневый* в древнерусских деловых памятниках. Можно думать, что оно использовалось (наряду с другими?) и для названия смешанного красно-синего цвета. Так, в документах XVII—XVIII в. этим словом называют цвет некоторых драгоценных камней, например: Ѣздилъ де онъ въ Сибирь рудъ искать, и обыскалъ цвѣтное каменье, въ горахъ хрустали бѣлые,

---

[150] Если верно предположение, что все эти прилагательные называют оттенки смешанного красно-синего цвета, то следует заметить, что в деловой литературе, где требуется довольно точно назвать цвет, видимо, они называют разные, но определенные оттенки, так, мы находим в перечнях употребление трех цветообозначений в одном контексте, например: 50 литръ шолкъ розныхъ цвѣтовъ таусинного багрового гвоздичного, вишневого (Росп. узор., 561).

[151] Можно думать, что существовали и другие цветообозначения для названия смешанного красно-синего цвета, так, например, в деловых памятниках XVII в. есть несколько примеров употребления прилагательного *сливной*, которое, видимо, было известно и в XVIII в.: Однорядка сливной цвѣтъ (Плат. ц. Мих. Фед. — Савв. 1865, 53). А на государе было платья: однорядка сливной цвѣтъ (Выходы цар., 21). Мнѣния о цвѣтахъ. . Розовой, нѣжность, глупость. Сливной, коварство (Курганов. Письмовник I, 274).

фатисы вишневые, и юги зеленые и тунпасы желтые (ДАИ V, 1670). Аматистъ есть камень цветомъ вышневъ а родится во Индии сила того камени есть пъянство отъгоняетъ мысли лихия отъдаляетъ, доброй разумъ делаетъ и во всех делехъ помощь творитъ (Леч. I, гл. 158). Если первый пример сомнителен, так как мы не знаем точно, о каком камне идет речь, возможно, что имеется ввиду темно-красный или буро-красный камень гиацинт [152] (т. е. *вишневый* в данном случае значит как в современном русском языке 'темно-красный'), то во втором примере совершенно очевидно, что *вишневым* называется цвет аметиста, известного всем камня фиолетового цвета [153]. В XVIII в. прилагательное *вишневый* использовалось для названия смешанного красно-синего цвета в специальной литературе. Так мы находим его в физических работах Ломоносова. В «Слове о происхождении света» дается и определение составных частей цветообозначения *вишневый*, это цвет смешанный и состоит из красного и голубого: «Натура тем паче всего удивительна, что в простоте своей многохитростна и от малого числа причин производит неисчислимые образы свойств, перемен и явлений. На что ж ей особливые роды эфиров для рудожелтого, для зеленого, для вишневого и других смешанных цветов, когда она рудожелтый из красного и желтого, зеленый из желтого и голубого, вишневый из красного и голубого, другие роды смешанных цветов из других разных смешений сложить может» (Ломоносов. Слово о происхождении света).

Русские толковые словари дают очень общее определение прилагательного *вишневый*, это либо определения отсылочного характера 'цвета вишни', либо очень общее 'темнокрасный' [154]. Любопытны определения в словаре

---

[152] См. у Ферсмана: «Фатис — древнерусское название гиацинта (предположительно)» (т. I. Приложение 3). И в разделе о цвете камней: Буровато-красные: андрадит, альмандин, циркон (гиацинт), агат». А. Е. Ферсман. Указ. соч., I, стр. 221.

[153] См. определения в толковых словарях: Аметист. Камень кварцевой породы, окрашенный природою горный хрусталь, синеалого (фиолетового) цвета разных оттенков (Даль, I, 14). Аметист [от греч. amethystos — трезвый]. Драгоценный камень, прозрачный кварц синего или фиолетового цвета (Ушаков, I, 33).

[154] Например. Словарь АР: *Вишневый* 'темнокрасный, цветом на ягоду вишню похожий'. Словарь 1847 г.: *Вищневый* 'похожий

Даля, из которых в конечном счете можно установить, что Даль определяет вишневый как смешанный синевато-красный цвет: Вишневый атлас, цвета вишни, масака, исчерна малиновый (Даль I, 209). Малиновый, малинный; цвета ягоды малины, темно-алый, с небольшой просинью (Даль II, 293). В современном русском языке *вишневым* называют скорее просто темно-красный цвет, может быть, с очень малой примесью синего. Впрочем, можно думать, что разные люди называют *вишневым* разный цвет. Даже связывая цветообозначение с цветом известной всем ягоды, вероятно, можно иметь очень разное цветовое восприятие его, поскольку цвет ягоды может быть разным не только в зависимости от степени зрелости, но и от сорта. См., например, у Даля: Разводкою вишень более промышляют губ. Владимирская и Тульская. В первой различают пять главных пород: васильевка алая, сквозистая; сайга, темная мелкая и кислая; третиха средней крупности, бурая, кисловата; бель, алая, крупная, кисловата же; родительская крупная темно-алая, твердая и сладкая. В Тульской три: шпанская, крупна и вкусна, темно-алая; французская, более в грунту и теплицах; владимирская, родительская (Даль I, 209). В современном русском языке слово как цветообозначение не очень употребительно, хотя встречается в описании внешности человека, а также в пейзаже: Горел Воронеж, ночами небо над городом было вишневого цвета (Песков. Белые сны). Их широкие лица светились от вишневого заката, от густого июньского загара и еще, быть может, чуточку от смущения (Шургин. В селе над Ловатью. «Звезда», 1969, № 2).

Другое цветообозначение — прилагательное *таусинный*, известно в русских памятниках, по нашим материалам, с конца XV в. В деловых памятниках слово чрезвычайно употребительно, хотя используется почти исключительно для названия цвета тканей. И судьба слова и значение его в общем неясны. Кажется, условно можно отнести прилагательное *таусинный* к групппе фиолетового цвета, хотя значение его как цветообозначения сомнительно. Слово *таусинный*, несомненно, заимствованное, хотя непосредственный источник заимствования опре-

---

цветом на ягоду вишню'. Сл. Ушакова: *Вишневый* 'темно-красный, цвета спелой вишни'.

делить трудно. Ученые в общем возводят слово к названию павлина [155]. Скорее всего слово получено вместе с ввозимыми из-за границы дорогими тканями, и русские люди никак слово с опереньем павлина не связывали. Не исключено также предположение, что происхождение слова следует возводить не непосредственно к окраске павлиньих перьев, а к цвету камня [156].

По нашим материалам значение слова как цветообозначения определить весьма трудно; многочисленные примеры в общем мало что дают, так как почти все они однородны и являются в перечнях цвета одежды и тканей. Пожалуй, в наших материалах есть единственный пример, который позволяет уточнить значение слова. В одном из памятников XVII в. *таусинным* называют цветок чертополоха: Чертополох есть трава а ростет по полямъ а в русской земле и по огородамъ и по лугам и по ровнымъ мѣстам. . а цвѣтъ на стволѣ и на вѣтвиях яко же у рѣпейника большаго головки а цвѣтъ таусинной (Росп. травам, 201). То есть можно предположить, что прилагательное *таусинный* называет не темный, например темно-синий цвет [157], а довольно яркий, красный с синевой, близкий к малиновому. Любопытно сопоставить с описанием чертополоха в памятнике XVII в. некоторые современные, в которых цвет чертополоха называют *малиновым*, *пурпурным* и (романтично) *румяным*: Чертополох — народное название многих колючих высокорослых сорных растений. . это однолетние или многолетние травы с колючезубчатыми и шиповато-ресничатыми листьями. Мелкие пурпурные цветки собраны в голове (Брокгауз и

---

[155] См., например, Фасмер. См. также мнение специалистов по тканям: «Происхождение этого слова, вероятно, восточное. Патканов в своем труде о «Драгоценных камнях, их названии и свойстве по понятиям армян в XVII веке» описывает значение драгоценного камня «яхонта», один из оттенков которого — сине-вато-лиловый, носит название «тауси», т. е. павлиний цвет. Действительно, таусинный цвет вполне отвечает окраске оперения павлина. Часто вишневый цвет отожествляется с таусинным». (Клейн. Иноземные ткани, стр. 65).

[156] См., например, у Ферсмана: «Таусинный камень — сапфир и лабрадор, с отливом павлиньего пера. Корень слова происходит от персидского «тауси» — павлин. В старину в России таусинный цвет считался самым нарядным и роскошным». (А. Е. Ферсман. Указ. соч., т. I, приложение 3).

[157] См. Словарь 1847 г.: *Таусинный*. Стар. ‘темно-синий цвет краски’. То же Даль.

Эфрон. Энциклопедический словарь). Чертополох, будяк, мордовник, осот, репей — название многих колючих растений, главным образом из семейства сложноцветных, имеющих крупные корзинки цветков малиновой или желтой окраски (БСЭ). По суходолам живописно раскинулся чертополох, румяные клубни шишек хоть колючи и тяжелы, но по-своему привлекательны (До спада лета — «Вечерняя Москва», 19 августа 1971 г.).

Прилагательное *фиолетовый* появляется в русской литературе (по нашим материалам) не ранее второй половины XVIII в. Возможно, что в русском языке конца XVII—начала XVIII в. существовало прилагательное *фиалковый* (калька с французского?), хотя примеры конца XVII в. сомнительны. Очевидный пример есть из литературы XVIII в. Кантемир употребляет это слово для обозначения фиолетового цвета как одного из цветов спектра: Если . .впустить луч солнца через малую скважину. . луч тот преломляяся разделится на семь других лучей, из которых один фиалковый, другой пурпуровый, третий голубой, четвертый зеленый, пятый желтый, шестой рудожелтый, седьмой красный (Кантемир. Ода в похвалу наук). Прилагательное *фиолетовый* никогда не было очень употребительным. Кажется, с самого начала благодаря своему книжному характеру оно охотнее используется в литературе в общем специальной (лексика физики, минералогии, описания цвета одежды в журналах мод и прочее), например: ВВ. безъ сомнѣния уже примѣтили, что лучи въ радугѣ тѣмъ же порядкомъ одинъ за другимъ слѣдуютъ: за краснымъ слѣдуетъ оранжевый, по томъ желтый, зеленый, синий и наконец фиолетовый (Эйлер. ПП, I, 126). Драгоценные камни: Аметистъ фиолетовой (Бишинг, 40). Шляпка его [подореховика] щербиновата и снабжена фиолетовымъ мохнатымъ окрайкомъ (Сл. пов., I, 427). Шляпка изъ бархату и дымки разныхъ цвѣтовъ, напр. изъ зеленаго бархата съ виолетовою дымкою (Моды. ММ 1803 I, 74). В царской кладовой показывали намъ вѣнецъ Эдуарда Исповѣдника, осыпанный множеством драгоценных камней; золотую державу съ фиолетовымъ аметистомъ, которому цѣны не полагаютъ (Карамзин. Письма русского путешественника). В литературе XVIII века мы находим и наиболее ранние примеры употребления слова в описании природы, правда, в переводах: Когда солнце восходитъ выше, тогда принимаютъ

горы темнѣйшие цвѣты, и показываются то голубыми, то виолетовыми, то пурпуровыми (Карамзин. Деревенские вечера. — Детск. чтение, 1787 г., X, 41).

В современном русском языке прилагательное *фиолетовый* также не очень употребительно. Оно и доныне в известной степени сохранило характер книжного слова. Его используют в специальной литературе, где требуется точно назвать цвет, например один из основных цветов спектра: «В настоящее время исследование оптических спектров развилось в самостоятельный раздел физики — спектроскопию. Цвет света зависит от длины волны: наибольшая длина волны видимого света соответствует красному цвету, наименьшая — фиолетовому» (БСЭ, т. 40, стр. 274). Прилагательное *фиолетовый* определяет цвет одежды, тканей, например, в руководствах по шитью [158], журналах мод и прочее: Брюнетки со смуглой кожей, иссиня-черными волосами, ярким румянцем и зелеными, серыми и карими глазами могут носить платья слабонасыщенных теплых тонов. Вполне подходит чистый черный цвет с добавлением зеленого и красного, желтого и фиолетового (Воеводина, Дубинина. Одевайтесь со вкусом). Цветовая гамма осени — 71 широка — все оттенки бежевого вплоть до каштаново-коричневых тонов, цвет увядшей зелени, темно-красный, фиолетовый. Но ведущий цвет нынешней осени — фиолетовый. (Моды сезона. Осенние мотивы. «Вечерняя Москва», 26 августа 1971 г.).

В художественной литературе *фиолетовый* употребляется не очень часто, во всяком случае сравнительно с другим цветообозначением этой группы — *лиловый* — для названия цвета тканей, цвета растений, цветов, в пейзажных зарисовках для названия очень разных оттенков цветов: вечернее небо, особенно освещенное море, слабо окрашенные оттенки снега при вечернем освещении, цвет ночного неба, освещенного молнией или сама вспышка молнии и т. д.: За окнами вспыхнуло уже фиолетово и совсем широко, гром прокатился где-то близко и предостерегающе, в комнату пахнуло ветром (Бунин. Три рубля).

---

158 Любопытна «фиолетовая гамма», которая дается в таком руководстве: Фиолетовая гамма: сиреневый, цвет лесной орхидеи, цвет лесной фиалки, аметистовый, гелиотроп (темно-лиловый), цвет садовой фиалки, лиловый, ирис, сливовый, свекольный, цвет примулы, цвет персидской сирени, цвет фуксии (В. Воеводина, Р. Дубинина. Одевайтесь со вкусом. М., 1960).

День был жаркий, безветренный. Море лежало спокойное, ласковое, нежно-изумрудное около берегов, светло-синее посредине и лишь кое-где едва тронутое ленивыми фиолетовыми морщинками (Куприн. Корь). Мутные стекла избы в оранжевом накале: в избе зажгли лампу, и по стеклам пролетают фиолетовые тени (Гладков. Повесть о детстве). Вот так же в хорошую пору предночья стоял я в саду, разглядывая фиолетовое небо с огненными, бесследно исчезающими начертаниями зарниц (Сафонов. Осень за выжженными буграми. «Волга», 1968, № 5). На низком столе, сложенном из каменных плит, стоит среди бумаг букет темно-фиолетовых лютиков, самых поздних цветов альпийских лугов Станового (Федосеев. Последний костер. «Сибирские огни», 1969, № 1). И особняк и черные стволы лип, и темно-зеленые со светло-фиолетовыми пышными хлопьями кусты сирени были видны сквозь шелестящую завесу отполированных солнцем серых ветвей и плотных листьев яблонь (Чупров. Мечи и роза. «Юность», 1970, № 9). Он стоял на обочине дороги и протягивал навстречу автомашинам лист картона с надписью «Лозанна». Потрепанная шляпа с широкими полями, желтая куртка из чертовой кожи, фиолетовые джинсы и красные боты, тоже с кистями (Розенталь. Хиппи и другие. «Новый мир», 1971, № 7).

Если говорить о значении прилагательного *фиолетовый* как о цветообозначении, следует отметить, что оно в общем называет большую гамму цветов. В современном русском языке слово *фиолетовый* не имеет никакой связи с первоначальным значением «цвета фиалки» [159]. Оно называет довольно яркий насыщенный искрасна-синий цвет, вероятно, в чистом виде мы видим его в радуге, в спектре (в крае зеркала, в хрустале, в капле росы на цветах), в быту также, вероятно, довольно чистый фиолетовый — это цвет фиолетовых так называемых химических чернил и карандашей (кстати, при опросе никто не мог назвать предметов фиолетового цвета, кроме чернил). Этот «чистый», «классический» фиолетовый цвет и имеется ввиду в специальной литературе.

---

[159] См. русские толковые словари. Словарь 1847 г.: *Фиолетовый* 'цветом похожий на фиалку, искрасна-синий'. Ушаков: *Фиолетовый* 'цвета фиалки, синий с красноватым оттенком, лиловый'; ССРЛЯ: *Фиолетовый* 'синий с красноватым оттенком, темно-лиловый, цвета фиалки'.

В художественной литературе слово *фиолетовый* употребляется для названия очень многих и очень разных оттенков. Кроме того, интенсивного красно-синего, о котором уже говорилось, оно называет и очень темный цвет, например, цвет темного синего с легким красноватым оттенком неба, иссиня-черной с легким красным отливом земли и очень светлый, блеклый, слабый, чуть-чуть голубовато-розовый цвет морозных узоров на окне, снега при вечернем освещении, серой с чуть заметным розоватым оттенком пыльной дороги и т. д. В современной цветописи слово используется также для выражения слабых оттенков цвета, являющихся при необыкновенном освещении или контрасте цветов, чтобы подчеркнуть слабый, временный и часто неожиданный оттенок цвета: [Новая Зеландия с самолета] Взлетели, набрали высоту. Четкая геометрия новозеландских полей, фиолетовый снег на горах. Видны и правый и левый островные берега (Песков. Белые сны). В общем — дорога. Обросший инеем тамбур вагона, чемодан на верхней полке да бегущие за окном зимние равнины: дымно-серые утром, бледно-золотистые днем — под низким декабрьским солнцем и голубовато-фиолетовые вечером (Почивалин. Ольга Ивановна). Сразу за рощей горизонт раздается; на фиолетово-черной пашне оранжево вспыхивают кабины гусеничных «ДТ—75» с агрегатами сеялок, оставляющими за собой бурые шлейфы пыли; под серым низким небом плывет, сливаясь, рокот моторов (Почивалин. Мои большие хутора).

Иногда сам автор особо отмечает необычность, так сказать единичность данного цветового восприятия: С радостью новыми глазами смотрю кругом. . остро вижу, слышу, обоняю. . Пока я читал, в природе сокровенно шли изменения. Было солнечно, празднично; теперь все померкло, стихло. В небе мало-помалу собрались облака и тучки, кое-где, — особенно к югу, — еще светлые, красивые, а к западу за деревней, за ее лозинами, дождевые, синие, скучные. . По сухой фиолетовой дороге, пролегающей между гумном и садом, возвращается с погоста мужик. На плече белая лопата с прилипшим к ней синим черноземом (Бунин. Книга). Этой зимой было много фиолетовых дней. А может быть, я впервые заметил их, стал различать. Фиолетовое небо, фиолетовый снег, деревья в фиолетовой оправе (Яковлев. Такой вот старик. «Юность», 1968, № 12).

Таким образом, прилагательное *фиолетовый* как будто имеет большие возможности как цветообозначение, называя очень большую палитру разнообразных оттенков. Однако следует заметить, что слово часто называет не цвет, свойственный вообще предмету, а тот неуловимый беглый оттенок, который получается в каких-то особых обстоятельствах. Слово мало употребительно в речи, оно скорее принадлежность книжного языка, а в художественной литературе используется часто очень индивидуально в пейзаже импрессионистского характера.

Наверное приблизительно одновременно с фиолетовым, может быть чуть позже, было заимствовано в русский язык из французского (или из французского через немецкий) прилагательное *лиловый* (фр. lilas — сирень). Прилагательное *лиловый*, образованное от иноязычного корня с русским суффиксом, совершенно не имеет иноземного облика и довольно быстро входит в язык, впоследствии оно становится в общем очень употребительным, особенно в художественной литературе. Впрочем даже в литературе XVIII в. может быть и не очень употребительное, оно, кажется, уже отличается от других цветообозначений этой группы более широкой сочетаемостью (например, у Державина). Примеры: Софья, одѣтая въ бѣлое простое платье, съ розою на груди, съ лиловымъ бантикомъ на темнорусыхъ волосахъ. .съ арфою въ рукахъ, садится въ кресла (СПб., М. 1793, I, 189). Вышли новые ленты лиловаго цвѣта с померанцовыми полосами въ тень (Моды. ММ, 1803, II, 143). Онъ зрѣлъ: какъ солнцу путь заря уготовляла, Лиловые ковры съ улыбкой разстилала, Врата востока отперла. Крылатыхъ коней запрягла И звѣздъ царя, сего вѣнчаннаго возницу Румяною рукою взвела на колесницу (Державин. Утро). Солнце лучемъ лиловымъ на взморье Броситъ как огнь, Петрополь вкушать Свѣжий зефиръ валитъ въ лукоморье: ѣдешь и ты там гулять (Державин. Весна). Вотъ черно-тинтово вино, За здравье выпьемъ чернобровыхъ. Какъ сердцу сладостно оно Намъ съ поцелуемъ устъ лиловыхъ! Ты тожъ, смуглянка, хороша: Такъ поцѣлуй меня, душа! (Державин. Разные вина).

В современном русском языке слово очень употребительно, особенно в художественной литературе XX в. Слово используется не только со значением, близким к исконному, т. е. довольно интенсивный синевато-ро-

зовый цвет сирени, например для цвета растений, цветов, но и для многообразных оттенков лилового в пейзажных зарисовках: цвет туч, моря, предгрозового неба, цвет затянутого дымкой дальнего леса, гор и прочее. Например: Разорванные сине-лиловые тучи, краснея на восходе, быстро гнались ветром. Становилось все светлее и светлее (Л. Толстой. Война и мир). Трава поникла, жизнь замерла. Загорелые холмы, буро-зеленые, вдали лиловые, со своими покойными, как тень тонами, равнина с туманной далью, представлялись теперь бесконечными, оцепеневшими от тоски (Чехов. Степь). Поблекший дол под старыми платанами Иссохшие источники и рвы Усеяны лиловыми тюльпанами И золотом листвы (Бунин. Прощание). На земле еще жесткой Пробивается первая травка. И в кружеве березки — Далеко-глубоко — Лиловые скаты оврага (Блок. На перекрестке). По стенам шифера, источенным водой, Побеги каперсов; иссохший ствол маслины; А выше за холмом лиловые вершины Подъемлет Карадаг зубчатою стеной (Волошин. Травою жесткою. . .). И дождя еще не было, он наверное, ждал сигнала грозы, хотя тучи набухли до темнолилового оттенка и совсем придавили собой разворошенную ветром тайгу (Малышев. Тринадцатый кордон. «Звезда», 1970, № 7).

Как и *фиолетовый* слово называет довольно разные оттенки смешанного сине-красного цвета. Они могут быть вероятно довольно интенсивными, это пожалуй даже яркий насыщенный сине-красный цвет: цвет фиалок, цвет вина, цвет губной помады и т. д. Например: Настя полюбила шоссе над морем. . полюбила крутые горы и курчавые леса. . полюбила горький запах лавров и даже запах лилового слабого вина, которым однажды угощал ее Соколовский в дощатом ресторанчике (Паустовский. Роза ветров). И тут в ординаторскую влетела Людмила. . Людмила скинула колпачок, сдернула с шеи маску с лиловым помадным пятном и сказала отчаянно: — Савичев, милый, возьми мои сутки (Володин. Возьми мои сутки, Савичев. «Москва», 1969, № 4). Витька протянул руку и включил транзистор, который принес с собой, когда садился обедать. Надя поставила кисель. Витька поднял кружку и, наслаждаясь музыкой, не спеша тянул густую лиловую жидкость (Минчковский. Дождь летней ночью. «Нева», 1969, № 7).

Прилагательное называет также очень темный цвет, вероятно, как и в *фиолетовом* речь идет о случайном, временном восприятии цвета, зависящего от освещения или о каком-то оттенке, отливе, отблеске у предмета, окрашенного в очень темный цвет: К вечеру стало выясняться. Сквозь снежинки виднелось черно-лиловое звездное небо, и мороз стал усиливаться (Л. Толстой. Война и мир). В лилово-синем море чернозема Затерян я. И далеко за мной, Где тусклый блеск лежит на кровле дома, Струится первый зной (Бунин. Пахарь). Дома она сказала, что едет на курсы, а вместо этого проехала в трамвайчике до Елагина моста и бродила весь вечер по голым аллеям, переходила мостики, глядела на воду, на лиловые сучья, распластанные в оранжевом зареве заката, на лица прохожих, на плывущие за мшистыми стволами огоньки экипажей (А. Толстой. Хождение по мукам). В то же время прилагательное *лиловый* называет очень светлые голубовато-розовые, серовато-розовые оттенки, например, цвет дыма (в морозное ясное утро), слегка окрашенного низким солнцем; цвет пара, тумана, легкие голубоватые тени на снегу, вечерний синеватый сумрак и прочее: На тонком, невидимом стебле клонится и качается лесной колокольчик, как дыхание, тающий и лиловый, как лиловатый лесной сумрак (Николаева. Жатва). Тогда впервые я познакомился с бескрайностью степи, с ее жарой, с ее лиловатостью (Ю. Олеша. Ни дня без строчки). Как памятна эта деревенская немудреная картина: зимние морозные дни, над заснеженными крышами столбами стоят по утрам лиловые дымы, скрипят колодезные журавли, звенят ведра, слышатся женские голоса (Соколов-Микитов. Свидание). Уже рассвело, но солнце еще пряталось где-то за горизонтом. Белый пар широко поднимался от градирен, розовел, лиловел, медленно вытягиваясь на фоне горящего неба, заслонял зарю, а зеленый блеск ламп медленно расползался и смутно появлялись за его бледнеющей завесой темные силуэты цехов и труб (Харчиков. Среди людей. «Октябрь», 1970, № 7).

В отличие от прилагательного *фиолетовый лиловый* используется также для описания человека, не только его одежды, но и цвета лица, цвета губ, кровеносных сосудов, просвечивающих через кожу и даже для цвета глаз и волос. Здесь также речь идет об очень разных от-

тенках смешанного цвета. Достаточно яркий, интенсивный цвет называют, когда речь идет о цвете лица. Вероятно, в данном случае это красный с синевой цвет, который иначе мы назвали бы багровым, это цвет лица человека хмельного, или лица, налившегося кровью от натуги и др.: Не только щеки, но лоб, подбородок, нос Бликина залило нездоровой, лиловатой краской. Потери во время уборки были везде. И всегда называли цифры урожаев на корню. Почему же теперь от Бликина требовали амбарного урожая? (Николаева. Битва в пути). На базаре Тихон молча, деловито, лиловел лицом, выдергивал коновязи, пугал всхрапывающих лошадей (Казаков. Старики). Он обернулся, увидел над собою огромного хмельного бородача; лиловое, блестящее потом лицо его расплывалось от доброты (Гранин. Кто-то должен).

Вероятно, близкий к этому цвет, может с большей примесью синего, называется в примерах, где *лиловый* определяет цвет губ: И, проходя мимо шатра, она слегка повернула голову, повела на меня глазами: глаза эти были необыкновенно темные, таинственные, лицо почти черное, губы лиловые, крупные — в эту минуту они больше всего поразили меня (Бунин. Весной в Иудее). Я быстро убедился, что этот кривоногий, плешивый старичок, с вывороченной и лиловой нижней губой совсем равнодушен к своей работе (И. Катаев. Поэт). Тесным строем пошли на директора лейтенанты, боевым кулаком. — Ты кто такой здесь нашелся? Барсук тыловой. . Отойди! Даргиничев топнул ногой. Губы его выворотились, лиловые стали. — Я представитель Военного совета фронта, выполняю особое задание (Горышин. Запонь). Несколько более светлый цвет называет прилагательное *лиловый*, когда речь идет о цвете кожи, где просвечивают кровеносные сосуды: Княжна Марья вошла к отцу и подошла к кровати. Он лежал высоко на спине с своими маленькими костлявыми покрытыми лиловыми узловатыми жилками руками на одеяле (Л. Толстой. Война и мир). Это был коротенький мужчина, с лиловыми сумками под глазами, сильно окрашенным рыхлым лицом и подвижными мягкими руками (Федин. Необыкновенное лето). Стоило, однако, кому-нибудь подойти, он сразу же водворял повязку на место: не очень то приятно постороннему задерживать взгляд на косо срезанной лиловым шрамом брови (Почивалин. Мои большие хутора).

Наконец, индивидуально слово употребляется по отношению к цвету глаз и волос. Видимо, речь идет либо о необыкновенном цвете, либо о необычном восприятии его: И я весело осмотрел ее. Она сидела с другой стороны стола, вся взобравшись на стул, поджав под себя ногу, положив полное колено на колено, немного боком ко мне, под лампой блестел ровный загар ее руки, сияли сине-лиловые усмехающиеся глаза и красновато отливали каштаном густые и мягкие волосы (Бунин. Натали). На Есенине был смокинг, на затылке цилиндр, в петлице хризантема. . Большая и великолепная Айседора Дункан с театральным гримом на лице шла рядом, волоча по асфальту парчовый подол. Ветер вздымал лиловато-красные волосы на ее голове. Люди шарахались в сторону (Толстая-Крандиевская. Воспоминания о Сергее Есенине).

Определения русских толковых словарей в общем не соответствуют тем значениям слова, которые мы наблюдаем в современной литературе, разумеется, ни цвет сирени, ни цвет фиалки не соответствует этому очень сложному цветообозначению [160]. Хотелось бы отметить еще одну особенность в употреблении прилагательных *лиловый* и *фиолетовый*. Дело в том, что, видимо, разные люди называют один и тот же цвет одни *лиловым*, другие *фиолетовым*.

Определения толковых словарей в речи наших современников то и дело опровергаются, одни считают более темным фиолетовый, другие лиловый, одни называют более ярким лиловый, другие фиолетовый, не говоря уже о том, что не существует единого мнения о соотношении синего и красного цветов в этих смешанных цветах. Вероятно это зависит от особенности самих цветообозначений и от особенности их употребления. Можно думать, что подобная ситуация не является особенностью только нашего времени. Возможно, что с самого начала два цветообозначения, называющие смешанный красно-

---

[160] См. русские толковые словари. Словарь АР: *Лиловый* 'светлоголубой с бледнорозовым цветом смешанный'. Словарь 1847 г.: *Лиловый* 'светлоголубой смешанный с бледнорозовым цветом'. Словарь Ушакова: *Лиловый* 'цвета фиалки или сирени, светлофиолетовый'. ССРЛЯ: *Лиловый* 'цвета фиалки или сирени; розоватого голубой, светлофиолетовый'.

вато-синий цвет — *лиловый* и *фиолетовый* — мало различались.

Один и тот же цвет разные люди в разных обстоятельствах могли назвать *лиловым* и *фиолетовым*. Например, в описании торжественного вступления Екатерины II на престол Державин называет цвета иллюминации: лиловый и зеленый, а в примечании, разъясняющем слова Державина, упоминаются цвета зеленый и фиолетовый: Но что съ тобою будетъ, когда посреди всѣхъ дивъ представится тебѣ въ сапфирныхъ, розовыхъ и янтарныхъ лучахъ горящий и всеосвещающий памятникъ любезной Матери твоего отечества, олтаря ея и образъ, вокругъ которыхъ по сторонамъ, въ зеленыхъ и лиловыхъ заряхъ, видны дражайщия имена всего ея наслѣдия? (Державин. Торжественное восшествие Екатерины II на престол — Соч. 1803, IV, с. 50). И примечание: Сквозь транспаранты сияли вензловые имена его императорского высочества наследника престола, его супруги. . озаренные фиолетовым и зеленым цветами знаменующими безсмертия и надежду (Там же). Не исключено предположение, что замена эта не случайна, возможно, лиловый, уместное в поэтической речи, или в приподнятом стиле (лиловые зори) исправляется на фиолетовый — более нейтральное.

В современной литературе мы можем указать ряд сходных контекстов, где в одинаковых обстоятельствах для названия вероятно одного цвета употребляется цветообозначение, то *фиолетовый*, то *лиловый*. Вот некоторые примеры: О ц в е т е г л а з у л о ш а д и. *Фиолетовые*: Лошадь вздрагивала, испуганно кося большим, по цвету радужно-фиолетовым, словно хороший фотообъектив, глазом (Белов. Плотницкие рассказы. «Новый мир», 1968, № 7). Гнедко косит назад фиолетовым глазом, навостряет ухо, но рыси не прибавляет (Шукшин. Кукушкины слезки). Не идет конь, глядит на Никишку фиолетово-дымчатыми дрожащими глазами (Казаков. Никишкины тайны). *Лиловые*: В конюшне полусумрак и прохладно, Навозом пахнет, сбруей, лошадьми, Касаточки щебечут. . И Ами, Соскучившись, тихонько ржет и жадно Косит свой глаз лилово-золотой (Бунин. Сенокос). Обнажив лиловые белки, храпя, лошади пятились; нервная волна, похожая на завивающийся жгут, пробежала по спине каурой кобылы и присела на задних ногах

кобыла (Липатов. Деревенский детектив). Лошаденка добродушно косит на нас лиловым глазом, неспешно шагает, в такт мотая гривастой головой, поводит заиндевелыми боками (Красавин. Женька. «Волга», 1968, № 5). Цвет чернил. *Фиолетовые*: У двери на фанерном щите висел косо приклеенный листок папиросной бумаги. Фиолетовый шрифт пишущей машинки можно было разобрать с трудом (Путко. Своя ноша. «Октябрь», 1969, № 5). *Лиловые*: Там он не спеша повесил свою серую шляпу и длинное пальто на рога стоячей вешалки, сел за столик в самом дальнем углу и, растерянно потирая руки с рыжими волосатыми кистями, стал читать бесконечное перечисление закусок и кушаний, частью напечатанное, частью написанное расплывшимися лиловыми чернилами на просаленном листе (Бунин. В Париже). — Все предусмотрел, — ухмыльнулся Алексей и, вынув руки из карманов, медленно и торжественно показал лиловые, исписанные химическим карандашом ладони (Почивалин. Ольга Ивановна). Даль, горы вдали, горизонт. *Фиолетовый*: Как стая птиц, в пустыне одиноко Белеет форт. За ним — пески, страна Нагих бугров. На золоте востока Четка и фиолетова она (Бунин. Рассвет). *Лиловый*: Все также пуст Эвксинский Понт И так же рдян закат суровый, И виден тот же горизонт Текучий, гулкий и лиловый (Волошин. Моя земля хранит покой. . .). Седым и низким облаком дол повит. . . Чернильно сини кручи лиловых гор Горелый, ржавый, бурый цвет трав Полосы иода и пятна желчи (Волошин. Седым и низким облаком дол повит. . .). Цвет радуги, цвет в спектре: *Фиолетовый*: На мрачном фоне тучи озаренной Чернеет точкой птица. Все свежей Свет радуг фиолетово-зеленый И сладкий запах ржей (Бунин. Две радуги). *Лиловый*: От чернильницы оранжевые и лиловые зайчики (И. Катаев. Сердце) и другие.

Таким образом, прилагательное *лиловый*, будучи в отличие от прилагательного *фиолетовый*, чрезвычайно употребительным, так же, как оно, является как цветообозначение чрезвычайно неясным и расплывчатым, называющим очень различные оттенки. Часто можно предполагать очень индивидуальное, очень субъективное восприятие цвета, который называют эти цветообозначения. Особенность этих цветообозначений в том, что они называют смешанные цвета часто с едва уловимыми при-

месями второго цвета, какие-то полутона [161], поэтому их употребляют, когда хотят подчеркнуть именно этот тонкий, может быть, едва уловимый оттенок. Эти цветообозначения часто употребляются в таких ситуациях (за исключением специальной литературы), где возможна их замена, т. е. употребление в художественной литературе (или в речи) других цветообозначений, называющих простые цвета, например *синий* или *красный*. Сравним синий (голубой) сумрак, туман, дым, даль и пр. (вместо фиолетовый), красное от напряжения лицо, синеватые губы (вместо лиловый) и т. д.

Если говорить об истории этих прилагательных как об истории цветообозначений, следует заметить, что они как очень новые цветообозначения, вероятно, еще переживают свою историю. Ни одно из них не является абстрактным цветообозначением, даже такого типа как смешанные, сравнительно новые *коричневый* и *оранжевый*. Вместе с третьим, появившимся позднее, — *сиреневый* — они называют иногда очень одинаковые, иногда очень разные оттенки цветов, все в какой-то степени ограничены в сфере употребления и сочетаемости, кажется, наибольшие возможности стать абстрактным цветообозначением имеет *фиолетовый*.

---

[161] Интересно, что на это указывают сами художники, например Бунин говорит о *лиловых цветах* (во множественном числе), о *лиловых полутонах*: Еще бегут поспешно и высоко Лохмотья туч, но ветер от востока Уж дал горам лиловые цвета (Бунин. И скрип и визг над бухтой наводненной. . .) Нет даже чаек. Слабо проползает Шурщащий краб. Желтеют кости рыб. И берегов краснеющий изгиб В лиловых полутонах изчезает (Бунин. Вдоль этих плоских знойных берегов).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование большого материала, заключенного как в памятниках древнерусских, так и в литературе нового времени, позволяет наметить несколько линий развития лексики цветообозначений, а также указать некоторые общие тенденции в истории этой лексико-семантической группы.

Мы имеем несколько ограниченное, одностороннее представление о состоянии лексико-семантической группы цветообозначений в древнерусском языке раннего периода. Т. е. говоря об эпохе ранней, мы по существу говорим не о языке, а только о литературном использовании цветообозначений. Нам уже приходилось отмечать, что особенностью памятников этого времени является отсутствие текстов, где могли бы быть цветообозначения. В имеющихся в нашем распоряжении памятниках прилагательные цветообозначения редки, набор цветообозначений невелик, хотя разные группы цветообозначений уже здесь представлены количественно различно. Анализ древних памятников, несмотря на ограниченный материал, позволяет сделать вывод о том, что в это древнее время восточные славяне могли при желании очень тонко различать цветовые нюансы. Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть своеобразное использование, своеобразную роль цветообозначений в памятниках древнейшего периода. Они почти везде играют второстепенную, вспомогательную роль. Обращает на себя внимание несамостоятельность, даже какая-то, скажем, ненатуральность этих цветообозначений, почти каждое из них требует комментария, оговорки, почти к каждому хочется дать примеча-

ние. То это явное или неявное символическое использование, например, прилагательные *белый*, *черный* в христианской символике; *червленый*, *синий*, *зеленый*, как символическое обозначение разных стихий (Хроника Георгия Амартола). То это использование цветообозначений в составе словосочетаний, свойственных языку фольклора: *серый волк*, *синее море*, *сизый орел*, где прилагательные *серый*, *синий*, *сизый*, разумеется, цветообозначения, но являются здесь привычными, застывшими эпитетами, в значительной степени потерявшими свою свежесть как цветообозначения. То это использование цветообозначений в составе устойчивых словосочетаний, например, *черная куна*, *белая веверица*, где прилагательные уже не выражают цвет, так как эти сочетания имеют специальное (терминологическое или близкое терминологическому) значение. Словом, так или иначе в древнерусских памятниках в отличие от нового времени значительная часть цветообозначений как бы не является собственно цветообозначениями, они не используются в контексте, где название цвета является единственной целью сообщения. Указанные особенности являются отражением специфики литературы, и мы можем отметить и назвать первую линию — линию исторического развития и изменения названий цвета в памятниках литературных.

С течением времени, в последующие столетия количество цветообозначений в памятниках увеличивается (главным образом, в памятниках деловых). Деловые памятники дают материал особенно ценный, потому что они несомненно отражают особенности живой речи. Вместе с тем, цветообозначения используются здесь в сфере специальной, где необходимо не просто назвать цвет, но различать в деловых же целях очень тонкую разновидность его. В памятниках древнерусских мы можем отметить вторую линию — линию деловой литературы, употребление цветообозначений в сфере специальной, линию, ведущую в дальнейшем к выработке терминологии цветообозначений в разных областях знаний.

Намечая как бы две линии развития цветообозначений, может быть уместно обратить внимание на разное использование цветообозначений и разный характер цветообозначений в языке художественной литературы и в литературе специальной. В художественной литературе цветообозначение используется в качестве эпитета,

поэтому важно не точное определение цвета, а то, что бросается в глаза, на что хотелось бы обратить особое внимание, поэтому, например, возможно сочетание синие волосы, хотя волосы не синие, а черные — только со слабым синеватым отливом. В специальной литературе важно точно определить цвет предмета (драгоценного камня, ткани, окраски животных, растений). Поэтому здесь так часты сложные прилагательные (конь изсавраса гнед, ткань красновишнева, волосы красносеры и др.). Поэтому здесь употребляются разные цветообозначения, свои в каждой области. Выбор их в значительной степени обусловлен природой предмета, например, яблочнозеленый цвет в минералогии, пепельный в зоологии (т. е. выражается не только цвет, но консистенция и блеск, или отсутствие его).

Русские литературные памятники древнерусского периода в общем сохраняют в использовании цветообозначений традиции, установившиеся в раннем периоде. Некоторый перелом в отношении к цвету, в использовании цветообозначений намечается только в XVII в. Для истории цветообозначений XVII век знаменателен тем, что здесь в литературе впервые начинает проявляться интерес к цвету. В XVII в., видимо, происходят бурные процессы в группах цветообозначений, которые завершаются к концу века. Так, например, появившееся к XVII веку в новой роли слово *красный* необычайно активно расширяет сферу употребления и вытесняет из языка группу цветообозначений с корнем *červ-. В группах цветообозначений растут синонимические ряды: *червленый — червчатый — красный*; *рудожелтый — жаркой — огненный — померанцевый* (может быть, сюда же *глинастый*); *вишневый — сливный — таусинный*; *голубой — лазоревый — блакитный* и пр. Кажется, что как и в обществе, все поднялось со своих мест, все движется. В самом деле, вероятно, объясняется это не только внутренним движением в лексико-семантической группе цветообозначений, но в известной степени причинами внешними, среди которых следует отметить значительное передвижение населения, вызванное событиями начала века, демократизацию литературы (как писателя, так и читателя). Эти внешние воздействия способствуют тому, что в литературу приходят цветообозначения, которые и до этого использовались в народном языке, а также раз-

личные диалектные варианты цветообозначений. К концу XVII в. лексико-семантическая группа цветообозначений почти сформировалась и близка (для основных цветов) к современному состоянию. По существу, не оформились лишь группы смешанных цветов: коричневый, оранжевый, фиолетовый.

XVIII век, по-своему сложный для истории цветообозначений, знаменателен главным образом тем, что здесь начинают широко использоваться цветообозначения в художественной литературе. В литературе XVIII в. мы находим новые сочетания прилагательных — цветообозначений: *голубое небо*, *голубые очи*, *румяная заря*, *багряные тени*, *желтые нивы* и пр. Т. е. с XVIII в. по существу начинается цветопись и наша первая линия, по которой шло изучение цветообозначений в памятниках литературных с этого времени требует особого исследования, изучения истории русской цветописи. Вероятно в литературе XVIII в. нужно также искать истоки использования цветообозначений во многих терминологических системах, т. е. наша вторая линия развития цветообозначений в сфере специальной с XVIII в. требует также специального изучения. В XVIII веке появляются новые цветообозначения для смешанного красно-синего цвета и оформляется группа фиолетового цвета.

Таким образом, если говорить о формировании лексико-семантической группы цветообозначений, сопоставляя ее с современным состоянием, то можно считать, что она оформляется по своему составу к середине XVIII в.

Что же касается отдельных цветообозначений, то история их завершается в разное время и отнюдь не для всех к середине XVIII в. Так, уже ранние памятники представляют нам следующую картину по составу групп цветообозначений. Цветообозначения *белый*, *черный* являются широко употребительными, с неограниченной сочетаемостью, стилистически нейтральны. Они уже пережили свою историю как цветообозначения и являются абстрактными цветообозначениями для названия этих цветов. Гораздо менее употребительными являются цветообозначения *желтый* и *зеленый*, но это обусловлено характером литературы. Думается, что они также являются абстрактными цветообозначениями. Группа красного представлена рядом цветообозначений. Ни одно из них не является абстрактным цветообозначением для названия красного

цвета. Поэтому (разумеется, не только поэтому) история группы названий красного цвета, это история утрат и замен, история перемещений, изменения соотношений между цветообозначениями до тех пор, пока не является цветообозначение *красный*. В XVII в. прилагательное *красный* окончательно выявляется как абстрактное цветообозначение, и все остальные цветообозначения этой группы встают по отношению к нему в зависимое положение (если не утрачиваются совсем), уходят каждый в свою сферу: *багряный* только книжное, только для обозначения яркого, красного цвета, главным образом в пейзаже, *багровый* — или для цвета лица, или в пейзаже для названия красного цвета с особым экспрессивным оттенком, *алый* — для цвета растений, цвета лица, а позднее в новой сфере, в новых сочетаниях с изменением значения цветообозначения (*алые стяги*, *алые флаги*) и пр.

Несколько по другому представляется история названий синего цвета с другой ролью прилагательного *синий*. Не вполне ясно его значение в древности, нужно полагать, что оно осложнялось какими-то старыми значениями. Вероятно, оно еще не окончательно оформилось как абстрактное цветообозначение, может быть именно поэтому появляются и сохраняются надолго в языке другие цветообозначения этой группы, называющие наиболее яркие, интенсивные оттенки, например, *голубой*, *лазоревый*. Но со временем прилагательное *синий* окончательно выкристаллизовывается как абстрактное цветообозначение, и другие цветообозначения этой группы, либо утрачиваются, либо встают в подчиненное отношение, например, *голубой* (оттенок синего с наличием эмоционально экспрессивной оценки).

Очень интересна история названий коричневого цвета, где также значительные изменения в группе начинаются в XVII в. Широко употребительное цветообозначение *бурый* приобретает экспрессивную окраску и вытесняется на периферию новым цветообозначением *коричневый*, которое постепенно развивается в абстрактное цветообозначение этой группы.

В настоящее время не закончены процессы в группах смешанных цветов, есть еще какие-то ограничения в употреблении прилагательного *коричневый*, несомненно довольно зыбкие очертания имеет группа фиолетового. Некоторые цветообозначения особенно для смешанных

цветов, кажется, еще продолжают свою историю; на наших глазах, видимо, переживают еще изменения прилагательное *рыжий*, глагол *рдеть*, прилагательное *голубой* и некоторые другие.

Заканчивая обзор истории цветообозначений, нам хотелось в заключение отметить лишь некоторые общие тенденции в развитии лексико-семантической группы цветообозначений.

Несомненно, что внешне развитие шло в сторону увеличения количества цветообозначений. Вместе с этой тенденцией расширения группы цветообозначений существует тенденция выявления абстрактных цветообозначений в группах цветообозначений, тенденция противоположная первой, так как абстрактные цветообозначения в значительной степени лимитируют возможности других цветообозначений данной группы. В художественной литературе несомненно можно наметить тенденцию к употреблению новых цветообозначений, выражающих более тонкие оттенки цвета, а также цветовые нюансы, зависящие от обстоятельств, например, освещения, контраста цветов и др. В современной литературе все более широко используются цветообозначения, называющие смешанные цвета с неопределенным значением, например, *лиловый*, *рыжий*, *сизый* и некоторые другие. Вместе с тем в терминологических системах с развитием производства, науки все больше требуются цветообозначения, называющие совершенно точно оттенки цвета.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ААЭ I—IV — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук, т. 1—4. СПб., 1836. 1294—1700 гг.

А. Белоз. съезж. избы — Акты Белозерской съезжей избы 1613—1699 гг. — Хран. в ЛОИИ, ф. 194.

А. Верхот. съезж. избы — Акты Верхотурской съезжей избы 1613—1699 гг. — Хран. в ЛОИИ, ф. 28.

Ав. Ж. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. — Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, вып. 1, Л., 1927. (РИБ, т. 39, стлб. 1—240). 1672—1673 гг.

Ав. Кн. бес. — *Аввакум.* Книга бесед. — Там же, стлб. 241—424. 1669—1675 гг.

Ав. Сотв. мира — *Аввакум.* О сотворении мира, грехопадении первого человека и о потопе. — Там же, стлб. 651—684. 1672 г.

А. гражд. распр. I—II — Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собр. и изд. А. Федотов — Чеховский, т. 1—2. Киев, 1860—1863. 1432—1699 г.

Аз. пов. — *А. Орлов.* Исторические и поэтические повести об Азове (Взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.). Тексты. М., 1906. Сп. XVII—XVIII вв.

АИ I—V — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. 1—5. СПб., 1841—1842. 1334—1700 гг.

А. Кир. — Б. м. — Акты Кириллова Белозерского монастыря XVI—XVII вв. — Хранятся в ЛОИИ, к. 260, оп. 1.

Александрия — В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893. XII в., сп. XV, XVII в.

Алф.[1] — Книга глаголемая гречески алфавит. — Рукоп. БАН, Арх. д. № 446. XVII в.

АМГ I—III — Акты Московского государства, изд. Акад. наук, т. 1—3. СПб., 1890—1901. 1571—1664 г.

Англ. д. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею, т. 2 — Сб. РИО, т. 38, СПб., 1883. 1581—1604 гг.

Апокал. — Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского. — Рукоп. БАН, Ник., № 1. XII в.

Арз. а.—Арзамасские поместные акты (1578—1618 гг.). Собр. и ред. С. Б. Веселовский. — Смутное время Московского государства, 1604—1613 гг., вып. 4 (Чт. ОИДР, 1916, кн. 1).

Арс. Сух. Проскинитарий — Проскинитарий Арсения Суханова. — Правосл. палестин. сб., т. 7, вып. 3. СПб., 1889. 1650 г.

Арханг. лет. — Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). 1950. XVI в., сп. XVII в.

Арх. бум. Петра I—II — Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом, т. 1—2. М., 1872. 1672—1725 гг.
Арх. Курак I—X. Архив кн. Б. А. Куракина. Кн. 1—10. СПб., 1890—1902. 1661—1727 гг.
А. Кунгур. — Кунгурские акты XVII в. (1668—1699 гг). СПб., 1888.
Арх. Он. — Архив Онежского Крестного монастыря. — Хранится в ЦГАДА, ф. 1195, оп. I. XVII в.
Арх. Стр. I—II — Архив П. М. Строева, т. 1. Пг., 1915. 1400—1597 гг. т. 2. Пг, 1917. 1598—1645 гг.
А. Свир. м. — Акты Александрова Свирского монастыря XVII в. — Хранятся в ЛОИИ, ф. 3, оп. 1.
А. Соловьева — Собрание актов С. В. Соловьева 1506—1700 гг. — Хранятся в ЛОИИ, к. 124.
Астрах. а. — Акты Астраханской воеводской избы XVII в. — Хранятся в ЛОИИ, ф. 178.
А. Холмог. там. избы. — Акты Холмогорской таможенной избы XVII в. — Хранятся в ЛОИИ, ф. 149.
АХУ I—III — Акты Холмогорской и Устюжской епархий, ч. 1—3. СПб., 1890—1908. (РИБ тт. 12, 14, 25). 1621—1690 гг.
АЮБ I—III — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, Изд. Археорг. комис, т. 1—3. СПб., 1857—1884. XIII—XVII вв.
А. Юш. — Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собр. и изд. А. Юшков, ч. 1. 1257—1613 гг. — Чт. ОИДР, 1898, кн. 2, 3. Сп. XVII в.
Библ. Генн. — Книги ветхого и Нового Завета. Писаны в 1499 г. в Новгороде, при дворе архиеп. Геннадия. — Рукоп. ГИМ. Син., № 915.
Бишинг — см. Бюшинг.
Болотов Зап. — Записки Андрея Тимофеевича Болотова, 1738—1795 гг. т. 1. СПб., 1875.
БСК — Большая словарная картотека современного русского языка. Ин-т языкознания АН СССР, Ленинград.
Булав. восст. — Булавинское восстание (1707—1708 гг.). М. 1935 (Тр. Ист. — археогр. ин-та АН СССР т. 12). 1703—1709 гг.
Бюшинг — Антона Фридриха Бишинга Руководство и познание географического и политического состояния европейских государств и республик. Пер. с нем. А. Разумновым. СПб., 1763.
Варл. Хут. — Похвала и Чудеса Варлаама Хутынского XV в. — Рукоп. ГБЛ, ф. 256 (Рум.), № 154. Сп. XVI или н. XVII в.
Вед. о Кит. зем. — С. О. Долгов. Ведомость о Китайской земле и глубокой Индеи. СПб., 1899 (ПДПИ № 133). 1669 г.
Влад. сб. — Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М., 1857. 1431—1729 гг.
ВМЧ. — Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археогр. комис., М. — СПб., 1868—1917. XVI в.
ВНП — Великорусские народные песни. Собранные А. И. Соболевским, т. 1—7. СПб., 1895—1902.

Ворон. а. — Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, т. 1. Воронежские акты. Воронеж, 1887. 1599—1705 гг.

Воскр. лет. VII—VIII — Летопись по Воскресенскому списку. — ПСРЛ, т. 7, 8. СПб., 1856—1859.

Врем. И. Тим. — Временник дьяка Ивана Тимофеева. — Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Л., 1925 (РИБ т. 13), стлб. 261—472. XVII в.

Выходы цар. — Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексия Михайловича, Феодора Алексиевича, всея Русии самодержцев (с 1632 по 1682 г.). М., 1844.

ГБ XI — Григория Богослова тринадцать слов, XI в. ГПБ Qn I, 16.

ГБ XIV — Григория Богослова шестнадцать слов с толкованиями Никиты Ираклийского, XIV в. ГИМ, Син., № 954.

Гебд. — *И. Я. Гурлянд*. Иван Гебдон комиссариус и резидент. (Материалы по истории администрации Московского государства второй половины XVII в.). — Врем. Демид. юрид. лицея, кн. 89. Ярославль, 1904. 1659—1661 гг.

Геогр. ген. — География генералная небесный и земноводный круги купно с их свойствы и действы в трех книгах описующая. Переведена с лат. яз. на рос. [Ф. Поликарповым]. М., 1718.

Горе Зл. — Повесть о Горе — Злочастии. — Русские повести XVII века. Сост. М. О. Скрипиль. Л., 1954.

Гр ок 1339 — Грамота духовная московского в. кн. Ивана Даниловича Калиты ок. 1339 г. (ДДГ № 1). — Хран. ЦГАДА, ф. 135.

Гр 1392—1427 (2) — Грамота духовная Патрикея Строева, 1392—1427 гг. Хран. ГБЛ, ф. 303 (Архив Тр.-Серг. лавры).

Гр Б — Новгородские берестяные грамоты: № 160 А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1955 г.) М., 1958.

Гр. Дв. I — Грамоты Двинского уезда. — Сборник грамот Коллегии экономии, т. 1. Пг., 1922. XV—XVII в.

Гр. Сиб. Милл. I—II — *Г. Ф. Миллер*. История Сибири 1—2. М.—Л., 1937—1941. 1556—1661 г.

Гр. Хив. Бух. — Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1932. 1585—1705 гг.

ДАИ I—XII — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археогр. комис., т. 1—12. СПб., 1846—1875. К. X в. — 1700 г.

Даль — Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1—4. М., 1955.

Дам. Афон. гора — Афонская гора и Соловецкий монастырь. Труды чудовского иеродиакона Дамаскина (1701—1706 гг.) Сообщ. архим. Леонид. СПб., 1883 (ПДП, № 43).

Девг. д. — *М. Н. Сперанский*. Девгениево деяние. Исследование и тексты. Пг., 1922 (Сб. ОРЯС, т. 99, № 7). XI—XII в., сп. XVIII в.

Де-Геннин — *Д. де-Геннин*. Описание уральских и сибирских заводов (1735 г.). М., 1937.

Д. Иос. Колом. — *А. А. Титов*. Иосиф, архиепископ Коломенский (дело о нем 1675—1676 гг.). — Чт. ОИДР, 1911, кн. 3.

Д. Моск. пр. о мятежах. А. Зерцалов. О мятежах в городе Москве и селе Коломенском 1648, 1662 и 1771 гг. — Чт. ОИДР, 1890, кн. 3.

Днев. зап. ПТД. Белокуров С. А. Дневальные записки Приказа тайных дел 7165—7183 гг. — Чт. ОИДР, 1908, кн. I, 1657—1675.

Дн. П. Толстого — Путешествие стольника П. А. Толстого. 1697—1699 — Русский архив, 1888, вып. 2—8.

Док. в Сенате I—VI — Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, т. 1—6. СПб., 1888—1901.

Док. Моск. театра — Московский театр при царях Алексее и Петре. Материалы собр. С. К. Богоявленским. — Чт. ОИДР, 1914, кн. 2. 1672—1709 гг.

Дон. д. I—V — Донские дела, кн. 1—5. — РИБ, т. 18, 24, 26, 29, 34. СПб., 1898. — Пг., 1917. 1594—1639 гг.

Доп. к Опыту — Дополнения к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.

Д. патр. Никона — Дело о патриархе Никоне. Изд. Археогр. комис. СПб., 1897. 1655—1676 гг.

ДРС — Картотека древнерусского словаря XI—XVII вв. — Институт русского языка АН СССР, Москва.

Д. холоп. — *А. Яковлев.* Холопы и холопство в Московском государстве XVII в, т. I. М.—Л., 1943. 1620—1649 гг.

Д. Шакловит. I—IV — Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Изд. Археогр. комис., т. 1—4. СПб., 1884—1893. 1689—1725 гг.

Ев. (Воскр). — *Г. А. Воскресенский.* Древнеславянское евангелие от Марка . . . Сергиев Посад. 1894. XI—XVI вв.

ЕС — Ежемесячные сочинения к пользе и увеселением служащие. СПб., 1755—1764.

Ж. Андр. Юрод. — Житие Андрея Юродивого. См. ВМЧ, Окт. 1—3. XII в., сп. XVI в.

ЖВИ XIV—XV — Житие Варлаама и Иоасафа. Сборник житий и слов. XIV—XV вв. — ГПБ, Соф., № 1365.

Ж. Игн. В. — Житие Игнатия Вологодского, XVI в. — Рукоп. ГБЛ, ф. 310 (Унд.), № 302, XVII в.

Ж. Ниф 1219 — Житие Нифонта, 1219 г. — ГБЛ, ф. 304 (Тр. Серг.) № 35.

Ж. патр. Никона — Житие святейшего патриарха Никона, писанное бывшим при нем клириком. СПб., 1784.

Ж. Пафн. Бор. — *А. П. Кадлубовский.* Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным. — Сб. Ист. филол. об-ва при Ин-те кн. Безбородко в Нежине, т. 2, 1889. XVI в.

Ж. Пр. Уст.[1] — Житие преподобного Прокопия Устюжского. СПб., 1893. (Изд. ОЛДП, 103). XVII в.

Ж. Пр. Уст.[2] — Житие Прокопия, юродивого Устюжского. Похвала и чудеса Прокопия, юродивого Устюжского, 1554 г. — Рукоп. ГБЛ, ф. 256 (Рум.), № 361.

Ж. Стеф. Махр. — Житие Стефана Махрищского, сост. Иоасафом еп. Вологодским, XVI в. — Рукоп. ГБЛ, Муз., № 2496.

Ж. Стеф. Перм. Епиф. — Житие святого Стефана епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Изд. Археогр. комис. СПб., 1897. Н. XV в., сп. к. XV—н. XVI в.

Ж. Феодос. Нест. — Житие преподобного Феодосия, игумена Печерского. — Сборник XII в. Московского Успенского собора, вып. 1. М., 1899 (Чт. ОИДР, 1899, кн. 2).

ЖФП XII — см. Ж. Феодос. Нест.

Ж. ц. Дм. Тулуп. — Житие царевича Димитрия Иоанновича, внесенное в Минеи Германа Тулупова. — РИБ т. 13 столб. 877—898, 1630 г.

Заб. Дом. быт. — *И. Забелин.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. ч. I, М., 1895.

Заб. Разр. Дополнения к дворцовым разрядам, собранные из книг и столбцов преждебывших дворцовых приказов архива Оружейной палаты И. Забелиным, ч. 1. — Чт. ОИДР, 1882, кн. I.

Задон. — Задонщина великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимира Андреевича по Кириллобелозерскому списку 1470 г. — П. Симони. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий, вып. 3. Пг., 1922.

Златостр. — В. Н. Малинин. Десять слов Златоструя XII века. СПб., 1910.

ЗЦ к XIV — Златая цепь, конца XIV в. — ГБЛ, ф. 304 (Тр. Серг.).

Изб. Св. 1073 г. — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. СПб. 1880 (Изд. ОЛДП, 55).

Изб. Св. 1076 г. — Изборник Святославов 1076 г. Рукоп. ГПБ, Эрм., № 20. (Изд.: Изборник 1076 г. М., 1965).

Ин. сказ. — Так называемое Иное Сказание. — Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Изд. 3. Л., 1925 (РИБ т. 13). XVII в.

Иос. Вол. Просветитель — Просветитель или обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа Волоцкого. Казань, 1896. Ок. 1511 г., сп. XVI в.

Ипат. лет. — Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. 2. СПб., 1908.

Ис. и Варн. — Изречения Исихия и Варнавы по русским спискам. Сообщ. В. Семенова. СПб., 1892 (ПДП, № 92). Сп. XIV—XV вв.

Каз. лет. — История о Казанском царстве (Казанский летописец). — ПСРЛ, т. 19, СПб., 1903.

Калуж. а. — *А. И. Маркевич.* Калужские купцы Дехтеревы. Одесса, 1891. 1636—1792 гг.

Карт. Псков. обл. словаря — Картотека Псковского областного словаря. Хранится в ЛГУ при межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина.

Карт. СРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров. Хран. в ЛО Ин-та русского языка АН СССР.

КВ к XIV — Кормчая Варсонофьевская конца XIV в. — ГИМ, Чуд. № 4.

КЕ XII — Кормчая Ефремовская, XII в. ГИМ, Син., № 227.

Кир. Тур. — *И. П. Еремин.* Литературное наследие Кирилла Туровского. ТОДРЛ, т. 12, 13, 15. М.—Л., 1955—1958. XII в., сп. XIII—XVI вв.

Кир. Тур (К.) — Творения Кирилла епископа Туровского, российского витии XII в. — Памятники российской словесности XII в., изд. К. Калайдовичем. М., 1821. сп. XIII—XVI вв.

Кир. Тур. Пис. Вас. — Послание к Василию архимандриту Печерскому XII столетия. — Прибавления к изданию творений св. отцов русской церкви. М., 1851. Сп. XVI в.

Кир. Тур. (С.) — [Сочинения Кирилла Туровского. Изд. М. И. Сухомлиновым]. Рукописи графа А. С. Уварова, т. 2, СПб., 1858. XII в., Сп. XIV—XVII в.

Кирша Дан. — Сборник Кирши Данилова. Изд. Публ. б-ки. Под. ред. П. Н. Шеффера. СПб. 1901. Сп. XVIII в.

КН 1280 — Кормчая Новгородская, 1280 г. ГИМ, Син. № 132.

Кн. Б. Чертежу — Книга Большому чертежу — Рукоп. ГИМ, Увар., № 5. 1680 г.

Кн. зап. Моск. ст. I — Записные книги Московского стола — РИБ т. 9. СПб., 1884.

Кн. землед. — Книга зовомая земледелателная новопечатавшаяся с прибавлением и жалованною грамматою. Сложенная Агапием монахом критским. . . в Венетии 1674. . . преведеся в Великом Новеграде 1705 лета, в Софийском доме. — Рукоп. БАН. 34.5.23.

Кн. охот. рег. — Книга охотничей регул или порядок о содержании псовой охоты. Пер. с нем. 2-й пол. XVII в. Рукоп. ГПБ, Q X, 3. Сп. XVIII в.

Кн. пер. Ипат. м. — Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 г. — Чт. ОИДР, 1890, кн. 3.

Кн. пер. Нил. Столб. I—VII — Переписные книги Ниловой Столбенской пустыни, 1636—1696 гг. — Рукоп. б-ки Смол. пед. ин-та [утрачены].

Кн. пер. Свир. м. — Переписные книги Александрова Свирского монастыря № 15, 1646 г., № 37, 1660 г. — Рукоп. ЛОИИ ф. 3, оп. 2.

Кн. пер. скота — Переписные книги скота и лошадей. Рукоп. ГПБ, QX, 10. XVII в.

Кн. п. Моск. I — Писцовые книги Московского государства, ч. 1, Писцовые книги XVI в. Изд. РГО под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1872.

Кн. Поганкина — Книга псковитина, посадского торгового человека Сергея Иванова сына Поганкина. Псков, 1870. 1645 и 1678 гг.

Кн. посев. Мор. — Книги посевные ужинные и умолотные в имении Морозова. — Врем. ОИДР, 1850, кн. 7. 1650—1662 гг.

Кн. прих. Болд. м. — Болдин-Троицкий Дорогобужский монастырь. Книги приходные 1585—1607 гг. Л., 1924 (РИБ т. 37).

Кн. прих.-расх. Ант. м. № 1 — Книги приходо-расходные Антониева Сийского монастыря 1575—1643 гг. Рукоп. ЛОИИ, ф. 5, оп. 2.

Кн. прих. расх. Ант. м. № 3 — Книги приходо-расходные Антониева Сийского монастыря 1646 г. Рукоп. ЛОИИ, ф. 5, оп. 2.

Кн. прих-расх. Волокол. м. — Приходо-расходная книги Иосифова Волоколамского монастыря. Рукоп. ЛОИИ, ф. 284. XVI в.

Кн. прих.-расх. Ивер. м. — Приходо-расходная книга Иверского Валдайского монастыря 1665—1666 гг. — Рукоп. ЛОИИ, ф. 181, оп. 2. № 20.

Кн. прих.-расх. Каз. пр. — Приходо-расходные книги Казенного приказа 1613—1614. СПб., 1884 (РИБ, т. 9).

Кн. прих.-расход. Моск. — Приходо-расходные книги Московских приказов, кн. 1, СПб., 1912 (РИБ, т. 28). 1614—1619 гг.

Кн. прих.-расх. Тихв. м. — Приходо-расходная книга Успенского Тихвинского монастыря 1590—1592 г. — Рукоп. ЛОИИ ф. 132, оп. 2.
Кн. п. Уст. — Писцовая книга 1676—83 г. — Н. А. Н[айденов]. Устюг Великий, М., 1883.
Кн. расх. Болд. м. — Болдин Дорогобужский монастырь. Книги расходные. — Монастырские приходо-расходные книги, вып. 1. Л., 1924 (РИБ, т. 37). 1585—1600 гг.
Кн. расх. Ивер. м. № 24 — Книга расходная Иверского Валдайского монастыря. 1633—1664 гг. — Рукоп. ЛОИИ, ф. 181, оп. 2.
Кн. расх. Корел. м. — Книга расходная Николаевского Корельского монастыря 1551—1560 гг. Рукоп. ЛОИИ, к. 115.
Кн. расх. Кир. м. № 381. Книга расходная Кириллова Белозерского монастыря 1605—1606 гг. — Рукоп. ЛОИИ, к. 115, № 381.
Кн. расх. Свир. м. — Книги расходные Александрова Свирского монастыря № 6, № 33, № 60 — Рукоп. ЛОИИ ф. 3, оп. 2. XVII в.
Кн. Степ. — Книга Степенная царского родословия, ч. 1—2. — ПСРЛ, т. 21. СПб., 1908—1913. 1560 гг.
Кн. там. Тур. остр. — Книга таможенная Туринского острога, 1626 г. Рукоп. ЛОИИ, ф. 115, № 286.
Кн. ям. новг. — *И. Я. Гурлянд*. Новгородские ямские книги 1586—1631 гг. — Врем. Демидовск. юрид. лицея, кн. 82 и 83. Ярославль, 1901.
Козм. — Книга глаголемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих. СПб., 1878—1881. 1665—1667 гг., сп. 1670 г.
Козм. V — Книга нарицаемая Козмография сиречь всемирное описание земел и назменование степенем во округах небесных. — Рукоп. Пушкинского дома, собр. В. Н. Перетца, № 175, н. XVIII в.
Корм. Балаш. — Кормчая Балашева, с прибавлениями. — Рукоп. БАН 21.5.4. XVI в.
КР 1284 — Кормчая Рязанская 1284 г., ГПБ Fn. 1, 1.
Краш. ОЗК — Описание земли Камчатка, соч. Степаном Крашенинниковым. СПб., 1755.
Крым. д. I — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымского и Нагайского ордами и с Турцией, т. I. СПб., 1884 (Сб. РИО, т. 41). 1474—1505 гг.
Крым. д. II — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией, т. 2. СПб., 1895 (Сб. РИО, т. 95). 1503—1521 г.
Куликовский — *Г. Куликовский*. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1896.
Куранты — Куранты или вестовые письма 1655 и 1665 годов. — Чт. ОИДР, 1880, кн. 2.
Курганов Письмовник — Писмовник, содержащий в себе науку российского языка. . . 4-е изд. вновь выправленное, приумнож. и разделенное на 2 части профессором и кавалером Николаем Кургановым ч. I и II. СПб., 1790.
Лавр. лет. — Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, т. 1. Изд. 2-ое. Л., 1926—1928.

Лекс. треяз — Лексикон треязычный. Сост. Федор Поликарпов. М., 1704.
Лепехин — Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768—1772 г., ч. 1—4. СПб., 1780—1805.
Леч. I — Лечебник. Рукоп. Пушкинского дома, собр. В. Н. Перетца, № 367. 1763 г.
Леч. III — Лечебник без заглавия. Рукоп. Пушкинского дома, собр. В. Н. Перетца, № 217. 1672 г.
Мат. медиц. — Материалы для истории медицины в России, вып. 1—4. СПб., 1881—1885. 1629—1682 гг.
МЖ — Московский журнал, ч. 1—8, 1791—1792.
Мин. сент. — *И. В. Ягич.* Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 г. СПб., 1886.
ММ — Московский Меркурий. Ежемесячный журнал, изд. П. И. Макарова, ч. 1—4. М., 1803.
Моск. а — Акты Московского уезда XVII в. — Хран. в ЛОИИ, к. 249.
Моск. лет. — Московский летописный свод конца XV века. — ПСРЛ, т. 25. М.—Л., 1949.
МРФ — Материалы для истории русского флота, ч. 1—10. СПб., 1865.
Муч. Ирины — Мучение св. Ирины. — Сборник XII в. Московского Успенского собора, вып. 1. М., 1899 (Чт. ОИДР, 1899, кн. 2).
Назиратель — Книга глаголемая «Назиратель», сиречь «Уряд домовных детель». Рукоп. ГИМ, Барс., № 371. XVI в.
Нак. Милосл. — Наказ данный стольнику Илье Даниловичу Милославскому и дьяку Леонтию Лазоревскому при отправлении послами в Царьград. — Врем. ОИДР, кн. 9, 1851, с. 1—102. 1643 г.
Ник. лет. — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. — ПСРЛ, т. 9—14. СПб., 1862—1910.
Новг. каб. кн. I — Новгородские записные кабальные книги 103, 104 и 111 годов (1591—1596 и 1602—1603). Под ред. А. И. Яковлева. М.—Л., 1938.
Новг. каб. кн. II — Новгородская кабальная книга 7106 (1597) года. — РИБ, т. 15. СПб., 1894.
Новг. каб. кн. IV. — Новгородские кабальные книги 7108 (1599—1600 г.) — РИБ, т. 15. СПб., 1894.
Новг. I лет. — Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Изд. Археогр. комис. СПб., 1888.
Новг. V лет. — Новгородская пятая летопись. — ПСРЛ, т. 4, ч. 2. Пг., 1917.
Одежды царицы — Одежды и обувь царицы Агафьи Симеоновны, 1681 г. — П. В. Савваитов. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб, 1865.
Олон. а. — Олонецкие акты 1597—1666 гг. Хранятся в ЛОИИ, ф. 98.
Он. был. Глф. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873.
Оп. им. Ив. Гр. — Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича по спискам и книгам 90 и 91 годов. — Врем. ОИДР, 1850, кн. 7. 1582—1583 гг.

Оп. им. Тат. — Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. — Врем. ОИДР, 1850, кн. 8. 1608 г.

Опис. Холмог. ц. Описание церкви св. апостола Якова, находящейся при Холмогорском архиерейском доме, 1696 г. — Рукоп. ЛОИИ, к. 11, № 94.

Оп. казны Фил. Опись келейной казны патриарха Филарета Никитича, 1630. — РИБ, т. 3. СПб., 1876, столб. 875—1000.

Оп. Моск. Усп. собора — Описи Московского Успенского собора, от начала XVII века по 1701 год включительно. — РИБ, т. 3. СПб., 1876.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

Орбис. Тер. — Орбис Терарум: сии речь образец или чертеж всего света земель. — Рукоп. ГПБ, Q IV, № 52, 1685 г.

Оруж. — Бор. Год.— Оружие и ратный доспех царя Бориса Федоровича Годунова, 1589 г. — П. Савваитов. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1865.

Оруж. Мих. Фед. — Оружие и ратный доспех царя Михаила Федоровича, 1640 г. Там же, с. 57—67.

Основ. Царьград. — О основании Царяграда и зданиях его изряднейших. — Рукоп. ГПБ, Q XVII, № 8, к. XVII в.

Остр. ев. — Остромирово евангелие 1056—57 года. С приложением греч. текста евангелий и с граммат. объяснениями, изд. А. Востоковым. СПб., 1843.

Отп. Ртищева. — *А. А. Голубев.* К истории бунта Стеньки Разина в Заволжьи. — Чт. ОИДР, 1894, кн. 3, 1670—1671 гг.

Пал 1406 — Палея толковая, 1406 г. — ГБЛ, ф. 304 (Тр. Серг), № 38.

Пам. сиб. ист. I—II — Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1882—1885.

Панд. Ант. Пандект Антиоха. — Рукоп. ГИМ, Воскрес., № 30. XI в.

Пат. Син. — Патерик Синайский. — Рукоп. ГИМ, Син., № 551. XI в.

Переп. Мих. Фед. — Переписка царя Михаила Федоровича. — Письма русских государей и других особ царского семейства, т. I. М., 1848. 1619—1632 гг.

Переп. Хован. — Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников. Сообщ. Г. Лукьяновым. — Старина и новизна, кн. 10. М., 1905. XVII в.

Перс. д. — Памятники дипломатических сношений Московской Руси с Персией. Изд. под. ред. Н. И. Веселовского, т. 3. СПб., 1898. 1614—1621 гг.

Песни Квашн. — *М. Н. Сперанский.* Из материалов для истории устной песни. — Изв. АН СССР, отдел общ. наук, 1932, № 10. К. XVII в.

Песни Рыбн. — См. Рыбников.

Петр I—XI — Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 1—11. СПб., М.—Л., 1887—1950. 1688—1711 гг.

Печ. был. — *Н. Е. Ончуков.* Печерские былины. СПб., 1904.

Пис. Вас. Ив. — Письма в. к. Василия Иоанновича. — Письма Русских государей и других особ царского семейства. т. I. М., 1848.

Пис. к Голицыну. Письма к князю Василию Васильевичу Голицыну. — Врем. ОИДР, 1850, кн. 6.

Пис. к. Матюшкину. Письма [царя Алексея Михайловича] к стольнику Афанасию Ивановичу Матюшкину, 1646—1662. — Собрание писем царя Алексея Михайловича. Изд. П. Бартенев. М., 1856.

Пис. к Никону — Письма царя Алексея Михайловича к Никону. — Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856. 1652 г.

Плат. Мих. Фед. — Платье царя Михаила Федоровича, 1629 г. — см. Савваитов.

Плат. Фед. Ал. Царская утварь и платье царя Федора Алексеевича, 1682 г. — см. Савваитов.

Плат. ц. Евд. Лук. Платье, головной и спальный уборы царицы Евдокии Лукьяновны, 1642 г. см. Савваитов.

Платнер. Наставл. хирургич. — Иоганна Захария Платнера. Основательные наставления хирургические медические и рукопроизводные перев. с лат. яз. лекарем Мартином Шеиным. СПб., 1761.

Пов. Ап. Тир. — Повесть об Аполлоне Тирском. — Летописи русской литературы и древности, т. I. М., 1859. Сп. XVIII в.

Пов. Вас. Злат. — Повесть о Василии Златовласом, королевиче чешской земли. Сообщ. И. А. Шляпкина. СПб., 1882 (ПДПИ, № 31). XVII в., сп. XVIII в.

Пов. Кат.-Ростовского — Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского. — РИБ, т. 13. Л., 1925. 1626 г.

Пов. об Акире — А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты. М., 1913. XI—XII вв., сп. XV в.

Пов. о Бове — Повесть о Бове королевиче. Сказание про храброго витезя про Бову королевича. — Библиотека всемирной литературы. Серия I, т. 15.

Пов. об Отроче монастыре — Повесть о Тверском Отроче монастыре. — Русская повесть XVII в. Л., 1954.

Пов. о начале града Москвы — Повесть о начале царствующего града Москвы. — Русская повесть XVII в. Л., 1954.

Пов. Скоп.-Шуйском — Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском — РИБ, т. 13. СПб., 1909. Сп. XVII—XVIII в.

Пов. о Сух. — *В. И. Малышев.* Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.—Л., 1956.

Пов. Петр Злат. Кл. — Повесть о Петре Златых ключей. — *В. Д. Кузьмина.* Рыцарский роман на Руси. М., 1964. XVII в., сп. 1702 г.

Пов. Ульян. Осор. — Повесть об Улиянии Осорьиной. — Русская повесть XVII в. Л., 1954.

Подвысоцкий — *А. Подвысоцкий.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб, 1883.

Подлинник ик. — Подлинник иконописный. Изд. С. Г. Большакова, под ред. И. Успенского. М., 1903.

Польск. д. I—V — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским, т. 1—5. М. — СПб., 1882—1913.
Пон. I—III — Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 1, 3. Изд. журн. «Странник», под. ред. А. И. Пономарева. СПб., 1894—1897.
Посольство Барятинского. Посольство князя Михаила Петровича Барятинского. — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. т. 3. СПб., 1898. 1618—1624 гг.
Посольство Васильчикова — Посольство в Персию Григория Борисовича Васильчикова. — Труды Вост. отд. Русск. археолог. об-ва, т. 21, 1892. 1614—1616 гг.
Посольство Толочанова. — Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию (1650—1652). Документы изд. и введ. снабдил М. Полиевктов. Тифлис, 1926 (Междунар. сношения Грузии с иноземн. странами. 1).
Посошков. О. скуд. и бог. — *И. Т. Посошков.* Книга о скудости и богатстве. М., 1937. 1724 г.
П. отреч. I—II — Памятники отреченной русской литературы. Собр. и изд. Н. Тихонравовым, т. 1—2. СПб., М., 1836. Сп. XVII—XVIII вв.
Пох. журн. — Походный журнал 1695. . . 1726 года. СПб., 1853—1855.
Пр XIV (I) — Пролог Сентябрьской половины перв. четв. XIV в. — ГИМ, Син., № 239.
Пр XIV—XV (I) — Пролог мартовской половины, XIV—XV вв. — ГИМ, Чуд. № 17.
Правда Рус. — Правда Русская. Тексты под ред. Б. Д. Грекова. М—Л., 1940. Кр. XI в., сп. XV в. Пр. XII в., сп. XIII—XVII вв.
Предисл. ур. — Предисловие о уринах многих мастеров рассуждение. — Рукоп. ГИМ, Щук. № 285—292, к. XVII в.
Преображенский — *А. Преображенский.* Этимологический словарь русского языка. М., 1958.
Причитанья СК — *Е. В. Барсов.* Причитанья северного края, ч. 1—2. М., 1872—1882.
Пр Л XIII — Пролог Лобковский сентябрьской половины, 1262 г.— ГИМ. Хлуд., № 187.
Пр 1383 — Пролог мартовской половины, 1383 г. — ЦГАДА, ф. 381, № 172.
Пролог (Срз). — Пролог сентябрьской половины года. — Рукоп. БАН, 24.4.33, н. XV в. Собр. Срезневского.
Пр Юр XIV — Пролог (Юрьевский) сентябрьской половины XIV в., — ЦГАДА ф. 381, № 153.
Псков. I лет. — Псковская первая летопись. — ПСРЛ, т. 4. СПб., 1848.
Псков. II лет. — Псковская вторая летопись. — ПСРЛ, т. 5. СПб., 1851.
Псков. песни — Народные песни, собранные и записанные о Псковской губернии И. К. Копаневичем. Псков, 1907.
ПТ — Покоящийся трудолюбец, периодическое издание, служащее продолжением Вечерней зари. . ., ч. 1—4. М., 1784—1785.

Пустоз. сб. — *В. Г. Дружинин.* Пустозерский сборник. — Памятники первых лет русского старообрядчества. — ЛЗАК, 1914, вып. 26. XVII в.

Пч к. XIV — Пчела XIV—XV вв. — ГПБ, Fп. I, 44. Изд. В. Семенов. Древнерусская Пчела по пергаменному списку. — Сб. ОРЯС, т. 54. СПб., 1893.

Рим. имп. д. I—IX — Памятники дипломатических сношений с империей Римскою, т. 1—9. СПб., 1851—1868.

Риторика — Книги суть риторики. . . — Рукоп. ГИМ Син. № 933, 1620 г.

Рог. лет. — Рогожский летописец. — ПСРЛ, т. 15. Пг., 1922.

Росп. им. Н. Ром. — Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова. — Чт. ОИДР, 1887, кн. 3, 1655—1659 гг.

Росп. травам — Роспись травам ко всякому лечению где которая растет и в каких местах и как которая зовется и какова стволом и листом и цветом и к чему пригодна. — Рукоп. ГИМ, Щук. 285/292, к. XVII в.

Росп. узор — Росписи узорочным товарам, винам и другим предметам, купленным в Архангельске на государев обиход. — РИБ, т. 2, стлб. 559—567. 1635 г.

Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. 1—3. М.—Петрозаводск, 1861—1864.

Савваитов — П. Савваитов. Описание старинных царских утварей. . . СПб., 1865.

Сав. Грудцын — Повесть о Савве Грудцыне. — Летописи русской литературы и древности, т. 2. М., 1859. XVII в., сп. XVIII в.

Сб. Друж. — *В. Г. Дружинин.* Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI века. — ЛЗАК, 1909, вып. 21.

Сб. Тр XII—XIII — Сборник (Торжественник), к. XII н. XIII в. — ГБЛ, ф. 304 (Тр. Серг.), № 12.

Сб. Чуд XIV — Сборник Чудова монастыря № 20. — ГИМ, Чуд., № 20.

СГГД I—V — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел, ч. 1—5. М., 1813—1854. 1265—1696 гг.

СДР — Картотека словаря древнерусского языка XI—XIV в. Институт русского языка АН СССР. Москва.

Сим. Обих. книгоп. — К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении. Материалы для истории техники книжного дела и иконописи, извлеченные из русских и сербских рукописей и других источников XV—XVIII столетий. Собр. и снабдил вводн. ст. и объяснит. примеч. П. Симони, вып. 1, Тексты и примеч. (ПДПИ, № 161). СПб., 1906.

Сим. Перепл. худ. — Опыт сборника сведений по истории и технике переплетного художества на Руси. Собр. и примеч. снабдил П. Симони. СПб., 1903. XV—XIX в.

Сим. послов. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собр. и пригот. к печати П. Симони I, П. СПб., 1899 (Сб. ОРЯС, т. 66, № 7).

Синодик Ниж. Печ. м. I — Синодик Нижегородского Печерского монастыря 1552 г. — Рукоп. гос. архива Горьк. обл.

Синопсис — Синопсис, или краткое собрание от различных летописцев и начале славянороссийского народа. . . М., 1714.

Сказ. Авр. Пал. — Сказание Авраамия Палицына. — Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. — РИБ, т. 13. Л., 1925. XVII в.

Сказки Аф. — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. 1. Л., 1936.

Сказ. о голом — Сказание о голом и небогатом. — *В. П. Адрианова-Перетц.* Русская демократическая сатира XVII. М.—Л., 1954.

Ск БГ XII — Сказание о св. мучениках Борисе и Глебе. — Сб. XII в. Московского Успенского собора, вып. 1. М., 1899. (Чт. ОИДР, 1899, кн. 2).

Сл. Дан. Зат. — Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932, сп. XVI—XVII вв.

Сл. и д. I—II — Н. Новомбергский. Слово и дело государевы (Материалы). Томск, 1909. 1690—1772 гг.

Сл. Иппол. об. антихр. — *К. Невоструев.* Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII в. М., 1968.

Словарь АР — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный, ч. 1—6. СПб., 1806—1822.

Словарь 1847 г. — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. II отд. АН, СПб., 1847.

Словарь Бурнашева — *В. Бурнашев.* Опыт терминологического словаря, т. 1—2. СПб., 1843—1844.

Словарь Добровольского — *В. Н. Добровольский.* Смоленский областной словарь, т. 1—2. Смоленск, 1914.

Словарь Миртова — *А. В. Миртов.* Донской словарь. Ростов-на-Дону. 1929.

Словарь Срезневского — *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам, т. 1—3. СПб., 1893—1912.

Сл. о п. Иг. — Ироическая песнь о походе на половцов. . . Игоря Святославича. М., 1800. Воспроизведение см. в кн.: Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

Сл. пов. — *Б. А. Левшин.* Словарь поваренный, приспешничий, кондитерский и дистиляторский, ч. 1—6. М., 1795—1797.

Соф. врем. I—II — Софийский временник или русская летопись с 862 по 1534 год. Издал П. Строев, ч. 1—2. М., 1820—1821.

Соф. I лет. — Софийская первая летопись. — ПСРЛ, т. 5. СПб., 1851.

Соф. I лет (2) — Софийская первая летопись, вып. 1 — ПСРЛ, т. 5, изд. 2-ое. Л., 1925.

Соф. II лет — Софийская вторая летопись. — ПСРЛ, т. 6. СПб. 1853.

Спафарий. Китай — *Ю. Арсеньев.* Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675—1678 гг). — Вестник археологии и истории, вып. 17. 1906 г.

Спафарий. Сибирь — Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введ. и

примеч. Ю. В. Арсеньева. — Зап. РГО по отдел. этнографии, т. 10. СПб., 1882.
СПбм — С.-Петербургский Меркурий. Ежемесячное издание, 1793 г., ч. 1—4. СПб., 1793—1794.
Срезн. — см. Словарь Срезневского.
СРНГ — Словарь русских народных говоров, вып. 1—6. Л., 1665—1970.
СРЯ — Словарь русского языка, т. 1—4. М., 1957—1961.
ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17. М.—Л., 1950—1965.
Стих о жизни патр. певчих — *Д. С. Лихачев.* «Стих о жизни патриарших певчих» (Демократическая сатира конца XVII в.). — ТОДРЛ, т. XIV, 1958.
Столб ик. — Столбцы Архива Оружейной палаты (1665—1675). — А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века. М., 1916.
Столб. Шавк. — Столбцы из дер. Шавкуновской — Тр. Вятск. учен. архивн. комис. 1914 г. 1612—1770 гг.
Столов. обих. — Новоспасск. м. — Столовый обиходник Спаса, что на Новом (Новоспасского) монастыря. — Монастырские обиходники (Чт. ОИДР, 1880, кн. 3.), к. XVI в.
Строг. столб. Строгановские столбы, 1558—1770 гг. — Хранятся в ЛОИИ, ф. 125.
Суб. Мат. I—III — Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Н. Субботина, т. 1—3. М., 1874—1878. 1653—1677 гг.
Там. кн. I—III — Таможенные книги Московского государства XVII в., т. 1—3. М.—Л., 1950—1951. 1630—1688 гг.
Там. кн. Тихв. м. — Таможенные книги Успенского Тихвинского монастыря XVII века. — Рукоп. ЛОИИ, ф. 132.
Толк. лит. Германа — Толкование на литургию св. Германа в редакции VIII в.—X в. — *Н. Красносельцев.* Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки. Казань, 1885. Сп. XII в.
Торг. кн. — Торговая книга XVI в. — Рукоп. ГПБ, Q IX, № 52, Сп. к. XVII в.
Торг. кн. (С.) — Торговая книга. С предисл. И. П. Сахарова. — Зап. Отд. русск. и слав. археологии Археол. об-ва, т. 1. СПб., 1851. XVI—XVII вв.
Травник — Травник. Рукоп. — ГИМ, Щук. № 285/292, к. XVII в.
Травник Любч. — Травник (Лечебник), перевод немчина Николая Любчанина, 1534 г. — Рукоп. ГИМ, Увар., № 387. (Царск., № 615). Сп. XVII в.
Трут. — Трутень. Еженедельное издание на 1769—1770 гг. СПб., 1769—1770 гг.
У Ст XII—XIII — Устав Студийский к. XII или н. XIII в. — ГИМ. Син., № 330.
Устав ратных д. I—II — Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки в 1667 и 1621 годах. Выбран из иностранных военных книг Онисимом Михайловым, ч. 1—2. СПб., 1771—1781.
Ушаков — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушаков, т. 1—4. М., 1935—1940.

Фасмер — *М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка, т. 1—4. М., 1964—1973.

Физ. — *А. Карнеев.* Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. Изд. ОЛДП, № 92. СПб., 1890. Сп. XV—XVI в.

Флавий. Полон. Иерус. (П) Иосиф Флавий. О полонении Иерусалима, кн. 4—7. Расписано по копии с рукоп. ГБЛ, ф. 113. (Иос. Волокол.), № 651. XI в., сп. XVI в.

Флавий. Полон. Иерус. (М.) — *Н. А. Мещерский.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958. XI в., сп. XVI в.

Флор. ек. — Флоринова экономиа. С нем. на рос. яз. сокращенно переведена С. Волчковым. СПб., 1738.

Х. Ант. Новг. — Книга паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония архиепископа Новгородского в 1200 г. — Правосл. палестин. сб., т. 17, вып. 3. СПб. 1899. Сп. XVI в.

Х. Вас. Гаг. Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары 1634—1637 гг. — Правосл. палестин. сб., т. 11, вып. 3. СПб., 1891.

Х. Вас. Познякова — Хождение купца Василия Познякова по святым местам Востока 1558—1561 гг. — Правосл. палестин. сб., т. 6, вып. 3. СПб. 1887. Сп. XVII в.

Х. г. Вас. — Хожение гостя Василья 1465—1466 гг. — Правосл. палестин. сб., т. 2, вып. 3. СПб., 1884. Сп. XVI в.

Х. Дан. иг. — Житье и хоженье Данила Русьския земли игумена 1106—1107 гг. — Правосл. палестин. сб., т. 1, вып. 3 и 9. СПб., 1885 г. 1113 г., сп. 1496 г.

Х. Игн. См. — Хождение Игнатия Смольнянина 1389—1405 гг. — Правосл. палестин. сб., т. 4, вып. 3. СПб., 1887. Сп. XVI—XVII в.

Х. Котова — *М. П[етровск]ий.* Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII века. — Изв. ОРЯС, 1907, т. 12, кн. I. Сп. XVII в.

Хоз. Мор. I—II — Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Хозяйство боярина Б. И. Морозова, ч. 1—2. М.—Л., 1933—1936. 1624—1674 гг.

Х. Рад. — Похождение в землю святую князя Радивила Сиротки 1582—1584. — Изв. РГО, т. 15. СПб., 1879. Пер. с польск. изд. 1617 г. между 1617 и 1628 гг. Сп. 1695 г.

Хрон. Г. Амарт. — *В. М. Истрин.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. 1. Тексты. Пг., 1920. XI в., сп. XIII—XV вв.

Хрон. И. Малалы — *В. М. Истрин.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, кн. 6—9. — Сб. ОРЯС, 1911, т. 89, № 3.

Хроногр. 1512 — Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 г. — ПСРЛ, т. 22, ч. I. СПб., 1911.

Х. Тр. Короб. — Хождение Трифона Коробейникова. 1593—1594 гг. — Правосл. палестин. сб., т. 9, вып. 3. СПб., 1889.

Чел. Савв. — Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. Изд. Д. Я. Кожанчикова. СПб., 1862. XVII в.

Ч. Николы — Три чуда русской записи XV века. Житие и чудеса св. Николая Мирликийского и похвала ему. СПб., 1881 (ПДПИ, № 34). XI в., сп. XVI в.

Чуд Н. — Торжественник при Златоструе, XII в. — ГПБ, п, 46.

Чт БГ к. XI сп. XIV — Чтение о Борисе и Глебе, написанное Нестером в конце XI в. по сп. «Сильвестровского сборника» XIV в. Изд.: И. И. Срезневский. Сказание о святых Борисе и Глебе. СПб., 1860.

Шк. благочиние. Школьное благочиние. — В. В. Буш. Памятники старинного русского воспитания, Пг., 1918, к. XVII в.

Шпанб. — Репорт капитана М. П. Шпанберга. . . о его плаваниях в 1738—1739 г. — Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. М., 1948.

Эйлер П. П. — *Л. Эйлер.* Письма о разных физических и философических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе с фр. яз. на рос. пер. Степаном Румовским, ч. 1—3. СПб., 1768—1774.

Якутск. а — Акты Якутской воеводской избы 1639—1646 гг. — Хран. в ЛОИИ, ф. 160, оп. I.

УКАЗАТЕЛЬ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Наталья Борисовна Бахилина

ИСТОРИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР
Редактор издательства **Т. М. Скрипова**
Художественный редактор **Т. П. Поленова**
Художник **Э. П. Стулина**. Технический редактор **И. Н. Жмуркина**

Сдано в набор 20/II 1975 г. Подписано к печати 8/VII 1975 г. Формат 84×108 1/32.
Бумага № 2. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 16.8. Тираж 4300 экз.
Тип. зак. 133. *Цена 1 р. 01 к.*

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21

1-я типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

1 р. 01 к.